ВЫПУСК ТРЕТИЙ

АСТАФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

АСТАФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Современный мир и крестьянская Россия

Мемориальный центр
истории политических репрессий
«Пермь-36»

АСТАФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск третий

(19–21 мая 2005 г.)

СОВРЕМЕННЫЙ МИР И КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССИЯ

Пермь 2005

УДК 821.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)6-8
А91

**Мемориальный центр
истории политических репрессий
«Пермь-36»
выражает благодарность
Администрации Пермской области
за помощь в издании этой книги.**

В книгу вошли материалы Третьих Астафьевских чтений, которые состоялись в Перми в мае 2005 г. и были посвящены теме «Современный мир и крестьянская Россия». В рамках чтений, работа которых проходила по четырем секциям – «Поэтика В. П. Астафьева и современный литературный процесс», «Крестьянская Россия в круге чтения», «"Русская система" и традиции крестьянской России», «Крестьянство России XX в. в музейных и архивных собраниях», – было подготовлено более 70 докладов, авторы которых представляют различные города России: Москву, Санкт-Петербург, Пермь, Красноярск, Екатеринбург, Челябинск и др.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей – литературоведов, историков, политологов, библиотекарей, преподавателей и студентов, а также всех тех, кто интересуется жизнью и творчеством В. П. Астафьева, крупнейшего русского писателя XX в., кому небезразличны исторические судьбы России.

ISBN 5-88187-278-9

© Составление. Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36», 2005
© Оригинал-макет. Издательство «Курсив», 2005

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Дольше помнить хорошее»: Астафьевские чтения в Перми

Почти пять лет прошло с тех золотых сентябрьских дней 2000 г., когда Виктор Петрович Астафьев принимал на родной земле участников своих последних Литературных встреч в русской провинции. Уже почти пять. Еще только пять. Добровольно полоненная светом астафьевской прозы, никак не готовая вместить ее гнева и горечи, я была одной из тех счастливцев-счастливиц, кто приехал тогда к Виктору Петровичу впервые. И больше никто мне не был интересен в те короткие благостные дни. Интересны были его немногие, абсолютно не тронутые ржой тщеславия слова, сам тон их и суть, да то, как был он велик в незаметности своей среди массы народа. Он не восседал во главе собраний, не произносил пронзительных речей. Он показывал свой сад-огород в Овсянке будто не этой абстрактной массе людей, а каждому единственному искреннему другу. Свет и мир шли от этого человека, но не те, что рождаются порой свойственностью и примиренчеством, а те, что и выстраданы уже, и знают в единственности и одинокости своей, что им еще предстоит. Это было так редкостно подлинно, что никаких иных словес вокруг человека и писателя Астафьева для меня больше не существовало. А огненный гнев и смертная порой горечь его прозы стали понятны мне, как попущенные нам через него, потому что так надо было миру и свету.

Тьма упала на и так недостаточно светлый Пермский край ноябрьской ночью 2001 г. Я только удивлялась потом, как могут люди после той ночи бормотать что-то про случайности и совпадения. Ведь именно такой же ноябрьской ночью пятьдесят шесть лет назад шел впервые по чужому ему городу Чусовому вслед за юной супругой своею солдат Астафьев, а теперь в этом городе, никак «не отпускающем» писателя Астафьева всю долгую-долгую, но и мгновенную, только что отпустившую его земную жизнь, собрались многие давние друзья его на совершенно земной же, вряд ли интересный, но, видимо, необходимый небу праздник. Как плакали их любящие души, что не могут они физически успеть доехать и проститься с

Виктором Петровичем! Сказать об этом мог только Валентин Курбатов. Он и сказал: «Шел третий час ночи». А по вечному тогда уж времени «Веселого солдата», «...когда с вокзала пошли, на часах привокзальных, черной ковригой висящих над перроном, стрелки показывали два часа ночи с чем-то».

И после ночи той и того дня – опять «уже и только» – полгода почти миновало. И словно бы сами собою собрались в Перми Первые гражданские чтения памяти Виктора Петровича Астафьева. Участвовали в них только пермские люди. Тяжело было в зале, растерянно и печально, будто бы земное прощание произошло лишь вчера. Те слова, что шли от сердца, были сбивчивы и коротки, что от ума лукавого – пытливы, но и мелковаты: почему чтения гражданские, ведь Виктор Петрович прежде всего был писателем, и почему организатором выступил Мемориальный центр политических репрессий «Пермь-36», когда известно, что Астафьев репрессированным не был. Не схоластическая ли это привязка к первому рассказу писателя «Гражданский человек» да к тому, что за последние пятнадцать лет пермские писатели падали в свою темно-холодную землю, словно от репрессий, один за другим? Да кто бы знал при этом, как плакало о каждом из них и обо всех них вместе большое астафьевское сердце!

Это оно, так недавно отстучавшее свои земные сроки, помогало, ограждая печальное дыхание Первых чтений от какого-либо официоза и конъюнктуры. При том, что жанр «мероприятия» был выдержан (прошло пленарное заседание и прозвучали сорок три доклада в пяти секциях), оно совершенно отличалось от всего, что происходило в пермской культуре в последние годы, когда «традиция» и «прогресс» разбежались по разным углам, еще вернее, «традиция» была отпихнута в пятый угол, а «прогресс», казалось ему, широко торжествовал, беспомощно не замечая, что давно уж он никакой не прогресс, а надутый людским эгоизмом, вторичностью и самодельщиной фантом. Если историю все-таки делают личности, по крайней мере такой взгляд на нее более конкретен и оперативен, то Первые Астафьевские чтения в Перми были замечательны еще и тем, что очистили от наносного многие провинциально-стереотипные портреты. Три числящихся по либеральному ведомству пассионария – вице-губернатор Татьяна Марголина, руководители Центра «Пермь-36» Виктор

Шмыров и Татьяна Курсина – стали делать работу, которая ни по должности, ни для улучшения имиджа или повышения статуса была им просто не нужна – и того, и другого, и третьего у каждого из них было предостаточно.

А работа – опять же с учетом времени и места – от мая 2001-го до мая 2002 г. была проделана немалая: создан Литературный музей В. П. Астафьева в Чусовом, подготовлены материалы для учреждения Всероссийской литературной премии «Зрячий посох», установлен памятный знак на доме, где жила в Перми семья Астафьевых, и многое другое. И словно бы под небесным уже покровительством Виктора Петровича стали выходить книжки пермских писателей, и альманах у них свой после 15-летнего перерыва наконец появился.

И легким его, небесным дыханием, которого не мог не почувствовать только очень уж заскорузлый недоброжелатель, были осенены Вторые Астафьевские чтения в чудесном мае 2003 г. Хоть веселые языки говорили, что случилось это из-за удачно выбранной темы – «О роли интеллигенции в переломные моменты российской истории» (ведь когда же российская интеллигенция не любила потолковать о себе?), – именно «о себе» разговора на Вторых чтениях и не получилось. И произошло это во многом благодаря тому, что изначально Астафьевские чтения не были замкнуты на литературных и писательских проблемах. Музееведы, архивисты, библиотекари все же ближе к научным, нежели к эмоциональным оценкам. Звучали и осмысливались прежде всего факты и документы. Конъюнктурной их оценки практически не было. Вторые чтения не только значительно расширили свою географию (помимо городов Пермской области – Красноярск, Дивногорск, Вологда, Иркутск, Псков и т. д.) и спектр участия в них научной и творческой интеллигенции (кроме музееведов, архивистов, библиотекарей, писателей – политологи, музыканты, художники, кинематографисты), но и наметили преобразование давно устаревшей в творческом отношении вертикали «столица–провинция». Москвичи Лев Аннинский, Евгений Колобов, Агнесса Гремицкая, Анатолий Заболоцкий и все другие участвовали не как гости, но как со-трудники, со-работники. И в целом по тональности Вторые чтения напоминали Литературные встречи в русской провинции, на которых доводилось порой встречаться людям, что, проживая в одном доме десят-

ки лет, не замечали друг друга, а здесь вот встретились – так и пришлось.

Однако, полноте, соответствует ли вся эта идиллия Виктору Астафьеву, который никогда в земной своей жизни не был ни легким человеком, ни тем более легким писателем? Что ответить на это? Пожалуй, единственное, что всему свое время, и место, и честь, причем чаще всего не по земному чину. В истории Астафьевских чтений это показал следующий, 2004 г. Он был, как известно, юбилейным. Третьи чтения в Перми были практически подготовлены. И в чем угодно можно обвинять этот город, в том числе и в чрезмерном либерализме, только по большому счету не в провинциальной (точнее, так ортодоксально именуемой) кичливости. Третьи чтения были отложены, чтоб пермская делегация могла широко участвовать в праздновании 80-летия В. П. Астафьева, а потом и в Международной конференции в Красноярске. И всё бы ладно: отметили, отпраздновали, поучаствовали. Да только таким уж сформировался характер Астафьевских чтений в Перми, что этот «галочный» чиновничий вариант никого не устроил. 29–30 ноября в Перми и Чусовом состоялись Дни памяти Виктора Петровича Астафьева. Их некоторая камерность по развернутости программы вовсе не означала поверхностности. Напротив, Дни памяти продолжили лишь намеченное Вторыми Астафьевскими чтениями движение в глубину. На расширенном оргкомитете, где были уже представители Москвы, Санкт-Петербурга, Красноярска, Вологды, Иркутска, Дивногорска и других городов, было решено сделать Астафьевские чтения межрегиональными по месту проведения (Пермь – Красноярск – Вологда) и всероссийскими по сути. И вот когда сказался бунтарский астафьевский норов: тема Третьих чтений была заявлена не иначе как «Современный мир и крестьянская Россия», и предложил ее не кто иной, как лауреат Букеровской премии Олег Павлов, никем и никогда, как известно, к «почвенникам» не причисляемый.

Нехорошее слово «разрушение» давно уж просится в текст, а произносить его никак не хочется, несмотря на то, что оно, как известно, является ключом не только к последним годам российской истории, но и к последним человеческим временам, а, может, именно оттого и не хочется. А хочется верить, что не из рабской боязливости, а оттого, что в контек-

сте Астафьевских чтений (разрушение стереотипов, вертикалей и пр.) оно будет звучать на потребу все более лукавому времени, в котором разрушители ведь вовсе не говорят, что они разрушают, они всё «перестраивают», «реформируют», «цивилизуют». И эти лживые наносность и размытость, а точнее – подмена – так проникли в хорошие русские слова (товарищ, например, или гражданин) и сделали опасливыми и неуверенными в себе наши русские умы и души, что уж, кажется, порой ничего не остается нам, как все чаще обращаться к первоисточнику: по делам их узнаете их.

А дело Третьи Астафьевские чтения затеяли нешуточное: сказать правду не только о материальном состоянии современной крестьянской России (пустые поля, спивающиеся люди...), но и о духовном беспамятстве представителей «национального архетипа». Это беспамятство выявилось сразу же: как, снижать Астафьева до «деревенской» прозы? Потом аргументы, разнополюсные по форме, выстроились в одну плоскость по сути – принижение уже не писателя Астафьева, а России в целом: зачем говорить о том, что давно похоронено; все о Победе, а вы о каком-то крестьянстве; это вопрос, которым давно никто не занимается; это вообще провокационная постановка вопроса. Какая радость была почувствовать всю мелочность и бледность этих аргументов, не достигавших великой и горькой, земной еще и уже небесной темы Третьих Астафьевских чтений.

Они открылись торжественно-мемориально в большом зале администрации Пермской области. При этом традиционно не было никакого официоза. О Викторе Петровиче Астафьеве в русской истории и литературе говорили только те, кому не дежурно есть что сказать: Валентин Курбатов, Лев Аннинский, Андрей Золотов, Агнесса Гремицкая... Профессор Манчестерского университета Теодор Шанин говорил не об Астафьеве, но для Виктора Петровича об очень дорогом – устройстве крестьянского миропорядка в дореволюционной России, которого нам, погоняемо бегущим за «просвещенным прогрессом», теперь уж вряд ли достичь. Можно было не только чувствовать, но и видеть, как радостно-благодарно встрепенулись-стронулись навстречу словам англичанина сидящие в зале две с чем-то сотни русских душ. Круглый стол «Русская литература и крестьянский вопрос» круглым не получился, по-

тому что получиться не мог. Таково уж это страстное, жизненно-яростное, то ввысь взлетающее, то проваливающееся в политагитки дело – русская литература. Да и тема сама по себе такова. Как ни старался ведущий Михаил Кураев оставаться в этой ответственной роли, а увлекался, его жестко-жизненный реализм был другим, чем реализм Капитолины Кокшеневой, Василия Дворцова, Олега Павлова, тоже у каждого свой.

Сам жанр чтений, аналитически пока не изученный, по мнению писателя Александра Яковлева, хорош, может быть, именно этой своей неизученностью и незастывшими рамками. В четырех секциях Третьих Астафьевских чтений традиционно звучали как строго научные доклады и литературные эссе, так и безыскусные рассказы об истории конкретных крестьянских семей. И в каком еще общем деле могли встретиться директор Государственного архива РФ Сергей Мироненко и учителя и библиотекари из мало кому известных провинциальных городков! Обширный и глубокий блок «астафьеведения» (как непривычно звучал этот термин для многих участников чтений в отношении вовсе не академического для них В. П. Астафьева) был представлен красноярской делегацией. А всего в чтениях участвовало более 70 представителей десяти российских регионов. И много было, кроме классических «пленарки» и «секций», другого: литературная гостиная, презентации книг, посещение музеев. Не было только шума, и это, как ни странно, радовало. Кому не известно, что шум теперь в массе своей делается именно из ничего. Третьи Астафьевские чтения «Современный мир и крестьянская Россия» не пошумели – поработали. Итог – изданные материалы и совместное решение объединенного оргкомитета представителей Пермской, Вологодской областей и Красноярского края о формировании всероссийского проекта «Астафьевские чтения».

Что делать нам дальше? Работать, любить, надеяться да верить, что никакими днями и ночами жизнь пока не заканчивается, хоть может закончиться в любое мгновенье. Она не заканчивается, если работать и помнить. Ведь сказал мне Виктор Петрович при расставании в том сентябре, когда я зачем-то и что-то неловко пробормотала про наш не очень светлый край: «Я теперь стараюсь быстрее забывать худое. Дольше помнить хорошее».

Татьяна Соколова

Виктор Астафьев –
современный мир – крестьянская Россия

Л. А. Аннинский

Астафьевский эпистолярий

Изжил ли себя эпистолярный жанр?

Иногда кажется, что письмо как жанр чисто литературный существует столько же, сколько письмо как способ общения. То, что апостолы обращались к слушателям с посланиями, возносит этот жанр в какие-то запредельно библейские выси. Меж тем апостолы получили его уже обкатанным из рук Эпикура и греческих риторов, из рук римлян Цицерона и Сенеки, причем жанр уже оторвался от практической переписки и обернулся «хорошо сделанной вещью», шедевром – у Горация, оформившего свое «Искусство поэтики» как письма к каким-то Пизонам, у Овидия, автора «Искусства любви», писавшего свои откровения в виде писем с берегов Понта...

Из рук же апостолов жанр был подхвачен византийскими отцами церкви, а из их рук – рыцарями Реформации, в наследии которых «Письма светлых людей» и «Письма темных людей» воспринимаются как необходимые стороны одной реальности. На переломе к Новому Времени жанр обретает второе дыхание. Образцы его оставляют Паскаль, Свифт, Вольтер. В 1773 г. в Англии тихо умирает отставной дипломат лорд Честерфилд, которого никто сроду не числил писателем: в его бумагах обнаруживают около сотни писем, большею частью к сыну; их издают отдельной книгой; книга имеет оглушительный литературный успех.

Жанр эстетизируется – в романах Ричардсона и Смоллетта, в исповедях Руссо и Гете, наконец, в русских чувствительных текстах, из которых наиболее известны «Письма русского путешественника», автор коих уже вынашивает «Бедную Лизу»... Но и до него в русскую литературу уже врезан эпистолярный диалог Грозного и Курбского, где обжигающий темперамент реального спора дает неожиданный литературный эффект. Надо ли удивляться, что этот жанр, уже изрядно культивированный, становится столь продуктивным в декабристскую и постдекабристскую эпоху – у Лунина, Пушина и, конечно, у Чаадаева. Самое скандальное произведение Гоголя реализовано как «Выбранные места из переписки с друзьями», ответное на «Письмо» Белинского становится образцом

жанра. И наконец, Розанов объявляет «чемодан старых писем» более увлекательным чтением, нежели любой роман; философы Гершензон и Иванов оттачивают свои идеи, переписываясь «Из двух углов», а Шкловский изживает свое недолгое эмигрантство, изливаясь в «Письмах не о любви»... В наше время ярчайшее произведение Владимира Солоухина, обозначившее поворот интеллигентского сознания от ценностей либеральных к ценностям православно-почвенным, называется «Письма из Русского музея»...

И Виктора Астафьева не миновала чаша сия.

Глоток первый. «Между тик и промежду так»

Забудем для начала об именах.

Выпускник московских Высших литературных курсов, только что издавший книжку, посылает ее одному из преподавателей. Преподаватель – литературный критик. И даже скорее критик, чем преподаватель; студент у него хоть «на курсе» и не учился, но «читал и слышал». Получив бандероль, критик забывает ее на письменном столе и уезжает на каникулы в деревню. Там спохватывается, что не поблагодарил. Он достает такую же книжку в местной библиотеке (хорошо еще, нашлась!), смотрит издательскую аннотацию, приходит от нее в негодование и возвращает книгу в библиотеку.

Студент – впрочем, не столько студент, сколько журналист-литератор – сидит у себя в Чусовом и тактично молчит.

Переписка замирает, как ниточка, готовая оборваться.

Меж тем критик, вернувшись в Москву и наткнувшись на присланную книгу, перечитывает лестную в свой адрес надпись, соображает, что книга лежит с прошлого учебного года и что автор уже несколько месяцев ждет ответа. Критик читает книгу и отвечает автору. Начав с извинения за задержку и объяснив ее рассеянностью и перегрузкой, он наваливается на издателей, которые для аннотации «вышелушили» из книги нужную им «идею», тогда как в книге всё «как в жизни», затем побивает их Даниэлем Дефо и его мастерской аннотацией к «Молль Флэндерс» и наконец желает автору новых успехов.

Человеческая нотка: «Очень мне почему-то захотелось в Ваш Чусовой».

Ниточка вздрагивает.

Писатель, получив ответ от критика, немедленно добавляет в комедию положений свои детали: «Наше эпистолярное

знакомство началось с довольно-таки чудных странностей. Книжку Вам отправляла моя жена. Сам я спешно уехал на север Урала и забрался к черту на кулички... Когда я вернулся чуть живой... посмотрел на квитанции почтовые и ахнул. На одной квитанции стояло вместо Макаров Марков... а так как я всех наших Марковых не очень люблю, мне было вдвойне не по себе».

Тут уже необходим комментарий. Не перечисляя «всех Марковых», которых «не очень любит» автор этого послания, отмечу, что один из них в ту пору возглавляет Союз писателей СССР и воспринимается всеми как официальный представитель власти в литературе. Нужно иметь весьма дерзкий нрав, чтобы вот эдак, с первого же письма, фактически незнакомому человеку отлить такую пулю.

Адресат, естественно, тему «всех Марковых» не подхватывает. Он тактичен, осторожен, опытен... Собственно, пора назвать его: это Александр Николаевич Макаров, один из самых влиятельных литературных критиков 1950–1960-х гг.

Ну а что «всех наших Марковых» сходу понес не кто иной, как фронтовик Виктор Астафьев, только что перебравшийся из Чусового в Пермь и все столичное начальство склонный рассматривать в прорези прицела, – это, я думаю, и так ясно.

В эпистолярном наследии Астафьева переписка с Макаровым занимает место видное, достойное и, пожалуй, уникальное. И потому, что перед нами два незаурядных человека, владеющие пером и имеющие в жизненных и литературных вопросах твердые позиции, а еще потому, что это переписка писателя и критика. Более же всего потому, что это две встречные исповеди людей, пытающихся в сложнейшей ситуации и под тяжким давлением обстоятельств сохранить чистую совесть и поступать «по правде», когда требуются компромиссы.

Они не то что жалуются друг другу, но ищут друг у друга поддержки, когда каждый сам втянут в свои неразрешимости и вынужден осторожничать: Макаров – зажимая свою поэтичную натуру в тиски профессионального критика, Астафьев – яростно клеймя и проклиная тех, кто его собственную безудержную натуру (и его прозу – редактируя, цензуруя и оценивая) зажимает в тиски.

Это яркий и красноречивый рассказ о жизни, написанный двумя отменными стилистами, ироничными, патетичными, ли-

ричными, столь контрастно шутящими над собой и над дурью времени и столь едиными в надежде помочь друг другу. Притом – это диалог писателя и критика, со всеми особенностями ролей.

Роли эти завещаны когда-то Белинским и доведены Чернышевским до юридической ясности. Драма взаимных обязанностей таит в себе немало психологических распутий и даже ловушек. В условиях всеобщего тягла достается обоим, и писателю, и критику; оба, чувствуя на себе идеологическое ярмо, пытаются его облегчить, ожидая друг от друга помощи и вряд ли ее получая. А все-таки продолжают тянуться друг к другу, деликатно обходя предписанные роли, но и чувствуя, что роли эти не обойдешь: они предписаны традицией и реальностью – если иметь в виду, что и в последние десятилетия Советской власти литературное дело все еще было продолжением дела общепролетарского, общенародного, общегосударственного и т. д., по известной дефиниции.

Как этим двум литераторам оставаться людьми в наэлектризованном воздухе насквозь идеологизированной эпохи? Разгадка – в их характерах.

Эти два человека предстают перед нами в сотнях писем, которыми они обменивались пять лет заочного, потом очного, потом дружеского общения.

Литературоведы могут использовать этот эпистолярий как опору под «Зрячий посох». Я же прокомментирую другое: «поединок» двух профессионалов, заветами Белинского и регламентом Чернышевского разведенных на стороны литературной мизансцены.

Эпоха вопиет в душе каждого. Литература торчит в судьбе как продолжение дела. «Наше всё» разменивается на идеологическом базаре. Писатель и критик силятся понять, кто в этом виноват и что делать. Кому на Руси жить хорошо, они и так знают: хорошо дуракам, подлецам и начальникам.

Интересно, что как литературный критик, призванный анализировать текст, освещать путь и указывать ориентиры, Макаров пишет Астафьеву только раз – на четвертом году переписки, в восемнадцатом, что ли, письме: он разбирает рассказ «Синие сумерки» и... тотчас спохватывается: «Извините меня ради бога – это не поучение!» Боится задеть Астафьева своей критикой. Астафьев, почувствовав это, в свою оче-

редь боится задеть Макарова своей реакцией на критику. Вдруг отношения охладеют... Сердце сжимается, когда читаешь, как они оберегают друг друга, как Астафьев в свойственном ему стиле шутливого залихватства предлагает сговориться на том, что «Вы обо мне ничего не писали, я ничего не читал», и как Макаров его успокаивает: критика критикой, а дружба дружбой.

Получается, что ни писателю Астафьеву, ни критику Макарову ужасно не хочется играть роли, для писателя и критика наперед расписанные, когда один судит и учит, а другой сидит и учится. Собственно, единственный совет, который Макаров дает Астафьеву, лежит на поверхности: пишите роман. Иногда проскальзывают тонкие построчные замечания: «Стр. 24, строка 3... При перепечатывании сами заметите, что голос стукнет по пустоте». Как сказано-то! Но для этого не надо быть критиком, достаточно быть талантливым человеком.

Нет, это не переписка писателя с критиком. Но тогда о чем речь? О чем эти десятки писем? В чем исповедуются друг другу два талантливых человека? Чего ждут друг от друга?

Отвечаю: они хотят понять, кой черт заставляет их кривить душой в печати. Астафьев, знающий, что со времен письма Белинского к Гоголю критик должен писателю что-то «объяснять», невольно ждет от Макарова ответа на вопрос, что происходит, и почему. Макаров, знающий про Гоголя и Белинского то же самое, отвечает: хорошо тебе, художнику, ты развернулся и пошел живописать росинку на цветочке, а критику нельзя. Или так: хорошо Вам, Виктор Петрович, у Вас в героях дядя Левонтий и фэзэошники, а я не дядю Левонтия анализировать должен, а всяких высоколобых прозаиков и их тонкие организмы... Макаров, тертый калач, отлично знает, какие официальные обороты предписаны критику, чтобы его пропустили к читателям; у него, Макарова, в душе – внутренний редактор, а лучше признать: внутренний цензор, да такой, что иной раз и вздох вырвется у честного человека: «Липовый я критик...» А дело-то все равно делать надо.

По адресу одной весьма талантливой писательницы Макаров говорит: «Такой искренней конъюнктуршицы еще не бывало, сам К. М. Симонов перед ней младенец».

Что же, в упрек Симонову это сказано? В упрек Галине Николаевой? Нет! Сказано даже и не без легкой зависти: так

отлично чувствуют они конъюнктуру, так филигранно работают без лишних жертв, так хорошо знают, какие знаки ортодоксальности спасут текст. И Макаров знает.

Я этому учился – у него. Чтобы прошла искренняя, независимая, вольная нота, редактору и цензору надо «выдать должное», чтобы и они могли это должное перетолкнуть наверх. Спасительные фигуры известны. То глазки отведешь на коммунистический «призрак», то плечико полуобнажишь: в случае чего, мол, подставлю.

Значит ли это, что тут ложь во спасение?

Вовсе нет! Я действительно изначально верю в коммунизм, я в случае чего действительно готов подставить плечо, если стране будет туго. То есть, я не кривлю душой. Но я вовсе не хочу на каждом шагу перед каждым охломоном выставлять свои убеждения, мне их выставлять – унизительно, и я, конечно, обошелся бы без ритуальных поклонов, если бы не редакторский прессинг, знакомый каждому, кто печатался при Советской власти. Единственное, что я могу себе позволить, – это сделать вид, будто я валяю ваньку. Умный поймет, дурак отстанет, и слава богу, если мне за это припаяют только «кокетство».

Астафьев отлично знает, где, когда и почему писатели валяют ваньку. Но критикам он этого не прощает. Или молчи, или режь всю правду!

Макаров, который вынужден играть по тем же правилам, куда трезвее.

Астафьев у него спрашивает (впрочем, скорее риторически): «Неужели при нашей жизни так и не снимут с нас намордник?»

Макаров тоже спрашивает (отнюдь не риторически): «А Вы думаете, у меня хоть одна статья появилась в том виде, в каком я ее написал?.. В том-то и проклятье самой профессии, что пишешь хорошо только тогда, когда пишешь как на духу, а там уж в листа иль не в листа это от времени, от обстановки зависит и, как ни тривиальна эта истина, от международной обстановки. Насколько помню, всю жизнь так. И пока два мира существуют, аминь. Ну а что касается, что Беликовы всегда находятся с их «как бы чего не вышло», так ведь это явление, так сказать, национального характера, и во мне Беликов этот сидит... До чего же умны были наши Чехов да Лесков,

многое они в нас такого подметили, что читаешь – и со смеху помираешь, и плакать хочется».

Ну, Чехов и Лесков – понятно, а Макаров еще и Поликарпова вспоминает! Того самого партийного начальника, отвечавшего перед Сталиным за литературу, которому Сталин сказал: «У меня нет для вас других писателей!» Макаров о Поликарпове говорит, что любил его. За что? «А отчитывал он по-особому – получалось как-то так – мол, всё ты, дорогой товарищ, сам знаешь и понимаешь, так какого же лешего...» То есть: Поликарпов все понимает и вовсе не давит литературу, а скорее воздерживает ее от гибельных крайностей.

Крайностей две: левая и правая. Или поддразнивать власть, вызывать у начальства тик, а в случае начальственного гнева тикать. Или вместе с начальством трахать кулаком: так, мол, и только так!

Макаров: «До чертиков недоело качание нашего литературного маятника, только и думаешь о том, как бы проскочить между тик и промежду так».

Астафьев: «Все выверяю, выверяю, как бы чего не забыть, где бы не соврать, не слукавить, и это ведь при том же «тик-так», которое стучит каждому из нас».

Макаров, крутящийся в столице, отлично знает, что такое «тик» и что такое «так». Отвечает – и тем, и этим. Одним – про тонкости литературного дела, другим – про Первый съезд писателей, картину которого они скособочили в сторону «любезных им писателей» (а Макаров на съезде был лично: со снопом в руках приветствовал мастеров слова).

Астафьев на Первом съезде, естественно, лично не был. Был на последнем. Реакция: «Чем я больше вдумываюсь в то, что произошло на этом сборище лицемерия, лжи и предательства, тем гнуснее на душе... Как вспомню, так и трясет меня... Как подло все, и какая беспросветность впереди».

Макаров исходит из общего строя вещей. Он говорит: «Начальство начальством, а литература литературой». Добавлю для полноты: а конъюнктура конъюнктурой.

Астафьев и от конъюнктуры, и от начальства в праведной ярости: сокрушить бы всё!

Что – всё?

Цензоров, редакторов...

Тут появляется еще одна мишень. Какой-нибудь провин-

циальный эпик, расхрабрившийся на «главный жанр», выдает сразу не менее 800 страниц на тему: был ничем – стал всем. Одна эта характеристика чего стоит! Так и понятно: в графоманском море астафьевская непримиримая правда просто физически потонет.

Астафьев к «главному жанру» всю жизнь подбирается, да так и не успевает осуществить, а тут – эпосы разливанные...

В отличие от Астафьева, Макаров эти 800-страничные эпосы по профессиональной обязанности читает и, жалуясь на свою судьбу критика-рецензента, возится-таки с ними, ищет им место на литературной карте.

Хочется связать кое-какие концы: а если цензора, вдохновляемые партией в лице тов. Поликарпова, не только беспардонных критиков режима укорачивают, но и беспросветных дураков, из-за которых любой режим рискует стать посмешищем?

В отличие от Астафьева, Макаров исходит не из противостояния правых и неправых, а из ощущения общего строя бытия. Он этот общий строй называет «серьезной жизнью». Один сторонний наблюдатель с недоумением описывает его мироощущение так: «Он (Макаров) пытается умиротворить нас фразами о тщетности поисков конкретного виновника социального бедствия... Он даже считает, что заниматься этим – пустое дело... Если бы крутые повороты валились нам на голову с неба, а не являлись результатом деятельности людей, то тогда заниматься этим действительно пустое дело...»

Сам Астафьев из деликатности таких вещей Макарову не пишет, но это суждение (принадлежащее Н. Н. Якубовскому) передает. И надо признать, что суждение это не противоречит мироощущению Макарова. Точно так же, как противоположная позиция точно соответствует мироощущению Астафьева, который проклинает то тех, то этих виновников «социального бедствия»: то столичных начальников, то маршалов военного времени, а еще грузин, а еще евреев, охотнее же всего – коммунистов...

Опять-таки в письмах к Макарову, убежденному партийцу, Астафьев в этом последнем вопросе сдержан, и только после смерти друга, горюя о его уходе, пишет (его родным), что понимает, насколько развело бы их его отношение к коммунистам: вряд ли Макаров стерпел бы, что «на собратьев его по любимой партии я навалился со всею ненавистью, скопив-

шейся во мне и в народе». И дальше – об этой ненависти: «Думаю, как тошно было бы сейчас Александру Николаевичу, с его умом и пронзительным пониманием времени и чувством чужого горя, чужой боли, да еще с непременным разочарованием в коммунистических идеях, выродившихся в бесовство и какую-то черную дыру, в которую сползло, улетело, опрокинулось вместе с телегой все то немногое доброе и разумное, что затевалось настоящими коммунистами, выстрадавшими мечту о лучшей, справедливой жизни, от которой осталось то, что мы сейчас имеем – черепки от партийных унитазов, бутылочные осколки и всё еще грозно громыхающие булыжники пролетариата. Царство ему небесное. Вовремя, быть может, прибрал его Господь, только вот муки-то за что он принял? За слепую веру не в то и не в того, в кого следовало верить?»

Не в то верил? Не тех ненавидел? Перепутал бесов с праведниками, мечтавшими о лучшей, справедливой жизни?!

Сподвижники А. Н. по партии (старого закала партийцы, то есть философски подкованные) называли такое черно-белое видение манихейским. Макаров, в отличие от манихейцев, был по складу души неоплатоник. Он понимал: зло есть недостаточное добро; то, что мы имеем, происходит не от бесовских козней, а именно от ангельской веры в то, что человека можно перековать для справедливой жизни. А черепки от унитазов – следствие не того, что нам подсунули дерьмо со стороны, а того, что мы своему же дерьму ужаснулись. Это же природа вещей! «Серьезная жизнь»!

Достаточно вдуматься в тот же «Печальный детектив», чтоб убедиться: сам Астафьев мучается от такой правды. Как человек. Но все-таки ищет, на ком еще сохранились красные большевистские штаны, чтобы огреть народной дубиной.

Макаров: «Очень, очень интересно, что Астафьев как мастер эпистолярного жанра расходится с Астафьевым-прозаиком – в письмах пишет: ах, почему хорошие люди мрут, а подлецы живут, а в повестях пишет, что ни один де подлец безнаказанным не остается. Где же мы с Вами лицемерим, дорогой мой Виктор Петрович?! Ну ладно, не буду дразниться...»

Дразнятся, подкалывают друг друга... и не могут друг без друга. Что же связывает их – глубинно – на этой раскалывающейся от горестей земле?

Любовь к литературе? Да. Любовь к литературе для обо-

их – знак подлинности (а любовь «к себе в литературе» – знак фальши). Но и литература – не самоцель. Это путь к любви бесконечно важнейшей. Надо полюбить жизнь, саму жизнь – сквозь ее грязь, черепки, дурь и подлость.

Иногда оба мечтают о чем-то «деревенском». Макаров с тоской глядит на серые стены домов, заслоняющие небо в его городской квартире, да и небо в городе – серое, слезливое. А Астафьев в каждом письме описывает свои лесные прогулки: докладывает, сколько сбил рябчиков и подсек хариусов.

Эта деревенская ностальгия тем любопытнее, что ни тот, ни другой вполне деревенскими людьми себя назвать не могут. Макаров говорит о себе: «Я полудеревенский парень», и вырос он скорее в полумещанской-полупролетарской среде, из которой путь пролег – в селькоры, рабкоры и дальше – на сцену писательского съезда со снопом в руке и пером наготове... Астафьев же, у которого Игарка вроде бы обрубила всё лучшее, что было в детстве, неожиданно вспоминает, что в проклятущем детдоме писали они книгу «Мы из Игарки» и еженедельно выпускали стенгазету со стихами, и сам он первый «стишок» сочинил – во славу Игарки, и «если б не война...»

Если б не война... Этот рефрен счастливчикам из последующего поколения покажется чуть ли не анекдотическим... так на то они и счастливчики, чтобы цены миру не знать. Те – знают. А уж о том, коммунисты ли виноваты в войне, все судьбы переломавшей, или они, коммунисты, страну к победе проволакивали жуткой ценой, – рассуждать хорошо из «прекрасного далека», а не из глубины того ужаса, в который ввергла людей эпоха, пообещавшая им всемирное счастье.

Были ли они счастливы?

Вместе – да, отвечу я, – когда обменивались исповедями: Макаров, откровенно счастливый, спрятавший все беды своей биографии глубоко внутрь, и Астафьев, откровенно клянущий несчастья своей биографии, но внутренне переполненный избытком счастливой жизненной энергии.

Так и смертный час встретили. Макаров, истерзанный хирургами, посмеивался: «Сам я револьвера не имею, вешаться ужасно некрасиво, яд дают в аптеке по рецепту, прыгнуть в воду не хватает силы». Астафьев же (переживший друга на треть века) и ствол имел (охотничий), и Енисей в десяти шагах (на берегу которого родился и вырос, а потом вернулся), а, умирая,

оставил записку, что без прощанья покидает этот чужой, злой и порочный мир, потому что изначально любил его бесконечно.

Часы жизни отсчитывают последнее тик-так – твердь земная и твердь небесная смыкаются за двумя русскими людьми, которые успели самое сокровенное сказать друг другу... а теперь нам.

В другом эпистолярном эпизоде Астафьев берет чашу, поднесенную ему чуть не в качестве цикуты.

Глоток второй. «Антисемит» и «антиантисемит»

Спустя два года после того скандала приперли-таки Астафьева к стенке: заставили высказаться. «Мировая общественность» потребовала автокомментариев. Астафьев поначалу перевел разговор на других: стал рассказывать о реакции на Переписку знакомых евреев. (О незнакомых тоже сказал: о потоке анонимных писем, но – вскользь и брезгливо.) А подробнее – об одном «друге из Перми»... (Я знаю, какие эмоции и доводы летят обычно в человека, подозреваемого в антисемитизме, если он осмеливается сказать, что у него есть «друзья среди евреев»; я эти эмоции и доводы сейчас оставляю в стороне. Мне интересна сама реакция этого еврея из Перми на Переписку. Потому что это и моя реакция: один к одному). Так вот: пермский еврей славную Переписку... игнорировал совершенно. То есть: ни возмущения, ни радости, ничего – ноль. Ноль принципиальный! Как человек относился к Астафьеву, так и продолжал относиться. И Астафьев это оценил.

Потому что по ходу Переписки с обеих сторон (но сначала, конечно, у зачинщика, у Эйдельмана) проступило в душах такое, что мгновенно следовало пресечь. Табу! Я и тогда, в 1986 г., едва письма зашелестели в самиздате, интуитивно почувствовал: дурное дело! Поэтому – ни звука об этом! Отдернуть руки! Но «мировая общественность» продолжала эти манифесты мусолить. «Мировая общественность» по-прежнему ждала комментариев. Как же: один писатель обвинил другого в антисемитизме, и тот – согласился! Отнеситесь же все как-нибудь к этому саморазоблачению! Вы – на чьей стороне? Дайте оценку!

Хорошо, дам. Итак, мне из рук в руки передают частную переписку двух хорошо известных мне писателей.

Читать чужие письма?!

– Читай, читай, это не «чужие письма»! Это – для всех: «открытые письма».

Но тогда почему сначала были посланы в частном порядке? «Открытые» принято *сразу* отдавать в печать. А тут – послали, дождались ответа... А чтобы обнародовать, – разрешения спросили? Ведь написано-то с первых строк – как частное письмо. В смысле: извините, что вторгаюсь...

«Уважаемый Виктор Петрович!

Прочитав все или почти все Ваши труды, хотел бы высказаться, но прежде – представлюсь.

Эйдельман Натан Яковлевич, историк, литератор (член 1 СП), 1930 года рождения, еврей, москвич; отец в 1910 году исключен из гимназии за пощечину учителю-черносотенцу...»

Мне достаточно. Эйдельман ведь – не просто великий историк, он еще и изысканный писатель, он отлично знает подспудную силу слов, художественный эффект их неожиданного воздействия. Можно выплести какие угодно логические узоры и за них спрятаться (сделать вид, что спрятался), но что в первой же фразе после «знакомства» Астафьев получает пощечину, – впечатление это тем более непреложно, что оно – подсознательное, ибо, «логически говоря», пощечину получил в 1910 г. какой-то неведомый «учитель».

«Представлюсь...»

Зачем? Астафьев, без сомнения, и так знает, кто такой Эйдельман, и Эйдельман знает, что тот это знает. «Представлюсь» – это значит: в принципе с Вами знакомств не веду и впредь вести не намерен, а являюсь к Вам, уважаемый, с единственною целью...

С какою же?

А это и становится ясно, как только на пятой строке журчание автобиографии взрывается прилетевшим совсем из другой сферы мокрым звуком «пощечины». Выходит, с этою целью и явился: дать Вам, уважаемый, по физиономии. Это и есть суть письма. Все остальное – усиливающие эффекты. Включая и то, что, отдавая Переписку в самиздат (явно без разрешения соавтора), Эйдельман возвращает Астафьеву копию его ответа. То есть как бы «швыряет в лицо». Включая, наконец, и такую «мелочь», как реестр астафьевских оскорблений грузинам, монголам и «прочим шведам», кои (оскорбления) рассыпаны в астафьевских текстах и собраны Эйдельманом наскоро. (Почему наскоро? Потому что забыл, например,

Корепанова из «Царь-рыбы», за которого и «угры волжские» обиделись на него смертельно.)

Это «мелочи» в астафьевском творчестве?

В принципе – далеко не «мелочи», конечно. Опаснейший перекос сознания, имевший для Астафьева как для писателя крутые последствия. Опять-таки, не надо быть сверхпроницательным, чтобы понять, как все эти дикости сочетаются у Астафьева с очевидным добродушием. Как он ухитрился обидеть всех: и грузин, и монголов, и угров, и «французиков», и «еврейчат» – при такой немереной широте души?

Да от широты же. От дикой неаккуратности. От нежелания на миллиметр вперед рассчитать реакцию других на свои слова. От уверенности (между прочим, чисто русской), что все, конечно же, думают и чувствуют так же, как ты. И потому можно говорить все, что бог на душу положит. Не заботясь о последствиях. Скажет – а потом и пожалеет; а иной раз и объяснится: не хотел, мол, обидеть.

И не хотел. «Само» получается. От размаха. От неистребимой русской беспечности.

Понимал ли это Эйдельман? Наверняка понимал. Должен был понимать. Но нужнее был в письме фон для «пощечины». Оттяжка, благостный отвод внимания – для неожиданности удара. Грузины... монголы... Батый... Карамзин... Вы ждете «еврейчат», а их нет. Вы их ждете, потому что в начале письма было ясно объявлено: «я – еврей». Просто так это незнакомым людям не объявляют. Человеку, может быть, вовсе и не важно, еврей ты или не еврей. Ему это, может, без разницы. А ему это тычут. Зачем? Это письмо – *кем* написано: интернационалистом, гуманистом, человеком, или – *евреем*? Вроде бы, по всей внешней логике – интернационалистом, гуманистом, человеком. При чем же тут *еврей*?

А чтобы ждали еврейской обиды.

Ждем. А ее «нет». Грузины, монголы... Лишь под самый занавес – про «еврейчат» из «Печального детектива». Как бы и вскользь. Я, мол, не за себя, я – за общую справедливость.

Зачем же тогда с пощечины начинал?

На что Астафьеву в этом письме отвечать? На внешнее «благолепие» или на скрытые под этим «благолепием» вызов, подначку, оскорбительную, дразнящую дерзость?

Импульсивный человек – сел да простодушно, в десять

минут, и накатал ответ. Писал, как есть, не соразмеряя последствий. (Впрочем, и за «десять минут» сумел вспомнить и со ссылкой процитировать из эйдельмановской книги – про «жиденят»... Досье, что ли, вел?)

Но примем и у Астафьева простодушную интонацию как закон, им самим над собою признанный.

«Натан Яковлевич!..»

Стало быть, без «уважаемого». Для частной переписки – странно. Для «открытой» – естественно. Объявленное неуважение, да еще при наличии к письму эпиграфа – прием вполне литературный: явно «для печати».

Значит, вызов принят: боремся по правилам, предложенным противником? И прежде всего – интонацию подхватываем. Эдакая благостная невинность. В глубине-то там – готовность убить, чуть ли не физически промеж глаз врезать, а на поверхности – благолепие! Смысл же такой: и мы вас кормили, и мы вас поили, и столько добра вам сделали, а вы всё равно нам враги. Но мы всё равно добрые: Вы и представить себе не можете, сколько радости доставило мне Ваше письмо... Это в каком же смысле? А в таком, что раньше не ясно было, кто враг, а теперь ясно.

Ну, так с врагами – как с врагами. Вы нас убиваете, мы – вас. Вы нашего царя убили – вы: евреи и латыши, которых возглавлял отпетый махровый сионист Юровский...

Кстати, точнее было бы: мадьяры и латыши. А возглавлял действительно Юровский, но был он не сионист, а коммунист, а на то, что он еврей, и ему, и всем прочим коммунистам было в высшей степени наплевать, – это только теперь стало важно. Обычная история: злодействовал как коммунист, а отвечать должен – как еврей.

Так вот: Эйдельман-то почему перед Астафьевым за Юровского отвечать должен? Что, Эйдельман участвовал в казни царя? Или хоть как-то оправдывал это дело? Почему он за Крывелева отвечать должен, что тот взял русский псевдоним? А может быть, он, Эйдельман, как-то не так составлял энциклопедии, и теперь следует его от этого дела отстранить: редакции, театры, кино тоже «приберем к рукам», и – о, ужас! о, кошмар! – пушкиноведы и лермонтоведы у нас будут тоже русские, и – жутко подумать! – собрания сочинений отечественных классиков будем составлять сами, и энциклопедии

всякого рода, сами прокомментируем «Дневники» Достоевского...

Вообще, довольно странные эмоции. Что, Гомера должны комментировать только греки? Библию – только евреи? А что, если израильтянам когда-нибудь взбредет в голову издать и прокомментировать Астафьева, – им что, нельзя?

Но речь идет вроде бы не «вообще», а «в частности». Но тогда почему Эйдельман должен отвечать за каких-то редакторов, за кино, за театр, за издания классиков?

Да потому, что не *он* тут объект ненависти, а *они*. В письме еще удерживается Виктор Петрович, а в разговоре, два года спустя, дает себе волю: *они* же ведь думают, что это *они*, так сказать, пупы мира.

Еще мгновенье, и – «все они». Эта нация.

...Привычка этой нации соваться в любую дырку, затычкой везде быть...

Хотелось тогда спросить Виктора Петровича: и пермский Ваш друг, комбат саперный, – тоже? И московский друг, бывший солдат, – тоже? И тот еврей, Герой Советского Союза, что проклял Эйдельмана за его письмо, – он что, тоже затычка?

Виктор Петрович, «они» – все?!

Я мысленно задавал идиотские, провокационные вопросы – отлично зная, что Астафьев никакой не антисемит, никогда им не был и не стал им от эйдельмановского письма. Но логикой этого письма он, увы, заразился. Тон Эйдельмана – принял. Точку отсчета взял – его. То есть, если называть вещи своими именами, перед нами классический пример провокации, которая – удалась.

Наверное, Эйдельман не отдавал себе полного отчета в том, что делает. То есть, он не понимал, что затевает провокацию. Он действовал импульсивно и, так сказать, по эмоциональному шаблону. И по тому же шаблону получил сдачи. Его противник как бы подтвердил его худшие предположения, «попался», «раскрылся». И Эйдельман – на том же публицистическом нерве – поставил в переписке точку: Виктор Петрович, желая оскорбить – удручили...

Значит, и тут уже без «уважаемого». И со словом «оскорбление» в первой строке (начал с «пощечины», кончил «оскорблением» – сюжет!). А слабенькое, лукавое, блудливое слово «удручили» – всё от той же игры: разве с Вами можно всерьез?!

С Вами – только «подтрунивая». Потому что Вы – шовинист, невежда, животное...

И – обрывая Переписку, – «возвращает» астафьевское письмо. То есть, копию.

Вообще-то, возвращать надо оригинал, если уж обижать наверняка. Или оригинал нужен как оправдательный документ, когда Переписка, пущенная в самиздат, пойдет по рукам? Поэтому «в лицо» брошена – копия. Это несколько смазывает эффект, но не отменяет разрыва: прощайте, говорить, к сожалению, не о чем.

Так не о чем?

Нет, к сожалению, есть о чем.

Возможны два отношения к реальному или предполагаемому антисемитизму. (На место евреев в этой схеме можете поставить кого угодно: цыган, армян, негров, чеченцев и даже, о Господи, русских.) Так вот: если кто-нибудь кого-нибудь «не любит», – реагировать на эту «нелюбовь» можно двояко. Можно – «не заметить». А можно – не только заметить, но еще и расковырять: «вывести на чистую воду», «заклеймить», «пригвоздить».

Я предпочитаю первый путь.

Не говорите антисемиту, что он антисемит, – чаще всего он этого сам про себя не знает. Он это узнает, когда вы это ему скажете. А если он знает? Не повторяйте ему это, не укрепляйте, не утверждайте его в этом. Не усугубляйте ситуации. Никто никого не обязан любить: ни евреев, ни немцев, ни американцев, ни русских. Это – личное дело каждого. Не подводите «базу». Не подсказывайте формулу. Не провоцируйте.

Ну да! – скажут мне пуганые евреи. – А погром?

В погром – сопротивляться. Прятать обреченных. Спасать. Восставать, наконец, – как в Варшавском гетто. Однако погром – не образ жизни. И не только еврейская проблема. Она и начиналась – не вполне как еврейская, и уж точно – не как еврейско-русская. А начали бить – «торгаши» «торгашей» (по «пятому пункту» – греки – евреев). Братья-славяне, склонные к соборности, конечно, присоединились. Но подлость человеческая вообще охотно присоединяется к безнаказанному грабежу. Не придавайте подлости излишнего глубокомыслия. Не подвернутся «евреи» на пути дураков и подлецов – не будет и еврейского погрома.

Иосифа-то Когана (у Багрицкого) украинский мужик ненавидит разве как еврея? Нет, как экспроприатора. Коган, однако, тоже должен соображать: что будет, если погода сменится: насильничал – как комиссар, а отвечать придется – как еврею.

Кто соображает, – тоже знает, когда и почему надо ждать погрома. Двести лет евреи в России ждут погрома. Последние двадцать лет вроде бы и государственного антисемитизма нет – всё равно ждут. Людей расказачивали, размужичивали; ссылали горцев, корейцев, немцев. Перебили армян в Сумгаите, стерли Грозный с лица земли. Евреи в моде, вся слепая ненависть переключилась на «кавказцев»; цыган сжигают семьями; немцам Поволжья грозят «вторым Сталинградом»... А евреи Малаховки и московского Юго-Запада всё ждут погрома.

Отсюда – сверляшая жажда: отыскать и наперед уличить антисемита. «Упреждающий удар». Человек, может, и ведать не ведал, что он антисемит. Ему сказали. Он их в упор не различал. Стал различать.

Астафьев-то, конечно, не стал. Но в сердцах *сказал*, будто стал. Другие, глядя на него, – стали.

Так что, резюмируя их достославную Переписку, скажу, что повинны – оба. Хотя и в разной степени.

Натана Эйдельмана я знал лично, я к нему (помимо того, что бесконечно ценил как историка и писателя) питал большую человеческую симпатию (смею думать, не безответную). С Виктором Астафьевым лично был едва знаком (как прозаика и совестливого человека – ценил бесконечно). Кроме того, об усопших – или хорошо, или никак. А все-таки, переступая через все это, скажу: Эйдельман в том совместном грехе виноват больше. И «первый начал». И «шибко умничал». И, простите, если уж шибко умный, то должен бы ведать, что творит.

Астафьев же дождался другого собеседника, с которым и вступил в переписку – совсем другого рода.

Глоток третий. Два русских мальчика: вечный спор

Гениальный лукавец Розанов сказал, что дороже всех литературных достижений – чемодан старых писем. И еще он сказал: старая Россия погибла, потому что господа писатели состязались в том, кто лучше напишет.

Новая Россия (советская), пришедшая на смену старой, в свою очередь погибла, может быть, и оттого, что товарищи писатели состязались, кто напишет правильнее.

Души от такой громкой гибели откатываются в тихую переписку. В наше время их подстерегает новый, техногенный, соблазн: телефон. Но когда сидишь под звонницами Пскова, а собеседник твой – в звенящей птицами сибирской деревне, не больно-то насытишься телефонными звонками.

Счастье нашей словесности, что пришлось псковичу и красноярцу прибегнуть к старинному жанру епистолы.

С первого же письма, посланного в августе 1974 г. только что отметившему полувековой юбилей Виктору Астафьеву (этот привет от земляка – начало сюжета), Валентин Курбатов уверенно входит в ауру старинного жанра. Собирая листик к листику приходящие от Астафьева ответы, он чувствует, что на фоне современного «расчетливого» изготовления текстов переписка обладает качеством неподдельности: даже если ты заранее «будешь до слова знать, что близкий человек тебе напишет – все-таки письмо будет теплее твоего знания и утешительнее». Я бы добавил: и подлиннее. Готовя (в конце сюжета) астафьевские письма для музея, Курбатов переживает так, словно сдает в музей весь эпистолярный жанр и все века, его породившие, а сам, ежась перед «мертвыми буквами», вступает в царство электронной почты (все-таки вступает!), мысленно прощаясь с той правдой, которая остается в рукописном послании.

Его переписка с Астафьевым (две с половиной сотни писем, да еще все ли отобраны?) в высшей степени подтверждает неподдельность жанра. Даже в описках, даже в умолчаниях, даже в уклонениях от прямизны формулировок – письмо как поступок высвечивает человека до донышка. Любого человека, каков бы ни был уровень его изощренности и, как теперь говорят, продвинутости. Изощренных-то еще и получше высвечивает.

А тут – писатель и критик, и каждый – во всеоружии мастерства, в осознанности общественного веса, но и в подлинности своего душевного состояния, в невозможности уклониться от очной ставки – глаза в глаза. Это только кажется, будто собеседники тут в разном весе: один входит в переписку уже в ранге всенародно признанного писателя, а другой в ту пору – не признанный еще критик, ищущий своего шанса. Он, конечно, критик, то есть для большинства литераторов – работник вспомогательной службы, но надо же чувствовать, какой пробы тут талант, какой огранки знания и какого масш-

таба характер. Курбатов ведь не лукавит, когда говорит, что пуще смерти боится «литературоведческих ужасов»; он не кривит душой, когда признается (повторяя знаменитую самохарактеристику Пастернака на Первом съезде писателей): «Я не боец». В эпоху застоя следовало быть бойцом идеологического фронта – не хотел; в эпоху перестройки и демократического раздрая надо быть бойцом в жанре «стенка на стенку» – опять не хочет. А хочет стоять посередине и готов получать с той и другой стороны обвинения, а то и тычки. Драма та же: не умещается душа ни в «критику», ни в «борьбу». Сверхзадача у души другая.

Сформулировать?

Распад души и распад страны: что из чего? И как остановить?

«Речь идет об утрате корней, об отсутствии исторической памяти у нас, пацанами унесенных из родного гнезда и теперь хоть и живущих по деревням, но дороги назад уже не знающих, – тоскуем по родине, как в эмиграции... Мученическая тоска по цельности... по длительности рода – от дедов к внукам, когда окружает... отчий лес, отчая река и родные предания. Вы еще в себе это сберегли, а уж мы – нет...»

Тут схвачена общая беда, определена общая тема, которая и составляет нерв переписки Курбатова и Астафьева. Выводы они из этой ситуации делают разные, иногда противоположные, но картина мира тут – одна. Горький астафьевский опыт входит в курбатовское мироощущение – не потому, что он об Астафьеве написал как критик, а потому, что Астафьев помог самоопределиться в этой драме миллионам читателей, и среди них – тому малолетку девятой чусовской средней школы, который в 1947 г. «смотрел из темноты зала» на пришедшего к ученикам журналиста, будущего «живого писателя». Он потому и написал о нем впоследствии как критик, что именно с его, Астафьева, помощью осознал свою судьбу – вечное российское скитанье, тоску по земле, которая вот тут, под ногами, но все время уходит из-под ног.

И не знаешь, чего в сердце больше: радости или тоски, когда возвращаешься в родной поселок, а там грязь непролазная, воздух черен, пьянство изнурительное, в автобусах все двери переломаны, народ остервенел... Ах, как хорошо это выглядело издали...

Астафьев – поколением раньше – пропахал то же поле, да не так возвышенно, а – каменея от боли. Он не просто на полтора десятка лет старше Курбатова – он на Отечественную войну старше. В одном из астафьевских писем – в жар бросающее место: «У меня была до войны редкостная память... все давалось «просто так»... за что и в ФЗО и на войне меня любили и даже с плацдарма вытащили, но там, на плацдарме, осталась половина меня – моей памяти, один глаз, половина веры, половина бездумности и весь полностью остался мальчик, который долго во мне удобно жил – веселый, глазастый и неунывающий...» Дальше – послефронтовое скитанье. Пермь – Вологда – Красноярск...

В конце концов они сказали друг другу, что оба прожили жизнь «на краю Отечества». Это и сроднило.

Хотя по-разному выкроил им душу этот «край». Курбатов осознал себя – у Камня, но – с южной, теплой стороны, там, где омывает Камень река Чусовая. Астафьев осознал – в вечной мерзлоте, там, где Енисей каменеет перед Ледовитым океаном. Курбатов вырос при отце с матерью. Астафьев – из семьи спецпереселенцев – семью потерял, вырос в детдомовской окаянности: не просто в безотцовщине, а еще и проклиная отца и деда, «непутевых гулевых мужиков, которые и сами горазды были путать свою жизнь, а лучшая в мире власть и самая любимая в мире партия и вовсе их запутали...»

Власть и партия – особая статья и особая ненависть у Астафьева – в письмах-то он своих прародителей за их революционные дела уже прощает. Но сейчас речь о характере, который вырабатывается в этом перебросе из вечного холода на огневой плацдарм, из барака в казарму и в окоп, – речь о том, из какой обугленности надо было вычиститься – к любви, из какой, как любил говорить Астафьев, сажи.

Вот и утешает старший младшего: «Отчего ты вбил себе в голову, что «все испортил»? Чего и портить-то? Давно уж все испорчено, еще до твоего рождения». Можно спроецировать эту характеристику на Россию. Именно так: «все испорчено». То ли «при нас», то ли при дедах гулевых. То ли при пращурах, строивших Россию присно и во веки веков...

Астафьевские письма – сплошной хрип усталости. Усталость от работы: «Свету не вижу, из-за стола не вылажу». Усталость от борьбы с редакторами: «Много нервов взяла эта «ре-

дактура», а еще и «цензура стоит за углом, занеся дубину». Усталость от быта: «Истопил печи и еду сварил». Усталость от славы, от напора поклонников: «Навалилось какое-то вороньe из газет, из полудрузей». На этом фоне – снайперскими выстрелами – непредсказуемые убойные характеристики братьев-литераторов. И горечь, горечь. «Закаменевшие слезы».

Курбатов на каждое астафьевское письмо отвечает двумя-тремя и словно камешки драгоценные вытачивает, при всей разговорной «простоте» стиля. Разговорность на письме – это ведь не «запись, как сказалось», это сугубо писательский дар, и он тут у обоих. Однако и контраст тональностей рельефен – при общей согласной теме «беседы».

И вот интересно: по ходу переписки Астафьев все чаще исповедуется на «вселенские» темы, как бы подхватывая курбатовские мотивы; Курбатов же, вытачивая свои камешки, всё чаще оборачивает их острыми углами. Души сближаются в переписке. И всё зорче всматриваются друг в друга.

Я процитирую из курбатовского письма проницательнейшее место: «Ожесточение сердца... в «Затесях» и в «Зрячем посохе» доходит до степени неживой, словно Вы сами себя заводите. Раньше Вас лечила природа, родовая память, наследованная баушкина кровь с ее здоровой соразмерностью и покоем поля, дерева, неба, родная земля лечила, потому что была вдали и далью очищена. А теперь, когда она рядом, в ней дурное на глаза первым лезет, и душа осердилась. Тут чистое зрение может быть возвращено только великой культурой, которая всегда милосердна, потому что видела человека в разных ситуациях и научила прощать его».

А ведь это ключ! Пока вдали – лечит, а когда рядом...

Эта формула поможет нам не только в волнах экологии, где царит Рыба, но и на перепутьях отечественной истории, где съедается печалью любой Детектив, а таковых много охвачено за 27 лет переписки.

В том хаосе, которым представляется Астафьеву «испорченная» русская жизнь, нужны ему... нет, не виноватые (он знает, что виноваты мы сами, и это главная его боль), а нужны ему какие-то константы, ориентиры, точки опоры, неуходящие ориентиры зла. Кто губит Россию? «Власти», которые «шикуют и пируют». Коммунисты и большевики, которых Астафьев считает «главными преступниками всечеловеческой, а не

только нашей истории». «Большевистские выкормыши», красной линией (можно сказать, буквально красной) проходящие через астафьевские письма. Во фронтовом варианте мишенью оказывается «военная и комиссарская камарилья», включая высокое начальство вплоть до маршала Жукова, которого Астафьев начал гвоздить, кажется, еще до того, как им занялся зарубежный правдоискатель Резун.

А что же Курбатов? Он отдает должное астафьевскому бесстрашию в обличении всяческой власти, но сам эти темы не развивает, в существо большевистской истории не вдается, предоставляя своему собеседнику демонстрировать весь спектр чувств от обобщенного пренебрежения («комиссары и дураки») до победоносной насмешки (о собственном тесте: «старый большевик, а потому бесстыдник»).

И, наверное, Курбатов прав. Ибо новейшая история подбрасывает загадки, которые старыми способами не разгадать. Например, речь новейшего же военачальника, который под шквал аплодисментов призывает армию в случае чего «броситься на народ». Речь «фашистская», – интуитивно определяет старый детдомовец и интуитивно же прогнозирует: «Нам гореть в фашистском кострище». Как-то соотнести новоявленных штурмовиков с большевистскими комиссарами, которые, как известно, не только горели на таком кострище, но и сумели его погасить (с участием солдата Астафьева), – писатель Астафьев в эти тонкости не углубляется и сплачивает тех и этих в общую колонну под титлом «фашисты-коммунисты», каковая колонна и марширует в его сознании, а лучше сказать, подпирает шатающийся русский мир, вечно готовый съехать со всех опор. Опоры нужны! Константы! В данном случае в дело идут константы ненависти.

Но почему все-таки мир шатается? Что за опоры вышиблены из-под него?

Тут надо вспомнить ключевую формулу Курбатова, вскрывшего астафьевскую драму. «Природа, родовая память, баушкина кровь...» Пока это далеко – лечит. А когда рядом? А когда рядом, то вот описание праздника по случаю юбилея города Енисейска – Астафьев дает великолепную по экономности зарисовку торжеств «с русским широким запоем, с крестным ходом по подметенному и подкрашенному городу под звон колоколов и хряск бутылочного стекла о камни на Енисее».

Через пять часовых поясов доносится в ответ: «А теперь вот с псковских храмов алюминиевые и медные кровли ночами снимают – всё на продажу, всё в товар...»

А с берегов Енисея: «Цены разные, а дурь едина и неделима...»

Общая боль: «Народ становится все хуже и подлей, особенно наш, полусельский-полугородской, – межедомок ему имя». И даже так: «Народ нам не спасти уже...»

Нет, это не диспут «исследователей», ведущих вековечный русский спор о народе, который «далеко». Это вопль души, словно попавшей в капкан. Одно дело – усмехаться над ряженными, которые «трясут шароварами и подолами в разных ансамблях и хорах». И другое дело – если мы сами виноваты в том, что стало с народом. Тут не отсечешь.

Можно сменить власть, переименовать Совет в Думу, партию в «движение», товарищей в господ. Можно всем пересесть, как в крыловском квартете. Но как «сменить» народ? Это ж геология в пересчете на историю. Это веками ставится! А начнешь народ переделывать (перековывать), так руками того же народа, а чьими еще? Лучше ли он станет, и с какой точки зрения «лучше»? Чуя это, интеллигенция наша боялась слово сказать против народа, льстила ему.

Надо почувствовать себя самим народом, чтобы решиться на ту правду, которую врезает ему Астафьев. И его собеседник понимает цену такой правды. «Вы были тем самым народом, в который надо идти», – говорит Курбатов. И Астафьев не уклоняется – ни от правды, ни от боли: «Совсем народишко наш шпаной и оглоедом становится. Горлохват и вор – главное действующее лицо у нас». И еще: «Ах, до чего же еще дитя незрелое в массе своей наш народ! Хоть плачь, хоть руками разводи». И еще: «Народа уже нет, а есть сообщество полудиких людей, щипачей, лжецов, богоотступников... продавших землю и волю свою...» И еще: «Носом, как котят слепых, тыкать в нагаженное место, в кровь, в гной, в слезы – иначе ничего от нашего брата не добьешься...»

Однако по ролевой разводке Курбатов должен думать не о рефлексах слепых котят, а о правах человека, о демократических процедурах и о правилах цивилизованной полемики. И он призывает Астафьева «искать путей соединения разбежавшихся ветвей русской мысли», – надо же уметь «дослушать,

что скажет противник, и попытаться понять его половину правды».

Но Астафьев не умеет соединять правду из половинок. Всё или ничего! А что такое «всё»? Кто это «всё» охватит? Бог, что ли? Бывший беспризорник, получивший в жизненных университетах высшее атеистическое воспитание, высшее заступничество отвергает: «Да нет его, Бога-то, нет, иначе Он давно покарал бы всю эту свору». Это – к вопросу о «богоотступниках».

У Курбатова, живущего под псковскими звонницами, такой сабельный вариант не проходит: «А вы Бога-то понимаете, простите, как Павка Корчагин, попу махорки насыпавший: как-то уж очень утилитарно, вроде районного начальства, которое вольно нас миловать, а вольно и казнить».

Ах, до чего же точное попадание! Удостоверяю это как специалист по Николаю Островскому. Ведь если встать на позицию Астафьева, то и мы вольны казнить или миловать. С церковью у него просто: она народ сотни лет блудными словами обманывает. В качестве узды для нравственности того же народа – годится.

А собственной душе – без потребности? – уточняет Курбатов. – Или Бог – только «крайняя инстанция»?

Блестящая курбатовская формулировка, примененная к астафьевскому «случаю», не излечивает, конечно, души страдальца, но позволяет не терзать эту душу метафизикой. Ибо ясно же, как отреагирует бывший беспризорник: а, ты подвигов требуешь? И тоже духовных? Может, плюнуть на тебя и поддаться бесу?

Что тут скажешь? Обсуждать это – как воду в ступе толочь, – думает Курбатов. – Тут надобен какой-то другой язык, вроде языка травы и улыбки... А где мне ее взять, если я сам – дитя здравого смысла, воспитанник копеечного разума...

Как тактично Курбатов отступает перед Астафьевым, боясь причинить тому боль. Понимая, что хоть тот «злость и темь военную в себе преодолел за полжизни, пусть не всю и не до конца, а всё же...»

А всё же и Курбатов тоже ищет свой выход из «фальшивого времени», в котором загибается Россия. Еще не называя бога Богом, он изначально чует «направление поиска». Вертикаль нужна! А присяжные литературные критики заменяют вертикаль горизонталью – «кто шире разведет руки при разго-

воре об объеме знания». Как найти противовес «социальному знанию»? Как удержать «разбегающееся сознание»? Еще не отойдя от осторожных эвфемизмов атеистической эпохи, Курбатов жестко и словно бы от противного очерчивает задачу: остановить тот «сбесившийся поток лжи, безродной наглости и поругания родного дома», который «закручивает в омут наше бедное отечество».

Но как, как это сделать практически?

Походив вокруг родного дома и помечтав о грядках, Курбатов, наконец, находит радикальный путь: он поворачивается и уходит. В монастырь. «Прячется от мира». Читает «разные вечности». Долгими часами ночных служб «собирает душу». Письма, которые раньше заканчивались пожеланиями здоровья и сил, теперь венчаются фразой: «Молюсь за вас». Вертикаль, наконец-то, уходит в зенит...

...И там, в зените... нет, не на уровне медных кровель, сдираемых ворами... и даже не на уровне местного иерея, которому, может быть, и впрямь стоило бы сыпануть махорки в тесто... нет, выше, выше, там, где благое молчание должно бы уж охватить души, – что делают высшие иерархи? Анафемствуют, деля приходы!

Куда податься Курбатову с эдакой вертикали? И как объяснить тот факт, что православное воинство ведет себя по-комиссарски? Попы терзают музейных «дурочек», жизнь положивших на спасение церковного добра. Рванулся было на Славянский Собор – высказать все то, что думает, – отсоветовали: «Там тебя декоративные казаки отлупят вместе с патриаршими иподьяконами».

К студентам кинуться? Начнут вякать про Пелевина – Сорокина. Но по ним хоть ахнуть можно в свободном споре – на то и гласность. А в церкви? Там не поспоришь. Чуть что – ты «еретик»: на костер! Шаг вправо, шаг влево – стреляют на поражение. Словарь вроде тот же: благотворительность, милосердие, попечение, а прислушаешься – тот же трезвон, афиши, интервью, славословие. Разбегающееся сознание думал собрать? Там тебе соберут...

Два «русских мальчика» ведут «русский спор», вечный, как сама Россия.

«Замирает сердце от чего-то непонятного и тайного, чего боишься и ждешь...»

Считанные недели остаются Астафьеву, чтобы рассчитаться с этим миром.

«Я пришел в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать Вам на прощанье. Виктор Астафьев».

Кажется, что эти предсмертные строки писаны не чернилами, а цикутой.

Курбатов находит их в красноярском кабинете Астафьева, на письменном столе, поверх других бумаг. И сразу после похорон в декабрьскую ночь 2001 г. начинает писать реквием. «Первые часы... Скоро рассветет, утром надо будет учиться жить без него...»

Переписка кончена. Вместе с жизнью.

Три варианта эпистолярного диалога предложила жизнь Виктору Астафьеву.

Простодушие и чистота первого варианта подкупают. Но эта простота рассекается жизнью на взаимоисключающие версии.

Из них одна несет неистребимую печать ядовитой фальши, потому что затеяна ради провокации, при которой искренность человека используется умышленно; жанр переписки здесь профанирован и унижен до «инструмента», жизнь делается служанкой «литературы».

Вторая версия рождается без всякого умысла и потому позволяет раскрыться душевной и духовной истине – при всем и несходстве опыта корреспондентов. Жанр переписки при этом выявляет свои уникальные качества; интеллектуальный заряд не разрушает эмоциональной подлинности, литература становится вровень с жизнью, слово – вровень с исповедью.

А. Ю. Большакова

«Что жизнь и смерть? А жаль того огня...»
К 80-летию Виктора Астафьева

В начале далеких 1980-х, получив от Виктора Петровича первое письмо – отклик на мою выведенную неопытной рукой статью «Россия, Русь! Храни себя, храни...» о творчестве Астафьева, – я вспомнила пронзительные фетовские строки, адресованные другу молодости:

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.

Есть, есть в подлинной поэзии некий сверхпосыл, пронзающий время в предощущении будущего! Лично мне, в тех 80-х, эти давние строки, с трепетом вписанные в ответ любимому писателю как знак моего ощущения его судьбы, задали – краткой поэтической формулой – ракурс нынешнего зрения. Взгляда на великого художника, классика завершившегося столетия, завершившего и его жизненные строки. Но не о них теперь уже наш – сколь запоздалый, столь и своевременный – вздох. А о первозданном поэтическом огне, высеченном великим, надсадным трудом души из окаменевших глубин надорванного столетия. О том астафьевском огне, что ярким светом в ночи темной-темной озарил наши труды и дни, внеся в них возвышенное видение по-своему суетного, но по-своему и великого бытия. И сейчас, в новом столетии, когда астафьевский живой голос продолжает звучать лишь со страниц его оставленного нам литературного завещания, – нам выпала честь – тот огонь удержать, поддержать. Если сможем... Если хватит таланта, силы души и страстного желания выполнить свой долг перед писателем – во многом не понятым, не услышанным при жизни, несмотря на множество голосов, его клеймивших и его славивших...

Судьба сложилась причудливым узором, закинув Астафьева в первопрестольную в конце 1980-х: его присутствие на I съезде народных депутатов совпало с моими научными «затесями» – я имею в виду защиту в МГУ диссертации о его творчестве. Странно представить, но оказалось, что Виктор Петрович впервые (!) попал на защиту работы о его творчестве, и был весьма взволнован и тронут. Его как почетного гостя и, по сути, виновника торжества усадили в президиум, и проходное, казалось бы, научное действо превратилось в настоящий праздник. Выступавшие говорили о нем и для него, от всей души. Потом поехали ко мне домой (официальные банкеты тогда были запрещены) и, помнится, угощались каким-то гусем, самым парадоксальным образом перекочевавшим потом в название последнего астафьевского рассказа, присланного им мне (в книжном одноименном издании «Пролетный гусь»)

уже из госпиталя, с грустью неизбежного конца. Но тогда о «пролетном гусе» не было и речи – мы смеялись, весело празднуя наш общий успех, слушая бесподобные астафьевские байки, рикошетом отозвавшиеся потом в искрометном «Веселом солдате». В «пролете» не был еще никто – ни мы, ни страна, ни время – или так лишь казалось? – и астафьевское прозренческое ви́дение уже тогда распознавало меты тревожного распада – сквозь пир и смех «бесконечного» праздника жизни? Меты того общенационального «пролета», который обозначился постскриптумом-загогулиной в молниеносных 1990-х. Но который – как некая черта подавленной, попранной народной ментальности – начался еще в сталинские годы.

Что это? В чем истоки нашей извечной – и многими голосами, увы, прославленной! – пассивности, долготерпения, покорности власть предержащим? А попросту – отупляющего, замораживающего всякое живое чувство и движение – страха, оправдания которому, в общем-то, и нет. Нам говорят, разъясняя, что всё сие есть печальное следствие аж монголо-татарского ига, наложившего неистребимый отпечаток рабства на ранимую русскую душу нашу. Но если есть тезис, то есть и антитезис, и именно Астафьев – по обыкновению резко, как поэтико-эпатажное «нате!» – высказал его в последних главах книги своей жизни, «Последнем поклоне», где рассказано о тех людях, что «не столько жили, сколько мучали и мучались», и особенно в безвременье сталинских репрессий. В безвременье, расколовшее российский мир на «чужих» и «своих» (или опять же «чужих»?). Обозначившее пресловутое раскрестьянивание России, плоды которого сказались столь печально сейчас, на рубеже веков.

«Нет на свете ничего подлее русского тупого терпения, разгильдяйства и беспечности, – пишет Астафьев в главе «Вечерние раздумья». – Тогда, в начале тридцатых годов, сморкнись каждый русский крестьянин в сторону ретивых властей – и соплями смыло бы всю эту нечисть вместе с наседающим на народ обезьяноподобным грузином и его приспешниками. Кинь по крошке кирпич – и Кремль наш древний со вшивотой, в нем засевшей, задавило бы, захоронило бы вместе со зверующей бандой по самые звезды. Нет, сидели, ждали, украдкой крестились и негромко, с шипом воняли в валенки. И дождались!» Что это – вольная гипербола, художническое, в запале,

преувеличение? Или искра невоплощенного, незагоревшегося пожара русской души, ушедшего в немоту внеисторической распластанности на истощенной недородами да разорами земле? Вспоминается и мудрое пушкинское изречение о русском бунте, бессмысленном и беспощадном. Нет, думается, и астафьевская мысль в ее публицистической резкости билась не о рифы запоздалой революционности, но о непроходимую стену народной безответности. Об утрату – вместе с измученной, вымирающей русской деревней – жизненных сил нации, для которой искони село было главным источником восстановления жизненных сил. Как говорится, снявши голову – по волосам не плачут. Но вот Астафьев, вопреки всему, плакал – и по голове, и по волосам, и по тем ненаписанным иль истребленным стремительно расползшейся по России антисилой страницам национальной истории, с которых восстали бы во всей исконной славе Гордость, Честь, Достоинство и то особое чувство «я живу *в своей* стране», что дано было от рождения нашим дворянско-крестьянским предкам. Людям, землею (о)владевшим и от земли живущим. Пристальный взгляд в последние рассказы «Последнего поклона» – «Вечерние раздумья», «Забубённая головушка» – открывают нам Астафьева-философа, мучительно размышлявшего над истоками и причинами случившегося, того «страшного на Руси великой», чем столь богат и на что столь щедр был век минувший. Особое внимание уделяет писатель насильственной коллективизации и раскулачиванию, из недр которых и пошел глобальный раскол национального мира, русской души, но, главное, возникло смешение и смещение традиционных нравственных критериев, понятий о добре и зле: «Коллективизация в нашем селе, как и всюду по Руси, *смешала добро и зло*, перепутала меж собой людей». Вопрос о смешении этом, далеко не праздный по нынешним разъятым временам, актуален и для понимания природы астафьевского дарования.

Золотой середины здесь до сих пор нет, мнения резко разделились, и, бог знает, сойдутся ли. О том говорит и острая полемика вокруг астафьевской концепции войны, начавшаяся еще с появлением блистательной пасторали «Пастух и пастушка» о любви, смерти и вечном возрождении и ожесточенно разгоревшаяся в 1990-х, в связи с появлением романа «Прокляты и убиты», повести «Веселый солдат» и пр. Одни увидели

в них новое «сгущение красок», темных и мрачных по преимуществу. Другие – слово правды, какой бы тяжелой она ни была. Между тем, не только и не столько это печалит сейчас: честная полемика, даже ожесточенная – дело нормальное. Печалит то, что после кончины писателя из запыленных сундуков достаются источенные окололитературной молью, изрядно обветшавшие, но всё еще, оказывается, «нужные», знамена борьбы. С кем и с чем? Со светлой памятью о выдающемся художнике? Со спецсозданными (для этой самой борьбы) фантомами межэтнических распрей, зловещим крылом затемнивших жизнь и судьбу нашу в межстолетье? И кто виноват в этом – отдавшие лиру народу своему и неосторожно, в запальчивости, а скорее всего и по некоему чужому и чуждому сценарию, задевшие больную тему, чувства иные? Неужели они? Или нет? Но кто?

Недавно опубликованная всеми уважаемым журналом статья К. Азадовского «Переписка из двух углов империи» вновь обращает нас к локальному эпизоду (явно инспирированному) из биографии Астафьева, чуждой волей ввязавшегося в 1980-х в известный спор с пушкинистом Н. Эйдельманом. Обоих «переписчиков» нет уже, а значит – все дозволено для «вольных» интерпретаторов их интеллектульного наследия? Факт, сколь вопиющий, столь, увы, и типичный для нашей стремительно коммерциализирующейся словесности. Всё на продажу? В статье Азадовского, однако, это «всё» далеко не по-пушкински обеднено, введено к отрицанию – к той теневой стороне окололитературности, что извела многие таланты своей мелкотравчатой убийственностью. Кем выведен Астафьев в этой посмертной статье? В каких грехах обвинен? Всё в том же страхе перед... всяким проявлением национального «я». И это наше «всё»? Или его неумело смоделированная, подтасованная часть? Скорее всего, второе, чем первое. Обвиняя русского классика не только в юдофобии, но и в грузинофобии (вспоминается старая волна вокруг «Ловли пескарей в Грузии»), и даже в... русофобии, автор попросту создает свой «оборотный» портрет писателя, тасуя тенденциозно отобранные и освещенные факты, образы, мысли. Так был ли Астафьев-художник испепелен собственным отчуждением не только от других национальных миров, но и от собственной русскости? Вопрос, нуждающийся в четком ответе. Но также

и не менее четком – без купюр! – прочтении художественного наследия писателя.

Художника до́лжно судить по законам, им над собою признанным! Старинная аксиома, в нашем случае заостряющая внимание на слове «художник». По законам художественного творчества, но не частной – и обнародованной на весь мир! – переписки, предназначенной лишь для глаз противника-адресата. Вспомним: в том же рассказе «Ловля пескарей в Грузии» есть два взаимодействующих, спорящих друг с другом, плана: первый соотносим с эстетическим идеалом, воплощенным в памятнике национальной культуры, знаменитом «Витязе в тигровой шкуре» Шота Руставели.

С его культурно-исторической высоты и судит автор своих неуемных современников, былых гордых горцев, ударившихся в советскую коммерцию, нанимающих в качестве «литрабов» «разных «бездомных» русских горемык, владеющих крепким пером, но загнанных на юг бедами и болезнями» стремительно раскрестьянивающейся, отдающей свои таланты и интеллектуальный потенциал России. «Витязь! Витязь! Где ты, дорогой?» Это и боль за Россию, и боль за братскую республику, себя обоюдно растративших, обескровивших! «Наболевший» (или искусственно заостренный?) русско-еврейский вопрос также не составляет исключения, в тенденциозном освещении автора «Переписки». Говоря об «анти»настроениях Астафьева по этому вопросу, обнаруженных в эпистолярном жанре, автор статьи касается и романа «Прокляты и убиты», обнажая резкие черты его разоблачительного, обличительного дара. И только? Обвинение, осуждение «виновников Великой Трагедии»? Но почему же вовсе не говорится о присутствии на страницах романа любовно выписанных героев, ставших художественным воплощением астафьевской национальной концепции? Воплощением, может, несколько идеальным, желательным, но вполне правдоподобным и составляющим весомую альтернативу тому облику «злого гения», который столь беспечно и незатейливо лепится усилиями новых рекламщиков старой темы? Речь идет об образах Васконяна и Боярчика, полуармянина-полуеврея и полуеврея-полурусского, о которых напрочь не упоминается в двухстраничном разборе романа (?!). Быть может, потому, что эти художественные образы как подлинное воплощение астафь-

евской концепции по национальному вопросу – не раскол, но синтез, слияние! – противоречат азадовской фальсификации облика русского классика, мешают превращению его в «обличителя и ненавистника "еврейского интеллектуального высокомерия"», носителя оголтелого антисемитизма, национальной ограниченности, шовинизма и прочих смертных грехов? И то – как увязать концы, если в изображении Васконяна, к примеру, писатель всячески подчеркивает, что это «грамотей и разумник, доверчивый чудак», о котором трогательно заботятся соратники по казарме. Ведь это «Васконян, читавший Данте в лучших переводах, Верхарна и Бодлера – без перевода, знавший Пушкина, Тютчева, Лермонтова», видящий и чувствующий нередко глубже и тоньше своих сотоварищей. Не желая далее распространяться по этому вопросу, отмечу лишь: даже если эту тенденцию художника воспринимать как реакцию на критику, она нуждается хотя бы в упоминании. Как нуждается в упоминании при полноценном разборе позиции писателя по национальному вопросу и, скажем, лиро-философская миниатюра «Крестьянин», где идеализируется первозданность и вольная удаль русского татарина. В силу всех этих и подобных неясностей и упущений становится сомнительным и тезис автора статьи о «*больной* (? – *А. Б.*) русской душе», якобы стонущей и мечущейся в национальном классике и обращающей его, в интерпретации подобных неумелых критиков, в «отверженного», чуть ли не «проклятого» миром и людьми.

Итак, добро доброе или отрицающее зло, но зло и порождающее? Тяга к идеалу, возвышающим ценностям, с высоты которых взирает автор-творец на судьбы мира сего; либо же – оголтелое неприятие всех и вся, та самая «чернуха», во всесилии которой обвинили Астафьева в 1990-х? Думается, сейчас, когда в руках просвещенного читателя оказались все или почти все астафьевские тексты, составляющие практически полное наследие его, пора всерьез задуматься о диалектике «светлых» и «темных» красок в писательской душе. Закон, по которому до́лжно судить художника, однако, предполагает вглядывание именно в эстетический идеал – в ту богоданную суть творчества, которая и дает свет духовный, своеобычно озаряющий даже самые низкие, мрачные бездны бытия нашего. Чуткий художник, каковым неизменно представал Астафь-

ев для столь же чутко улавливающих его сокровенное слово читателей, порой открывал нам этот свет, доступный ему и гордо несомый им; порой высвечивал им затемненные звериные тропы, по коим крадучись ползла клика новых варваров, что мечом и страхом побуждала двигаться в том же направлении покорных, подвластных, замордованных и забитых потом в лагерях и нестроевых «ямах». «Ныне известно, каким покорным многочисленным стадом брели русские крестьяне в гибельные места на мучение и смерть, – пишет Астафьев в «Последнем поклоне» о так называемых «раскулаченных» и «раскулачивании», а точнее «размужичивании», обернувшемся в 30-х гг. XX в. началом гибели традиционной русской деревни в исконно аграрной (!) стране. – Они позволяли с собой делать всё, что хотела делать с ними куражливая, от крови осатаневшая власть. По дури, по норову она иной раз превосходила свое хотение, устраивала такие дикие расправы над своим народом, что даже фашисты завидовали ей». Столь резкое сопоставление (или преувеличение, нарочитое смещение также?) во многом вызвало неприятие «нового Астафьева» в новое время – взывая к возвращению обнаженной просветленности, неприкрытой и неприкаянной доброты на страницы астафьевских книг. Но, быть может, сражение добра и зла, битва света и мрака в них, принимавшие всё более ожесточенные формы, – и было отсветом непроявленных, ушедших в глубь национального бессознательного, сил русской души, к восполнению которых столь яростно, порой с перехлестами и перегибами, взывал честный художник, исполненный высокого гражданственного утверждения идеи России и в картинах отрицания, мрака и распада... И может, потому воспетый в «Забубённой головушке» «красавец ненаглядный» чудесный гусь и обратился в рассказе 2000-го в «пролетного», что в том, раннем сюжете, он тоже – убиенный, безжалостно подстреленный юным и бездумным охотником: «Не жалость, нет, восторг добытчика сотрясал меня, мое сердце рвало счастьем...». То же самое состояние победителя, подмявшего под себя, забравшего чужую жизнь, со столь пронзительно-покаянной болью было воссоздано в прологе и эпилоге «Веселого солдата» – с высоты авторской памяти, возвращающейся к себе, юному воину, убившему беззащитного человека на крестьянском поле и теперь судящего не кого-то «чужого», «другого»,

но свое неуемное «я», свою национальную личность в исторической ретроспективе. Что это? Русофобия как эгофобия? Или же точно очерченная художником грань русскости, переоткрытая безжалостным временем, «заменившим» доброту и любовь на упоение насилием и стальной волей к победе «вопреки» извечным человеческим слабостям (читай – чувствам, хрупким и нежным).

Чувствовал ли себя в «пролете» сам художник, отдавший себя миру, открывший людям – через надсаду, творческий пот и вечные слезы несовершенства – сокровенное в душе своей и получивший в ответ не только признание, но и гневную отповедь, отчуждение, обратившие его в конце жизненного пути в одинокого печального путника? В поисках ответа на еще один неизбывно мучающий нас вопрос открываю недавно полученную из овсянкинской библиотеки-музея книгу «Затесей» (2003), самое полное издание астафьевских лиро-философских миниатюр, включающее невысказанное, недосказанное при жизни. «Что есть поэзия?» – затесь 19 апреля 2001 г.: «Но если уж молвил вслух сокровенное, держись – испытание словом есть не только самообнажение, но и суд на миру беспощадный, нелицеприятный. <...> Никто не бывает так наивен и доверчив, как поэт... Он верит, что слово его спасет мир от бурь и потрясений и если не заслонит человека от невзгод и бед, свалившихся на него, то хотя бы его утешит. И так было всегда – поэзией двигала вера в доброту и милосердие, поэт и музыкант всех ближе к небу и Богу».

Лиро-эпическое дарование астафьевское несло в себе явные поэтические зерна, его называли поэтом и певцом человечности (А. Макаров). Именно это начало позволяло отделять идеальность его от «плевел» сугубых прозаизмов реальности нашей. Но потому и столь важен сейчас для нас, принявших на себя бремя того самого «суда на миру», о котором писал Астафьев, поэтический диалог, в который – нередко неслышимо и для самого прозаика – вступали с ним стихотворцы, его современники, со-«звучники», гордо неся в своем слове отблеск зажженного им огня, имя которому, очевидно, – ПАМЯТЬ, всё и вся просветляющая, усмиряющая, но и бередящая, не дающая покоя вопрошающей и все еще безответной душе России. Душе, пробуждающей голосом певца нации и пробуждающейся в суровое лихолетье

межвековой разъятости; душе, пристально вглядывающейся в свое полузабытое, но не утраченное прошлое и быстротекущее настоящее.

Н. И. Година

Язык Астафьева

Меня давно мало интересуют сюжеты современных книг, содержание их, то есть истории героев, факты и т. п. Несмотря на все ухищрения, извороты и плутни талантливых рассказчиков, – в основном, книги об одном и том же. Меня интересует язык. Поэтому чаще всего заглядываю в прозу таких писателей, как Платонов, Евдокимов, Писахов, Екшлов и др. Но на первом месте был и остается В. П. Астафьев.

Когда-то Лотман говорил, что язык – материал литературы, то есть слово – кирпич, из которого возводится литературное сооружение. Чем богаче материал, тем богаче постройка. А вот Виктор Петрович считал, что в этом деле главное – не слово (помните: вначале было Слово), а звук, потом уже слово. Это очень важный момент в творчестве Астафьева. Ему нравился ритм, он говорил, что надо проверять произведение на аудитории. Думаю, он не лукавил. Он отлично знал, что у плохого, затертого, пошлого слова и звук такой же.

Почти 12 лет я руководил Южно-Уральской организацией Союза писателей. Около полусотни «инженеров человеческих душ». Так вот, у большинства писателей, пришедших по зову слова от станка и сохи, словарный запас в пределах трех-четырех сотен слов. А по нормам (не знаю каким) человек с высшим образованием должен иметь в своем запасе 12 000 слов, 10-летний же школьник – 3600 слов. Филолог В. Виноградов различал в языке три общественные функции: общение, сообщение и воздействие. А некоторым из наших писателей едва-едва хватает слов, видимо, только на примитивное сообщение.

Ради любопытства я взял сборник стихов нашего довольно образованного поэта. В сборнике 5000 слов. Выбросил часть производных, союзы и прочую мелочь. Осталось 767 слов. С помощью арифметики вычислил, что автор в среднем использует 7 раз одно слово в сборничке в 65 страниц. Потом взял рассказ В. П. Астафьева «Жизнь по-новому» и узнал, что здесь

одно слово используется 1,6 раза. Вот вам и два члена СП!

Как-то вычитал у Р. Солнцева, что Астафьев часто пользовался иностранными словарями, областными словарями народных говоров, интересовался языком милиции и т. п. «Любовь Астафьева к родной речи иногда полемична. И он готов извлечь и архаичное слово, чтобы воспрепятствовать мякинной бесцветности, проникающей в деревню «средне-городской» речи, – писал 20 лет назад В. Я. Курбатов, – ...его народная речь мускулиста и здорова, весела и упруга – не наслушаешься». К слову, о народной речи. «Кому и у кого учиться писать, – вопрошал Лев Толстой, – ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» Помните Федьку Макарова, соавтора Льва Николаевича по повести «Ложкой кормит, стеблем глаз колет», который поправляет Толстого: так похоже – если мужик будет в бабьей шубе. Как бы уличает Льва Николаевича в литературности. Астафьев никогда не был «литературным», даже когда делал литературу. Странно: почему иные писатели пишут «литературным» языком, а в жизни пользуются другим? У Виктора Петровича был и в писательстве, и в жизни один язык. Я приезжаю в сельское литобъединение. Начинающая писательница, передовая доярка говорит на удивительном русском языке, а пишет «грёзы», «томные уста» и пр. Я ей: ты что, утром встаешь и говоришь: «Петя, я всю ночь грезила»?

Язык Астафьева не сочинительский. Натуральный. Как-то один так называемый филолог брезгливо поморщился: «Не люблю Астафьева, от его романа «Прокляты и убиты» фекалиями несет». В одном из своих опусов я когда-то писал: «...вхожу в забой/Не лирическим героем,/А вот так, самим собой». Астафьев почти всегда сам «лирический герой». И это здорово – он пользуется своим «родным» языком, которым щедро наградила его природа. Язык писателя я бы сравнил с геологической брекчией – сцементированными кусками разных минералов. Мне не по силам объяснить, что такое «язык Астафьева». Остановлюсь на нескольких компонентах астафьевской «брекчии».

Фольклор. Писатель пользуется им широко. Слова чудище, змеиный, царь-рыба, оборотень, поединок – явно фольклорного происхождения. Его произведения насыщены пословицами и поговорками – не избитыми, затертыми, а почти не известными, часто, возможно, своими собственными: «Не те-

реби лихо, пока оно тихо» («Царь-рыба»); «Видит кошка молоко, да рыльце коротко»; «Ловко в чаю плавает веревка»; «Чем хуже дела в приходе, тем больше работы звонарю»; «Раз занесло незваных гостей в дверь, вынесет в трубу» («Последний поклон»); «Тайга наша кормилица, хлипких не любит»...

Речевая игра. «Два тайменя, один с вошь, другой помене».

Образность. «Червячками сползали головастые дождинки»; «Из-за кривых груш бодливо выглядывала избушка»; «До стеклянного блеска налитые помидоры».

Сравнения. «Свобода для народа незрелого, нравственно запущенного, с изуродованным сознанием, со смешанными понятиями добра и зла – то же самое, что бритва в руках ребенка»; «Тренькнула по гороховым стручком торчащему его петушку...».

Точность слова. «Ноги издрябли и сморщились от сырости»; «дряблая вода» – класс испугался будущего поступка мальчика.

Есть такое понятие – *художник слова*. Это – об Астафьеве. У него что ни слово – то картинка: «Пилотка скоро превращается в капустный лист» (из интервью Н. Михалкову о войне); «Анна, нашелся пескаришка-то!» (дед о Васютке).

Мне очень нравится такая фраза: «И мотор, будто сунули ему в рот паклю, заработал глуше».

Твардовский заметил однажды в адрес К. Симонова: «...ни одного своего слова». У Астафьева свои слова, о которых мы даже не догадывались: «Гудела печка и малинилась»; «Уконтромлю! – кричит дядя Кузя на балабана». (Что за слово «уконтромлю»? Ни в одном словаре я не нашел. Видимо, от «уконать» или «ухайдакать». Или вот еще слово – «размахайство».)

Читать Астафьева без слез и смеха невозможно. Ирония, самоирония, юмор и грусть (печаль, сентиментальность) у него бок о бок. «Стрелок я плохой, на три метра с подбегом...»

Язык Астафьева живой, естественный. И еще я бы добавил: язык Астафьева – честный язык. В нем нет слов ложных, фальшивых, обманных, имитационных, маскировочных. Автор не виляет по страницам своих произведений. Вычитал в дневниках В. Крупина: «Не дает язык врать». Больше, чем кому-либо, язык не давал врать В. П. Астафьеву.

Язык Астафьева – жесткий, бескомпромиссный. Может быть, порою и злой язык, но не зловредный: «Нажравшись

бормотухи, шофер, вывозивший с берега дрова, вылетел на тротуар и сбил двух школьниц... Пакостливый, как кошка, и трусливый, как заяц, шофер спрятался за прудом, не чуя оводов, облепивших его рожу» («Царь-рыба»).

Говорить о языке Астафьева можно бесконечно. Каждый читатель сам выберет ту грань, которая ему нравится. Хотелось бы предложить нынешним и будущим филологам составить словарь Виктора Петровича Астафьева.

В. В. Дворцов

Постсоветское село Западной Сибири: проблемы возвращения православия

Можно с большой уверенностью утверждать, что именно с приходом русских началось сибирское земледелие. Так как иные народы, коренные или заселившиеся в степи и тайге несколько ранее славян, вели здесь кочевой и полукочевой образ жизни, занимались скотоводством, охотным и рыбным промыслами, торговлей или разбоем и, возводя городки и крепостцы, не знали постоянных «сельских» поселений, то есть село есть главный принцип освоения Россией новых территорий. Тот же ислам, пришедший в Барабу и Кулунду за сотню лет до появления в Сибири русских, или на двести лет позже спустившийся с Тибета буддизм, не внесли в жизненный уклад скотоводов-кочевников никаких принципиальных изменений. И еще: сибирские пашня и огород восстановили и подтвердили многими ныне утерянную изначальную нераздельность, корневую тождественность: крестьянин = христианин.

Русский мир – мир преображений, ибо *русское* – это не «что», а «как», *русское* – это всегда определение качественное, икона ли это или бездорожье, песня или терпение. И крестьяне-христиане истинно преображали Сибирь: через их измозоленные руки изливался на новую землю и на произведенную ею «всяку душу живую» фаворский свет, и одичалая природа, искаженная Адамовым грехопадением, вновь восставала идеально райской – пустыня и лес обращались нивой и садом, и всякое древо приносило добрые плоды. Тайна этого чуда открыта: именно крестьянин-христианин обладает первородным правом на владение землей – это плоды его труда

приносятся мирной жертвой Отцу Небесному. Дух Святый нисходит на хлеб и вино, и они претворяются в Тело и Кровь Христову.

В Западной Сибири численность русского населения сравнялась с числом аборигенов к началу XVIII в., а к концу XIX в. уже в несколько раз превысила его. При этом шло довольно интенсивное смешение народов, что позволило этнографам даже заговорить о возникновении некоего типа «сибирянина», отличного по ряду антропологических признаков от славян европейской части. Так что в Сибири, молодой русской Сибири, только православие позволяло самоопределяться человеку именно как русской личности – наследницы и продолжательницы жизнеопределяющей традиции великого народа, даже в географическом отрыве и, практически, полной информационной изоляции от исторической родины. Окруженному новым, еще необустроенным, еще неустоявшимся, требующим постоянной смекалки и изворотливой подвижности, зачастую агрессивным миром, «сибирянину» его ортодоксальная религиозность несла необходимый в земледелии консерватизм – психологическую устойчивость, позволяющую далеко наперед планировать не только собственную жизнь, но и судьбу своих потомков.

Село, то есть поселение, имеющее собственный храм, для Сибири всегда было явлением достаточно редким. Большинство крестьян жили в широко разнесенных деревнях и мелких поселках, отрубах-хуторах или казачьих заимках. И пусть только в селе общественная и частная жизнь проходила под постоянной опекой священства, однако деревни, поселки, выселки и заимки так же круглый год подтверждали свою принадлежность православию. Это и определяющие сельскохозяйственный календарь двунадесятые праздники с торжественными службами, на которые из самых дальних закутов съезжались все, кроме присматривающих за скотом, и веселые семейные венчания и крестины, и печальные проводы в последний путь. Приходские школы, детские приюты и старческие дома призрения, соседские или семейные споры и обиды – храм равно для всех был неподспудным светильником, от которого исходили общедоступное просвещение, народное милосердие, совестливый суд.

XX в. для Сибири начался столыпинскими переселениями.

До того освоение русским крестьянством «закаменных пустыней» шло частной инициативой, государство же, кроме подневольных солдат, казаков да горнорабочих, в основном сплескивало на территорию «колоний» тех, кто составлял его беспокойство в пределах внутренней доступности – непримиримых старообрядцев, поддержавших пугачевщину казаков, польских бунтовщиков и прочих революционеров или уголовных каторжан. Столыпинскими инициативами империя впервые взялась за расширение ареала своего основного производящего класса – хлеборобов, что свидетельствовало о новых политических перспективах, и можно сказать – с указа от 9 ноября 1906 г. началась реформа, которой Россия принципиально переосмысляла Сибирь, заглядывала в свои возможности с Дальнего Востока. Получая от казны безвозвратные ссуды и освобождения от налогов, целые деревни из перенаселенных европейских районов двинулись по Сибирскому тракту – великому Эранвежу, древней хорде Евразии – встреч солнцу, вольным пожеланием сворачивая направо и налево, заполняя годные для пахоты и покосов незаливные берега великих и малых рек, окатистые предгорья и тростниковые кругозерья: «Селись – где хочешь, живи – где знаешь, паши – где лучше, паси – где любче, коси – где густо, лесуй – где пушно».

В данной работе не будет оценки плюсов-минусов реформ для крестьянских общин Европейской России, но для Сибири они явились несомненным благом: если за 45 лет после отмены крепостного права к 1905 г. в Сибирь переселились 1 млн 820 тыс. человек, то с 1906 по 1914 г. – 3 млн 40 тыс. Как результат: в Акмолинской, Тобольской, Томской и Енисейской губерниях с 1906 по 1917 г. хлебное поле возросло почти вдвое, а пшеничное – в 2,5 раза. Перед Первой мировой войной ежегодный вывоз муки из Сибири в среднем составлял 65 тыс. т, и, дабы не разорить крестьян Центральной России, государство было вынуждено установить таможенные барьеры на Урале! А экспорт лучших в мире сибирских масел и сыров давал стране прибыли вдвое больше, чем добыча золота.

В советском времени нужно выделить два рубежных периода, кардинально менявших этнический, социальный и нравственный облик сибирского села: начало 1930-х – возвращение государства к практике высылки «врагов» новой власти,

только теперь с плохо скрываемой конечной целью их максимального физического уничтожения, без ожидания какой-либо экономической пользы; и начало 1940-х – взрывная индустриализация, стимулированная военной эвакуацией промышленности, вслед за армейской мобилизацией, изъявшей наиболее перспективную трудоспособную часть сельского населения. И в эти же сороковые-роковые, взамен выбывшего русского, белорусского, украинского, мордовского, чувашского – едино православного населения, в Сибирь влились целые колонии поволжских протестантов – немцев, католиков – латышей и эстонцев, униатов – западэнцев.

Патриарх Алексий как-то назвал Сибирь Голгофой России. Только на территорию Томской области в 1930–1931 гг. было сослано 500 тыс. человек. В организованный тогда Нарымский округ на берега малых и больших таежных рек завезли примерно 400 тыс. спецпоселенцев из России, Украины и Белоруссии. Никак не менее половины из них погибли, десятками тысяч заживо погребаемые снегом, досуха высасываемые гнусом или поглощаемые растревоженными топями. «Кулаки, казаки, пособники белобандитов и белопанов», сходя с конвойных барж, вжимались, вдавливались и втискивались на редкие пятачки не заливаемой весенними паводками, перемешанной с песком и торфом глины, где можно было без лопат и топоров хоть как-то вырыть, выскрести землянки и спасти детей. Смертность была массовой. Например, в поселках Гордецк, Палочка, Суйга, Проточка из 7800 высланных туда в 1931 г. в живых через 2 года оставалось около 2 тыс. человек. В поселке Восточка, куда с Горного Алтая были привезены люди, не приспособленные к нарымскому климату, умерли все поголовно. До 1935 г. «естественный» прирост населения среди трудпоселенцев представлял собой отрицательную величину (т. е. смертность превосходила рождаемость). Когда в начале 1937 г. была проведена перепись населения СССР, то, по предложению Сталина, в нее был включен вопрос о вероисповедании, и оказалось, что из 98,4 млн человек, несмотря на государственный курс на безбожие, 41,6 млн продолжали открыто исповедовать православие. По итогам опроса Политбюро приняло решение о прекращении деятельности церкви как общественной организации: только в том же 1937 г. по всей стране было арестова-

но 136 900 православных священнослужителей, из которых расстреляно 85 300.

Позволю себе небольшое отступление. В тюрьму Колпашевского окротдела НКВД, находившуюся в 30–40 м от обского берега, со всего округа (поселок Колпашево был некогда административным центром Нарымского округа) прибывали этапы в 40–50 человек. По приговорам «троек», в период с мая 1937 г. по май 1943 г. здесь было расстреляно порядка 6 тыс. человек. Трупы пересыпались гашеной известью в ямах, вырытых тут же, во дворе. Затем, согласно инструкции, ямы сравнивали с землей. Накануне майских праздников 1979 г. обвалился край берега. Открывшийся срез захоронения имел размеры до четырех метров в ширину и до трех в глубину. Из обрыва торчали человеческие руки, ноги, головы. Трупы в могиле были сложены штабелями, нижние сохранились очень хорошо, так, что, по свидетельству очевидцев, можно было произвести опознание убитых – в затылочной части черепов были пулевые отверстия.

Мумии?.. Мощи?.. Этого уже не узнать. В любом случае Божья ревность хранила в нетленности это свидетельство для нас и на наш выбор: кому во спасение, кому в осуждение.

По согласованию с Андроповым и Сусловым, томским областным начальством решено было срочно смыть захоронение в реку. Два дня Колпашевский берег рыли напором воды из-под винтов теплоходов, а плывущие по Оби трупы «добровольцы» за 50 рублей в день вылавливали баграми и, цепляя к поясу грузы, топили, или же попросту рубили на куски топорами, лопатами, веслами. Некоторые мумии (или мощи?) все же были упущены, и их видели за сотни километров вниз по течению.

Параллельно с вбросом «спецпоселенцев», в уже исторически сложившейся крестьянской Сибири Советской властью в 1930-е гг. проводилась планомерная ликвидация таких типов поселений, как казачьи заимки и отрубы, упразднялись хутора и выселки, являвшиеся низовой основой структуры деревни и позволявшие эффективно использовать лоскутно разбросанные плодородные земли в специфических природных условиях. К началу века на малые поселения в Томской губернии приходилось до трети пахотных земель, но хуторское землепользование, при его натуральном производстве, ориентированном на самообеспечение всем необходимым, способ-

ствовало упрочению «крепкого хозяйственного мужика», что было неприемлемо для победившего пролетариата. Идеологи коммунистического интернационализма достаточно ясно понимали, что Русский мир – это Православный мир, и составляющий его опору христианин-крестьянин никаким образом никогда не встроится в обезбоженное космополитическое «светлое» будущее.

Понимали и действовали.

Если колхозы в какой-то степени имитировали общины крепостного периода, то совхозы стали совершенно новым для России принципом социально-экономических отношений государства и его кормящего сословия.

Отчуждая крестьянина от земли, от результатов непосредственного труда, Советская власть упорно вела дело к «стиранию границ между городом и селом». Такая идеологическая установка, кроме неэффективности землепользования, привела к массовой люмпенизации крестьянства, к его психологическому надлому – к потере сельскими жителями живой, адекватно гибкой связи со сложной сибирской природой, утрате творческого своеволия, распорядительной свободы. Окончанием «раскрестьянствования» можно считать реализованную программу академика Заславской по «укрупнению сельских населенных пунктов». Да, централизованные «сельхозпредприятия» стали удобны для чиновничьего управления, но рабочих совхозов вряд ли кто уже посмел бы назвать крестьянами. Крестьянами-христианами, с первородным правом на владение землей, со страшной ответственностью предлагать плоды своего труда Небесному Отцу, возлагая на жертвенник колосья – «от всех и за вся».

Разве ж можно представить, чтобы когда-либо христианескотники и христианки-доярки беззаботно с 7 ноября запивали б на целую неделю, забыв не то чтобы покормить и попоить, а даже подоить коров, и гуляли, в упор не слыша умирающих от боли животных?

Война равным горем накрыла народы всего СССР. Но промышленный взлет редконаселенной Сибири, начавшийся с эвакуацией заводов и фабрик из мест боевых действий и продолженный вскрытиями собственных геологических богатств, тридцать лет, вал за валом, изымал из сибирской деревни лучшую, пассионарную молодежь.

Окружавшие заводы, фабрики, стройки, депо, комбинаты и шахты «общаги», в виде сталинских дворцов или откровенных бараков, поглощали неквалифицированную рабсилу, быстро лишаемую надежд на семью в благоустроенной «городской» квартире да и просто каких-либо личных перспектив, которая беспросветно спивалась, развращалась, опускалась морально и физически, массово пополняя исправительно-трудовые колонии и лагеря. А на освободившиеся койки тут же ложились всё новые и новые рекрутированные для конвейеров и ткацких станков. Возможно, в райцентрах все виделось не столь трагично, но я помню маленькие деревушки, в которых на двадцать спивающихся от безнадеги женихов на танцы в клуб приходило две-три невесты. Остальные паяли, клепали и шпулили в далеких городах, бездетно старея по четыре-шесть «девушек» на комнату.

А в 1980-е нас стали покидать старики, которые, несмотря на вынесенные тяготы и пытки, хранили в себе наследное крестьянство-христианство. Уходили не просто те, кто умел срубить избу и выдолбить облас, принять отел и определить срок засолки, выбрать деляны под капусту или под смородину, – главное, уходили тихие мудрецы, в которых светилось живое знание Божественной нравственной правоты, впитанной ими с молоком матери. Без них, без этих коренных «сибирян» и «спецпоселенных» – окающих и акающих, хгакающих и цокающих могилевцев, полтавцев, устюжан, рязанцев и пермяков – без этих православных, а, значит, едино русских людей наступило не столько количественное, сколько качественное оскудение сибирского села.

«Perestroyka» развалила совхозы и ту мелкую промышленность, за счет которой в райцентрах и «отделениях» существовали сельхозрабочие, взамен предоставив им возможность попытаться вновь стать самостоятельными, без спускаемых планов на сроки и гектары, крестьянами. Однако выяснилось, что создание человека «нового сознания» свершилось, грань между деревней и городом стерлась, и сегодняшний сын крестьянина и внук христианина, лишенный своего вчерашнего, не может и не хочет загадывать о завтрашнем. Новый селянин лишен знания вечности, он уже не чувствует непрерывности жизни да и, главное, не чувствует ее вкуса, не испытывает к ней желания – протяжной, на износ, страсти к ее бесконечно-

му обновлению. В лучшем случае, сегодняшний селянин – ловец мгновенного, сиюминутного «фарта».

Ренессанс православной жизни, начавшийся с 1000-летия Крещения Руси, наряду с радостью восстановления справедливости, принес и понимание целого ряда проблем роста. Особо тревожит пропасть, все более разделяющая город и село в скорости возращения русских людей к своему традиционно национальному вероисповеданию. За эти, уже почти два десятка лет, церковные общины зарегистрировались практически в каждом районном центре, много храмов или восстановлено, или отстроено заново, но если в городах они постоянно полны, так что в иные праздники буквально невозможно протиснуться к аналою, то в селе картина просто удручающая: крестины и похороны да святая вода – иных причин для посещения церквей местные жители не находят. Как когда-то в начале прошедшего века село, даже под пытками и угрозами смерти, «туго» оставляло свое религиозное мировидение, то точно так же теперь оно не спешит обратно за церковный порог.

Знакомый иеромонах, этнический шорец, несколько лет служит в Горном Алтае на границе с Монголией. На нем дюжина труднодоступных сел, застава, так что старенький уазик – второй дом; понятно, что естественная, до нищеты скудость и ненадуманный строгий пост укрепляют сердечную молитву, так он еще находит силы для перевода служебных текстов на современные наречия телеутов и шорцев. Спрашиваю: «Отец Макарий, как вы там с шаманизмом-то соседствуете?» – «Какой сегодня шаманизм? Где? – Он отмахивается черной от земли и мазута ладонью. – Сплошное, беспробудное пьянство. Воровство и ложь».

Отец Евгений двенадцатый год настоятельствует в райцентре Томской области. Красивейшее семитысячное поселение, широко разлегшееся над высоким обским яром. Искреннейший, жертвенно служащий священник, чистейший человек, кормящий семью и причет от хозяйства и огорода, а уж никак не с прихода. Да и какой приход? На каждой литургии в переоборудованном разваливающемся детском садике стоят десять старух. Одна умрет – придет другая, поддерживая этот статус-кво. «А казаки? У вас же тут свой курень?» – «А вон, на рёлке часовенку поставили, поснимались на фоне, весело от-

праздновали. Что Богу от них еще нужно? Ну и мне, чтоб не досаждал, грамоту выдали».

В чем необходимость так тревожиться по поводу упорствующей обезбоженности современного села? Может быть, это проблема чисто клерикальная, не имеющая никакого значения для государства и нации? Однако затянувшийся до явной уже для всех необратимости кризис Русской цивилизации, Русского мира, ускоряющееся исчезновение Русского народа ищут и находят себе объяснение не в экономических или политических, а в идеологических, да чего кокетничать – именно в религиозных причинах. Когда, отчего мы забыли, что «Москва – третий Рим», а «Государство – это только забор вокруг Церкви»? И вот, одно из величайших в человеческой истории государств гибнет из-за утери смысла своего сотворения и существования. Наследница Византии, Российская империя, на основе православных понятий добра и зла, свободы и насилия, стойкости и прощения, на тысячу лет объединившая и симфонизировавшая на шестой части суши столь различные народы, вероисповедания и культуры, саморазрушается из-за изменения, искажения своих образующих принципов, главнейшим из которых является религиозно-национальная русская соборность – неслиянное соединение православно самоопределившихся личностей, где каждая личность, согласно восточно-христианской традиции, видится, в подражание Святой Троице, как неповторимо-самобытная ипостась при единой природе духа. Что нам экономика и политика, что нам какие-то «выборы» или «диктатура»? О возрождении, если уже не о воскресении великой России, как наднациональной империи, мировой державе и православном царстве, возможно говорить только как о последствии возрождения или воскресения русской личности. Множества неповторимых, драгоценно разнообразных личностей-ипостасей, в своей соборности составляющих духовное тело нации.

Сегодня, и не только в Сибири, но по всей России, не существует крестьянства как сословия. Сословия – что, по словарю Ожегова, есть «общественная группа со своими наследственными правами и обязанностями, закрепленными обычаями или законами». Сегодня в селах и поселках, при внешней физической слепленности, многолетнем плотном соседстве и разветвленном родстве, социальные и личные взаимоотноше-

ния населения определяет духовное рассеяние, идейная и чувственная разобщенность, как следствие утери понятия «цельная личность» и подмены сложно структурированной «сословности» на моносоставной «класс».

Напомню, что в результате неоднократных репрессивных «спецпоселений», этнически современная Западная Сибирь являет уникальный конгломерат из национальностей, не имевших в европейской и иных азиатских частях России опыта подобного сожительства, да еще с принудительно единой формой хозяйствования. Тюрки и прибалты, северные и южные славяне, уральские и обские угры – традиционно оседлые и кочевые народы, усилиями коммунистических селекционеров обратились землеобрабатывающей разновидностью пролетариата. Поставленные в равно невыносимые условия выживания, одинаковыми страданиями зачищаемые от межэтнических фобий, в отрыве от своих исторических корней и под активной идеологической обработкой, потомки «классово чуждых элементов», «врагов народа» и «предателей Родины» в одно-два поколения растеряли национальную память, образовав унифицированный «советский народ». Слава богу, из-за этого же «смешения языков» сегодня в сибирском селе не работают и чисто националистические призывы-провокации к «генетической» религиозности, типа: «русский – значит православный», «татарин – мусульманин», а «немец – протестант».

Провозглашенное когда-то справедливостью и несомненным благом стирание культурно-бытовых границ города и села на самом деле привело к вовлечению огромных раскрестьяненных масс во взаимно эгоистический антагонизм центра и периферии, и когда-то экономически самодостаточные, сословноцентричные сельские поселения оказались продолжением бесконечно теперь расползшихся пролетарских окраин. Люмпенизированное, хлебом и зрелищами зависимое от космически недоступного центра, село включилось в непримиримое противостояние, в озлобленно-завистливую оппозицию колоний к паразитирующей на них метрополии. В этой ненависти лежит и неприятие деревней приходящей к ней из городов церковности. Искренние, жертвенные священнослужители, направляемые епархиальными архиереями на дальние приходы, воспринимаются там как очередная асфальтная блажь, очередная заумь, временная и ненужная государствен-

ная кампания. Невообразимо: казалось бы, развращенный, растленный хамовой наукой, пресыщенный всезнанием, так что, в конце концов, не верящий даже своему неверию, город на рубеже веков вдруг оказался гораздо суеверней, гораздо ритуалистичней, чем «патриархальная глубинка» со всеми ее «пастушками», «коровками», «молочницами» и «овечками».

Самый, простите за новояз, «успешный проект» возвращения в Западно-Сибирское село православия – Свято-Николаевский монастырь в поселке Могочино Томской области. Выкупленный под богослужения 17 лет назад тесный домик проpос в два каменных храма с золочеными куполами, окруженных почти десятиметровыми, с башнями, крепостными стенами с встроенными келейными общежитиями, школой, гостиницей, свечным заводом, мастерскими, гаражами, трапезной и складами, лазаретом и лесопилкой, освоил 240 га угодий на месте погибшей в период «укрупнения» деревушки, в нескольких селах отстроил и содержит храмы и часовни, обеспечивая их клиром. Триста человек постоянных насельников, да еще приезжающие со всего света за духовной помощью к настоятельнице игуменье Ирине и духовнику игумену Иоанну паломники – и практически все бывшие горожане – учителя, врачи, инженеры, артисты, электрики, летчики, ткачихи, повара, научные работники... – всё сплошь беглецы от каменно-асфальтно-бетонного житейского моря, как-то обреченно вновь собравшиеся на выстроенном ими же каменном ковчеге. А из местных на службы приходят десять тех же самых бабок да одинокий, ударенный молнией, старичок. То есть, даже самый успешный пример сельского церковного возрастания – есть пример именно городской экспансии, в общем-то, насильного вторжения в не желающую, да не могущую уже желать изменений сельскую омертвелость.

Безбожие – омертвелость души – эгоизм. Эгоизм во всем, в том числе, или, вернее, в самом сейчас главно болезненном, самом самоубийственном – в нежелании рожать и заботиться о собственных детях. «Секира при корнях» – демографическая катастрофа: с 1990 по 2003 г. рождаемость в нашей стране сократилась на 27%, то есть в России превышение смерти над рождаемостью в среднем идет на уровне 930–950 тыс. человек – свыше 2,5 тыс. в день. Вне Бога иссякает любовь, без которой всё бессмысленно, и нация вымирает,

не плодонося, конвейерно убивая детей в утробах, а появившиеся нежеланно миллионными беспризорными стайками мечутся под негреющим равнодушным солнцем, нищенствуя, побираясь и воруя, колясь и нюхая клей, становясь товаром для торгующих донорскими органами и утехой для извращенцев. По оценкам экспертов, наркомания в среде молодежи достигла 2–3%. И еще в тот же наш проклятый «каждый день» 100 человек гибнут от рук убийц, да столько же пропадает, чтобы через какое-то время быть найденными тоже мертвыми, более 100 человек травится паленой водкой, и еще 150 кончают жизнь самоубийством. Каждый день. Всего за период с 1992 по 2004 г. от нежелания жить мы потеряли свыше 10,5 млн. человек.

Национальное вымирание не остановить ни искусственным осеменением, ни мелкими материальными подачками, ни политическими призывами: наше физическое вымирание есть следствие омертвелости нашего духа.

Понятно, что нарожать и вырастить 5–10 детей много легче в собственном доме на собственном подворье, и поэтому от города не стоит ожидать невозможного. Более того: ребенок в селе не только не обуза, но он реальный помощник в хозяйствовании, участник земледелия, наследник и продолжатель непрерывного деланья. Поэтому единственно реальная надежда на наше дальнейшее национальное существование лежит в возвращении селу желания жизни.

А что значит «желать жить»?

Святитель Игнатий Брянчининов писал: «По наставлению святых Отцов, для уничтожения нечувствия нужно со стороны человека постоянное, терпеливое, непрерывное действие против нечувствия, нужна постоянная, благочестивая, внимательная жизнь». И далее: «Врачевание застарелых недугов совершается не скоро и не так удобно, как то представляет себе неведение. Не без причины милосердие Божие дарует нам время на покаяние; не без причины все святые умоляли Бога о даровании им времени на покаяние».

«...времени на покаяние...»

Абрамов, Федоров, Белов, Распутин, Шукшин, Астафьев, а вслед им и всё новая «деревенская проза», оплакивая раскрестьяненное село, отнюдь не хоронят его, как лгут враги, не «скулят» и не «ноют», переваливая вину на «петра», «троцкого»

или «закулису», нет – в постоянном незабвении творимого над нами – и нами же! – беззакония, мы, русские, православные люди, оплакиваем собственную, неразделимую на «социальные классы» или «литературные течения», общую на всех греховность.

Для верующего смерти нет, ибо она уже попрана смертию воскресшего Иисуса, и каждый христианин знает, что если зерно не умрет, оно и не прорастет. И поэтому для верующего нет отчаянья – именно в такой же духовной омертвелости прозвучал голос Иоанна Крестителя, Ангела пустыни, уготовлявшего пути Господни: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное!» Были времена испытаний страстью, болью, гневом, были искушавшие славой и ужасом, наше же время пытает унынием. Страшно, глухо, беспросветно и, главное, «уже смердит». Но покаемся, ибо приблизилось Царство Небесное! – покаемся, восплачем о своих грехах, и если не переполнилась чаша терпения Господа, то пусть верой нашей еще не в этот раз американские или китайские колосья возлягут на жертвенники России.

А. А. Золотов

Астафьев как явление в русском искусстве

Сегодня мы с волнением предстаем не только друг пред другом, но и пред светлым ликом Виктора Петровича Астафьева. В такие минуты, когда мы не только сами с собой, но и со всеми честными людьми мира, прежде всего причастными к искусству и литературе, говорим об Астафьеве и, конечно, думаем о нем, а это, может быть, важнее, чем говорить, – думать и ощущать присутствие Виктора Петровича, – такие минуты ценны бесконечно. Я бы назвал их минутами потрясения, потому что Виктор Петрович внес в нашу жизнь состояние потрясения. Он переселил свою потрясенную этим миром душу в каждого из нас настолько, насколько мы способны были это потрясение впитать и сохранить. Я же всего лишь один из тех, кто был счастлив не только тем, что читал его прозу, но мог видеться с ним, разговаривать, слышать его слова доверия, а иногда и сокровенные высказывания.

Сегодня вполне естественно звучат воспоминания об Ас-

тафьеве, страницы научных исследований и комментарии литературоведов. А я бы хотел сказать о голосе Астафьева, потому что даже звук голоса Виктора Петровича передает удивительное содержание постигнутой им жизни – да и весь ужас русской жизни, и в то же время неотъемлемую радость ее – радость существования именно здесь, а не где-нибудь, на этой земле. И мне кажется, что именно Астафьев, один из немногих в нашей культуре, явил нам радость мирового значения собственной жизни. Подчеркиваю, именно собственной жизни, вне зависимости от того, знают ли нас в Париже или еще где-нибудь, потому как был период, когда уж как-то влияло у нас на определение значения того или иного человека культуры, как к нему относятся на Западе, насколько его там понимают. Во всяком случае, в пластических и в музыкальном искусстве это было очевидно, и мы принимали это за некую данность. Так вот – звук голоса. У Клюева есть строчки: «...я видел звука лик и истину постиг». Хотя у него написано: «...и музыку постиг», но необходимо говорить именно об истине. Конечно, вопрос «что есть истина?» – это вопрос, который мог быть задан только Иисусу Христу. Но быть человеком истины – это дело, на мой взгляд, вполне человеческое. А Виктор Петрович был и остается, конечно, одним из тех живых, ярких, уникальных явлений русского духа, русского слова, русского характера, которое говорит нам всем – вот человек истины. Да, истина у него была, она жила в нем, и чаще всего ему не надо было задавать вопроса о ней, а он даже не пытался отвечать на него – он просто существовал в истине и по-другому существовать не мог.

Есть у меня одно замечательное письмо Виктора Петровича, где он сообщает мне свои мысли и соображения о музыке Георгия Васильевича Свиридова. Два этих великих человека интересовались друг другом и проявляли друг к другу глубокое уважение. Свиридов любил Астафьева, очень высоко оценивал его творчество, образно говоря, как-то вошел в него, в его мир, может быть, не в первый миг, но, войдя, уйти из этого мира уже не мог. Виктор Петрович знал о глубинном интересе к нему Свиридова и, естественно, хотел ответить таким же интересом к его музыке. Но надо было быть таким искренним, даже трижды искренним человеком, как Виктор Петрович, чтобы не тешить себя самообманом, что эта музыка близка ему

во всем. В этом письме Астафьев советуется со мной по поводу музыки Свиридова и говорит, что ему не всё в ней ясно и не во всем она его.

Все эти размышления об Астафьеве как человеке истины, проявляющемся даже в этой человеческой чуткости и тактичности, я привожу прежде всего для того, чтобы сказать, что считаю Виктора Петровича не просто человеком искусства, но – явлением искусства. Я думаю, что далеко не всякий, даже замечательный писатель представляет собой еще и явление искусства. Дело здесь не только в том, что литература – это часть культуры, более того – часть искусства с большой буквы. Ведь есть артистическая личность. Есть личность, которая полностью воплощает себя в прозе. А есть личность, которая при этом одновременно полностью воплощает себя в самой жизни: в облике, манере поведения, в слове, в общении с людьми, в красоте этого общения, в какой-то удивительной скромности, в потребности общаться и в то же время быть совершенно закрытым, отдельным, с полным ощущением своей уникальности. Я думаю, что далеко не о каждом замечательном писателе, пусть мы назовем его выдающимся и даже великим, мы можем сказать как о редком и даже уникальном явлении, настолько гармоничном, что его никак иначе не определишь, как именно явление искусства. Астафьев и был образом жизни в искусстве, ничего в нем не было фальшивого, ни в чем. Если Виктор Петрович сомневался, то уж сомневался, если был уверен, то уверен, и принимал решения всегда самые неординарные.

Астафьев удивительно масштабно ощущал себя в этом мире. И ему нужно было такое же масштабное, высокое искусство. Он испытывал жизненную потребность находиться в сфере музыкального искусства. Мы познакомились с ним удивительно и странно, хотя, может быть, вовсе не удивительно и закономерно. Это произошло в Петербурге, в зале Дворянского собрания, где теперь большой зал филармонии, на концерте Евгения Александровича Мравинского. Таковы счастливые странности этого мира: с таким народным писателем я познакомился в такой изысканной атмосфере, в гостях у такого удивительно дворянского дирижера, величайшего дирижера XX в. в ряду двух-трех других: Тосканини, Мравинский, Кароян. И мы всю ночь просидели в «Европейской», а потом

было много счастливых дней и ночей в Москве, Красноярске, Овсянке...

Вообще удивительно отношение великих людей к Астафьеву. Мравинский его буквально обожал, он читал и знал все, что у него выходило. Многое Виктор Петрович присылал ему сам, какие-то астафьевские новые издания приходили к Евгению Александровичу через друзей. У Мравинского было два современных писателя, которых он по-разному, но одинаково высоко ценил, – Виктор Астафьев и Чингиз Айтматов. Кроме Свиридова и Мравинского, я мог бы назвать еще целый ряд крупных людей искусства, которым благодарен не только за то, что мы вместе читали Астафьева и ценили его творчество, дружески общались с ним, но и за то, что они до сих пор помогают мне чутко ощущать Астафьева именно как явление искусства.

Это был человек, который с потрясающей органичностью воспринимал весь мир. Это была удивительная, трагическая, растерзанная порою душа, умевшая сделать трагедию высокой. Пребывавший в этой трагедии до последних дней, Виктор Петрович все-таки оставался человеком изумительно органичным и при этом постоянно стремившимся к гармонии, пытающимся все соединить.

Мне думается, нужно собирать не только письма Виктора Петровича, но и его автографы разным людям, часто очень развернутые. Ведь они характеризуют не только его отношение к конкретному лицу или какой-то определенный момент, но чаще всего и взгляд на мир в целом. Вот, для примера, первый том из 15-томника с автографом Астафьева: «Дорогому... в память о Сибири и обо всем, что в ней хорошего было, здоровья, музыки и поменьше грусти, и чтоб деньги на хлеб всегда велись». В этом автографе – всё: и высота, и конкретность жизни, но еще и ощущение человеческой простоты безотносительно к своей значимости. Отмечу, некоторых великих людей интересовало прежде всего то, как вы к ним относитесь, любите ли их, понимаете ли, и поэтому вы им интересны; Виктор Петрович же интересовался вами безотносительно к тому, считаете ли вы его великим и могучим или нет. Уж если он заинтересовался вами – так заинтересовался, будет спрашивать совершенно искренне и о жене, и о детях, детям подпишет свои книжки с особым автографом и поговорит с

ними. Он интересовался вами именно как художник, как артистическая личность, оставаясь при этом по-человечески способным и к сопричастности, и к сопереживанию. Он был не только великий, замкнутый сам на себе мир, который дарит нам время от времени свой шедевр. Это был человек, который запросто раздарил еще больше энергии, чем вложил ее в свое творчество, по крайней мере, не меньше. И потому его наследие живое, оно рассредоточено во всех нас, а не только в его книгах.

Еще один эпизод хотелось бы вспомнить. В библиотеке им. Ленина открывалась юбилейная выставка писателя. Он позвонил мне и сказал: «Ты придешь? А то я что-то волнуюсь». Я пришел. Он спросил: «Ты что-нибудь скажешь?» Я сказал. После мероприятия директор библиотеки спросил Астафьева: «Ну как? Вы еще что-нибудь хотите?» – «Да, – сказал Астафьев, – рукописи Гоголя хочу подержать в руках». Нас отвели в специальную комнату и принесли рукописи Гоголя. Так благодаря Виктору Петровичу мне удалось подержать в руках рукопись «Выбранных мест из переписки с друзьями». А какой восторг был при этом на лице Астафьева!

Г. В. Свиридов часто повторял: «Чувство восторга берегите в себе, оно с возрастом проходит». А вот у Астафьева чувство восторга с возрастом не прошло. Это не значит, что он всегда радовался, ведь восторг, может быть, одно из самых трагических, во всяком случае, высоких переживаний, потому что именно в восторге переплавляются, поднимаясь на самую высокую высоту, многие человеческие чувства. Здесь, в Перми, я прочел сегодня замечательную вещь «Пермь Астафьева» пермского писателя Татьяны Соколовой. Какая это дивная проза, сколько в ней любви, как тончайше вещь сделана, жалко до слез, что издана она так полуторгово. Но если заговорили о восторге, о женщине, о любви, то закончить хочу женскими стихами. У хорошего русского поэта Зинаиды Гиппиус есть такие строчки: «Мы ищем тонкость в надежде, что возможно величие с простотой в душе соединить». Это величие с простотой и соединились в душе Виктора Петровича Астафьева, очень тонко и высоко соединились. И мы имеем полное право гордиться тем, что жили рядом с этим великим художником, явлением искусства, имеющим тончайшее устройство тончайшей души.

К. А. Кокшенева

Современная почвенная литература и проблема культурного единства нации

Мой главный культурологический пафос, основания для которого я нахожу не только в культуре, но и в реальности, уже многие годы состоит в том, что литература и культура – это спасительные оболочки человека. А сам человек, востребованный современностью только как исправный налогоплательщик, усердный избиратель и жадный потребитель именно в литературе может сохранить свой полный образ как человека исторического, культурно и религиозно связанного пуповиной с традицией признания безусловных требований духовного мира личности. Да, я полагаю, что современный человек нуждается в защите. И сделать это может прежде всего культура, и литература в частности. Но что, кого, как и зачем она защищает?

Казалось бы, современному человеку предлагается многое, что стоит на его защите: у нас есть Конституция, есть всяческие международные конвенции, есть «гуманистический манифест 2000». Но достаточно ли этого? Человек, который полагается только на учреждения, которые защитят его права, – это ли человек русской культуры? Ведь совершенно очевидно, что этому человеку заведомо внушается неверие в себя именно как в человека. Помимо прав у человека есть разум, чувства, воля. Защищать только права – защищать неполного человека, и даже искаженного человека. И если одни будут защищать права, то должны быть и другие – те, кто может защитить веру, интеллектуальный и духовный мир человека. И такие есть. И речь о них впереди. А пока расставим еще некоторые важные акценты.

Скажу сразу, в современной ситуации более целесообразно говорить о почвенной литературе. Да, было блистательное, полное художественных шедевров «деревенское направление», с которым навсегда повенчаны Яшин, Белов, Распутин, Абрамов, Астафьев, Можаев, Галкин и многие другие. Но сегодня, мне кажется, более верно говорить о почве: более верно потому, что почвенная литература способна вместить в себя и верных традиции «деревенщиков», и тех, для кого рабо-

та в традиции, современный консерватизм, динамическая традиционность, любовь к земле как месту сакральному для народа остается существенным наполнением творчества. Только почвенная литература способна дать культурное единство нации. Именно поэтому для меня в равной степени Олег Павлов, Леонид Бородин, Вера Галактионова, Юрий Самарин, Василий Дворцов, Лидия Сычева, Александр Сегень, Виктор Николаев, Борис Агеев, Петр Краснов, Александр Семенов, Сергей Щербаков – все почвенники. Но есть еще внутренний образ, связанный с почвенничеством. Это – понимание, что жив идеал – идеал прекрасного человека – человека христианской культурной традиции. Другого у нас не было и не будет. Но литература – не богословие, центром полагающее Бога, то есть Истинное, Совершенное, Благодатное. В центре подлинной литературы стоит человек, идеальность которого ограничена его земной и несовершенной природой. Именно поэтому положительно-прекрасный образ человека в русской литературе строился десятилетиями и эпохами, тут нужны соборные усилия писателей. Князь Мышкин неизбежно будет длиться образами беловского Ивана Африкановича, распутинской Марии, Теркиным Твардовского, астафьевскими героями (Коля Рындин). Но сегодня в литературе именно человек такой традиции решительно отрицается или переформатируется до неузнаваемости. Нынешнего человека учат верить только в учреждения. Разве «Кысь» Т. Толстой не вся подчинена этой идее, не сплошь выполнена в эстетике показа «учреждения» и человека, зависимого от него?

Что видим мы сегодня? Мы видим страсть человека к накоплению внешних благ, жажду пользоваться жизнью с комфортом и удовольствием, – но мы видим и как в этом внешнем богатстве мира товаров и услуг всё больше «душа выбывает», видим, что нынешнему человеку «и жить скучно, и умирать страшно». Нет, никакие общественные и политические, наши или международные учреждения не решат этих внутренних проблем человека. Никакие альтернативные истории, фэнтези, политические детективы в литературе, никакие блокбастеры в кино и «дети Розенталя» в опере в качестве экспериментального дива не решат этих внутренних проблем человека.

Чем больше удовольствий от чтения любовных романов (а массовая литература всегда на вложенный грош обещает без-

дну удовольствия), чем выше степень художественной доступности любой литературы – тем больше утрачиваются всеми нами свежесть чувств и искренняя жажда жизни. Чем стремительнее празднуем мы успехи технологического прогресса, тем более стандартизируется ум человека. Казалось бы, все внешнее, что создавалось для человека, этого самого человека и придавило. Придавило так, что он и веру в себя потерял, отказался от требований разума, растратил энергию мысли и чувства. Куда денем мы личную энергию, личное духовное богатство? Умаление личности, принижение духовной личности – это требование партий, учреждений и всех обществ, включенных в борьбу за свои интересы. Потому и в борьбу за интересы общества, учреждения, корпорации или партии проще включиться безличной личности, умеющей приспособиться, человеку посредственному.

Я вполне отдаю себе отчет, что слишком многих современных писателей вполне устраивает такая ситуация – всё творчество Ерофеева, Сорокина, Пригова, Павловой, как и отдельные произведения Толстой, Петрушевской, Улицкой рассчитаны именно на человека посредственного, якобы на человека либерального. Но нет и не было в нашей культуре ничего более простенького и ясного, чем тип «русского западника» с ходом времени все увереннее превращающегося во «внутреннего эмигранта» по отношению к собственной стране и собственной культуре. А поскольку количество таких «внутренних эмигрантов» нарастает, то не грех напомнить, что все они имеют прекрасное образование, беспрепятственно общаются с европейскими умами, не знают тяжкой материальной нужды, но при этом страшно тяготятся своим отечественным «некультурным окружением», мнят себя всё еще «за железным занавесом отечественного бескультурья», полагают народ «темным», но за его счет они по-прежнему и живут. Это, по сути, категорическое понимание реальности как лежащей во зле. Мир как зло – тут принцип, от которого только шаг до мысли о Боге как злом Творце. Достоевский говорил о том, что Герцен «родился эмигрантом», что такие, как он (даже и не покидающие никогда России) – это особый «исторический тип», ибо «они полюбили его (народ. – *К. К.*) отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ...». В точности так же писателей, любящих свою страну и свою культу-

ру «отрицательно», становится опасно много: они и истоки русской литературы видят в «синдроме зла», и современную литературу полагают «русскими цветами зла».

Но если интеллигент-западник виртуозно эксплуатирует несовершенства мира и безболезненно пересекает любые границы – национальные, культурные, языковые, – то наш интеллигент-правдолюб и правдоискатель, занимающий непримиримую позицию отвращения от реальности, оказывается в более трудном и болезненном положении. Впадая в безбрежный идеализм (духовный, с его точки зрения), отстаивая самые высокие принципы, такой правдолюб готов тут же этим «высоким принципом» убить своего несовершенного соотечественника. Непримиримая позиция, когда принцип дороже живой жизни, может тоже стать источником нигилизма. А она-то и порождает ощущение резервации для русской культуры и русского человека. Именно поэтому любой нигилизм для русского интеллигента (и человека вообще) – это измена самому себе, «полное отречение от своего духа и глубочайших инстинктов» (Н. Н. Страхов).

Из всего вышесказанного мы можем сделать вполне определенные выводы.

Почвенник и западник по-разному относятся к пониманию существенных основ русской литературы через отношение к целому и общему (народу, родине), через отношение к человеку, через постановку вопроса о границах. Еще раз подчеркну, что для западника границы вообще необязательны, он геокультурен. Для почвенника память о границах русской литературы и охрана, отстаивание этих границ – дело сугубо важное. Между тем, необходимость границ – одна из важнейших внутренних задач для понимания, что есть культурное единство нации. Ни клятвы в русскости, ни реалистическая благонамеренность не в состоянии противостоять опасному обезличиванию культур. Сопротивляться ему может только национальный талант и национальный труд. Всё можно подделать, кроме подлинного таланта и дара художественности. Вот поэтому я и назвала тех писателей, которые этим даром обладают. Вот поэтому я полагаю, что именно они сегодня представляют всем нам русский почвенный тип прозы. Что же объемлет он? Все названные писатели очень разные в своем художественном пространстве. Рядом с нервическим полыха-

нием прозы Веры Галактионовой в романе «5/4 накануне тишины» мы видим очень густую, тягучую, предельно ясную в своем бытии прозу Олега Павлова в «Карагандинских девятинах», слышим легкую и чистую интонацию повести Бориса Агеева «Душа населения», чувствуем мощное романное дыхание у Василия Дворцова в «Аз буки ведал» и горько-достойное любование провинциальной жизнью в «Жизни в кайф» или «В поисках славы» Юрия Самарина.

Что их роднит, что вложили они в скрепление нашего культурного единства? Для большого прозаика всегда есть внутренняя обязательность сопряжения вечного в бытии, что решительно пронзает собой всё – человека, его душу и сознание. То вечное, что втягивает поколение за поколением внутрь себя, в воронку времени – времени, где, как у Галактионовой, одни живут «во всю ширь» переизбыточной роскоши, другие умирают бедно и скромно, третьи вопят: «Размыли, разрушили, растворили свои душевные спасительные, свои невидимые коконы, оболочки, облатки, и если так пойдет дальше, – то как тогда жить?». Этот «пункт» – оболочек, облаток, спасительных коконов – существен для всех названных мной прозаиков. И это важный момент в понимании принципов того культурного единства, что выявляет себя в подлинном типе прозы. Это не моя некая личная уверенность – но опыт русской литературы: человеку опасно оставаться «голым», оставаться эгоистически-индивидуалистически-нарциссически-принципиально одиноким. Ядро человеческой личности должно быть защищено: защищено стеной традиции культуры, оградой веры, государственной крепостью-кремлем, с которых всегда русские начинали строить свой мир. Но чтобы жизнь созидать, чтобы душу выращивать, нужна именно защищенность, а не доступность всем ветрам, не открытость всем ураганам. Человек русской литературы – это всегда человек крепостной и зависимый, что совсем не стирает его сильного личностного начала. В Алексее Холмогорове Олега Павлова эта какая-то почти юродивая зависимость от нужды других людей раскрыта в герое с предельной жесткостью – он все время как бы себя забывает, подчиняясь душевному зову отзывчивости. Но такой герой современной бойкой критике показался идиотом и почти дураком. Мощную внутреннюю драму развернул в душе и сознании своего героя Василий Дворцов – спор на-

ционального и религиозного начал в самом главном герое, согласитесь, не может не быть существенным. Татарин по отцу и русский по матери, то есть лишенный национального единства уже внутри себя, герой в принятии православия находит то смиряющее и примиряющее начало, что придает цельность его личности (но, естественно, не лишает земных проблем). Однако при этом роман «Аз буки ведал» только потому и стал полновесной литературой, что скрепляющим его единством стал именно русский взгляд самого автора, прилепленного к отечественной культурной традиции. Вобрав разнонациональное, примирив его через религиозное, подчинив то и другое своему художническому укорененному таланту, Дворцов написал, в результате, современный русский роман. И, на мой взгляд, это единственно подлинный путь в литературе. Воссоздавать, раскрывать, открывать другим как фундаментальные свойства русской души, так и «приобретаемые» ей качества, оформленные «современностью».

Что тут важно?

Во-первых, все названные прозаики сохраняют в себе и своих героях вкус подлинности. Есть для них высшая подлинность, и связана она не с ощущением, что «Бог умер», то есть богооставленностью, а, напротив, с уверенностью, что благодать не покинула мира. «И все наше подсолнечное обиталище, – говорит Алексей Михайлович у Агеева, – в котором столько неизреченной благодати, – так врезалось в память и воображение, так защемило сердце от мысли, что ведь мы всё это не опровергать должны, а подтверждать. И мыслями и делами быть в естестве». Вот это сугубо важная мысль «о праве быть в естестве», высказанная героем-интеллигентом, понятна и присуща народу. Только дед (главный герой повести) очень всегда хотел «утвердить ее собственным опытом». И пусть все прозаики указывают «на мельчание человека, на уменьшение его души», всё же в герои возводят тех, кто умеет пребывать в этом метафизическом, высшем естестве. Тут возникает другая проблема для русских прозаиков – о простоте. Вера Галактионова дала роскошные картины переизбыточности, широкого «загула самоугожденья» в современной России, «неостановимости растекания» человеческого искажения в нашем мире. Но такое понимание современности возможно только тогда, когда знаешь о простоте, о той простоте, «от которой дрожь

пробирает». Это та простота, что является основой жизни, в которой мы обнаружим недоступную искажению, делению, дроблению таинственную благодатную цельность. И очень тесно, рядом, близко с простотой стоит и другое – не просто умение, но обязанность жить не переизбыточностью, но необходимостью. Галактионова считает, что от переизбыточности негодяйства можно очиститься только жертвенностью и подвигом. Борис Агеев пишет: «Деда, по его же словам, не брали ни печаль, ни пищаль. Он жил необходимостью... Дед умел выжить везде, ибо эта простая задача перед ним стояла сызмала... Дед ушел свободным человеком. Не в смысле некогда освобожденным из заключения, а внутренне свободным. На земле он был лишь домохозяином, владельцем стола, шкафа и кровати, но даже и крыша над его головой была чужой. Он не искал в мире источников зла, жертвой которого мог бы себя считать, и никого ни в чем не обвинял... Что-то было в нем детское, от хуторского паренька из его побасенок, наивное и прямое, что в конечном счете и помогло ему порубить в куски змея огненного... Некогда полноводная река Харасея текла свободно и безымянно, когда на земле еще не было человека. Потом человек появился, обрел душу, пришел на эти воды и дал им имя, подсказанное ему его внутренним зрением и знанием природы вещей. Темная вода течет внизу, по земле Дикого поля. А есть еще небо. Такое, как сегодня, оно летит от дольнего мира и полыхает голубым полохом, будто отполированный топочный огонь – во всю глубину, до самых далеких звезд. Это там трубы поют». Я процитировала Бориса Агеева, чтобы передать вам это писательское уловление простоты, этот тихий восторг о жизни необходимостью. Это точное знание, где поют трубы и кому поют.

Почвенная литература значительно расширила собирательный образ народа – носителей той простой истины, что «правде верить надо». Это уже не только крестьянин. У Павлова всюду мы видим казенный народ, служилый, казарменный. У Галактионовой – эти лишний народ, помещенный в лагеря. Чувствуете, как укрупняется тема? От лишнего человека классического века к лишнему народу – тому народу, судьбы которого «дочерна сгорали здесь, внизу, под землей – в шахтах, под тоскливо-просторной степью во тьме». Это черное братоубийственное Солнце социализма горело очень горячо, но

добывалось оно невольниками. «Жарко сгорая, оно пламенело ночами над стройками социализма... Социализм отапливался и освещался путем сжигания человеческих судеб. И потому это тепло не пошло впрок...» Вообще мне представляется, что в нынешних прозаиках что-то сдвинулось в отношении народа. Они народ не судят. Они его жалеют. Эта жалость есть у всех, о ком говорю. Они не допускают астафьевской размашистости взгляда и спроса. Быть может потому, что слишком много расплодилось желающих возгонять мифы о русском народе – бездельнике, пьянице? Быть может потому, что они не умеют стыдиться России, что тоже стало модно-либерально-пафосно? Быть может, они поняли нечто более существенное? У Юрия Самарина в повести «Жизнь в кайф» столичный фотокор Дима первый раз в 25 лет попадает в русскую провинцию, которая, естественно, для него унылое болото. Он вдруг оказывается в ситуации, когда простые люди будут всегда выручать его на пути беспаспортного и безденежного возвращения в столицу. Писатель говорит, что в России и сегодня можно выжить за счет народного нравственного чувства, бескорыстной помощи, – не всё охвачено безумным рыночным эгоизмом. У Агеева герой Алексей Михайлович говорит: «Народ – это земля, на ней одинаково растет что благородная пшеница, что сорняковая лебеда. И не земля выбирает, чему на ней расти, а сеятели. А кто сеятели – мы знаем. С земли плодородный слой, укатанный в пыль, ныне смыло в овраги. В глазах интеллектуалов народ наш виноватей виноватого. И такой хороший социализм профукал, и к капитализму неспособен». Вспомним черную пыль Карагана у Галактионовой и безгранично просторную, поглотившую драматизм судеб степь у Павлова. И сегодня тот, кто «не переплавился в другую нацию», то есть не отказался от самого себя, тот тоже «уйдет в шлак, в отходы» (Агеев).

Что это, энтропия мира, новая геополитика, каток глобализма? Но только мы с вами слышим, что лучшие творческие силы нации все время затворяются, изымаются, стираются в прах, и не дают им довоплотиться. Я полагаю, что в литературе сегодня тоже идет этот натиск планетарного безличного гуманизма – ведь русское становится брендом, а не добытой трудом, не выкованной в горниле творчества национальной сущностью. Но наша литература, которая мыслит себя нацио-

нально, именно отстаивает право на жизнь в естестве нашего народа. Она именно народна, хотя сегодня мы видим, как откровенно народность изгоняется отовсюду.

Хочется подчеркнуть, что понимание необходимости спасительных оболочек для человека, спасительных обжитых клеток для своей культуры не является оптимистической декларацией, а сопровождается в этой прозе скорее чувством боли. Ведь время, как в романах Галактионовой, Павлова, Самарина, сдирает с человека эти самые оболочки, и не только временные, ложные, но и подлинные, защитные. «Изношенные души», «исчерпанный миром предел удовольствий», «приятная духовная дезориентация мира»... Что дальше? И все же творчество этих писателей не является плачем о погибели русской земли – земли «все погребающей и не находящей пока успокоения». Романы Веры, Олега, Василия, Бориса – о том гигантском русском напряжении, в котором пребывали мы весь XX в. И главный пафос русского типа прозы – это именно одоление. Одоление разрывов истории, одоление раздвоенности внутри себя, поиски себя-целого, умение слышать большое время в нашем грохочущем дрязге жизни. Без усилий всех названных мной самобытных и разноталантливых писателей, живущих по всей России, у нас не было бы уже вообще русской литературы. Они латают в этом пространстве дыры, они собой, своим талантом соединяют времена и поколения, они ткут судьбы национальной литературы – литературы боли и надежды, прощения и скорби.

М. Н. Кураев

Виктор Астафьев и конец крестьянской Руси

Вглядываюсь в горестные строки, написанные рукой Виктора Петровича Астафьева посреди чистого листа, озаглавленного «Эпитафия»:

«Я пришел в мир добрый, родной и любил его безмерно.
Ухожу из мира чужого, злобного, порочного.
Мне нечего сказать Вам на прощанье.

Виктор Астафьев».

Для несомненности слово «Эпитафия» подчеркнуто.
Но не оставляют сомнения.

Невозможно смириться с приговором, с беспросветным тягостным чувством, продиктовавшим этот приговор...

Мы помним, мы знаем, какой важнейшей и любимой работой был для Астафьева «Последний поклон», давший ему возможность снова и снова возвращаться в «мир добрый и родной», сказать этому миру слова своей неизбывной любви.

Отсюда и признания в беседах последних лет о том, что и в вере своей он остался там, в той жизни, которой больше нет, которой невозможно повториться. «В Высшую силу я посейчас верю, помогает она мне... А с попами не выходит... делают они хорошее дело, а на исповедь все-таки к ним не пойду. Я уж сам как-нибудь. Может, христианин я плохой, может, и совсем никакой, а детское все так и храню по-детски – бабушка, белая рубашка, священник в нарядном – это как-то навсегда церковь для меня и есть, лучшее в ней».

Но как же так, «мир добрый» так рано отнял у него мать, лишил отца, обрек на сиротство, лихое детдомовство, скитальчество? Да, видно, молодая душа, как росток, тянулась к свету, дышала воздухом сибирского разнотравья, лесным хмелем, речным обещанием неведомых и манящих путей... И бабушкиной ласки хватало, чтобы заслониться от «чужого, злобного, порочного», которое не возникло вдруг, а существовало всегда рядом. Но чудо жизни, изумление перед щедростью природы, людскими талантами и отзывчивостью были такими сильными, острыми, что злость и порочность, от века живущие во все времена, не смогли заслонить света... Этим светом, льющимся из ушедшей жизни, из минувших времен, он будет жить, хранить этот свет в своей душе, поддерживать и зажигать в других душах.

Нужно было пройти тяжкими жизненными путями, отведать лиха полной мерой, исполнить непосильный труд «окопной землеройки», вернуться с фронта с опаленной душой и стать великим и несравненным летописцем солдатской войны, отвергнуть соблазны литературного притворства и карьеры, быть возведенным своим талантом и бесконечным мужицким усердием на вершину отечественной литературы, узнать славу и признательность миллионов читателей, сделать нас, соприкоснувшихся и с ним самим, и с его высокой литературой, намного богаче, и на исходе жизни не найти доброго слова для прощанья...

Ну что ж, остается лишь попытаться понять трагическое признание, без права усомниться в его искренности, и так же искренне попробовать объяснить себе чувство отторженности и неприятия писателем современного мира, в котором нам еще доживать свои сроки.

Виктор Астафьев принадлежит той подлинно большой, великой русской литературе, где писатель свое творческое призвание не отделяет от гражданского долга, видит в нем силу, способную преобразить жизнь, утвердить сейчас и здесь добро и человечность.

Несоразмерность искренности и полноты творческого усилия и ожидаемого результата не раз приводило к трагическим надломам в судьбах великих писателей. Разумеется, в первую очередь мы вспоминаем любимого Астафьевым Гоголя, высоко чтимого Львa Толстого, не щадивших себя в безмерном писательском труде. Не увидев желанных всходов, разочаровавшись в силе художнического слова, они обращались к слову проповедническому. Они оставляли свое художественное творчество ради кафедры учительской, наставнической, апостольской...

Астафьев до самого края жизни, пока позволяло медленно уходящее здоровье, не оставлял прямого писательского дела. Его последние вышедшие при жизни книги «Веселый солдат» и «Пролетный гусь», книги горькие, исполнены тягостного чувства. Пережитая и до поры невысказанная боль от искалеченной войной молодости, от послевоенного неустройства выплеснулась со всей безжалостной откровенностью, близкой к мстительному чувству. Он доверял стихийному, внутреннему саморазвитию жизни и отказывался признавать подлинной жизнь, сочиненную людьми, программную, навязанную, как ему казалось, непременно внешними, противостоящими жизни силами.

Множество свидетельств неприятия современного склада жизни можно было бы уравновесить иными свидетельствами, оставляющими место для надежды и веры, если бы не последние слова, если бы не приговор, не оставляющий ни места, ни времени для апелляции. Сейчас понимаешь, что глубинный гул, вырвавшийся обескураживающими словами тихого отчаяния, был слышен и в великой солдатской эпопее «Прокляты и убиты», и в названных уже последних книгах «Веселый солдат»

и «Пролетный гусь». Какой же мир ушел, что за мир, где Астафьев чувствовал себя родным и любимым?

Ответ очевиден: это стихия крестьянского мира, в его глубинной социально-нравственной неразделенности, это крестьянско-христианский мир.

В статье «Во что верил Гоголь...» писатель обширно цитирует «Старосветских помещиков»: «Я иногда люблю сойти на минуту в сферу этой необыкновенной уединенной жизни...» и т. д. После приведенного описания сельской идиллии следует знаменательное признание: «Не знаю, кто как, а я нынче читаю эти строки со щемящим чувством в сердце, с сожалением о чем-то навсегда утраченном, чем люди дорожить не умели, и только придя «ко краю», заболели ностальгией по такому вот тихому, несуетному гоголевскому миру, не орущему о счастье своем, не доказывающему на кулаках преимущества тех или иных демократий, по миру, живущему надеждою и молитвою о братстве и достижении мировой гармонии с помощью труда, но не всесметающего оружия и злобы, помутивших человеческий разум».

Едва ли Пульхерия Ивановна и Афанасий Иванович могли предположить, что их поместье, нещадно обворовываемое блудливой и нечистой на руку многочисленной челядью, стоит на путях, ведущих к мировой гармонии. Скорее всего и сам Астафьев едва ли считал имение старосветских помещиков надежным убежищем, но где-то нужно было хотя бы на минуту укрыться от ненавистных неистовых «преобразователей России», ринувшихся исправлять русский народ, «строить по-новому деревню и новое общество безо всяких там молитв». Он видел плоды плановых преобразований. Так станут «поднимать на невиданные высоты отсталую деревню, что земля перестанет рожать, деревня опустеет, народ из нее рассеется по городам и весям, где только и способно рождаться «передовым мыслям» и демагогии. Более ничего в камнях и кирпичах рождаться не может, разве что химией взбодренный длинный огурец».

Заклятье каменно-кирпичной нежити продиктовано болью об утрате «земного рая». Но разве можно вернуться, да и какими путями, в этот мир «добрый и родной»? Оказывается, можно.

В 1992 г. Виктор Петрович пишет своей корреспондентке

в Звездный городок: «Когда произойдет окончательное возвращение горожан в деревню, а это произойдет непременно и скоро...»

Вот и садово-огородный лоскут кажется островком духовного и физического спасения: «Бог возвращает к природе через дачные участки».

«Ведь все так просто, – вторит Астафьеву в письме друг и единомышленник, замечательный писатель Евгений Носов, – отдайте землю народу, отдайте. И народ напашет и насеет всем благополучия и сытости за пару лет».

Но дважды в одну воду не войти, если это не пруд или болото. То, что в год рождения Виктора Петровича Астафьева, в пору нэпа, было действительно спасительным, и земля, отданная в руки тружеников, в считанные годы накормила и подняла разоренную Россию, сегодня уже не в силах стать снова скатертью-самобранкой. Без техники, без агрохимии, без доступного по цене топлива, без государственной поддержки в проведении продовольственной политики, без защиты сельского труженика от своих и международных спекулянтов, увы, на лошадках и волах не вытянуть сегодня страну к благополучию и сытости, не выдержать конкуренции с зарубежной продовольственной индустрией, превратившей уже нашу страну в колониальный продовольственный рынок.

Астафьев в переписке вспоминает спор, затеянный комсомольской газетой. Кто ценнее – хлебороб или интеллектуал? Вопрос наивный; это все равно, что спросить, кто ценнее – папа или мама, вода или воздух, дерево или металл, и так до бесконечности. Астафьеву же показалась постановка вопроса смешной не по существу, а в силу очевидности выбора, и ответ какого-то решительного англичанина: «Жрать захотите, сразу ваш спор прекратится», – показался ему исчерпывающим. Да вот беда, времена простых решений остались где-то позади.

Интеллектуальная скудость вождей перестройки, предводителей сокрушительных реформ, устроителей «рыночной демократии», именно интеллектуальная несостоятельность, неспособность предвидеть ни ближних, ни дальних последствий принимаемых решений не в последнюю очередь объясняют, почему и после пятнадцати лет освобождения от власти коммунистов русская деревня, да и большинство городского населения, ох как далеки от «благополучия и сытости».

Мне памятны призывы Виктора Петровича накануне переизбрания на второй президентский срок Ельцина, сумевшего уже и за первый срок завести страну в политический и экономический тупик. Пусть политики занимаются политикой, – благодушно сообщал писатель с первой полосы «Литературной газеты», – а мы, народ простой, поедем картоплю сажать, будем за земелькой ходить, да деток ростить... Этот, как бы принципиальный уход из политики оказывается на руку политическим мародерам и авантюристам, оборачивается пусть и невольной, но вполне реальной поддержкой сил, ведущих к разрушению Государства Российского.

Академик И. П. Павлов еще до виновницы всех бед, Октябрьской революции, заметил: основная черта русского мужика – угасший рефлекс цели. Горький диагноз, но, судя по развитию событий, справедливый. Это следствие затяжной болезни, история которой начинается не с «октябрьского переворота», а исчисляется столетиями крепостного рабства, бесправия, безгласности, гражданской инфантильности, безмерного терпения и непростительной, в конечном счете, покорности. Как могла произойти пролетарская революция в крестьянской стране, в стране, где 85% населения крестьяне и только 10% – рабочий класс? Как могла партия эсеров, с наибольшей полнотой выражавшая интересы крестьянской массы, упустить из рук власть, получив на выборах в Учредительное собрание 65% голосов избирателей? Не свидетельство ли это бессилия, а стало быть, и обреченности крестьянской России? Впрочем, крестьянство обречено в индустриальном обществе, как было обречено кустарное, цеховое, мануфактурное производство под натиском фабрично-заводской индустрии. Вне этого исторического контекста мы не ощутим трагедийную подоснову самых светлых глав «Последнего поклона», высокую поэзию «Оды русскому огороду»...

Творчество Виктора Петровича Астафьева – это мощный аккорд, наполненный голосами сиротеющей кормилицы-земли, утратившей прежнего хозяина и не обретшей нового, это могучий аккорд, завершающий великую крестьянскую литературу.

Письмо в Звездный (!) городок о непременном и скором возвращении горожан на землю... Письмо улетающим с Земли! Вот он – звук оборвавшейся струны в тумане...

«Народ начинает понимать, что надеяться надо только на себя».

Где этот народ? В чем обнаружилось проснувшееся понимание отчужденности от народа и нынешней власти, нынешних хозяев земли и недр?

Писатель уговаривает себя, слова звучат как заклинание. И нет опоры надежде. Путь крестьянской России окончен, ее певец и летописец не принимает новый мир, «чужой, злобный, порочный».

Так оно и должно быть для человека, в мужицкой трезвости и прагматизме не признающего Высшей инстанции, где сопрягаются все концы и начала, где мировая гармония включает в себя все противоположности, где львы и агнцы возлягут и возложат друг на друга головы во взаимной любви...

Мир стал чужим, в нем нет места для «обыкновенной уединенной жизни», нет ограды, способной защитить от страстей и порождений злого духа, «возмущающего мир».

«Мне нечего сказать Вам на прощанье...»

Вы сказали так много, Виктор Петрович, сказали самое важное и самое нужное нам, не прочерчивая путей, но укрепляя наш дух для противостояния злу и скверне, Ваше слово вдохнуло в нас любовь к живой земле и невольным ее обитателям, Ваше слово сделало наш слух тоньше, глаз приметливей, а души отзывчивей на людскую боль... Вы сказали – нам осталось услышать, прочувствовать и, в меру сил, осмыслить.

В. Я. Курбатов

Нечаянное воспоминание, или Дневник одной старой поездки

Преимущество старости в том, что всегда можешь найти среди бог знает как исподволь накапливающихся за жизнь бумаг что-то позабытое. Юность и зрелость щедры. Пишешь, ездишь, запоминаешь. Складываешь свой «седьмой сундук, сундук еще неполный». И легко забываешь о его содержании. А однажды вдруг наткнешься на пожелтелые листы, перечитаешь и улыбнешься. Оказывается, ты помнил их, но помнил, как помнит юность, привередничая и отбирая «что получше», а остальное считая «сором», случайностью жизни, даже удивля-

ясь: зачем ты это записал, чего тут было запоминать? Часть дневниковых записей о беседах и встречах с Виктором Петровичем, которые казались информативны и значительны, я потом напечатал. И думал, что там уже ничего больше и нет. Но, оказывается, жизнь умнее и «экономнее» нас. Она неторопliва и дождется дня, когда сумеет доказать нам, что ничего «проходного», «попутного», «случайного» в жизни нет. Что это только наша душевная или духовная неготовность не дает раскрыться нашему зрению, а сама-то жизнь продиктовала все с твердой ясностью и чистотой. И там всякая запятая на месте.

Я нашел этот дневник в старом блокноте и перечитал его и был рад ему, как нечаянному свиданию. Прошло 22 года. И какие это были годы! Словно тучей понакрылось русское небо. А там светит все тот же немеркнущий день...

Я прилетел в Красноярск накануне и еще прийти в себя не успел, как уже надо было собираться на юг края, на реку Амыл, потому что Виктор Петрович давно договорился о такой поездке и справедливо не намерен был менять свои планы из-за моего приезда. И теперь мне не хочется ничего менять в дневнике, не хочется вносить туда расчета, прозаической игры, сюжета. Не хочется притворяться обстоятельнее, чем был. Тогда записи были мгновенны, как любительские фотографии. И пусть уж они такими и останутся, потому что память легко соврет и сыграет в правду и глубину – опыт-то какой-никакой есть и тренировка тоже. Уж на простой-то пейзаж и приблизительную правду сил хватит. Сейчас бы, конечно, и смотрел иначе, и думал серьезнее, и был приметливее. А только задним умом сильнее не будешь.

17 июня 1983 года. Выехали рано и в дождь. Марья Семеновна радовалась, что дождик к добру. Виктор Петрович, глядя на еще закрытые ставни Покровки, посмеивался:

– Вот, товарищ Курбатов, сейчас мы едем по району, где спящие сейчас трудящиеся избрали любимым депутатом товарища Астафьева Вэ. Пэ., 1924 года рождения, беспартийного, образование шесть классов, несудимого, почему и спят так спокойно.

За дивногорской плотиной дождь перестал, и Виктор Петрович радостно тыкал пальцем за окно машины на всякий марьин корень или красоднев, гордясь их вызывающей не лесной красотой, словно сам их тут все посадил. Ветреницы дол-

гоногие, невиданные клонились под тяжестью невестно-белых лепестков.

– Мама-покойница любила этот цветок. И теперь вот во мне только и осталось от нее, что ветреница, да ее песня, которую я поминал в «Последнем поклоне»... А красоту-то видишь, товарищ Курбатов? Понял, поди, что у нас это называется «Швейцарией»? Теперь ведь везде, как вода и красиво, – так Швейцария. Поеты...

А до Хакассии доехали и просто с сухим пыльным ветром. Худые свиньи по дворам сразу убеждали, что живут сами по себе и не тревожат хозяев просьбами о пропитании. Лошади паслись по степи в лиловых ирисовых полях, как на декадентской картинке. Курганы дышали древним покоем. Было хорошо глядеть на всё это такое новое и иногда хотелось тоже ткнуть пальцем и восхититься, но я не мог оторваться от беседы, где среди обычной дорожной необязательности, продиктованной тем, что за окном, или что попадается на дороге, вдруг могли вспыхнуть дорогие детали. Ведь я, увы, ехал не «сам по себе», а с командировкой «Дружбы народов» в кармане и от меня ждали не пейзажных зарисовок, а обстоятельной беседы и желательно – о войне. И я, конечно, как умел, всё старался ускорить события, подтолкнуть Виктора Петровича в нужную сторону. Но подтолкни-ка его – у него-то командировки нет. Он живет предчувствием рыбалки, радуется отдыху, дороге, и я теперь уже никак не вспомню, почему необходимые мне сокровища все-таки оказывались в моем дневнике.

– Я написал «Арию Каварадосси» за одну ночь. Пошел среди ночи на кухню заварочки попить, и так в трусах и просидел за столом до утра, едва поспевая за собой. Силы были. Сейчас вот тоже писал рассказ. Все вроде продумал. А вот застопорило и всё. Хоть бросай. А материал живой – чувствую, не пускает. Но и вперед нейдет. Пошел в наш березничек в Академгородке, походил, подумал, а потом и спрашиваю себя: а уж не роман ли это? И все сразу пошло! Я вообще теперь думаю, что рассказ – жанр романный. Из него не сделаешь повести, а роман часто внутри сидит.

Я помалкиваю, а сам вспоминаю его рассказ «Ясным ли днем». Ведь подлинно – целая жизнь. Роман.

Приехали в село Каратуз. Кто-то тотчас и расшифровал – «Черная соль». И гостиница уже с именем цели нашего путе-

шествия – «Амыл». И на стене первыми среди обязательного гостиничного набора услуг чьей-то иронической рукой вписано: «клопы».

Вечером председатель райисполкома принимает Виктора Петровича в сельском кафе «Казачье». Малосольный хариус, жареный ленок с молодыми побегами папоротника (село поставляет их в Японию вместо грибов в обмен на товары), крупные сибирские пельмени, чай со здешним травным медом, густой, как туман. Председатель не забывает похвалиться, полагая, что Виктор Петрович при случае может «вставить в книжку»:

– Селу 250 лет, а асфальт только с моего времени – скоро десять лет. И круговую дорогу я тут провел, чтобы в селе не пылили. Телебашню вот в сто тысяч построил, выкроил из местной экономии.

Секретарь райкома тоже радуется Виктору Петровичу и отводит душу, рассказывая, что давно в руководстве и хорошо помнит, как гноили здешние замечательные арбузы – маленькие, с тонкой кожей, которые хорошо было солить, потому что госпоставки присылали молдаванские арбузы – толстокожие и безвкусные – и надо было запахивать свои, чтобы продать чужие. А на будущий год уже своих-то и не садили. И в соседнем Шушенском тоже перестали ими заниматься. Виктор Петрович тотчас подхватывает, что он тоже помнит, как плавили здешние арбузы в Красноярск по Енисею на плотах, и они с ребятами плавали клянчить. И мужикам было не жалко. Они бросали ребятам арбузы и те толкали их перед собой «кумполом» к берегу и там, отпыхавшись, раскалывали о камни и ели. И оба на перегонки поругивают советское хозяйство с этими его госпоставками, которые свели не одни арбузы и великолепные здешние яблоки, и даже помидоры. И тут же неожиданно для собеседника Виктор Петрович зло говорит: «Ваш-то, лысый, знал, куда в ссылку ехать – арбузы, яблоки. Рай!». Секретарь сначала не может понять – о ком это он. Потом понимает и медленно бледнеет и оглядывается на председателя райисполкома, но тот «не слышал». И секретарь успокаивается. А уж там Виктор Петрович, войдя во вкус беседы, пошел сыпать свои завораживающие истории. И тут только слушай!

– Тут от вас недалеко, малость поюжнее, живет мой друг Петр Герасимович Николаенко, который вытащил меня ране-

ного с поля боя. Вот был здоров! Когда он вернулся с фронта и узнал, что пока он там бился с врагом, местный председатель бился по ночам с бабами и тиранил их поставками и займами, он вытащил этого председателя из постели и пустил по деревне нагишом, чтобы бабы посмотрели на него днем. А когда парторг начал ему в правлении читать наставление с цитатами из Маркса, мой Петро Герасимович сгоряча и его пустил в окно правления, так что они (вдвоем с Марксом-то) высадили раму и пали под окно с громом и битым стекольным звоном. А уж чего они там со своим Марксом кричали, Петро Герасимович не слушал, потому что уронил кручинную голову на пудовые свои кулаки и заплакал от несправедливости жизни. А когда собрался до хаты, зазвонил телефон. Петро, как бывший связист, автоматически снял трубку: «Чого тоби?» А оттуда: «Председателя». – «А його нема. Я його пустив по селу голяком». – «Тогда парторга». – «А я их з Марксом покидав в викно». – «А ты кто же такой?» – «Да Николаенко, Петро Герасимович, з фронту вернувсь, а воны тут, суки...» – «А я, – говорит трубка, – секретарь райкома такой-то, тоже с фронта вернулся. Раз ты там всех в окно покидал, то ты и будешь председателем».

И Петро потом всегда говорил: «А шо я мог зробыть? Я ж партейный. Ты-то, говорит, как-то на фронте вывернувсь, а я не мог. Так доси и маюсь. И на шо мени було брать той телехвон!»

Вечером в гостинице Марья Семеновна смешно передразнивает Виктора Петровича, как он, «выставив пузо», похаживает перед ней и говорит, интригуя: «А я название рассказу придумал». И не говорит, какое. При этом Марья Семеновна и сама выставляет живот и тоже прохаживается, как якобы прохаживался Виктор Петрович, что необыкновенно смешно. – А название-то «Стукач с хвостиком», которое одно только прочтут и рассказу конец, даже до первой строки не дойдет!

18 июня 1983 года. Выехали из села, когда над рекой еще лежал туман, но даль уже была чистая и впереди синели Саяны с плешинами снега в распадках на северных склонах. Незаметно доехали до села Кужебар («Соболь есть»), откуда уже должны были пойти на лодках. Виктор Петрович оглядывался как-то во все стороны сразу и не мог нарадоваться:

– Вот это Сибирь! Вот она, матушка! А я уж думал – ее нет.

Не-ет, коммунисты еще не всю извели. Тут мужик еще держится. Гляди, какие заплоты, резьба, стайки какие, палисадники. Чистота, богатство. А цветы-то цветы у баб на окнах! Красота! Вон тот, гляди, желтый – чистый Китай, до него тут недалеко. Сбежал цветок от товарища Мао. А колоды-то как хороши! Тут мужики шпангоуты на лодки гнут. Или вон, погляди, печь в землянке, где полозья на сани и дуги заворачивают – хоть бы щепочка где. Одни только вон «Борисы Николаичи» хрюкают, как больные, тяжело себя носить. А этот-то, этот, гляди, залез на подругу свою! А почё – забыл, задумался. Про социализм соображат.

Купили на всю рыбалку двадцать «маленьких» и десяток буханок хлеба. А уж хлеб, хлеб! Прямо из сельской пекарни. Не отними – весь умнешь. Зашли перед дорогой к отцу одного из наших вожатых по реке. Глухой, но еще шустрый и сразу хвалится, что еще кидает с таким же глухим и старым товарищем сетчонки на реке. Виктор Петрович вышел, смеется:

– Ох, поглядел бы я, как они вдвоем ночью браконьерят. Боятся, орут друг на друга, оглядываются, больше, поди, в штаны, чем в мешок накладывают, но все-таки – на реке, хозяева все-таки, мужики при деле.

В красном углу Никола строгого и редкого письма, никак не меньше, чем трехвековой давности. Хозяйка с порога спрашивает: «В Господа-то веруете?» – и перед дорогой благословляет.

Отплыли вместо одиннадцати, как намеревались, в полвторого. Виктор Петрович спокоен.

– Ничё. Я так и думал, когда мне про одиннадцать сказали, что к часу можно ждать. Мужики ведь еще поувертываться должны – может, других пошлют, может, мы сами раздумаем – всегда может что-нибудь случиться.

Шли хорошо, ходко. На двух лодках, потому что было нас для одной лодки многовато: кужебарские мужики Алеша с Кешей (Иннокентием, конечно, но его, наверно, звали так только раз в день крещения), да из Иркутска Михаил из писательской конторы. Скалы, как на Чусовой. Это мы сразу с чусовлянкой Марьей Семеновной отметили. Виктор Петрович сунулся вычерпывать воду, оскользнулся – бултых. Измочился, и всё ворчал, что стал стар и неловок. А тут и наш Кеша после бессонной ночи и стаканчика на повороте – туда же. И тоже

хоть выжимай. Кажется, это неожиданно подбодрило Виктора Петровича и он стал глядеть веселее. А река всё в гору и в гору! Так и видно, что вся будто ступеньками идет – перекат на перекате. Тридцатисильный мотор тянет с надсадным криком. Лодка почти стоит и гул, как на Тереке («Терек воет дик и злобен...»). Горы впереди всё выше. А на них всё чаще снег. Плавивший нашу лодку (здесь не возят, а плавят) Кеша, между прочим, обронил на развилке: «Вот пойдем левой матерой – там начнется настоящая дурь».

– Чем-чем пойдем? – переспросил я, вспоминая еще так недавно прочитанное распутинское «Прощание с Матерой».

– Левой матерой. А чё?

А я уж и сам догадался, что «матера» здесь – стержневое течение, «борозда» реки. И сразу увидел и название распутинской повести шире. Не просто с еще одной деревней прощание, а со стержнем ее, с основным, живым течением.

Как и обещал Кеша, дальше пошло еще сложнее. Скоро лодку пришлось тащить бечевой, потому что на шесте нечего было и думать вытянуть. Мотор царапал дно, да мы уж и сломали два винта о камни, когда прыгали через предыдущие перекаты. Именно прыгали – сначала надо было навалиться на корму, поднять нос повыше, а потом разом броситься в нос, чтобы поднять мотор. И лодка, крича от усилия, ползла дальше. И вот – в бурлачество. Так и дотянули до места назначения – ключа «Горячего». С пасекой и зимовьем. Кеша долго матерился, увидев на двери зимовья замок: «Никогда такого не было, чтобы в тайге запирали дверь. Вдруг человек идет, устал, промок...» – и спокойно курочит замок топором. А уж там пошло. И печь разошлась. И костер обрадованно затрещал, и «маленькие» наши оказались очень к месту. А там и звезды повысыпали поглядеть, что за люди. И уже радостно было вспоминать день и перекаты, и как кувыркались в воду Кеша и Виктор Петрович.

– Мы когда к Днепру подошли, тоже, оказалось, никто «плавать не умеет». «Разучились» все. А мне уж разучиться было нельзя. В любую бумагу погляди – на Енисее вырос, кто поверит? А река голая, как стекло. Все немец, паразит, прибрал до щепочки. Нет, думаю, рыбачили же хохлы на чем-нибудь, не с берега же с удочкой – не ребятишки. Должны быть какие-то плавсредства попрятаны. И нашел – затопленную ду-

бовую колоду в старице. Связь переправил. А на реку оборачиваться боязно. Светло, как днем, хоть переправлялись в самую середку ночи. И наглушило нашего брата, как рыбы. Плывет солдатик-покойничек, отмаялся. Умели плавать, не умели, притворялись, храбрились – все одинаковы и все здесь, потому что так уж эта война была придумана, что и обстоятельный мужик не держался. А какая-то падла-политрук придумал плавсредство в виде плащ-палатки, набитой сеном. Сам, курва, на таком сене не поплывет. Вот и несет покойничков. Из двадцати пяти тысяч закрепилось на берегу три тыщи восемьсот. Зарылись в откос, как стрижи. А поворачиваются солдатики на родной берег, а там музыка, бля... Кино! Прислушались – «Цирк» показывают с Орловой. Гуляют политруки! Победу празднуют – плацдарм они захватили!

Виктора Петровича положили на нары. Сами поместились на полу, на плащ-палатке (жалко, без политрукова сена), перетягивали ее друг у друга всю ночь, зябли, ворочались без конца, били комаров. Кеша даже храпеть умудрялся – свой комар его не трогал. Ночь была долгая.

19 июня 1983 года. С утра Виктор Петрович наладил мне удочку, а сам ушел с мужиками на какую-то Мамриту. Я взял одного хариуса и на радостях оборвал леску и отправился делать осокоревый «чусовской» поплавок, как в детстве. Когда «профессионалы» вернулись, у Кеши тоже было штук шесть, да четыре-пять у Виктора Петровича. И весь улов. Уха, однако, вышла богатая, редкостная.

Говорят, видели козла косули. И отправили меня на лабаз покараулить. Скоро меня заели комары, да и лабаз показался слаб и низковат – вдруг медведь – вон глушь какая – даст лапой, и нет никакого лабаза. Слез – и домой. Кеша только вздохнул: «Нет, Валентин, вы не таежник». Да уж. Однако я все-таки собрался дойти с ружьем на высящуюся невдалеке горку. Кеша сказал, что про медведя я думаю правильно и что их тут хватает: «Попадется – лучше не стреляйте. И не бегайте. Стойте. Он уйдет. Бобра стреляйте в голову, лося под лопатку, козла тоже. И не заблудитесь»...

Я ухмыльнулся. Где тут блудить-то – гора сразу за пасекой. Однако карабкался, держа ружье наготове, и уже на самой вершине папоротник вдруг зашумел, метнулся. Ну, думаю, всё. Ружье туда. А оттуда наши две собаки – Дик и Боб, соску-

чившиеся без дела. И не поверившие Кеше, что я не таежник, – как же, с ружьем мужик.

В обе стороны до горизонта уходили Саяны в снегах. Амыл коленями и локтями выглядывал из тайги там и тут. Соринкой прошла лодка с нашими вожатыми, отправившимися походить немного с сетью, раз удочка не утешает. Пасека лежала как на ладони. Полюбовался и хватит. Пора домой.

Спустился и увяз в папоротниках выше роста, туго перевитых другими травами – внизу и не видно, что за травы, что за помершие деревья, там и тут лежавшие поперек пути. Скоро уж и устал пробивать эти травы, стал чаще спотыкаться и падать. Душно стало в нагретых травах высотой до небес. Два раза залез в какое-то болото. Боб удрал куда-то. Дик шаг в шаг тащился за мной, и сколько я ни кричал ему: «Домой!», надеясь увязаться за ним, он плелся следом. То обнаруживался просвет, и я кидался к нему, то деревья сходились стеной и надо было обходить их. И уже начиналось то остервенение, когда готов махнуть рукой и сознаться, что заблудился, но остановился, долго слушал, услышал реку и с облегчением попер к ней напролом. Вышел много выше пасеки. И когда к сумеркам дошел до нее, сразу услышал выстрел с лабаза. Потом еще один. Михаил ушел туда после меня. Вдруг, думаю, медведь-то все-таки надумал прийти. Пули в ствол, собак с собой и туда. Слышу, сопит Михаил. Тащит козу на плечах. Дик с Бобом осатанели, кинулись лизать рану, подпрыгивая. Пришлось пинать обоих, чтобы отогнать. А тут еще дождик начал сеять.

До часу ночи снимали шкуру, разделывали. Свет фонарика метался, оглядывались на каждый взлай Боба в темноту. Виктор Петрович уже спал. Мишка все приговаривал: «Жалко козочку».

Гляжу, уже вспарывает вымя, и молоко под дождем показалось особенно белым на грязных досках двери от сарая, которую мы положили на ко́злы. Утром Кеша спрашивает у Мишки:

– Коза?

– Коза!

– Ну, завтра ребята ее станут кричать. Ничего, покричат маленько. Шкуру выброс. Гляди, как бы Боб голову не вытащил.

Спали плохо. Ночью, вернее уже к свету, вернулись опять ходившие с сетями Кеша с Алешей. Поймали хорошо. Показали ленка, которого Виктор Петрович всегда так ярко описывал. Действительно хорош – в красных пятнах по бокам – чистый петух! Так ночь незаметно и перешла в утро.

20 июня 1983 года. Все утро шел дождь. Виктор Петрович, узнав, что убили козу, поворчал: «Ну, молодцы, молодцы», но как-то не сердито. Видно, тут так и надо. Тайга как тайга, тут законы свои. Застрекотал вертолет. А мы и позабыли, что – выборы, что не только Виктора Петровича выбирают, но и самому ему надо выбирать «беспартийного, несудимого» (других бы не стал). Вертолет покрутился, покрутился, ища место для посадки, не нашел и улетел. Остались мы без избирательного права. Но все равно хватили по рюмочке за депутата краевого Совета Виктора Петровича Астафьева и за его избирателей, а потом за Марью Семеновну и Виктора Петровича как за блок коммунистов и беспартийных, потому что «Маня у меня в партии с рождения и мою идеологическую чистоту блюдет». Потом он начнет собираться на рыбалку и, выбирая очередную мушку, хвалиться: «Еще чусовская. У меня все лучшее, чусовское, начиная с жены».

Ну а тут, по случаю праздника, началась у кужебарских мужиков стрельба по котелкам и бутылкам.

– Ох, не люблю я эту чалдонскую пальбу. Как выпьют, так пошел полоскать – того гляди убьют.

И ушел рыбачить. А мы попели всласть и «По диким степям Забайкалья», и «По Дону гуляет...», и Кеша все удивлялся, откуда я знаю их «сибирские» песни. Потом думали снова податься на реку, но дождик не переставал, и Алеша пошел спать, а Мишка с Кешей потащились на лабазы под молитву Виктора Петровича, «чтобы обошлось без выстрела». Вернулись затемно и действительно без выстрела. Долго сидели у костра, вспоминая все виды рыбалок и все реки страны. И как-то опять оказались на Днепровском плацдарме:

– Марша́лы (всегда он ставил ударение так) – они уж напридумают чё-нибудь вроде нашего отвлекающего прорыва... Не люблю я их, курв, больше, чем немцев. Те враги – там все понятно. А эти-то как могли нам в глаза глядеть! Как мы там ночью жрали сырую рыбу. Сколько ее плыло вместе с солдатиками – воды не видать. Мучались потом поносом. И крысы

по плащ-палатке – шурх, шурх. И чувствуют, падлы, лапами тепло, сразу на другого, и там, слышишь, – жрут, визжат, пьянеют от мертвечины. Я потом у Ремарка «На Западном фронте» прочитал о крысах и сразу вспомнил.

21 июня 1983 года. Утром простились с Алешей и Мишей – отправили в Кужебар, а сами подались вверх по Амылу. Река уже пошла между гор, высоких чистых кедрачей. Пасеки стали одна за другой выходить к откосам. Царственный покой и вечность осязательно стояли по берегам. И уж какие тут разговоры о войне, но я именно тут вспомнил мысль польского, рано умершего поэта Эдварда Стахуры из его дневника, что убить нельзя только безоружного человека. Мысль была старая христианская, но каждый раз почему-то поражающая и враждебная здравому смыслу агрессивной, не любящей такие мысли истории. Виктор Петрович долго не думал:

– Может, в высшем-то смысле и так, да только человечество давно остервенилось и этому высшему смыслу дороги не даст. В Туркмении, мне рассказывали, археологи выкопали государство высокого расцвета, не ведавшее оружия и насилия, довольствовавшееся земледелием и плодами культуры. Так татары не просто их на нет свели, а вырезали с каким-то особенным озлоблением. Вооруженный человек – это совсем другой человек. Они с безоружным почти разного вида, и в согласии им не жить. Жалко хорошую мысль Стахуры, а только свету ей не видать.

Забрались повыше, а потом стали потихоньку спускаться от переката к перекату. Рыбалка пошла получше. Виктор Петрович оживился, повеселел. Полавливал потихоньку, но тема, видно, застряла, и он ее не забывал:

– Ты все меня пытаешься убедить, что понимание войны меняется в сознании. Меняется, да не совсем. Зайди вон в магазин, где инвалиды получают свои пайки. Изувеченные люди сидят, коротают очередь, вспоминают. И редко кто похорошему. И мораль, в общем, одна: хрен с ними, с пайками – могли и вовсе не давать, только бы войны не было. И не себя уже, а детей своих жалеют. А тут последний раз прихожу – является такой подтянутый, бойкий, не спрашивает, кто последний, а пускается в выяснения, кто первоочередник, а кто, значит, во вторую очередь. Смотрю: мужик, кривой, вроде меня, морда калеченая, уже задергался: «Тут все первоочеред-

ники, комиссар!» Тот сходу: «Что такое? Вы кто такой? Почему комиссар?» – «Видно птицу по полету». Так что вот у этих первоочередников ничего не меняется.

Вернулись на «свою» пасеку, а там уже хозяин, которого все эти дни не было, Валера – фиксатый, блатной, горластый:

– А меня не колышет, кто вы такие. Я перевидал фраеров! Я вот сегодня путем, и вчера, и позавчера был путем (попил, значит, всласть). Ладно, будем мужиками!

Потом мы парились, купались после парилки в ключевой воде, и он, порассмотрев и кое-что сообразив, уже юлил хвостом перед Виктором Петровичем.

– Я тебя читал, папаша. Твою книгу, как она называется?.. У нас есть. Там браконьер один осетра поймал и чуть не утонул. Видал – знаю. Я и Черкасова читал. Я тебя полюбил. Будем мужиками! Хошь шапку из соболей или из бобров – чё хошь. Я тут хозяин. Я бью этой падлы за зиму, скоко хочу. Приезжаю на «Буране» по реке и месяц сажу из всех стволов. У меня тут военком – кореш, и прокурор – кореш, и секретарь – кореш. Все в Валериных шапках ходят, мой мед жрут и мое мясо. Как приедут ко мне, как начнем садить по бутылкам – патроны коробками летят. Всё путем! Надо быть мужиками. Я «Калашникова» не люблю. Это не оружие. И карабины эти... У меня оружие получше. Я тебе одну пулю покажу. Умный – догадаешься (и вращал перед глазами пулю «дум-дум», глядел на нее, горя глазами, и ласкал ее). Ух ты, красавица моя! А? Погляди-ка – зверь, а не пуля! Это я люблю – как марала саданул, он у меня весь на эту пулю навернулся. Поедем к Ваське! Я, бля, ночью по реке пройду, куда хочешь – вверх и вниз. Мы – чекисты, у нас закалка старая. Я тебе не говорил? – я был начальником погранзаставы, потом заведовал здесь больницей (на хер мне эта застава, я зубы научился ставить). Но я люблю попить путем. А пришла там одна сука – Аллочка. И я ушел. Мне тут лафа, я тут хозяин. Я тут всех... Я тут могу два плана дать, один в колхоз, другой продам. И всё путем! Поехали к Ваське! У него есть! И брага есть. Я ведь вчера на вертолете с мужиками посылал вам красного и браги. Хер, говорю, с ними. Они говно – начальники, а меня это не... Я – мужик не жадный, пускай выпьют. А они, видно, суки, сами выжрали – вот к вам и не сели.

Мы так и уснули под его бормотанье и мат...

22 июня 1983 года. Ушли с утра, пока Валера, который все-таки уехал к Ваське «продолжить», не вернулся. Не хотелось нам его видеть. Комар разошелся – ни удочку взять, ни весла. Солнце жарит, вода сверкает. Хариус прыгает за мушкой, но не берет. Балуется. Толкнет – и в сторону. «Поправлялись» после Валеры. Виктор Петрович только открыть успел, передал мне, а я и урони в перекат – говорю же, комары, как звери, – только отбивайся. А она, матушка, последняя. Ну, думаю, всё. Убьют. Виктор Петрович хмыкнул, но внутри тоже похолодел. А выдернул я ее полную, сверкающую, и оказалось, что только долил малость, а не пролил. Родная река – понимает, что к чему.

...Вечером прощались с Кужебаром. Кеша наяривал на баяне. Алеша все пытался спеть культурного Баснера, а Виктор Петрович, смеясь, перекрывал «Дикими степями» и нет-нет просил Кешу сыграть «по заявкам трудящихся» композитора Будашкина «Ой, тайга, тайга густая!».

Я ушел в село поглядеть на дорожку – когда еще судьба занесет? И занесет ли? И не мог нарадоваться покойному вечеру, закату, теплу. Какой-то Колька долго кочевряжился на тракторной тележке, пугая кур и собак, виляя по деревенской улице, пока не ухнул в канаву и, к радости баб, не перевернулся вместе с тележкой. Бабы весело кричали товаркам вдоль улицы: «Нюрка, Фенька, Любка, иди погляди, как Колька кверху жопой лежит!» И всё это тоже отчего-то было мирной частью вечера и дышало покоем.

Кладбище стояло высоко на чистом холме и было тоже домашнее и приветное, как сам вечер. Все село на виду, отроги Саян, родной Амыл. И спокойно думалось, что, наверно, хорошо умереть здесь и быть утешенным долгим теплым вечером, зеленой беседой берез под чуть заметным ветерком и лежать под толстым лиственным старообрядческим крестом в два метра, на котором вырезаны стамеской местного столяра простые буквы: «Здесь раб Божий Николай, Тимофей, Петр...» Как на перекличке в день Страшного суда, где все правы и встают перед Господним взглядом для теперь уже подлинно вечной жизни в небесном своем Кужебаре над небесным Амылом.

В избе душно. Крик не угомоняется. Трехсотлетний Никола глядит из угла укоризненно и смиренно. Старики маются. А

Виктор Петрович под горьким взглядом Марьи Семеновны, которая знает, как он будет страдать завтра, радостно смотрит, как поляки колотят кого-то в футбол весело и погромно. Наконец, устает и он.

23 июня 1983 года. Мы оставляем село, реку, дорогих Алешу и Кешу и под ворчанье медленно оттаивающей Марьи Семеновны катим опять через Хакассию, мимо худых свиней и лошадей в ирисовых полях к родной Бирюсе, дивногорской «Швейцарии», уже в ночи мелькнувшей Овсянке, в которой так хотелось остаться, – домой – в порядок работ, припасенных для меня чтений, в обычный строй командировочных забот до отъезда.

А этот счастливый сон – навсегда позади. Во всяком случае, мой нечаянно нашедшийся дневник на этом смолкает.

О. О. Павлов

Русская литература и крестьянский вопрос *

Народный герой вышел из массовки. Человек из народа – это как лицо из толпы. Но в момент появления Ивана Денисовича, хоть его, казалось, не ждали, физиономия народного героя была уже вполне узнаваемой и во многом литературной. О своем народе в России со времен Радищева узнавали исключительно по литературе. У Толстого или Успенского герой из народа к тому же смешивался с народом. Иначе сказать, «олицетворял». Понять хотели, конечно, крестьянскую психологию и обманывались, потому что это было только столкновением с ней, да и вдалеке от деревни с ее жизнью. Тут уж, скорее, Толстой все же написал не мужика, а солдата из мужиков. Один выпуклый и яркий образ из простонародья – Каратаев. Всё в нем одном – народный характер, сила, дух; и ничего того, что возвышает, наполняет человеческую жизнь высшим смыслом. О смысле жизни уже задумываются деревенские герои Солженицына, Можаева, Астафьева, Распутина, Белова, Шукшина... Простодушная философия жизни, вся эта каратаевщина, утыкается в их душах в тупик, делается жиз-

* Публикуется в сокращении (полностью: журнал «Октябрь». 2005. № 1).

ненной драмой. В этих героях появляется личность, личное – а тогда и высший смысл, и психология. Однако в литературную реальность он приходит не сам по себе, а с толпой себе подобных, со всей своей средой, тогда и обнаруживая гибельное одиночество... Он чужой среди своих. Это народный герой, исключенный из общей, тогда уж народной, жизни.

Одиноки потому, что наделены волей, силой... Так вот и Кузькин у Можаева, и Иван Африканович у Белова – с виду высохшие никудышные мужички, а в работе наделены невероятной силой, которая неизвестно откуда берется. Как будто гибнет огромное дерево, падает, подрубленное под самый корень, но корни, что остаются в земле, врастают еще глубже, живут, хоть больше ничего и не держат на себе, и не скрепляют, кроме дурацкой неживой «колхозной системы». Сила такого мужика – в борьбе за самого себя. Это жизнь в поисках лучшей доли. Но для себя одного, чтобы своим умом жить. В то же время не может он устроиться как все – это и характер в нем такой, заковыристый, но и какой-то избыток силы крестьянской, которой уж нет в других. Нет ее в сельском начальстве – вроде бы властное, нахрапистое, оно беспомощно скукожилось в своем партийнобилетном рабстве. Нет в колхозничках, которых хватает на то, чтобы обогатиться лишним куском. У Кузькина того же – не хозяйство, а дыра, ведь когда за неуплату налогов придут имущество описывать, то найдут в избе один старый бессмысленный «велосипед». Пусто в избе у Ивана Африкановича. Пуст и Матренин двор.

Изгоями в русской деревне становились люди ленивые, равнодушные, слабые, и отчуждало их само же крестьянское общество, сплоченное хозяйским отношением к земле, но в героях деревенской прозы дается нам совсем уж обратный пример, и мы видим, что в советское время бедность достается в уплату за трудолюбие, а лишними оказываются люди самостоятельные и сильные духом. Он изгой добровольный, этот русский человек. Они живут на отшибе, держатся в особицу. Сами по себе. Чудики, правдоискатели, они воспринимаются окружающими враждебно, потому что как бы вмешиваются в общую жизнь – в стремление все понять или всех уравнять перед законом. А в Бога не верят. Сознательно – все они безбожники. Единоличники, даже по вере своей понимающие Бога с его судом как «начальство», готовые и этому на-

чальству, небесному, возразить. Так ухмыляется Кузькин, когда слышит: «Терпение – это Бог в нас». Но терпел – и будет терпеть. Или вот Иван Африканович, который Библию сменял на гармонь, чтобы жизнь сделать повеселей. А взбунтуется, вырваться захочет на свободу, на себя одного понадеется – будет самой же этой жизнью наказан. Великая тайна народной души – ее терпение. Казалось, определяющее, что увидели эти писатели в своих героях, – это терпение. Только вот терпеть значит для них найти в себе силы к сопротивлению.

Эта жизнь, эти герои не были выдуманы. Призванные сказать правду о гибнущих деревнях изобразили вдруг в своих мужиках и бабах силу удивительную, непокоримую, исходом для которой, однако, становится бессмысленное исчезновение. Чудики сгорают, бросаясь, как мотыльки, на неведомый свет. Правдоискатели, как ни тяжела уже была их судьба, калечатся, несут в себе разрушительный дух сиротства, бездомность. Праведники гибнут. Трагедия крестьянской жизни оказывается в том, что ее невозможно прожить в одиночку, как будто человек в этой жизни такая вот пчела или муравей, существование которых подчиняется только общей цели и не имеет без нее смысла. Порушили муравейник... Разворотили улей... Все опустело, но нельзя опустошить никому и никогда этой великой цели! Вот почему пчелки эти да муравьи – соль русской земли. Только они связаны с ней притяжением этой цели, только они свято подчинятся ей, соберутся в целое и своим трудом примутся возрождать порушенное да разоренное, однако не в силах ничего изменить и обновить в том, что построят, то есть нарушить вековечное задание. Они должны погибнуть или построить такой же муравейник, неотличимый от когда-то порушенного, такой же улей. Всё вернут на свое место, данное свыше, на круги своя. Они и есть народ, хранители земли, ее трудолюбивые и преданные дети, хоть со всех сторон их-то жизнь кажется бессмысленной, механической, абсурдной, рабской.

Взгляд крестьянских писателей не был посторонним, но в мытарствах деревенских героев изображается только абсурд, механическая, бессмысленная жизнь людей на отнятой у них земле. В жизни колхозных муравейников они не увидели непроглядную черноту, а единичные примеры хорошего, как в публицистике Можаева, все обращены к опыту, перенимаемо-

му из прошлого. И даже защищая деревню реального времени, то есть сам уклад деревенской жизни, как будто оберегали прошлое. Здесь опять же обнаруживает себя то мышление, для которого прошлое является единственным источником и началом всего хорошего, но скрыто в нем прежде всего глубокое неприятие новой реальности. Это значит, что они не хотели принять реальность новой деревни, с победой в ней веления государства над хотением мужика и даже с последующей сокрушительной победой колхозников над государством, когда они уже с выгодой для себя разваливали дармовое «сельское хозяйство». А глядя на колхозный муравейник, не могли найти объяснения, почему же люди не ищут для себя из него выхода, как смогли прижиться и что такое на земле родимой строят... Солженицын: «Долгие десятилетия мы истощали колхозную деревню до полного отобрания сил ее, до полного отчаяния – наконец, стали ей возвращать ценности, стали вполне соразмерно платить – но *поздно*. Истощены ее вера в дело, ее интерес. По старой пословице: отбей охоту – рублем не возьмешь». Абрамов: «Исчезла былая гордость за хорошо распаханное поле, за красиво поставленный зарод, за чисто скошенный луг, за ухоженную, играющую всеми статями животину. Всё больше выветривается любовь к земле, к делу, теряется уважение к себе».

В этом честном взгляде честных людей заложена все же своя идеология и даже психология. Их одержимость идеей возрождения русской деревни была не чем иным, как скрытой мечтой о крестьянской власти, сущность которой, по определению Чаянова, и состояла в «утверждении старых вековых начал, испокон веков бывших основой крестьянского хозяйства». То есть эта идея могла быть осуществимой только со сменой самого типа власти в России, где землей распоряжалось гигантское государство, постоянно нуждавшееся в мобилизации всех своих ресурсов и – как следствие – в модернизации. Крестьяне во все времена стремились скрыться от его присутствия, обособиться, а в сопротивлении этом зарождались и возникали уже своего рода потайные формы жизни, законы, понятия. Это тот самый «огромный резервуар реакционности» и психологический, и идеологический, наполненный прежде всего отрицанием каких-либо новых начал. Поэтому все новое вводится принудительно, то есть приводится в ис-

полнение государственной машиной со всем ее арсеналом тупых и бездушных мер, отчего даже разумные решения доводятся до абсурда, достигая обратной цели. Поэтому источником крестьянских возмущений, от малых до великих, когда это сопротивление превращалось в открытую борьбу, было всегда недовольство новым. По сути, это значит, что приемлют один порядок – *свой* и только одну власть – *свою*.

Жить по этому порядку мужики начинают тайком, то заводя «дальние пашни», то пускаясь в бега, поэтому крестьянская жажда справедливости веками уживалась с обманом. Поразительно, но при всем своем трудолюбии мужик склоняется к воровской свободе, даже становится ее идеологом... В каком-то смысле воплощением крестьянского порядка стала община, такая же сама в себе потаенная. Поэтому бороться пришлось и с ней, причем в том же полицейском режиме, насаждая уже идею личной ответственности, но столыпинский передел земли с отдачей ее в собственность единоличникам расколол и ожесточил русскую деревню.

Чтобы соединить мужика с землей, нужно устранить его нужду в земле, то есть вернуть ее в общую собственность и поделить по числу работников – тогда возможно торжество крестьянского порядка, но это уже задача власти, и она должна быть крестьянской. Только высшая цель для мужика – это не власть, а земля, поэтому и стремятся мужики к захвату земли, а не власти. Это противоречие стало трагическим для России, когда в него вмешалась интеллигенция, с ее идеей служения и мечтой о свободе. С этого момента земельный вопрос как бы отрывается от своей почвы, он приводит к борьбе с властью – и за власть. Для интеллигенции – это вопрос борьбы с государством. Для правительства – с революционными настроениями в обществе. Сельское хозяйство тогда-то и становится в России «идеологическим». А исход этого сражения, однако, решался не на страницах газеток, не в тайных кружках или на думской трибуне, где боролись за свои идеи какие угодно политические силы, только не мужики... Крестьянство не было даже сколько-то солидарной политической силой, но в стране, почти всё население которой жило земледельческим трудом или имело деревенское происхождение, уже властвовал в сознании людей крестьянский порядок. Это то, о чем писал Короленко: «Образ царей в представлении крестьянина

не имел ничего общего с действительностью. Это был мифический образ могучего, почти сверхъестественного существа, непрестанно думающего о благе народа и готового наделить его «собственной землей». Только эта «готовность» открывала дорогу к власти над Россией, поэтому смена власти становилась революционным заданием, а значит, разрушительной для ее реальности. Но победа революции не была бы концом! Если прийти к власти значило, по сути, провозгласить крестьянский порядок, то, чтобы победить, нужно было уже его уничтожить и восстановить «государственное правление». И такая партия, то есть сила, в России нашлась. Она наследовала формы поведения, заложенные в крестьянских восстаниях, а идеологию у революционных романтиков, которых плодила русская интеллигенция. Целью этой партии было построение коммунизма, но, чтобы превратиться во всемирную коммунистическую бабочку, марксистской теории предстояло соорудить мощный индустриальный кокон.

Брестский мир освободил от войны за собственные границы. В Гражданскую завоевали власть. Подавили политическую оппозицию, извели под корень даже внутрипартийную.

Если крестьяне не принимали советский порядок, то его не могло существовать. Чтобы подавить крестьянское сопротивление (итальянский вице-консул Леоне Сиркана в своем секретном донесении, сделанном в 1933 г., сообщал, что сельские массы сопротивляются «пассивно, но эффективно»: «<...> все выливается в непрерывный ряд мелких, даже ничтожных операций: несжатое поле здесь, несколько центнеров припрятанного зерна там...»), советское государство стало машиной по истреблению собственного народа. Во многом именно необходимость в тотальном государственном насилии привела к власти в партии Сталина и его сторонников. Ответным влиянием этого насилия на партию было ее моральное вырождение. Строить было уже нечего, да и некому.

Ответом на уничтожение 15 млн человек в крестьянской войне оказывался и колхозный муравейник. Мы видим в колхозах массовую «терпимость к бедности», которой не было в русских мужиках, – вот что отличало психологию колхозников от крестьянской. Бедность «терпели» как бедствие доведенные до нее раскулачиванием, войной. Только терпение, с которым человек противостоит разрушению, все же нельзя приравнять

к терпимости, когда человек прекращает бороться за свое достоинство и ему не стыдно за себя перед людьми. В советском мифе бедность – это пролетарская сила. Богатство – зло. Бедняк и побеждает в деревне. Крестьянская масса стала однообразной и более сплоченной. Однако с этого равенства всех и каждого в отношении к труду начинается утрата общественной совести, то есть стыда. И тут уже встают перед глазами картины разложения, упадка сельской жизни. Не стыдно жить в бедности – не грешно быть пьяному. Водка выжигает народ, но здесь из поколения в поколение переходит один и тот же порок. Это национальная болезнь, да не от поллитровки зашаталась «сельская Русь»... Так, в «Прощании с Матерой» у Распутина кто страшнее? Одинокий урод, какой-нибудь там Петруха, что все пропил и кому терять в жизни нечего? Страшнее-то другой, крепкий и домовитый мужик, который капли в рот не возьмет, а в заботе суетливой о хозяйстве забудет родную мать, так что уподобится жалкому пропойце; картошку выкопает, чтобы не пропадать добру, – а косточки родные на дне водохранилища без приюта оставит, потому что это ведь не деньги там на погосте в землю зарыты. Вот что страшно, когда всё, даже родное, мерить только своей выгодой начинают, кровной деньгой. В колхозных муравейниках каждый за себя копошился – свое хапал, для себя одного приберегал. Там уничтожается великая идея «народной совести», а строят такую жизнь, от которой приходит в запустение земля. И мы видим дичайшее вырождение форм общественной жизни, как писал Солженицын в своем «Письме вождям»: «Все стараются получить денег больше, а работать меньше».

А может, это громоздили новую жизнь, в которой веками ничего не менялось? В истории мы видим, что русские мужики бесконечно кочуют в поисках лучшей доли, а, значит, никак не хотят, да и не могут укорениться. Да сколько земли распахали, по самую Сибирь! В этом стремлении к захвату и освоению новых жизненных пространств крестьянство соединялось с государством. Но стоило осесть, остановиться или приколачивались к одному месту каким-то указом или повинностью, как начинало мучить малоземелье, – семьи-то росли, а урожай на выпаханной земле давался скудный. Задержка на старой пашне приводила к разорению крестьянских хозяйств от частых ее семейных переделов, плохой обработки и неудобре-

ния. Спасали отхожие заработки, новые запашки или переселение на новое, то есть лучшее место. Поэтому русский крестьянин не интересовался улучшением обработки самой земли, а стремился захватить ее как можно больше. Это то, о чем писал Пришвин: «Главное, я глубоко убежден, что все эти земледельцы наши, пашущие в год по десятине земли, понятия не имеют о настоящем земледельческом труде. И жажда их земли есть жажда воли и выхода из тараканьего положения».

Мужики скитались по земле, поэтому не имели желания заботиться о своей пашне. Они кочевали по бескрайним диким просторам с мечтой о воле, захватывая новые и новые свободные земли. В своих походах за волей русский человек открывал мир без обозримых пределов, находил его хозяином только Бога, поэтому и сам не признавал границ – того, где начинается и кончается государство с его правом или, например, собственность с ее правом. Отсюда эта вековая народная вера: земля должна быть ничьей, поэтому пользоваться землей может всякий, кто захочет. И такая же парадоксальная крестьянская психология: что создано Богом – то ничье, ничье – значит, общее, если общее – тогда и мое, а мое – это мое и только мое...

Эту веру и такую психологию наследовала советская деревня. Потому и ходил Иван Африканович косить по ночам для себя, а днем работал на колхозном покосе. «Ну, правда, не один по ночам косит, все бегают», – пояснял за своего героя Василий Белов. Или в другом рассказе, о другом мужичке: «...он навострился таскать все, что попадало под руку. Копна так копна, овчина так овчина, – начал жить по принципу: все должно быть общим».

«Крестьянин ничему не верит, работает так мало и плохо, как только возможно, он ворует, прячет или уничтожает плоды собственного труда, лишь бы не отдавать их», – сообщал в 1933 г. итальянский вице-консул о крестьянском сопротивлении. Но то же самое, почти слово в слово, мог бы сообщить спустя двадцать, сорок, шестьдесят лет... Крестьяне принуждали государство разоряться – но мы видим государство, которое истребляет свой народ и ведет с ним такую же борьбу. В событиях XX в. произошло катастрофическое столкновение двух утопий, крестьянской и коммунистической, живущих по принципу: все должно быть общим.

В картинах сельской разрухи для крестьянских писателей себя разоблачала только коммунистическая утопия. Поэтому героями в их понимании становятся душевные единоличники – те, как пишет Солженицын, «кто не пошел под колхозный гнет, при недоброжелательной зависти колхозников». Вот они, эти уцелевшие мужики и бабы, для которых важен их труд. Только есть Матренин двор – и есть деревня, что не уживаются в целое. Да и двор урежут, как у Кузькина, под самое крыльцо, – кончится мужик. Это приводит многих русских писателей к мысли, что народом утрачено его задание, – и рождает потребность в новых героях, праведниках. Идеал видели в деревенских старушках, в их нравственном свете. По сути, это был приход к теме спасения в пророческом звучании, с ожиданием апокалипсиса, конца. Это путь от правды к праведности. Но как ощутимо уменьшается на этом пути пространство жизни. Матренин двор был даже велик. У Дарьи распутинской есть только изба – намоленная, живая, а кругом – чужой, зараженный злом и отшатнувшийся от своих основ человеческий мир. Уничтожить деревенскую избу должен огонь, но это как будто самосожжение, ведь за ее порогом кончается для распутинских старух сама жизнь.

Тогда уж спасение – только бунт. Юродивый – и вдруг богатырь, парадоксально другой герой. Солженицын ищет своего заветного героя в тамбовском восстании. Тогда же, в 1964 г., собирая материалы о Гражданской войне на Алтае, Залыгин обращается к судьбе Ефима Мамонтова, легендарного вожака красных партизанских отрядов... Можаев – к истории крестьянского бунта на Рязанщине; он сам родом из села Пителина Рязанской области, где в 1930-м мужики поднялись по набату громить Советскую власть. Шукшин находит своего богатыря в Стеньке Разине, вот и название: «Я пришел дать вам волю...» Как будто сами готовили мятеж, звали к мятежу!

В своей статье «Нравственность есть Правда» (1968) Василий Шукшин писал: «Есть на Руси еще один тип человека, в котором время, правда времени вопиет так же неистово, как в гении, так же нетерпеливо, как в талантливом, так же потаенно и неистребимо, как в мыслящем и умном... Человек этот – дурачок». Но там же: «И появляются другие герои – способные действовать. Общество, познавая само себя, обретает силы. И только так оно движется вперед». Путь от правды к

бунту куда короче; а герои, «способные действовать», как на подбор устремиться готовы даже не в гущу какой-то там борьбы за правду, а в огонь выжигающий крестьянской войны. И в огне этом погибают, а не побеждают!

Такой герой со всей подлинностью входил в другую войну, тоже народную, но праведную – там он побеждал, как отважные люди Платонова, да и все пронзительные герои военной прозы. Даже в лагерных рассказах Шаламова, когда человек выживал в самых невыносимых условиях, – это было победой над злом, подвигом. Так что в тупик и поражение утыкался сам сюжет истории, но еще важнее: в никуда уводил неизбежный тогда уже образ «внутреннего врага». Можно сказать, появилась его тень, что обретала свои очертания с тайной верой в заговор против русского народа. Зло не рассеялось – в поединке с ним потерял себя русский богатырь. Разбойники не могут обрести праведность, а праведники причащаться кровью. Герои, способные действовать, оказывались во всех смыслах нежизнеспособны – а народ сберегался в дурачках. Да и кого знала история крестьянской войны, только Антонова и Махно? Эсер и анархист с последних рядов – это вожди народа, вдохновители его сопротивления, образ его духовной силы? Если даже так, побеждали Ленин, Троцкий, Сталин – и они становились мифом, превращались в «народных вождей». Других не отыскалось... Новых Разиных и Пугачевых. Сознательно ли, но в поисках национальных героев крестьянские писатели ставили на это место *себя*. Оно как будто предназначено для них историей, судьбой. Своей психологией, мировоззрением они врастают в своих же бунтующих героев. И мы видим превращение художников, с их талантом, в открытых вождей крестьянского сопротивления. Только это война без армий и сражений. Это трагический поединок со временем, порождением которого во многом были они же сами, в тупиках которого одиноко блуждают, запрятывая в своих праведниках и дурачках Россию, а в разбойниках – свои же страдающие души. Хотя, казалось, это был поединок с коммунистической утопией, но тогда откуда их одиночество? Как объяснить, что с ее крушением, когда Россия обрела свободу, приходит еще более гнетущее осознание бессилия, поражения?

Это и не было борьбой за свободу... Боролись за правду, требовали правды, взывали к правде... А это значило «жить

народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду». По сути, они столкнулись с неспособностью своего народа преобразить жизнь. Он бездействует, но поэтому сохраняет себя, а в конце-то концов сберегает жизнь... И оказывалось, что правда – это против людей бунт. То есть против человеческой жизни бунт... Это метафизическое разрушение реальности, которое приводит к страданиям точно так же, как и прямое ее разрушение, будь то революция или война. И это не прошлое вывели они на суд, а прокляли день завтрашний. Катастрофа для России приходит из будущего – вот сознание, которое вдруг побеждало!

В тупике оказался сам крестьянский вопрос, он так и не получил ответа. Был пафос общественных выступлений, вскормленный болью... Гарцевали с какими-то смелыми идеями публицисты – Стреляный, Черниченко, но их и след простыл, когда деревня потонула в мутных водах нового мира. Многое, если не всё, внушалось только верой, что стоит наделить мужиков землей – и тогда уж деревня возродится... Владимир Солоухин: «Если бы разрешили сейчас уходить из колхоза с наделом хорошей земли, вроде как на отрубы при Столыпине, не все бы сразу, а постепенно бы потянулись. Если же нет, то надо считать, что народ мертв, что народа уже как такового и нет, а есть миллионы рабов, есть многомиллионное, потерявшее даже и понятие о достоинстве личности, о национальном достоинстве и вообще о человеческом достоинстве население страны». По сути, это вера в социальное чудо, которая вдохновляется мифом и грозит истребить саму себя, если оно тут же не будет явлено народом. Но деревня не преобразилась чудесно при Столыпине – землемеров, что должны были кроить отрубы, встречали кольями, ведь отчуждали землю для отрубщиков из общей, да притом самую лучшую. Как раз столыпинская реформа еще тогда, в начале века, показала, что просто так мужики земли не отдадут, но и не возьмут. Только это не мифический народ, который обязан считаться «мертвым», если не пожелает «воскреснуть», – он был, есть и будет, да вот не вдохновляется верой в собственное спасение... Примечательно, что с ее утратой таким же пафосом заражалась свободомыслящая интеллигенция. Григорий Померанц: «Народа больше нет. Есть масса, сохраняющая смутную

память, что когда-то она была народом и несла в себе Бога, а сейчас совершенно пустая». И вот не соглашается тогда с таким же, «мифическим», образом народа Солженицын: «Народа – нет? И тогда, верно: уже не может быть национального возрождения?.. И что ж за надрыв! – ведь как раз замаячило: от краха всеобщего технического прогресса, по смыслу перехода к стабильной экономике, будет повсюду восстанавливаться первичная связь большинства жителей с землею, простейшими материалами, инструментами и физическим трудом (как инстинктивно ищут для себя уже сегодня многие пресыщенные горожане). Так неизбежно восстановится во всех, и передовых, странах некий наследник многочисленного крестьянства, наполнитель народного пространства, сельскохозяйственный и ремесленный (разумеется с новой, но рассредоточенной техникой) класс. А у нас – мужик «оперный» и уже не вернется?..» И сколько прошло времени – а мужик не сдвинулся с места, стоит на своем. Борис Можаев: «Мужики ждут... Чего они ждут? – спросите. А возвращения земли, отобранной у их отцов и дедов Советской властью. Они все видят и хорошо понимают, что власть осталась все той же, только вместо фуражки со звездой надела кепочку чуть-чуть набекрень...» Но это ожидание своего порядка, которое тянется от века в век. Сколько же еще будут ждать?

Шукшин писал о рассказах Василия Белова: «Любовь и сострадание, только они наводят на такую пронзительную правду». Это правда о тяготах крестьянской жизни... Только возникал тогда же вопрос о другой жизни, городской, потому что она становится идеалом для сельской молодежи. Шукшин: «Конечно, молодому парню с десятилеткой пустовато в деревне». И сколько уж писали о том, что наполнить ее нужно культурой, тогда всё станет для сельских жителей интересней, но сами же понимали: здесь другой интерес. Деревенский парень уходит в город не за культурой - а за рублем. Город рисуется враждебной бездушной средой, чудовищем «из стали, стекла, гранита, бетона, железобетона...» А лучше и удобней жить в городах: «есть где купить, есть что купить».

Конфликт города и деревни – главный для творчества крестьянских писателей. Очень точно его выразил опять же Шукшин: «Грань между городом и деревней никогда не должна до конца стереться». Казалось, они воинственно оберегали эту

границу, «некую патриархальность». Но мучительно было вопиющее неравенство между рабочим и колхозником. Шукшин: «Селедочки бы – селедки доброй нет в сельмаге, сметаны нет, молока нет – ничего нет». Вот она, правда: жизнь крестьянская проходит в тяготах, чтобы накормить досыта города, где работают меньше, а получают больше. Такое недовольство было массовым уже в первые годы Советской власти и во многом породило крестьянские восстания. «Царство рабочим, а крестьянину одна погибель» – вот какие приговоры выносили тогда в деревнях, а в крестьянском сознании утвердился новый враг – «рабочий класс»: деревня все отдает городу, рабочие земли не пашут, но хлебушек крестьянский едят – это такие же господа, только живут не в усадьбах, а в городах, получают готовую зарплату.

В этом сознании как будто сгущалась все та же темнота пугачевщины. Только теперь в ее черную гущу большевики еще подбросили дрожжи «классовой борьбы», и не было уже веры ни в революцию, которая обманула, ни в царское право, которое сами же отвергли. Она, эта борьба, начинала стремительно рушить деревню, потому что уничтожала все ее связи с городом. Это они и были опорой для крестьянского хозяйства. Это без них оставалось возделывать патриархальный огород и проедать свой труд, «имеющий результат в самом себе»... Между городом и деревней только начал пульсировать обогащающий их живительный ток – и вот его не стало, все закупорилось ненавистью, борьбой. Мужик сковырнул барина, но сковырнуть город было не под силу. Надорвался, сдался, бросился в бегство... Бежали крестьянские дети в города – но никто уже не потянулся из тех же городов в деревни, и она, жизнь, хозяйственная и культурная, остановилась. И это не грань между городом и деревней стерлась – а пролегла пропасть, в которой теряла себя Россия. Общий исторический вывод о крестьянской трагедии звучит уже как бы поверх пафоса, в котором растворяются любовь и сострадание. Андреа Грациози в книге «Великая крестьянская война в СССР»: «Вообще, поскольку сельский мир в конце концов исчез повсюду, можно задаться вопросом, что было – и до сих пор остается – следствием того весьма специфического способа, каким в СССР «разрешили» эту проблему. Как мы знаем, он заключался в максимальном подавлении автономного – по собственной

инициативе – участия крестьян в процессе модернизации, то есть собственного исчезновения».

В советское время исследование крестьянского вопроса во всей его полноте было под запретом. История русского крестьянства до сих пор складывается из разрозненных и случайных фрагментов, она не написана, ее нет. Самое главное – и до и после советского времени – это поле идейной борьбы. Но трагедия – это уничтожение жизни как таковой, а не ее уклада, то есть когда уничтожается сам человек. И мы видим глубочайший конфликт идей, которые овладевают людьми одной нации и доводят их до взаимного истребления. Мы видим столкновение и трагическое крушение выросших на этих идеях утопий – и создание новых мифов, питающих ту же самую борьбу. Вопрос о будущем только углубляет раскол... И раскол этот уже не в инакомыслии, а в инаковерии. Выбор будущего и есть вопрос веры, потому что в него можно только верить. Там, где люди разъединяются, – это разъединение с Богом. Тогда уже не важно, что один разбойник, мужик, говорит: «Всё поделить». А другой, думающий и мыслящий разбойник: «Всё дозволено». Здесь начинается разрушение общей жизни, общей со всем миром, всем человечеством.

Ю. А. Ростовцев

Возвращение

На творческом счету художника Евгения Капустина, наряду с живописными и акварельными работами, около 500 оформленных им книг. Помимо художественного творчества есть у него две страсти – путешествия и рыбалка. Но сегодня речь не об этом. В дни, когда страна отмечала 60-летие Победы, мне припомнились совсем иные эпизоды из жизни Капустина - фронтовика.

Разговор с послесловием

Случаю, о котором поведу речь, уже более двух десятков лет. Тогда в застолье на уютной кухоньке московской квартирки нас оказалось пятеро человек разных возрастов. Доминировали в разговоре, как и всегда, два закадычных друга, два фронтовика и постоянных шутливо-острых оппонента –

Виктор Астафьев и Евгений Капустин, хозяин дома. Их порой даже резкие выпады случались регулярно, всегда оставаясь в рамках добродушного выяснения отношений между близкими людьми. Споры вели ради выяснения истины, понимаемой, правда, каждым по-своему.

Писательский авторитет Астафьева никоим образом не влиял на ситуацию. Никто ему в рот не заглядывал, да он никогда бы этого и сам не принял. Конечно, Виктор Петрович чаще оказывался рассказчиком, устным словом он владел так же виртуозно, как и письменным. Впрочем, он умел и расспрашивать, и просто внимательно слушать.

В тот раз слово взял обычно молчавший хозяин застолья. Остальные соучаствовали репликами и восклицаниями, поражаясь услышанному.

Октябрь 1941-го

– А первые дни войны тебе, Женя, как помнятся? – спросил Астафьев. – Ты где и кем был в тот момент, поясни.

– Студент! Учился в Московском художественном училище им. 1905-го года. Стипендия – 18 руб. Свою норму хлеба по карточкам имел, 600 г: это два талона по 100 г и один талон – 400 г. И еще 50 г конфет-подушечек. Таков дневной рацион. Получал на Сретенке, почти у Лубянской площади...

– Там, вроде, была диетическая столовая? – уточняет один из нас.

– Вот в нее и направлялся. В первые месяцы войны там еще хлеб на тарелки выкладывали. Обслуживали подавальщицы. Заказываешь тарелку супа и ждешь заказ. Пока тебе эту самую тарелку супа принесут, сидишь и ешь свободно лежащий перед тобой горчичный хлеб.

– Удивительно это слышать, Женя! – восклицает Астафьев. – Мы в Игарке такого в мирное время не видывали. Ну, не буду мешать, валяй дальше.

– Что особенно запомнилось, так чистота. В Москве в те дни войны тротуары оставались идеальными. Дворники старались на совесть.

– Вы про памятный день обещали сказать, – вставляю реплику.

– К тому и клоню. Самым памятным остался – нет, не первый, не день начала войны. То был просто шоковый момент.

22 июня даже и представить было нельзя, чем для нас, в смысле испытаний и потерь, начавшаяся война обернется. Памятный день для меня – 16 октября 1941 г. В то утро я был на Центральном рынке, возле старого Цирка на Цветном бульваре. Искал по заданию директора училища электропровод. Провод достал, 150 м. За что вечером получил благодарность от директора. Нам нужно было провести проводку в класс, где рисовали натуру, чтобы включить обогревательные приборы. Холодно становилось, натурщики замерзали. На рынке я оказался свидетелем странного эпизода. Какой-то мужик буквально в истерике остановил полуторку и стал уговаривать водителя, предложив 40 тыс. руб., отвезти его с семьей в Рязань. Я буквально обалдел. Во-первых, откуда такие деньги и что за истерика, все бросай и ехай?! Когда рассказал в училище, сначала не поверили, а потом приуныли. Стало ясно: ситуация заворачивает круто. Возможно, вот сейчас судьба Москвы решается...

– А магазины 15, 16, 17 октября работали?

– Как обычно.

– Но бегство из Москвы было заметно?

– Это-то да. Но верить в причину не хотелось. Уходили по Горьковскому шоссе, на Восток. И по Рязанке. В остальном, всё в городе оставалось привычным. Занятия шли своим чередом. Нас даже на рытье окопов не гоняли. Правда, учились со мной, в основном, девчонки. А может, в нас уважали будущих художников?.. Например, младшего брата Юру, вон его, – с иронией старшего, хотя разница между ними всего год с хвостиком, Капустин тычет пальцем в убеленного сединой соседа справа от меня, – постоянно гоняли на окопы.

– Это все происходило буквально в октябрьские дни?

– Да-да. Бомбежек еще серьезных не было. Немец полагал, что так, без бомбовых ударов, город возьмет. Только с ноября начались серьёзные налеты.

– Стало быть, и карточек для прожития хватало?

– Оно бы так, но я попал в передрягу. История нелепая, сейчас ее касаться не будем. В итоге, вышел из милиции без карточек. Несколько дней покантовался, а дальше – зубы на полку. Положение оказалось катастрофическим, стало не до учебы. Еще через пару дней пошел в военкомат записываться. И почти сразу получил повестку. Так оказался при-

званным в армию, стал командиром батареи, трех орудийных расчетов.

Об артиллерии

– Как же вы воевали сорокапятками?!– восклицает Астафьев.

– Воевали. Я выработал свою тактику: вылезал со своими пушечками почти всегда в нейтральную зону. Считал, так удобней и безопасней. Наши окопы, по которым собственно и метил противник, оставались в 150 м сзади. Немец бил по живой силе, а три пушчонки-сорокапятки для него не цель.

– Питались-то вы как?!

– Думаю, не лучше твоего. И всю войну страдал не столько от ужаса и страха – страха, пожалуй, вообще не чувствовал, – а от постоянного голода, ставшего привычкой. От цинги вот и зубы потерял двадцатилетним. Когда занимали немецкие блиндажи, многое поражало. Там мы находили даже специальные рогульки для стягивания сапог. Впервые тогда увидел пластмассу, попалась коробка из-под масла. Однажды в брошенном немцами окопе нашли несколько ящиков с бутылками, читаем на этикетках: сельтер. Что такое? Позвонил начальству: не отрава ли? Командир полка отвечает: сейчас ребят зашлю, пусть ящики ко мне оттащат. Потом узнал, что это была просто вода.

– Ну да, питьевая вода!– хохотнул Астафьев.– Натянул вас начальничек.

– Мы-то пили из ручейков, из болот. Через тряпочку белую. Положишь ее и пьешь осторожно. А тут – сельтер.

– Правда, что водку давали каждый день?– спрашиваю в свой черед.

– Что ты, преувеличение! На передний край никакой снабженец лишний раз не потащится. Передовая – это тебе не учения. Все, что сваливается на солдата на передовой, пожалуй, только и могли вынести мальчишки. Взрослых мужиков как-то сразу вышибало.

– Нечеловеческие условия, вот и не выдерживали, – соглашается Астафьев.

Дорога на фронт

– А вы после призыва попали сначала в учебку?– уточняю существенную деталь.

– Вроде того. Меня призвали в конце 1941 г. Повезли сперва в Великий Устюг, потом – в Каргополь. Помню, в это время немцы туда, на озеро Лача, выбросили десант, чтобы перерезать Северную железную дорогу. Нас, курсантов, бросили на их поимку. Несколько раз затевалась перестрелка. Только раз им удалось перекрыть полотно на Архангельск. Впрочем, сообщение восстановили за несколько часов, усилили охрану. Больше диверсантам ничего не удалось сделать. Неудачная для немцев операция. Все погибли. Мы – помимо всего – собрали большое число тюков с продовольствием, им его сбрасывали с самолетов. Командиры забрали и пустили по назначению.

– А где войну закончили?

– После ранения – разрывная пуля саданула – в конце 1943 г. я попал в госпиталь прямо в Тихвинском монастыре. Там с месяц провалялся, но поскольку рана оказалась серьезной, отправили долечиваться в один из московских госпиталей. С лекарствами веселей пошло дело. Хотя молодой был, и так заживало все, как на собаке.

Под Новый год решил смотаться к родителям в Ясную Поляну. Возвращаюсь – ждет комиссар. Нарушение дисциплины. Вручил предписание в часть под Смоленском. Утром 1 января отправился в запасной офицерский полк. Там пробыл около месяца. С февраля – снова на фронте. Как-то ехали на дрезине, вдруг – немецкие самолеты. Один отваливается от эскадрильи, и как врежет по дрезине! Взрыв сзади, затем – по ходу движения. Далее ничего не помню. Контузия. Пролежал еще два месяца. Из госпиталя – на Воронежский фронт, а оттуда совсем списали...

К родному порогу

– Вернулся я с войны в октябре 1944 г., – продолжил рассказ Евгений Капустин. – Рванул к родителям в Ясную Поляну, где они учительствовали. Иду со станции налегке, только вещмешок за спиной. Вдруг вижу на Косой Горе – немцы, пленные. Даже несколько оторопел. Согнал их вместе и спрашиваю: «Что здесь делаете?» – «В плену мы. Работаем». – «Так...» Пауза. Пауза затягивается. Сам вроде не отдаю отчета себе в том, чего, собственно, добиваюсь. Вдруг вырывается из меня: «Жрать, небось, хотите?» Прозвучало, как издевка. Смотрят с боязнью, недоверием. После паузы один из них го-

ловой закивал: да, мол, да! А я только перед этим получил паек. Сам-то еще дома не был, что там и как у моих, не знаю... Командую: «Пошли за мной». Веду их к родному дому. Из писем знал, конечно, что живы родители. Но как живут сейчас, какие условия?..

Пришли. Мать – дома. Обнял, поцеловал и говорю: «Мать, кастрюля большая есть?» – «Нет». – «Давай ведро». Поставил ведро на огонь. Сейчас, поясняю ей, будем макароны варить, надо эту сволочь накормить. Макароны сварились, все вместе за стол уселись и стали есть. Только, говорю, извините, хлеба у нас нет. Одни макароны.

– И как же такое понять?! – спрашиваю Евгения Федоровича, опередив своим восклицанием остальных слушателей.

– А не знаю. До сих пор не знаю. Сам много лет голову ломал над ситуацией, которую вам обрисовал. И вот готов о том же спросить у нашего знатока человеческой натуры: почему лейтенантик-мальчишка так вот поступил?

Что сказать?! Молчит и Виктор Астафьев. Думает над поступком своего друга.

А он, чуть помедлив, продолжил рассказ.

– Конечно, знал, что у родителей жизнь сносная. Я как офицер гвардейской части получал 2800 руб. Половину посылал родителям, другая половина шла на подписку...

– На что? – уточняю.

– На облигации восстановительного государственного займа. В день своего возвращения в пайке имел только 2 кг макарон. Их-то мы все вместе и съели.

– Вы же говорили, что всю войну мучались не от страха, а от голода...

– Да, верно, все время есть хотелось. Однако, поверите вы или нет, после того случая, меня голод, который в самом деле терзал всю войну, постепенно отпустил.

Есть ли ответ

– Ну, съели фрицы ведро макарон, а что дальше?

– Сказали: спасибо! И ушли. Кстати, интересно, жив ли кто из тех ребят? Помнят ли мою кашу из макарон? Сам, взрослея, вспоминал тот эпизод военной поры довольно часто. И всё удивляюсь тому русскому мальчишке, которым был. Прямо с фронта, покалеченный и контуженный, идет. Не строевой уже, потому-то еще в войну и списали вчистую. Впе-

реди – шесть тяжелейших месяцев войны, еще окончательно и не решено было, кто кого. Идет мальчишка домой с фронта, и такой странный или даже дикий поступок совершает...

– Человеческий! – чуть слышно, но жестко дополнил Астафьев.

– Зачем так сделал? Почему потянуло к пленным немцам прежде, чем мать увидел? Что за загадка такая – душа русская?! Не для себя что-то сделать, а для чужих. И даже – врагов.

– Что тут скажешь? Нет ответа, – отозвался Виктор Петрович. – Да-а-а... Заморочил ты нам, Женя, своей историей голову.

– Не отпускает она меня, Витя, не отпускает. Мучает, как загадка бытия. – Рассказчик замолчал, да и остальным добавить было нечего. Помолчали, потом подняли рюмки – за солдат, не вернувшихся с полей сражений...

Прошли еще годы. Ответа я так и не нашел. Но вот теперь подумал о том, что, возможно, именно рассказ о ведре макарон, о голодных пленных немцах, встреченных лейтенантом Капустиным в окрестностях Ясной Поляны осенью 1944 г., отозвался в творческом сознании В. П. Астафьева затесью «Макаронина».

Много же мне для понимания этого потребовалось времени, жаль...

И все же я счастлив, что слышал ту непостижимую, пронзительную быль войны. А, кроме того, свою затесь «Макаронина» В. П. Астафьев впервые опубликовал именно на страницах «Студенческого меридиана» (1983, № 12), где я работал и работаю...

Теодор Шанин

Обычное право в крестьянском сообществе

Мы сегодня уже много говорили о разнице (дуализме, если хотите) в понимании структуры поведения в каждом обществе. С одной стороны, государственный взор – это мир законов, бюрократическое исполнение решений «сверху» и т. д. С другой стороны, – ежедневная жизнь, которая вносит свои мощные коррективы в какие-либо законодательные акты и формы бюрократического их исполнения.

Практическая жизнь вносит коррективы в законы. Однако и внезаконное структурировано. Здесь особо важны системы

неформальной экономики, мощь которых в разных странах различна [1]. Это – как «теневые», так и внетеневые экономические системы, которые, подпадая под определение неформальных, не являются нелегальными. Это также то, что в свое время Джеймс Скотт назвал «моральной экономикой» [2]. То есть это экономические отношения, которые нельзя определить просто законами рынка и эквивалентного обмена, где, с точки зрения причинности, экономическое действие определяется не рыночными факторами, а особенно понятиями того, что надо и чего не надо делать. Неэквивалентный обмен между членами большинства семейств – важный пример «моральной экономики». Но она, конечно, распространяется не только на семейные отношения. Она шире, причем часто не учитывается профессиональными экономистами, поскольку плохо вписывается в академические модели экономики и количественные ее расчеты.

В России с 1860-х по 1930-е гг. драматически обнажились неформальные и внерыночные экономические отношения, экономические действия и их реальное понимание большинством населения страны. В высокой мере познания и признания важности этого феномена – особенность России, поскольку в процессе отмены крепостного права судебная власть почти по всем экономическим проблемам и по части криминальных проблем перешла в руки волостных судов. А волостной суд выборных из крестьян должен был судить «по местным обычаям», «по справедливости». Это означало, что в России с 1870-х гг. 85% населения не находилось под государственными судами, имперским статусом, законами, которые принимались царем или другими государственными структурами, а подпадало под суд старейшин, избранных на местах, – часто безграмотных или полуграмотных заседателей. (В таком суде грамотным оказывался лишь один человек – писарь этого суда.) Волостные суды выносили решения исходя не из знания государственной законодательной системы (потому что они ее не знали), а из своего понимания, «что справедливо», то есть каков местный обычай, «обычное право». Что же такое местный обычай?

С 1880-х гг. шел процесс оценки этой законодательной деятельности. Дело в том, что в это время подавались апелляции относительно решений волостных судов «наверх» – к Пра-

вительствующему Сенату, то есть к Верховному Суду России. И этот суд не знал, как разбирать эти апелляции, как оценить профессиональным юристам правомочность решения местного суда, заведомо принятого не по кодексу законов. Как определить, что такое местный обычай, в территориально самой крупной стране мира с многомиллионным населением, в составе которого – различные этнические группы с разными обычаями. (В то время этнические русские составляли менее половины населения.)

Для того чтобы справиться с этой задачей, судебные власти распорядились провести сбор информации. Молодые правоведы были посланы в российские села, чтобы разобраться с тем, что есть справедливость в представлении их выборных судей и что для них является местным обычаем. Первым общим результатом этого сбора информации стала кодификация Мухина, которая была опубликована в 1888 г. [3] Результаты были необыкновенно интересны: по всей империи выявилось единство решений или понимания того, что есть «справедливость». Крестьяне одинаково понимали, что есть справедливость во Владивостоке и в Смоленске, которые разделяет не только огромное расстояние, но которым присущи свои исторические особенности, скажем, в Смоленске – влияние польского права. Тем не менее крестьянские заседатели в важнейших вопросах приходили к одним и тем же фундаментальным решениям.

Совокупность этих решений и получила официальное название «обычное право». Таким образом, было государственное право и обычное право – суд по местным обычаям. Удивительно то, что без диктата «сверху», со стороны ясно определенных законодательств, местные обычаи по всей России оказались во многом почти одинаковыми. И это, несомненно, связано с социальными структурами крестьянства России, с характером двора, села, общины, семейных отношений и т. д.

Здесь я чуть-чуть отойду от темы законов и судов, чтобы немного остановиться на особенностях крестьянского быта, поскольку не все знакомы с тем, как еще совсем недавно жила бóльшая часть населения России, хотя и сегодня большинство россиян – это или крестьяне, или их дети, или их внуки. Многое забылось. С элементами структуры этих потерянных миров люди часто открывают заново самих себя.

Хочу определить, кого я называю крестьянами. Это понятие включает единство четырех характеристик, из совокупности которых складывается понятие «крестьянство». Во-первых, это крестьянский двор как базовая экономическая единица, где едины семья, участок земли и труд на нем. Труд этот не всегда связан с земледелием, его составляющей является и то, что русские крестьяне называли «промыслами». Во-вторых, это село как место проживания и как единица перехода из поколения в поколение – социализации и определенной крестьянской культуры, которая, конечно, включает и «обычное» право. В-третьих, это особенности занятий, причем не только работа в сельском хозяйстве. Есть ведь и не-крестьяне, которые работают в сельском хозяйстве (с одной стороны, капиталистические фермеры, а с другой — скажем, холопы в российской истории, которые не имели права на двор). Важнейшая особенность здесь – это менее узкое и формализованное определение профессиональных задач. Крестьянин не только работает на земле. Он занят еще десятком других «профессий», если употреблять слово «профессия» в том смысле, которое в него вкладывают в городских условиях. Этот низкий уровень специализации связывается с очень широким диапазоном действий, которые все необходимы, нехватка знаний которых не дает возможности выполнить ту задачу, которую россияне называли «крестьянствованием» и чему обучались не в школах и институтах, а в семье. В-четвертых, это то, что крестьянство является низшим классом («underdogs»), классом, над которым властвуют. Если соединить все эти четыре элемента, то перед вами (конечно, упрощенно) – классическое определение крестьянства. Если исключить одно, оставив три, – это маргинальная группа крестьянства. Если исключить два, то от понятия «крестьянство» мы перейдем к другому понятию – «население».

И еще, прежде чем вернуться к вопросам обычного права, скажу о важных для нас характеристиках крестьян то, что форма их жизни и выживания связана с особой экономикой. Углубляться в эту тему не буду, поскольку об этом вполне достаточно сказано Чаяновым, и я могу лишь отослать коллег к его фундаментальной работе по экономическим категориям[4]. С этим связаны особенности выбора и поведения, согласно которым то, что логично и правильно, с точки зрения максимизации доходов или результатов для не-крестьян, не являет-

ся также логичным и правильным для крестьян. И поэтому так часто эксперты, которые давали советы крестьянству стран «третьего мира», попадали впросак, а крестьяне жестко сопротивлялись тому, что те предлагали. И почти всегда оказывалось, что «глупые» крестьяне были куда умнее экспертов, с точки зрения своих интересов и особенно долгосрочного развития региона.

Теперь вернемся к проблеме особенностей обычного права в России.

Во-первых, здесь нет собственности в понимании имперских законов России. Нет индивидуальной эксклюзивной и абсолютной собственности, а вместо этого – собственность семейная. И это значит, что человек, который ведет хозяйство, – «большак» (или другое название, которое разнится от района к району) – действует как руководитель семейной фирмы, а не как хозяин-собственник того имущества, которым он распоряжается. Существует простое доказательство этого. «Большака» можно снять с его «поста», если он плохо ведет семейное хозяйство, скажем, «разбазаривает имущество» или «пропивает хозяйство» (а в этой понятийной схеме он не имеет на это права, поскольку имущество не эксклюзивное, а семейное); тогда сообщество его отстранит и назначит другого, допустим, старшего сына.

Во-вторых, при семейной форме владения имуществом нет наследования по понятиям имперского закона. «Большак» не может написать завещания, согласно которому один из сыновей получит больше, а другой – меньше, поскольку имущество принадлежит не ему, а семье. После смерти «большака» оно продолжает вестись всей семьей или делится на равные части между мужчинами. Более того, раздел или выдел происходит и при жизни «большака».

В-третьих, доля членов семьи в наследовании определяется трудом, который вкладывается каждым в семье. Это значит, что сын, который ушел из семьи, считается «отрезанным ломтем» и не имеет никакого права на семейную землю, лошадей и т. д., а «влазень» (человек, который женился на дочери и начал работать во дворе) имеет такие же права на выдел, как сын, живущий в семье. Несколько лет труда нужны для того, чтобы прийти к такому определению, но само оно зависит от трудового вклада, а кровная связь не имеет решающего значения.

А в имперском законе, если ты сын, то имеешь наследственные права, если не сын, то не имеешь на то никаких прав.

Женщины в обычном праве не могут наследовать землю и лошадей, но они наследуют домашние вещи: домашнюю утварь для приготовления пищи, одежду и т. д., и здесь у матери есть возможность завещания, то есть неравного раздела. Всё остальное наследуют поровну только мужчины.

Предпринимались некоторые попытки изменить эти обычаи крестьян законодательным путем. Так, был принят закон о том, что те, кто выделил свое имущество из села (в период столыпинской реформы), не подпадали под правила семейной собственности и могли завещать землю. Закон был принят в январе 1910 г. По всей России он был просто проигнорирован крестьянами. Были также усилия государства прекратить обычай равного раздела земли между всеми мужчинами, то есть установить, что если количество земли во дворе ниже определенного уровня, то раздел не должен допускаться. И эти законы крестьянство тоже просто-напросто проигнорировало.

Такая коррекция законов признанными реалиями и обычаем, конечно, не является особенностью только русского крестьянства. Приведу пример: по законам Пакистана (а там действует закон шариата), когда умирает крестьянин, его земля должна быть поделена между сыновьями по доле, а каждая дочь должна получить половину доли мужчины. Крестьянство Пакистана фанатично религиозно. Но этот закон шариата полностью игнорируется, потому что такое разделение земли привело бы к сильному ее дроблению и плохо бы влияло на развитие сельского хозяйства. Поэтому наследование идет «согласно обычаю».

Самым важным результатом революции, с точки зрения крестьян России, был Земельный кодекс 1922 г. Этот кодекс просто повторил в главном обычное право. Он был универсальным и стал сердцевиной нэпа. Для сельских районов нэп, с его стабильностью, эффективностью и быстротой последовавшего экономического восстановления и развития, связан не с тем, что придумало правительство, а с тем, что Земельный кодекс повторил и помог дальше укрепить и развить обычное право. Было введено несколько дополнений к нему. Важнейшее из них касалось права женщин на долю в

разделе имущества. Это привело к тому, что в этом деле к концу 1920-х гг. стали нарастать судебные тяжбы.

Отмечу, что даже в условиях коллективизации в российском законодательстве сохранилась часть законов Земельного кодекса 1922 г. и тем самым – элементы обычного права. Скажем, в книге Лисковца в 1963 г. отмечалось: «Когда судья должен определить вопросы раздела имущества, он должен начать с определения, является ли оно "сельским имуществом"»[5]. Если оно является сельским имуществом, тогда надо решать по Закону 1922 г., а этот закон отражал обычное право, о котором как таковом, конечно, забыли или предпочли умолчать.

---

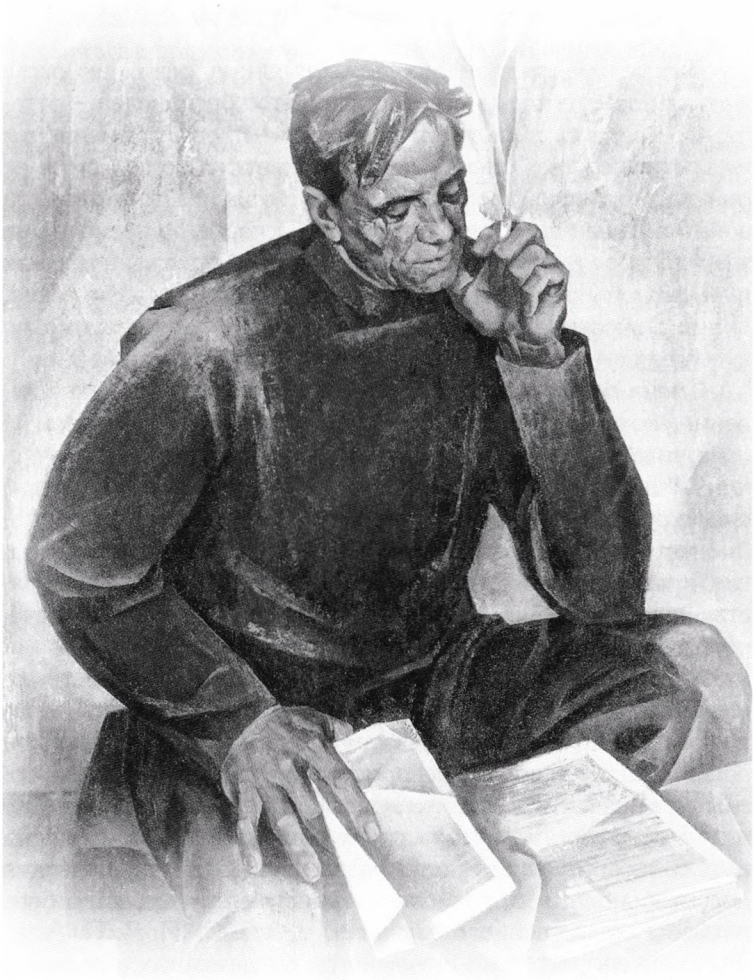
[1] Более подробно см.: *Шанин Т.* Неформальные экономики: Россия и мир. – М., 1999.

[2] *Scott J. C.* Moral Economy of the Peasant. – Yale University Press, 1976.

[3] *Мухин В.* Обычный порядок исследования у крестьян. – СПб., 1888.

[4] *Чаянов А. В.* К вопросу о теории некапиталистических экономических систем // Чаянов и Восток: Реферативный сборник. – М., 1991.

[5] *Лисковец Б.* Разделы и выделы в колхозном дворе. – М., 1963.



Поэтика В. П. Астафьева и современный литературный процесс

Л. Г. Самотик

Внелитературная лексика в концепции войны В. П. Астафьева
(на материале романа «Прокляты и убиты»)

Литература призвана к художественному освоению окружающей действительности. Процесс этот бесконечен – оттого, что меняется сама действительность, оттого, что меняются ее составляющие: оценка действительности·социумом и ее оценка творческой личностью. Тема Великой Отечественной войны в нашей литературе далеко не исчерпана, несмотря на значительное количество произведений, ей посвященных, как и не исчерпаны работы (литературоведческие, исторические, лингвистические, психологические и т. д.), выполненные по художественным текстам о Великой Отечественной войне.

Смена общественно-политического строя – это такое явление, которое кардинально перестраивает гуманитарную действительность (всё, что связано с человеком и человеческим обществом). Это должно сопровождаться переоценкой существующих ценностей, изменением, трансформацией национального самосознания и самооценки народа через многие гуманитарные каналы и прежде всего – через художественную литературу. Пересмотр концепции Великой Отечественной войны в этих условиях закономерен.

Художественная литература в русской ментальности занимает особое место. Исторически так сложилось, что через художественную литературу на Руси, в России формировалось, представлялось и распространялось общественное сознание. В нашей действительности, очевидно, делаются попытки снизить роль литературы в жизни общества, подчеркнуть в литературе функцию развлекательную, скрашивания досуга; основным и, возможно, единственным средством выражения общественного сознания сделать СМИ. В. П. Астафьев – наверное, один из немногих современных авторов, в творчестве и жизни которого воплотилось то особое место писателя в стране, которое соответствует специфически русскому менталитету. «Поэт в России – больше, чем поэт», это провидец, выразитель глубинных народных настроений, камертон общества. Два президента приезжали к сибирскому

писателю – М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин; В. В. Путин был на могиле писателя. Очевидно, говорили они не о свойствах метафоры или эпитета в тексте. Говорили о стране, о народе, о его будущем.

Произведения В. П. Астафьева во многом формировали и формируют общественное сознание сегодняшнего дня. Особое значение имеет роман писателя «Прокляты и убиты». Основная тема романа – Отечественная война. Точнее – становление личности молодого человека в экстремальных условиях войны. Роман по-новому трактует многие моменты, от этого выстраивается система мотивов и образов произведения, их языковое воплощение.

Роман проводит, с нашей точки зрения, в жизнь и русскую культуру следующие положения, значительно трансформируя традиционный (традиционно-официозный) взгляд на войну:

– война в принципе – большое зло для всех людей, она калечит жизнь всем – и тем, кто погибает в сражениях, и тем, кто остается в живых, и тем, кто непосредственного участия в боях не принимает; даже опосредованное влияние войны на жизнь людей – пагубно для них; страдают все простые люди;

– человек – большая ценность, главная ценность на Земле, его убивать нельзя, это противобожеское деяние; противоестественно и убийство противника на войне: судьба человека, его жизнь и смерть – в руках Божьих;

– в войне средний человек попадает в экстремальные условия; не все люди – герои. Потребности среднего человека естественны, прежде всего – это забота о сохранности собственной жизни. Многие ломаются в этих условиях. Они не виноваты, виноваты изменившиеся обстоятельства их жизни и те, кто эти обстоятельства создал или усложнил. Ставится традиционный вопрос русской литературы: «Кто виноват?» Решается он в романе таким образом: виновато государство, власть, конкретно – власть советская;

– плохие бытовые условия жизни вызывают не меньшие страдания, чем жизнь на грани смерти, делают из людей скотов;

– уровень притязаний в быту у русского человека должен быть такой же, как у европейца; планка этого уровня должна равняться на общечеловеческий цивилизованный стандарт.

Концепция войны в романе В. П. Астафьева во многом полемична.

В древнерусской литературе сложился жанр воинской повести. После разгрома Киевской Руси татарами возникает новый этап ее развития. Облик героя-витязя окрашивается трагизмом. Мужество перед непобедимым врагом приобретает оттенок религиозного подвижничества. Поэтика воинской повести оказала значительное влияние на развитие летописной и житийной литературы, в дальнейшем – на русскую батальную литературу. Особое место положительного героя в системе социалистического реализма сливается с обликом защитника Отечества; христианская жертвенность, мученичество приобретают новый поворот.

Такое восприятие войны воспитано у русских многими текстами.

Концепция войны романа возникла не на пустом месте: это «лейтенантская проза» 1960-х гг., окопная «Кочка зрения» (как писалось тогда в литературе), это и так называемая астафьевская Малая Правда «Пастуха и пастушки» и т. д. И однако, как нам представляется, роман «Прокляты и убиты» – принципиально новое слово в развитии этой концепции.

Концепция войны в романе определяется центральным концептом – *война*. Концепт выражается рядом топосов через отдельные слова.

Концепт *война* в романе В. П. Астафьева – сложное образование. Слова, составляющие топосы, относятся к разным стилевым пластам.

Сведения о мире прежде всего мы получаем через наши органы чувств. Мы видим, слышим, обоняем, осязаем – и чувствуем. Физиологическое восприятие мира лежит в основе его логической и эмоциональной картины. Топосы концепта *война* в романе В. П. Астафьева прежде всего связаны с сенсорными ощущениями: *мрак, холод, пение, вонь, сырость, грязь, вши*.

Топос *мрак* – слова: морок (нет в БТС), морочный (нет в БТС), морочно (нет в БТС), наволочь (нет в БТС), дым, мрачный, угарный.

Топос *холод* – слова: мёрзлый (народн.-разг.), мёрзло (нет в БТС), промёрзлый (нет в БТС), трескучий, настывший (нет в БТС), знобящий (восторг) (есть знобить, безл.), простуда, мороз, стылый (разг.), стужа (разг.), зимний, пронизывающий (ветер), продрогнуть, озябший (народн.-разг.), зябкий (разг.), съё-

житься, зябко (разг.), скованный, холод, морозный, сибирский (мороз), припекающий (мороз) (нет в БТС), хрустнуть, острый, трескучий (разг.), простуда, перемёрзший, настывший (нет в БТС), трещавший, перемёрзлый (нет в БТС).

Топос *пение* – слова: вой, жуткий вой, протяжные звуки, хриплый ор (нет в БТС), щенячий скулёж (нет в БТС), стон; исторгаемый ртами белый пар, песня.

Топос *вонь* – слова: душный, сыро парящий, спёртый (воздух) (разг.), глухое (помещение) (др. знач.), запах (гнили, праха, острой молодой мочи), кислятина (разг.), вонь (разг.), запах конюшни, вонько (нет в БТС), вонький (нет в БТС), смрад, духота, душный, душно, душное (тепло), непродышливая (казарма) (нет в БТС), многолюдное дыхание, испражнения, загажено (разг.), смрад, нужник (нет в БТС), вонючий (разг.-сниж.); смердеть, как зловонные рты; скверно пахнуть.

Топос *сырость* – слова: скользом (нет в БТС), преть, гнить, склизкий (нет в БТС), сырой, склизко (нет в БТС), плесневелый (нет в БТС), куржак (нет в БТС), пленка.

Топос *грязь* – слова: грязь, грязный, грязно-серый, чернеть, испятнано (мочой), коричневые и жёлтенькие кучи, нечистые, желтушные (нет в БТС) (испражнения), закопченные.

Топос *вши* – слова: вши, вшивый, завшиветь, вшиветь (разг.), чесать, чесаться.

Представлены в романе топосы, соответствующие фреймам – выделенным из действительности ситуациям, картинкам. К таким топосам можно отнести следующие: *печь, столовая, баня, казарма, нужник, почта* и др. Центральные слова этих топосов достигают символического звучания.

Есть топосы, связанные с человеческими чувствами, состояниями: *покорность, злость, смерть*.

Центром топоса, словом, выражающим наибольший эмоциональный накал, имеющим словообразовательное гнездо и относительно частотным, и становится у Виктора Петровича часто слово внелитературное: морок (морочно, морочный), вонький (вонько), склизкий (склизко), куржак (куржаветь, закуржаветь), мерзлый (мёрзло, перемёрзлый) и т. д. Это соотносится с идиостилем писателя, который широко использовал диалектную, народно-разговорную лексику, часто считая ее более выразительной и уместной в тексте, чем общенародное слово.

А. И. Попова

Болгарский след.
Страницы из жизни В. П. Астафьева

В августе 2004 г. в Болгарии мне посчастливилось познакомиться с журналисткой из Софии Калиной Каневой. В течение 20 лет ее связывала дружба с семьей Виктора Петровича Астафьева. Они регулярно переписывались, обменивались впечатлениями о происходящих событиях в той и другой стране, а самое главное – взглядами на творчество писателя.

«...Я очень рад, и Мария Семеновна рада, что вы, наши старые друзья, остались верны и привязаны друг к другу, ведь приобретать друзей нелегко, терять их – большая трагедия для каждого разумного человека, ибо жизнь коротка и в старости может постигнуть человека горькое одиночество.

Мы живем, как и прежде, на прежнем месте, воспитываем внуков, стараемся помаленьку работать, старимся.

Я за прошедшее время опубликовал рассказы, написанные в Болгарии: «Людочка», «Мною рожденный», «Улыбка волчицы». Закончил «Последний поклон», написав две заключительные главы: «Забубённая головушка», «Вечерние раздумья» и, самое главное, начал роман о войне, первая книга которого напечатана в последних номерах «Нового мира» за 1992 г. Сейчас я работаю над второй книгой и, если хватит сил и жизни, собираюсь написать и третью. Отношение к роману разное, в основном хорошее, есть уже пресса на первую книгу, но самое главное – идут письма от бывших фронтовиков - окопников, о которых и для которых, собственно, книга и затевалась.

Сейчас Мария Семеновна стучит на машинке, печатает рукопись, а я жду-не дождусь, чтобы скорей уехать в деревню и заняться работой в огороде, а затем продолжить работу над рукописью. Меж крупными вещами продолжаю писать «Затеси», много сделал новых...

У вас сейчас уже тепло и все цветет, а у нас еще лежит снег в горах и в тайге, но тоже кругом уже тает, и наша жизнь, набравшись сил и тепла у весны, помаленьку оттаивает и налаживается, и, быть может, Господь будет милостлив к нам, и мы еще увидимся на этом свете и братски обнимем друг друга...»

Три недели мы были с Калиной вместе, жили в одном но-

мере в гостинице «Естреа» в городе Несебре. Каждый вечер перед сном слушали с магнитофонной кассеты голос Виктора Петровича. Это были записи, сделанные корреспондентом во время встреч писателя со школьниками, студентами, рабочими. И всякий раз перед нашими глазами появлялся живой образ Астафьева. К счастью, мне выдалась возможность познакомиться и с печатными материалами о Викторе Петровиче из личного архива болгарской журналистки.

Я хочу вернуться к некоторым воспоминаниям Калины Каневой о нашем писателе. «В Болгарии он бывал не единожды. И всякий раз приезжал с желанием и надеждой – поработать и отдохнуть». В первый раз писатель поселился в доме творчества в Хисаре, а Калина навещала его, во время этих встреч делала записи. Я опишу некоторые фрагменты из этих встреч, которые тронули меня до глубины души, а также относятся к теме «Астафьевских чтений». Надо сказать, что Канева – удивительный человек, замечательная журналистка, великолепный фоторепортер.

– Виктор Петрович, расскажите о своей бабушке Екатерине Петровне, чей образ вы запечатлели на страницах «Последнего поклона».

– Моя бабушка – крестьянка, сибирячка с сильным характером, работящая и шумливая. Вынянчила 13 детей. Всех успевала доглядеть, уберечь от болезней. Знала толк в лекарственных травах. Она скончалась на 83-м году жизни. Когда моя мама утонула в Енисее, мне было только 7 лет. Бабушка заменила мне мать, она была моей самой большой любовью, тем человеком, который оказал самое большое влияние на мою жизнь.

В характере нашего рода много ярких черт от нее и прежде всего – способность трудиться. И все-таки без мамы жить тяжело. Все рождено матерью. Есть мать травы, мать леса и горы, мать человека. Это начало всех начал. Пока на земле есть почтение к матери, будет здоровье нации. Мне кажется, что наши матери – ваша и моя, что лежит в земле, – не позволят, чтобы мы потеряли свой человеческий образ, чтобы не уважали и не любили друг друга как братья. Добро рождает добро. Самый страшный грех – забвение этих простых материнских заветов.

– Откуда у вас дар писательства?

– С талантом человек рождается. А после приходит все остальное. Некоторые пренебрегают природным началом, надеясь на сумму навыков. Нет, нужен дар небес, а затем настойчивый труд, неустанное и постоянное самообразование и самосовершенствование. И непрерывная черновая работа.

– Каково предназначение писателя и самой литературы?

– Писательство по сути – крайнее проявление человеческого естества. Непонятно, откуда рождается наше предназначение. Осознав себя писателем, человек уже не может уходить в сторону от забот и судеб мира, от людского горя и страданий...

Настоящего писателя никогда не оставляют в покое человеческие слезы. Он всегда ощущает в себе присутствие памяти прошедших поколений. Это не только мучает его, но и направляет мысль в созидательное русло. Всю свою историю человечество смотрело с трепетом и надеждой в небо, на звезды. По-моему, это не напрасное ощущение. Должна же быть первоматерия или нечто, нас создавшее. Впрочем, учитывая вышесказанное, опыт человечества едва ли удачен. Возможно, что Творец, разочаровавшись в неисправимых и черствых землянах, воткнул нас в некий уголок Вселенной, чтобы мы уже сами занимались собой...

– В рассказе «Ночь космонавта» вы приглашаете читателя задуматься о человеческих отношениях, о доброте...

– Доброта, пожалуй, наиважнейшая человеческая ценность. К сожалению, она все меньше находит себе применение и общественную поддержку, хотя на земле еще много светлых и чистых людей. Между тем только взаимовыручка и объединение в светлых общих целях даст возможность выживания. Люди должны действовать в этом – главном направлении. Они должны знать, что только серьезное отношение к себе и своей семье, профессии и природе может по-настоящему способствовать их объединению и выживанию. Иначе мы погибнем от наступающего потребительства. Природа сегодня уже голая, ощипанная, как курица. Нужно восстановить душу человека, надо лечить землю. Таково мое мнение.

– Что это означает – лечить землю?

– Лично для меня – многое. Тут и прямая повседневная забота об очистке рек и лесов от пагубного вторжения безумного человека, защита тех редких уже уголков нетронутой природы для будущих поколений. В общем, это целый комп-

лекс мер, которые сегодня провозглашаются экологами всего мира, но мало находят применения в повседневности.

Леса, которые так безумно истребляют, – легкие планеты. В минувшую войну я был ранен, мое легкое пострадало, и я знаю на своем опыте, что такое иметь возможность дышать полной грудью. Возникает нехватка кислорода, и эта беда придет к каждому.

Впрочем, чтобы написать даже какую-то защитную речь, нужна бумага. Поэтому и мы, писатели, должны быть осторожны, совестливы, весьма избирательны и щепетильны в своих письменах. Нужно ли твое слово? Может, лучше сохранить этот лес, чем переводить его на бумагу, на ненужные газеты и книги, которые тут же уйдут в макулатуру? Над этими вопросами всё тревожней задумываются настоящие русские писатели.

Вроде природа – это все мы. Только мы, люди, упорно доказываем, что мы не самая добрая ее часть. Я уже не пишу ничего специального по защите природы. От кого ее защищать? От самого разумного существа этой самой Матушки-природы?! А так называемая «неразумная» часть природы, как и тысячелетия назад, самозасевает луга и пастбища, выращивает леса, кормит своим зеленым покровом лесную дичь, защищает ее от непогоды и холода. Цветы дают нектар пчелам, а те без устали трудятся, собирая мед, в том числе и для нас...

Мой роман «Царь-рыба» переведен во многих странах. Он получил поддержку там, где экологические проблемы осознаны как крайне важные. Например, в Японии, Скандинавских странах. Впрочем, у книги гораздо бóльшие задачи. Она написана, чтобы показать одиночество современного человека. Оторвавшись от природы, человек блуждает в дебрях своего полусознания, пока и вовсе не теряет себя. Он становится чуждым вечным истинам сострадания и любви. В конце концов он оказывается настолько опустошенным, что вовсе утрачивает не только свою человеческую сущность, но и свою душу.

Интересный разговор с Астафьевым состоялся у коллеги Калины Каневой Ивана Василева.

Астафьев:

– Хочется внушить людям, что созидательная жизнь прекрасна, даже если и тяжела. Нельзя допускать, чтобы уходили силы на разрушение. Мы должны попробовать жить в мире и согласии на Земле. Если удастся объяснить людям, способным

к пониманию, какая большая нависла опасность от ядерной угрозы, значит муки моего поколения не были напрасными. Надо делать добро. Мое слово – проповедь о добре, борьба со злом.

– Вспоминаете ли вы свое детство, и что прежде всего?

– Сохранилось ли много ярких впечатлений? По линии матери и по отцовской линии были талантливые балагуры, шутники, ловкие рассказчики. Мой прадедушка был талантливым и серьезным человеком... Наше село было очень песенное, все пели. Поначалу и воспитание мое шло через народную песню. Также шло и приобщение к музыке и точно сказанному, спетому слову. Пели, когда возвращались с работы, пели усталые и не усталые... А уж когда гуляли – обязательно. Как ни странно, музыка и эстетика активно присутствовали тогда в сельской народной жизни. Мы не слушали радио или телевизор, мы сами пели.

Думаю, главное и первое воспитание – нравственное, причем на личном примере. Оно обогащает человека. Чем хвалился крестьянин раньше? Лошадьми, домом, который построил, садом, который возделал. То есть он хвалился своим трудом. А теперь? Богатством своим? Если на это шире посмотреть, то это самочувствие барина. Забытьё традиций ведет к чудовищному распадению общества, к его расслоению. Это еще не случилось. Добрые люди еще есть на свете, все еще их больше, иначе бы нас не было.

– Постижение истины – самая высшая цель в человеческой жизни?

– Это естественное стремление ищущего человека. Но вот приходится писать «Печальный детектив», книгу об одиночестве и о предназначении человека. Многие воспринимают и роман «Царь-рыба» как всего лишь призыв к защите уходящей от нас природы. А это тоже – прежде всего об одиночестве.

– В сущности, уничтожение природы и одиночество – не одно ли это и то же?

Он кивает головой: может быть...

– Вашу автобиографическую книгу «Последний поклон» вы, похоже, пишете всю жизнь. Вот и сейчас она пополнилась новыми главами. Кому прежде всего посылаете свой поклон?

– Наши крестьяне кладут последний поклон, когда близкий человек уходит из жизни. Странно, но это выражение

имеется не во всех языках. К счастью, в болгарском есть. Этой книгой посылаю свой поклон уходящей деревенской родине, детству, земле, на которой появился на свет и рос, землякам и тому добру, что от них видел в начале своей жизни.

– Надеюсь, что в ваших впечатлениях о пережитом и воспринятом добре будет и небольшой уголок о Болгарии.

– Первое, на что я обращаю внимание, когда где-то бываю, это состояние земли. У вас оно хорошее.

В одном пловдивском селе мы зашли наобум в приусадебный двор. Пожилая хозяйка была в добром настроении. Дом ее почти не отличался от городского, а в некоторых отношениях даже превосходил. Когда мы присели с хозяйкой, я спросил: откуда все это богатство? Она показала руки – узловатые, трудовые руки крестьянки. Эта женщина поведала мне свою историю. Когда-то этот дом был гораздо беднее того, из которого ее выдали замуж. Все заработанное – ее добро, ее напряжение и неустанный труд.

«Правда, – тонко заметила она, – когда мы не были так богаты, жили чуть открытей. Только зарубим курицу, муж – на улицу, спешит пригласить соседа. Счастливо жили с односельчанами». – «А теперь как поступаете, – спросил я ее, – когда режете курицу?» Она ответила честно: «Всё реже приглашаем людей, хотя всего вдоволь. Что-то изменилось, хотя живем гораздо легче. Над этим всё чаще задумываюсь с тревогой».

Когда стали уходить, она вынесла нам корзину с яблоками. Для нас, сибиряков, это привозной товар из Болгарии. А тут в мае они будто с ветки. Хозяйка указала на дерево во дворе. С него она собирает осенью более 200 килограммов плодов. У нее нет привычки продавать, раздает яблоки знакомым. У яблок был солнечный цвет. Когда я снова увидел руки, которые подносили эти сохранившие свежесть плоды, грубые и деформированные, то залюбовался ими. Для меня это самые прекрасные руки, и я их поцеловал. В жизни не целовал более благородных рук. Это была одна из самых сокровенных и святых минут моей жизни.

Жаль только, что такие руки всё реже встречаются. Я бы хотел, чтобы образ Болгарии остался в памяти, связанный с этими руками, держащими солнечные плоды.

– За эти слова – поклон, – таким жестом и словом завершил свой разговор с русским классиком Иван Василев.

Болгария не только согревала, давала отдохнуть писателю. Практически все софийские издания печатали обширные материалы о пребывании гостя, публиковали интервью, представляли произведения прозаика. Теперь в этой стране собирают замечательное писательское наследство, разбросанное по старым подшивкам газет. Студенты-русисты Софийского университета готовят дипломные работы о судьбе произведений В. П. Астафьева.

Ю. В. Фролова

Устойчивые выражения в произведениях о войне В. П. Астафьева
(сопоставительный аспект)

О неоднозначности взглядов В. П. Астафьева на Великую Отечественную войну писали многие исследователи его творчества. Отмечали тот факт, что в процессе развития творчества писателя «развивается» и его отношение к войне. Война в ранних его произведениях («Звездопад», 1960; «Пастух и пастушка», 1967) – это не та война, что описана в более поздних работах («Прокляты и убиты», 1990–1994; «Веселый солдат», 1997). «Война в ранних работах писателя получилась какой-то «лакированной»: боялся сказать «ненужное» или «сказать неумело». В те годы давила цензура, да и сам писатель еще не отошел от войны. Отодвигался главный разговор о войне, а пока она получалась «приглаженной». Как говорил автор: «Я всегда думал, что война – это бой, стрельба, рукопашная, там, где-то далеко-далеко. А она вон как – везде и всюду, по всей земле...» На войну Астафьев в этот период смотрел как на тяжелое, но романтическое время» [1].

Это отражено и в паремиях, которые использует автор:

«Оба они были красавцы, и оба из сражений выходили *целы и невредимы*, а дальше шло, как во всякой доброй сказке: женились, справляли свадьбу. *Я там был, мед пил* и так далее» («Звездопад») [2].

«И вот он, окоп. Родимый. Скатись в него, скатись, солдат, не робей! Будет очень больно, молонья сверкнет в глазах, ровно оглушит тебя кто-то поленом по башке. Но это своя боль. Что ж ты хотел, чтобы при ранении и никакой боли?!

Ишь ты какой, немазаный-сухой!.. Война ведь, война, брат, беспощадная...» («Пастух и пастушка»).

«Солдат, он и без него знает, что надо делать на войне, и лучше всего, и тверже всего знает он, что пока в землю закопан – ему *сам черт не брат,* а вот когда выскочит из земли наверх, так неизвестно чего будет: могут и убить. Поэтому, пока возможно, он не выберется оттудова и *за всяким-яким* в атаку не пойдет, будет ждать, когда свой ванька-взводный даст команду вылазить из окопа и идти вперед» (Там же).

Война в этих произведениях перемежается с мирной жизнью, с «мирными» чувствами и переживаниями героев:

«Что я буду делать после госпиталя? Как жить?.. А, наплевать! Не один я такой! Не пропаду! *Не так страшен черт...*» («Звездопад»).

«Как-то Карышев срубил под корень Ланцова, впавшего в рассуждения насчет рода людского: «*Всем* ты *девицам по серьгам* отвесил: и ученым, и интеллигентам, и рабочим в особенности, потому как сам из рабочих и главнее всех сам себе кажешься. А всех главнее на земле – крестьянин-хлебороб...» («Пастух и пастушка»).

Однако война есть война. И солдаты как люди мудрые, познавшие многое в этой жизни, понимают всю серьезность ситуации:

«– *На смерть, как на солнце, во все глаза не поглядишь...* Страшнее привыкнуть к смерти, примириться с нею...» («Пастух и пастушка»).

«*Грех да беда не по лесу ходят, всё по народу.* Хуже нет разведки боем. Все по тебе палят, как по зайцу» (Там же).

Но Астафьева постоянно терзает мысль, что это «другая война»: «Хочу остановиться на таком вопросе, как история Великой Отечественной войны. Сейчас все время говорят о коллективизации, о перегибах при ее проведении. Это тема очень сложная, трагическая. И почти не говорят о том, что мы как-то умудрились не без помощи исторической науки сочинить «другую войну». Во всяком случае, к тому, что написано о войне, за исключением нескольких книг, я как солдат никакого отношения не имею. Я был на совершенно другой войне» [3].

В итоге этих размышлений писатель рассказал о том, что накипело в его душе. «Во всеуслышание, в полный накал Астафьев заговорил о горькой цене Великой Победы. Результат

известен – на Астафьева дружно ополчились ветераны войны. Причем те самые побратимы-окопники, самые разные люди, вынесшие на своих плечах всю тяжесть войны. Среди фронтовиков, принявших «в штыки» новые астафьевские произведения на военную тему, прежде всего роман «Прокляты и убиты», были пермские ветераны, в том числе и его однофамилец, Герой Советского Союза Василий Астафьев. И даже свой брат-писатель не одобрил! Так, Евгений Носов, с которым Виктор Астафьев был близок, познакомившись с его новыми сочинениями, не согласился с радикализмом авторской концепции»[4].

Роман о «настоящей войне» все-таки вышел. Это было тяжелое, порой даже жестокое произведение. Но именно такую войну прошел писатель.

И молодые мальчишки, попавшие в этот ад, начинают рассуждать как люди, хлебнувшие горя и многое повидавшие в этой жизни:

«– Дак чё тут сделаешь? – развел руками Коля Рындин. – Отродясь так было: *бабы плачут, мужики скачут!*» («Прокляты и убиты»).

Не забыл автор упомянуть техническую оснащенность русской армии:

«То-то заметили новички: все колеса гаубиц в наростах грязных бородавок, ну и еще, что поразило новоприбывших, – это прорези в козырьках фуражек офицеров-огневиков: оказывается, глядя сквозь прорези козырьков, опытный офицер при стрельбе наводкой может отсчитывать градусы поворотов влево, вправо. «А, батюшки-светы! Вот техника так техника! *Бей, Гаврила, куме в рыло – сам без глазу останешься!*» – говаривал когда-то пьяненький дедушка Блажных Иван Демидович».

Особое место в романе отводилось офицерам:

«Родион и Ерофей сошлись, как и большинство солдат сходилось, – в паре на котелок. Еще в призывной команде сошлись и определены были в учебной роте во взвод связи. Так назначено было старшими, сами-то они ничего не выбирали, ничем и никем не распоряжались. Подходил командир, тыкал пальцем в грудь: ты – туда, ты – сюда – *вся недолга*».

«Опять им, этим художником – так уничижительно называл всех прытких служивых, непокорных людей командир полка Бескапустин Авдей Кондратьевич, – опять заткнул любимцем

какую-нибудь *дыру* родной отец, опять послал его в самое пекло».

Поэтому и приходилось солдатам самим заботиться о себе:

«– Вот теперича совсем все ясно! – бодро заключил Шорохов, взваливая на себя катушку, твердо про себя решив, что *на командование*, конечно, *надо надеяться, но и самому при этом не плошать».*

Но были среди «отцов-командиров» и такие, которые стремились хоть как-то облегчить жизнь солдат, которые искренне любили простых рядовых:

«За них, за них, зубоскалов и мошенников, полковником Бескапустиным любимых, страдает он, из-за них и помрет, коли надо, чтоб без скандалов, чтоб не хорохорились, *зубы чтоб* при начальстве *не выставляли*...»

Но даже в таких, казалось бы невыносимых, условиях солдаты не унывали и не теряли боевого духа:

«Лешка что-то силился сказать. Щусь встал на колени, подставил ухо к жарко дышащему ртом раненому:

– *Живы будем, не помрем*...»

---

[1] *Мирошниченко Т. Н.* Эволюция взглядов В. П. Астафьева на войну / Творчество В. П. Астафьева: Философский, исторический, филологический аспекты. Материалы научно-методической конференции, посвященной творчеству В. П. Астафьева. – Красноярск–Ачинск, 1998. С. 20–24.

[2] Здесь и далее цитаты из текста приводятся по изданию: *Астафьев В. П.* Собр. соч. В 15 т. – Красноярск, 1997–1998.

[3] *Астафьев В. П.* Полуправда нас измучила... // Вопросы истории, 1988. № 6. С. 33–35.

[4] *Гладышев В. Ф.* Мы за ценой не постоим? (Две правды о войне) / I Астафьевские чтения (17–18 мая 2002 г.). – Пермь, 2003. С. 25–30.

В. А. Зубков

Прощание: народная Россия в позднем творчестве В. П. Астафьева

Одна из последних записей В. П. Астафьева, озаглавленная им «Эпитафия» и адресованная родным, была найдена среди бумаг писателя после смерти и ныне широко известна:

«Я пришел в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать Вам на прощанье. Виктор Астафьев».

Что стоит за невыносимой болью этих слов? Разумеется, нельзя свести к ним итог жизни писателя, но нельзя и не заметить в его позднем творчестве оснований для этого трагического прощания. Попытка исследовать их предпринята в настоящей статье.

Для литературной критики 1960–1970-х гг. была несомненна «включенность» многого из написанного Астафьевым к тому времени в русло литературы, именуемой «деревенской прозой». Еще более очевидно присутствие составляющих ее духовного арсенала в произведениях Астафьева тех лет (первая книга «Последнего поклона», повесть «Ода русскому огороду», рассказ «Жизнь прожить», многие «Затеси») для современного литературоведения. Это художественное воплощение «интуитивно принятых верований, чувствований и идеалов, которые в течение многих столетий определяли нравственный кодекс народной жизни», утверждение «нравственных ценностей, которые вырастают не на почве классовой идеологии и умозрительных социальных доктрин, а на почве бытия, житейского опыта, труда на земле, в непосредственном контакте с природой». Острое ощущение «дефицита духовности», «драматического разлома, проходящего через душу» [1] деревенского жителя. Восприятие «малой родины» с ее подворьем и пашней как гармонического мироздания, поэтизация естественности природного и хозяйственного круговорота жизни.

Гармоническое ядро «деревенской прозы», как нам представляется, складывается из сцепления этих противоположных начал. Идеализация национального природно-этического лада, поиски света, идущего из глубины прежнего крестьянского мира, – и острое чувство его распада не только в современности, но даже в духовной памяти народа. Надежда на спасительную связь отдельного человека с природным и нравственным национальным миром – и переживание губительных последствий утраты «света в душе».

Однако с середины 1970-х гг. целостная традиция «деревенской прозы» в творчестве Астафьева утрачивается. Составляющее ее ядро равновесие «лада и разлада» (Н. Лейдер-

ман) нарушается уже во второй книге «Последнего поклона» (1978) и в «Царь-рыбе» (1975), а особенно в «Печальном детективе» (1986), где очевиден резкий крен к исследованию нравственного и социального неблагополучия того, что прежде виделось светлым, добрым и радостным.

Меняется эмоциональная окраска узловых эпизодов, определяющих основную тональность повествования. Прежде она создавалась душевным просветлением мальчика от наказания добротой (глава «Конь с розовой гривой»), радостью общего труда (глава «Осенние грусти и радости»), теплотой семейного застолья (глава «Бабушкин праздник»), бесстрашием учителя, защитившего своих учеников от опасности (глава «Фотография, на которой меня нет»), негаснущей виной внука, не сумевшего похоронить бабушку (глава «Последний поклон»). Теперь – бесчисленными столкновениями астафьевских персонажей и самого повествователя с многоликой бесчеловечностью, равнодушием и жестокостью. Потерявший разум от обиды и голода сирота, хлещущий тупоумную учителку за все зло на свете, слезы бездомного подростка, от которого родня откупается тарелкой супа (глава «Без приюта»). Злоба остервенелой бабенки, помыкающей слепым мужем-фронтовиком (рассказ «Слепой рыбак»). Дикая резня, не замеченная в жизни доброго русского города (рассказ «Будни»). Вой голодной женщины, вечной труженицы, не допущенной в дом брата, живущего на ее же заработок (рассказ «Паруня»). Высшая сладость пьяных подонков – покуражиться над случайным прохожим («Печальный детектив»). Смерть солдата-инвалида, забитого сапогами ротного командира («Прокляты и убиты»). Несть конца эпизодам, создающим горький лейтмотив поздней астафьевской прозы. И над всем – недоумение автора: отчего это? «Ведь не родились же русские люди с помутненным от злобы разумом» [2].

Поэтизация нравственных основ крестьянской трудовой жизни сменяется горькими наблюдениями над их распадом. В центр астафьевской прозы и публицистики выдвигается диагностика глубокой болезни народа в ее социальных, духовных, нравственных, экологических, производственно-трудовых симптомах и переживание этой беды – до отчаяния, до боли. В жанровом плане это ослабляет позицию Астафьева-сочинителя, художника и усиливает голос очеркиста, обличителя,

проповедника, в котором громче всего звучит «крик изболевшейся души» (Василь Быков). Это происходит не только в «Царь-рыбе», «Печальном детективе», многих «Затесях», но и в военной прозе. От «Проклятых и убитых» до «Веселого солдата» всё чаще на первый план выходит скверна народной жизни.

Черта, за которой Астафьев разошелся с традицией «деревенской» прозы, – это вопрос о сохранении или утрате веры в нравственное здоровье народа, это глубокое сомнение в том, что жизнь под «звездой полей» рядом с отчими могилами сама по себе способна пробудить добро и свет в душе, это принципиальный отказ, по выражению Н. Лейдермана, от «априорной идеализации» народного мира.

«Уход» Астафьева из русла «деревенской» прозы обусловлен углубляющимся с годами пониманием причин – и нынешних, и отдаленных – деградации народной жизни, необратимости ее духовно-нравственного распада. Его начало видится автору «Проклятых и убитых» в той давней, «смутой охваченной отчизне, захиревшей от революционных бурь, от преобразований, от братоубийства, от холостого разума самоуверенных вождей, так и не вырастивших ни идейного, ни хлебного зерна, потому как на крови, на слезах ничего не растет...». Его продолжение – в растоптанной, сбитой с толку коллективизацией, ограбленной раскулачиванием деревне; в барачно-лагерной пересортице людей, надрывавших силы в котлованах пятилеток; в кровавом фронтовом четырехлетии, когда «Жуков и товарищ Сталин сожгли в огне войны русский народ и Россию»[3]; и далее – в забвении «куражливой властью» надсаженного войной бесправного народа, частью которого был демобилизованный фронтовик Виктор Астафьев.

Прощание Астафьева с иллюзиями «деревенской» прозы ускорилось в 1980–1990-е гг. нарастанием «антропологического кризиса»[4] на закате советской империи, а затем в постсоветские времена духовного бездорожья, прохиндиады одних и потерянности других.

Опыт собственной жизни и глубина мысли, нравственное и историческое чутье вывели Астафьева к стержневому процессу, нарастающему в русском мире с эпохи петровского самодержавия, многократно усиленному большевизмом и достигшему кульминации в наши дни. Этот процесс можно кратко определить как постепенное отчуждение народа от христиан-

ских заповедей, как отпадение человека от Бога в самом себе, то есть от своей совести. Острое переживание и пристальное художническое исследование губительных последствий этого процесса создает трагическую доминанту поздней прозы Астафьева.

Эволюцию полувековой жизни писателя в литературе, разумеется, можно рассматривать в разных аспектах: тематическом, жанровом, стилевом и т. д. Но главное в ней, на мой взгляд, – движение из мира собственно «деревенской» и военной прозы к художественному и публицистическому исследованию общего состояния народной России. Центром его в последние годы Астафьева всё очевиднее становится постижение тотального несчастья русского народа, которое писатель со всей определенностью обнаруживает к концу XX в.

На этом пути Астафьев не одинок. Талантливый и опытный прозаик Борис Екимов который уже год вглядывается жестким, социологически выверенным зрением в некогда полнокровную жизнь южно-русских степных хуторов и станиц (повесть «Пиночет», рассказы «Ралли», «Теленок», «Не надо плакать»). И с горечью открывает нарастающую здесь социальную катастрофу, перекосившую деревенский мир, расколовшую его на процветающих в мутной воде вседозволенности – и вытесненных реформаторами на задворки жизни.

В минувшем году издана обжигающе современная повесть Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана». В традиции астафьевского «Печального детектива» она основана на истории криминального происшествия (средь бела дня на глазах у блюстителей закона мать казнит насильника своей дочери). Однако Распутин выходит далеко за рамки этого сюжетного повода во взбаламученное постсоветское пространство с «обманутым миром» без вины виноватых тружеников и свистопляской новых архаровцев, поощряемых государством.

Если трагические мотивы астафьевской прозы 1950–1970-х гг. вызваны отдельными явлениями жизни: обездоленным детством, опустошающей душу человека войной, губительным вторжением в природу и т. д., – то в поздней прозе Астафьева трагическое мировосприятие доминирует независимо от темы произведения. Главная тенденция астафьевского творчества последних лет – усиление трагического дискурса в освещении столь близкой и родной писателю народной

жизни, минувшей и настоящей, изобразительная достоверность, личностная обоснованность и эмоциональная накаленность в художественном воплощении острокритического взгляда на эту жизнь.

В лице Виктора Астафьева русская литература конца века выдвинула писателя с наиболее мощной и целостной трагической версией современной народной жизни. Она выношена Астафьевым не только идейно, но и практически, ценой многолетнего опыта собственной жизни во глубине советской и постсоветской России: из крестьянской избы в барак спецпереселенцев, в сиротские стены детдома, в казарму запасного полка, в окоп переднего края, на госпитальную койку, в чусовскую халупу демобилизованного инвалида и, как предел мечтаний, – в пермскую тонкостенную «хрущевку».

Только ли памятью о собственной тяжкой судьбе или свойствами характера, «невыносимо чуткого ко всякой обиде и боли, своей и чужой» [5], объясняется в позднем творчестве Астафьева переизбыток внимания к жизненной скверне и полная утрата иллюзий «деревенской» прозы о народе – носителе нравственного идеала? Отнюдь нет. Мы убеждены, что ключевую роль в творческой эволюции писателя играл его мощный реализм, улавливающий общую закономерность XX в., века величайших научно-технических побед, но и катастрофических поражений человека в других сферах жизни – социальной, экологической, нравственной, эстетической...

Что из написанного Астафьевым после расставания с «деревенской» прозой несет истину, а что – ожесточение и горячность заблуждения, покажет время. Но нет сомнения в том, что именно по «постдеревенской» прозе Астафьева в первую очередь будут судить о «страдающей совести русского народа» [6], о том, каким мучительным напряжением ума и болью сердца было духовное существование подлинно народного писателя на излете XX в.

---

[1] *Лейдерман Н., Липовецкий М.* Современная русская литература. В 3 кн. – М., 2001. Кн. 2. С. 55.

[2] Здесь и далее ссылки на произведения В. П. Астафьева, кроме особо оговоренных, даются по изданию: *Астафьев В. П.* Собр. соч. В 15 т. – Красноярск, 1998.

[3] Переписка В. Астафьева и В. Кондратьева // Литературная газета. 1994. 26 окт.

[4] *Глобачев М.* Писатель Астафьев // Последний поклон Виктору Астафьеву. Прощание. – Красноярск, 2002. С. 123.

[5] *Горький М.* Собр. соч. В 16 т. – М., 1979. Т. 8. С. 222.

[6] *Непомнящий Вал.* Тише, когда умру... // Российская газета. 2001. 30 нояб.

И. А. Подюков

«Зрячий образ войны»

> Война есть материальное выявление исконных противоречий бытия, обнаружение иррациональности жизни... И если в войне есть озверение и потеря человеческого облика, то есть в ней и великая любовь, преломленная во тьме.
>
> *Н. Бердяев*

Слово *зрячий*, кроме значения «способный видеть», наделено в русском языке и значением «визуально воспринимаемый, бросающийся в глаза» (ср. у В. Даля: собаки погнали по зрячему зайцу, а не чутьем). Поэтому фраза из романа В. Астафьева «Прокляты и убиты»: «Да уж не приняла ли, наконец, сама война *зрячий* образ? Черная пустота, на мгновение озаряемая вспышками взрывов, и в ней извивающаяся, на человека неумолимо наползающая тварь?!» – читается двояко: дает возможность понимать сочетание *зрячий образ* и как *смотрящий*, и как *видимый*. Само сочетание *лик войны* достаточно частотно: вспомним ставшую крылатой фразу «у войны не женское *лицо*», слова Ильи Эренбурга о Первой мировой, что архетип войны – «это страшный *взгляд* черепа»; вспомним названия книг о войне (Н. Авдеев. «Лик войны»; О. Казаринов. «Неизвестные лики войны» и др.).

За этим образом стоит не просто антропоморфизация войны (заметим, что слово *лик* как одно из основных имеет значение «изображение на иконе»). С. Франк называл войну, этот древнейший способ социального взаимодействия, одним из ключевых понятий бытия («вечный, неуничтожимый элемент Вселенной»). Война, ставя человека на самый край бытия, выводя за этот край, разрушает его, переводит в максимально интенсивный регистр жизни и на уровне восприятия выступает как мистическая сила и своеобразное божество.

Местом ее проведения, помимо фронтов, с их открытым насилием и военными действиями, становится психика человека, и защитой психики является наделение войны зримыми и понятными чертами. Наиболее часто война уподобляется таким стихиям, как огонь (пожар/пламя войны, война вспыхнула), гроза (война гремит), вьюга (военная вьюга), ветер (ветер войны). Эти образы следует считать древними. Огонь – известный символ присутствия бога, знак его гнева; молния – оружие бога; молнией предстают выстрелы: «Короткие молнии вылетели навстречу, стремительно и косо сверкнули, ...и фигурка споткнулась... будто уперлась грудью в раскаленные копья молний, и исчезла, соединилась с землей...» (Ю. Бондарев).

«Знаковая» природа войны отражена в устойчивых образных перифразах, развивающих аналогию войны – трудной работы (М. Кульчицкий). Отсюда – уподобление войны кузнице, молоту, а также мельнице, ступе, страде, молочению (горнило войны, мельница войны, военная страда; «Война... перемолола тысячи жизней». – С. Никитин; «Война перетолкла на его глазах в одной ступке все поколения». – К. Симонов; «Война – безжалостная страда». – В. Курочкин). Показательно обращение к образам кузницы и мельницы – оба они, обозначая приручennую стихию, в народном сознании наделены демоническими свойствами (считается, что мельницу изобрел дьявол; кузнец известен во многих мифологиях как демиург). В этом же контексте стоит аналогия войны – пахоты («Все подробности, останки оружия и недавней человеческой жизни, как гигантским плугом, запаханы были, полускрыты завалами...». – Ю. Бондарев).

«Механистические» образы войны (каток, машина) подчеркивают бездушность войны («Железный каток войны». – К. Симонов; у Серпилина возникает ощущение, что «машина войны» на участке его армии «отлажена, заправлена, смазана, теперь остается пустить ее в ход»). Особняком стоит образ колеса («День Победы я встретил на госпитальной койке. Но до сих пор мне снился фронт, до сих пор меня все еще мотало, вертело огромным колесом, и война никак для меня не кончалась». – В. Астафьев; здесь писателем использован образ колесования, который часто встречается в народных картинах ада).

Частый символ войны – металлы (прежде всего, железо – известный атрибут нечистой силы), которые в традиционном

восприятии представляют элемент мертвого мира («...свист бомб, спешащих изо всех своих тяжелых железных сил к земле». – В. Гроссман; «Над головами с железным шуршанием прошли снаряды». – К. Симонов). В символическую сферу вовлекаются также характеристики войны черным и красным цветом («Черное, огромное и лязгающее заполняло все. Заслоняло весь мир». – Ю. Бондарев; «Черное и красное. Другого нет. Черный город и красное небо. И Волга красная. «Точно кровь», – мелькает в голове». – В. Некрасов).

Звук войны – это вой, свист, лязгание («Каждый из самолетов... летел с... отвратительным свистящим воем». – К. Воробьев; «Черное, огромное и лязгающее заполняло все». – Ю. Бондарев). Частая тема – пение как знак приближающейся смерти («Над полем, за рвом, возникли тонкие жала новых запевов. Как невидимая игла, звук сразу же впивался в темя, сверлил череп». – К. Воробьев). Подобно древним сиренам, смерть поет «и ласковыми, и грубыми голосами» («Везде разнотонными, и ласковыми, и грубыми голосами смерти прорезали воздух осколки...». – Ю. Бондарев).

Специфически маркирована война запахом – кроме обычных запахов пороха и горения, у ряда авторов встречается упоминание запаха чеснока, серы, селитры (ср. у Астафьева: «Переправляться... штрафная рота начала уже под утро, когда над обоими берегами нависла густая, дымная мгла, из которой, клубясь, оседало серое, паленым и жареным пахнущее месиво, багрово от земли светящееся. Такого света, цвета, таких запахов в земной природе не существовало. Угарной, удушающей вонью пороченного чеснока, вяжущей слюну окалины, барачной выгребной ямы, прелых водорослей, пресной тины и грязи, желтой перхоти ядовитых цветков, пропащих грибов, блевотной слизи пахло в этом месте сейчас, а над ядовитой смесью, над всей этой смертной мглой властвовал приторно-сладковатый запах горелого мяса»).

Пожалуй, наиболее очевидно условное представление войны в народном сознании как слепой беспощадной силы: война кровь любит, война живых в могилу клонит. Отсутствие конкретизации образа войны целиком обусловлено восприятием ее как некоей безличной силы («Было... тихо, так, словно война вокруг этого поля заснула до утра». – К. Симонов; «Многих из вашего брата война уже списала с лица земли». –

К. Симонов). Отчасти проясняется образ в аналогиях войны с «играющим» божеством («Шла война, раскладывая на континентах гигантский пасьянс из человеческих жизней». – Б. Васильев; «На войне... смерть в орла и решку играет с каждым». – К. Симонов). «Игровая» аналогия подчеркивает постоянную изменчивость и непредсказуемость военных событий, участие в них полярных сил.

Война «имеет» облик птицы (ср.: «Война клюнула Николая Лубнина еще летом сорок первого». – К. Колесов). Она напоминает собой ворона или коршуна – это «огромная птица с коричневым носом, с хищными черными, часто кривыми когтями» (Ю. Бондарев). В произведениях о войне птицы войны появляются часто в облике пикирующего самолета: «Черные, с коршуньи расцепленными когтями, ревели и кружились машины» (В. Астафьев); «Каждый из самолетов... летел в каком-то странном наклоне, с растопыренными лапами, с коричневым носом и отвратительным свистящим воем» (К. Воробьев).

Одно из воплощений войны – насекомые (мухи, пауки, жуки, бабочки, черви): «По еще не засохшей, но уже вязко слипшейся в отверстии крови неземным, металлически отблескивающим цветком сидели синие и черные толстые мухи, и жуки с зеленой броней на спине почти залезли в рану, присосались к ней, выставив неуклюжие круглые зады, под которыми жадно скреблись, царапались черные, грязные, резиновой перепонкой обтянутые лапки с красно измазанными острыми коготками» (Астафьев); «Везде по багровому снегу, как по раскрашенной скатерти, рассыпанно ползли, останавливаясь, ощупывали что-то хоботами орудий черные с белыми крестиками ядовитые и огрузшие пауки, разбрасывая впереди себя огненную паутину» (Ю. Бондарев). Эти образы воспроизводят народное восприятие насекомых как нечисти и как посланцев с того света.

Аналогичен и образ змей: «...мелькали неясные тени, вспыхивали и гасли искры выстрелов, загорался то зеленый, то красный глазок, а в воздухе стоял непрерывный железный свист. Казалось, Крымов заглянул в огромную змеиную нору, где сотни растревоженных чудовищ, шипя, сверкая глазами, быстро расползались, шурша среди сухого бурьяна» (В. Гроссман).

Война в конкретно-предметных образах предстает не как реальное, а скорее как психическое событие, и эти образы

призваны преодолеть страх его «называнием», опредмечиванием, локализацией в конкретном персонаже или явлении.

Иная стратегия выявляется при обращении писателя к условным, фантастическим образам (война – ад, война – чудовище). Концептуальный, интерпретирующий характер носит уподобление войны аду («На земле... царствовал ад... непродышливая тьма сгустилась над плацдармом». – В. Астафьев; «...Черный ад... назывался когда-то землей и небом». – В. Астафьев). Таков и образ «огненно кипящего земного пекла» (В. Астафьев). Астафьев характеризует войну как «гибельное безумие, по сравнению с которым библейская геенна огненная выглядит детской сказкой.., от которой можно закрыться тулупом». Примечательно, что аналогичным образом писатель противопоставляет демонов войны духам природы: «...И если б оно, то, деревенское, привычное водяное чудище объявилось сейчас со дна реки, как бы по-домашнему почувствовали себя бойцы. Но дно реки, душа ее, будто тело больной, умирающей матери, обнажено, беззащитно. И тварь со дна ползет, биясь хвостом, неслыханная, невиданная, души и глаз не имеющая. Грязная тварь, состоящая из желтой жижи, покрытая красной пеной – да-да, конечно, это вот и есть лик войны, безликая сущность ее» («Прокляты и убиты»).

Примечательно определение чудовища войны словом червь: в средневековых сказаниях им именовались змеи и драконы. У Астафьева – безголовая, безгласая белая червь в слизи, грязи. Червь – символ бренности земного существования, известный по Библии. Еще один фантасмагорический образ – образ чудовища с огненными крыльями: «...Казалось, что пророк небесный – с карающим копьем низвергся на землю, чтобы наказать за варварство людей, образумить их... Тень его металась, то увеличиваясь на версту, то исчезая вовсе, и он сам, как выходец из преисподней, то разгорался каким-то ослепительным, вулканическим огнем, то темнел, проваливался в тряпичном чаду и копоти. Он дико выл, оскаливая зубы, хрипел в удушье, и чудились на нем густые волосы... Руки его длинные, с когтями, ноздри зверино вывернуты, и уши как у нетопыря – лопухами. Холодом, мраком, лешачьей древностью веяло от этого двуногого существа, а полыхающий за спиной факел – будто отсвет тех огненных бурь, из которых возникло это чудище...» («Пастух и пастушка»).

Отмеченные образы своей фантасмагоричностью не только выявляют и подчеркивают иррациональную суть войны. С их помощью автор персонифицирует разбуженные войной и до того сокрытые в человеке такие слепые и разрушительные природные инстинкты, как насилие, ненависть и вражда, которые и предстают как демонические силы. Контаминируя христианские и языческие образы, писатель не пользуется технологией страха, схемой создания и нагнетения ужаса – он точно воссоздает народное ощущение войны как остатка в человечестве звериного первобытного начала.

Н. Ю. Копытов

Фитонимика в этнопоэтике В. П. Астафьева
(на материале тетради «Затесей» «Падение листа»)

Лирические миниатюры и короткие рассказы-воспоминания «Затесей» В. П. Астафьева представляют собой зарубки в памяти, следуя по которым, можно вернуться к истокам жизни, исходной точке пути, откуда все начиналось, и еще раз прочувствовать, отследить шаг за шагом, этап за этапом, веха за вехой, как это было.

Так и растения, которые фигурируют в цикле, могут выступать определенными метами на пути к постижению непреложной истины единства человека и природы, трагичности, драматичности существования, но непременного торжества добра над злом.

Словник ботанического гербария, представленного в сборнике, весьма широк. В астафьевском цветнике можно встретить вечнозеленые хвойные деревья (кедр, ель, пихту); лиственные деревья (березу, ольху, тальник – кустарниковую иву, ветлу – белую (серебристую) иву); плодовые деревья (яблоню, калину, черемуху, рябину); кустарники (чернику, шиповник); злаковые (пшеницу, рожь, овес), вербу, землянику и, конечно же, большое разнообразие травянистых растений вроде татарника, кипрея, гусятника, хвоща, колокольчиков, жарок, кукушкиных слезок, осоки, дикого мака, подснежников, купавок, лютиков, незабудок, лазоревых цветов, жалицы, чемерицы, кувшинок, куреслепа, папоротника и мхов – «зеленых обитателей» европейской части России. Некоторые из пере-

численных выше фитонимов относятся к народным: гусятник представляет горец птичий, кукушкины слезки – ятрышник пятнистый, купавка – кубышку желтую, жалица – крапиву, а лазоревых цветов в народной культуре вообще не счесть.

В цикле много небольших рассказов, которые условно можно назвать притчами, поскольку их язык максимально прозрачен, при ненарочитой назидательности текстов. В некоторых произведениях художественный конфликт разрешается посредством вовлечения в сюжетную основу образов растительного мира, наделенных культурной семантикой.

Так, в новелле «Родные березы» слышится гимн березе, песнь «зеленой березовой семье»: на чужбине среди «умильных, ухоженных клумбочек с цветами», «оболваненных ножницами пучков роз», а также фикусов, платанов, чинар, кипарисов, магнолий, пальм, «кустов, бесплодных, оскопленных ножницами», с «листьями то жесткими, то покрытыми изморозью и колючками», «кривых карликовых деревец», которые «удивляли, но не радовали», вид «трех березок толщиной с детскую руку» навеял автору воспоминания о культовой роли березы в троицком обряде: «Я глядел на эти березы и видел деревенскую улицу. Козырьки ворот, наличники окон в зеленой пене березового листа. Даже за ремешками картузов у парней – березовые ветки. Скараулив девок с водою, парни бросали им в ведра свои ветки, а девушки старались не расплескать воду из ведер – счастье выплеснуть! В кадках вода долго пахла березовым листом...» Тут же всплывает образ «умиротворенной» бабушки автора, вяжущей березовые веники. И, конечно же, не забыта лечебная ипостась «русской красавицы»: «И всю зиму березовый веник служил свою службу людям: им выпаривают пот из кожи, надсаду и болезни из натруженных костей».

Еще один фольклорный образ запечатлен в рассказе «Зеленые звезды». В нем автор излагает легенду из детских воспоминаний о «таинственных, сказочных» свойствах папоротника: например, о том, что «если найти цвет папоротника и взять в руку – станешь невидимкой».

Красноречива притча о ели, которая вопреки природе, зачастую лишающей места под солнцем слабых и «хилых» и тем самым убивающей их, но одновременно благодаря ей, оспаривая свое право на жизнь, прорастает сквозь пень, который, скорее всего, и был ее «родителем». Выраженная здесь част-

ная идея «вечнозеленности» дерева в народной культуре воплощена в похоронном ритуале посадки ели на могилах умерших для обеспечения их бессмертием. Затесь «И прахом своим» Астафьев заканчивает такими словами: «Когда мне становится невыносимо больно от воспоминаний, а они не покидают, да и никогда, наверное, не покинут тех, кто прошел войну, когда снова и снова передо мной встают те, кто пал на поле боя, а ведь были среди них ребята, которые не успели еще и жизнито как следует увидеть, ни полюбить, ни насладиться радостями мирскими и даже досыта поесть,– я думаю о елочке, которая растет в лесу на пне».

Другая притча, представленная в рассказе «Герань на снегу», повествует о мытарствах живучей герани, которую сначала пьяный мужик выбросил из окна на снег, потом ее корешок унесло в овражек с талой водой, и он там прижился, затем отросшую герань нашла коза и поела, но растение не погибло, далее ее зацепил ковшом экскаватор и вывалил под яр, который завалили грудой земли, отчего она там загнила и умерла.

Последние две притчи объединяет одна идея, которую можно обозначить как идею выживания, но в них она реализуется по-разному. Если в повествовании о березе троицкая растительность показана в период своего буйного расцвета, то герань представлена в разобщенном мире неистовых людей, при столкновении с которым она погибает. Здесь внимание обращается на нарушение гармонии между человеком и природой вследствие огрубления нравов, технократизации общества, стремящегося подчеркнуть свою независимость от последней и превосходство над ней. Ель же вынуждена бороться за жизнь среди «своих», и у нее это получается, но ценой неимоверных усилий.

Поэтике Астафьева также свойственна идея умирания растений, маркирующая либо излет их существования в близости к опасности, либо непосредственно угасание в них жизни.

Нередко в хрониках «Падения листа» прочитывается незатейливая, но вместе с тем по-своему героическая и незаурядная, жизнь растений, наделенных человеческими судьбами. Таким образом реализуется поэтизация, мифологизация человечного в растениях.

Анализ одушевленных прилагательных, связанных с растениями, демонстрирует, как Астафьев любуется «живой лентой зелени» и, как четки, перебирает характеристики, характеры,

стати растений: дерзкие, уверенные в себе подснежники, кривобокие кедры, скрюченные пихточки, сухопарые ели, «в инвалидность еще с детства впавшие березы», живучий курослеп, «сорящий желтой перхотью средь лета», чавкающий, рыжий (незаурядный) мох, неживая, залитая морем (по сути, утонувшая) ветла, задумчивые кипарисы. Травы у автора, как люди, опиваются влагой, под его пером «рожает вспененная черемуха». Также на страницах первой тетради «Затесей» можно неоднократно заметить неожиданные сравнения типа «ладошек кувшинок», «звезд папоротника», «пластыря мхов» и т. д. Или вот, например, название, указывающее на этимологию жарок: «Дотлела зорька. Темнота обступила костер. Вокруг него виднеются бледные пятна цветов. Эти желтые цветы на Урале и в Подмосковье называют купавками, а в Сибири – жарками, потому что в Сибири они огненно-яркого цвета и светятся в траве, что жаркие угли».

По отбору лексических средств видно, что автор не пытается идеализировать «представителей зеленого фонда земли». Флора, по Астафьеву, также характеризует искалеченное человечество, которое оставляет свой отпечаток на всем, к чему бы оно ни прикоснулось. Поэтому в тексте она предстает такой же, во многом ущербной и обездоленной. И заветом звучит призыв: «Пусть не остынет алая кровь в тонких жилах цветов!» – не убить живое в себе и вокруг себя.

Из почти энциклопедического описания целиком состоит рассказ «Первовестник»: «Маленькая звездочка на длинной цветоножке, белые, нежно пахнущие лепестки с розовинкой – это лесная ветреница – первовестница весны. Корень у нее крупнее и крепче цветка, сок жгуч, почти ядовит. Ветреницей лечат суставы – много сил набирает из земли корень ветреницы, будто знает, что ждут его люди не только с радостью, но и с надеждой на выздоровление».

Обращают на себя внимание многочисленные обширные колоритные описания, которые, в отличие от известных лирических отступлений, в этом цикле играют главную роль. Вот одно из них: «Пугливое дерево – рябина, оно раньше других почувствовало приближение снега и поспешило окраситься осенним цветом. С грустным шорохом опадают багровые розетки с рябин и одиноко, печально светятся на белом, но еще не ослепительном снегу». Палитра писателя в высшей степени щедра на краски.

При обращении к некоторым ботаническим реалиям угадываются и личные предпочтения автора. Так, из рассказа «Сережки» с очевидностью следует, что «после сретенских морозов, когда разломится зима пополам и солнце повернет на весну», Астафьев, «если живет в деревне», ломает ветки ольхи с сережками, ставит их в банку с водой и с удивлением наблюдает, «как эти черные, почти обугленные ветки, которых и солнце-то коснулось чуть, только чуть, да и солнце-то далекое еще, морозное, стронутые соком, встрепенулись, зашевелились в себе». Писатель поэтизирует таинство мифологического возрождения ольхи на новых основаниях: буквально – из пепла.

В ключевом рассказе, ставшем заголовком для тетради, мощная метафора падения листа развертывается в концепте леса, который «жил и силился затянуть травой, заклеить пластырем мхов, припорошить прелью рыжих гнилушек, засыпать моросью ягод, прикрыть шляпками грибов ушибы и раны», но которому со временем «самоисцеление дается все труднее и труднее». Астафьев же, прорываясь «сквозь безликую инертность», творит текст, как «"голос" места сего, его мысль, сознание и самосознание» [1].

В сущности, тетрадь «Падение листа» через живописание нечеловеческой воли к жизни обыкновенных растений непредвзято вещает о силе человеческого духа, о трагедии существования, об экзистенциальных вопросах, которые задает себе человек, отрешившись от быта, суеты и даже от самого себя: кто я, что я, в чем соль и цель существования и куда я уйду, куда я денусь... после «падения»?

---

[1] *Топорков В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М., 1995. С. 5.

Ю. Г. Бобкова

Словесные умолчания в прозе В. П. Астафьева

Словесным умолчанием в науке определяют «всё то, что связано с функциональным назначением отсутствующего словесного выражения смысловых компонентов в речи» [1]. В неко-

торых случаях используется другой термин – «скрытый смысл». Иначе: рассмотрению подлежит совокупность «значений, не нашедших выражения в высказывании или тексте»[2]. В качестве отправной точки необходимо учитывать причины знаковой функции умолчания, поскольку умолчание может быть обусловлено как намерениями автора текста (этой позиции мы придерживаемся в настоящей работе), так и особенностями читательского восприятия. Кроме того, об означивании отсутствующих компонентов текста можно судить при сопоставлении с фактами выраженности этих компонентов.

Мы рассмотрим, как реализуется любовная тематика в двух соотносительных текстах В. П. Астафьева – в «Стародубе» и «Пастухе и пастушке». Эти тексты отобраны по признаку тематического единства. Однако способы раскрытия темы любви предстают принципиально отличными.

Первой отличительной чертой мы признаем авторские акценты, реализованные в сильных позициях текста[3], каковыми являются заглавие, эпиграф и название глав в «Пастухе и пастушке» и заглавие в «Стародубе». Так, тематическая и эмоциональная направленность текста «Пастуха и пастушки» однозначна и не вызывает сомнений, о чем свидетельствует, например, эпиграф из Т. Готье:

Любовь моя в том мире давнем,
Где бездны, кущи, купола,–
Я птицей был, цветком, и камнем,
И перлом – всем, чем ты была.

Усиление темы достигается культурной «памятью» текста: к предшествующим текстам отсылает как название (здесь заглавие – знак интертекстуального взаимодействия в пространстве культуры), так и жанровая принадлежность, определенная самим писателем, – современная пастораль.

Заглавие повести «Стародуб» лишено подобной однозначности, и декодирование наиболее общего содержания текста исходя из названия не представляется возможным. Напротив, потенциал смыслов, заложенных в заглавии[4] и связанных с темой любви, раскрывается лишь при ретроспективном возвращении от пространства текста к его заглавию: «Хотел он, непременно хотел идти сватать Клавдию с цветками стародубами. Они зацветают вслед за подснежниками и медуницами – эти ярко-желтые, с горящими углями в середине цветы.

<...> Схватил Култыш стародуб и понес его своей невесте под рубахой, а за плечами мешок, полный соболиных, беличьих и куньих шкурок. Всю завалит, с ног до головы свою невесту мехами Култыш, а в волосы ей вплетет он солнышко!» [5]

Как видно из контекста, лексема *стародуб* и метафорическое наименование цветка *солнышко* находятся в контактной позиции (или позиции авторских ассоциаций) с лексемами *сватать* и *невеста*. При этом «свадебные» лексемы – это конкретизация более общего представления о любви. Но самой лексемы *любовь* или корнеслова мы здесь не видим, и потому необходимо проанализировать сходства и различия текстов «Пастуха и пастушки» и «Стародуба» с точки зрения их лексического наполнения. Здесь мы последуем логике – от эксплицитных смыслов (нашедших языковое воплощение) к смыслам имплицитным (не имеющим однозначной языковой привязки).

Итак, вторая отличительная черта текстов одной тематики – языковые средства, использованные В. П. Астафьевым для раскрытия темы любви. Необходимо уточнить, что русский язык беден на собственно «любовную» лексику, и тем важнее оказывается использование слов этой тематической группы. Но поскольку слово *любить* и его производные многозначны, мы ограничимся лишь теми случаями словоупотреблений, когда реализуется основной из семантических вариантов лексемы – «чувствовать глубокую привязанность, преданность к кому-<либо> ...»

Фрагменты словообразовательного гнезда с корнем *люб-* встречаются в тексте «Пастуха и пастушки» в 33 словоупотреблениях, при этом к теме любви отсылают 24 из них. Одна или небольшой набор лексем не могут передать всех нюансов этого многомерного чувства, и вспомогательным средством для выявления оттенков любовного переживания признается контекстное окружение слов. В рамках нашей работы мы остановимся на некоторых из них.

Представления о любви в тексте «Пастуха и пастушки» передаются В. П. Астафьевым через ряды противопоставлений. Наиболее последовательно разводятся любовь как предельно обобщенное чувство и любовь как индивидуально-неповторимое чувство. О стереотипах социального поведения и, следовательно, использовании речевых клише (то, что в лингвистике называют прецедентными феноменами) свиде-

тельствует, в частности, следующий пример: «Кисета у него оказалось два: один красный, из парашютного шелка, другой холщовый, с кисточками, вышитый кривыми буквами. Какие-то далекие и милые девчушки посылали такие кисеты на фронт с трогательными надписями: «Давай закурим!», «На вечную память и верную любовь!», «Любовь моя хранит тебя!»...»

Предельно индивидуальным в этом ряду противопоставлений оказывается эпизод, когда герой «пускает» женщину в свой довоенный мир, в мир своего детства, доверяет ей сокровенные переживания: «Еще я помню театр с колоннами и музыку. Знаешь, музыка была сиреневая... Простенькая такая, понятная и сиреневая... Я почему-то услышал сейчас ту музыку, и как танцевали двое – он и она, пастух и пастушка. Лужайка зеленая. Овечки белые. Пастух и пастушка в шкурах. Они любили друг друга, не стыдились любви и не боялись за нее. В доверчивости они были беззащитны. Беззащитные недоступны злу – казалось мне прежде...»

Другой ряд противопоставлений представлен оппозицией: любовь как грех, разгул, вульгарное действие, бравада – и любовь как таинство, своеобразное целомудрие, чистота, чувство, говорить о котором можно лишь с любимым человеком. На этом основании контрастируют, в частности, образы умудренных опытом мужчин, готовых поделиться этим опытом, и еще не оперившихся юнцов. Так, старшина Мохнаков облекает рассказ о своих сексуальных подвигах в подчеркнуто юмористическую форму, восходящую к анекдоту: «– Я, паря, землячок мой дорогой, в тятю удался. Он у меня, родимай, все хвалился, что с пятнадцати лет к солдаткам хмель-пиво пить ходил, а я, паря, скромнее был его: только в шестнадцать оскоромился. В семнадцать тятька давай меня женить скорее, а то, говорит, убьют, обормота, мужики, иль бабы от любви задушат. В восемнадцать у меня уж ребенок в зыбке пищал и титьку требовал. В девятнадцать второй появился, да всё девки – Зойка, Малашка, я уж парня начал выкраивать да вытачивать, да тут меня – хоп и в армию <...>. Правда, парня все-таки успел за отпуск смастерить – мастак я на эти дела, о-ох, мастак! Мне вот юбку на бочонок с селедкой надень или платье на полевую кухню надень и скажи – баба, дай выпить – и полезу, никакой огонь меня не остановит!»

Кроме того, герои Астафьева не могут обойти вниманием и близость влюбленных и используют эвфемистические сравнения. В качестве эвфемизмов служит развернутая метафора, устанавливающая тождество между предельно интимным действием и социально стереотипизированным поведением. Это своеобразная загадка для «посвященных»: «Завтракали на кухне. Люся хотя и прятала глаза, но распоряжалась за столом бойчее, чем прежде. Солдаты многозначительно и незлобно подшучивали, утверждая, что лейтенант шибко сдал после тяжких боев, один на один выдерживая натиск противника, а они вот, растяпы, дрыхли и не исполнили того, чему их учили в школе, – на выручку командиру не пришли...»

Герой, напротив, не делится своими чувствами с сослуживцами, его слова обращены лишь к избраннице. Но почему он говорит о любви, почему стремится назвать то, что было для него таинственным («Далеко где-то, оттененное округлостями, таинственно мерцало ясное женское тело»)? Ответ на этот вопрос дает Астафьев словами Люси: «– Я думала, ты на меня сердишься, – чутко откликнулась Люся на ласку и обняла его за шею уже уверенно. – Не надо сердиться. Нет у нас на это времени...» Здесь скорее можно говорить не об отсутствии времени, а о его компрессии: война дает передышку в два дня, и за это время надо успеть прожить жизнь, поэтому и чувства героев проходят все стадии своего развития, вплоть до высшей точки, которая достигается гармонией психофизиологических аспектов любви.

В тексте «Пастуха и пастушки» мы не видим противопоставления физического и духовного. Казалось бы, лексема *страсть* может свидетельствовать о физическом проявлении любви, как, например, в данном контексте: «Борис не узнавал в ней ту женщину, восторженную и преданную в страсти своей, что пришла к нему в далекий-далекий вечерний час». Однако дальнейшее употребление этого слова устраняет физиологическую основу любви, и любовь предстает как явление непостижимое: «–О-ох, Борька! – бросив на пол цигарку, срубленно упала Люся на него. – Где же ты раньше был? Неужели войне надо было случиться, чтоб мы встретились? Милый ты мой! Чистый, хороший! Страшно-то как жить!.. – Она тут же укротила себя, промокнула лицо простыней. – Всё! Всё! Прости. Не буду больше...

Он невольно отстранился от нее, и опять его потянуло на кухню, к солдатам – проще там всё, понятней, а тут черт-те какие страсти-ужасы, и вообще...»

Непостижимость и невыразимость любви заключается в ограниченности языковых средств, способных описать любовь как акт познания мужчиной себя и женщины. Астафьев прибегает к пересекающимся метафорическим определениям, восходящим к архетипическим символам огня, воды, света и круга: «Женщина качалась безликой тенью в жарком, все сгущающемся пале, который клубился вокруг, испепеляя воздух в комнате, сознание, тело... Дышать нечем. Все вещее в нем сгорело. <...> В совсем уж бредовую темень, в совсем горячий, испепеляющий огненный вал опрокинуло взводного. <...> И, не владея уже собой, сопротивляясь и слабея от этого сопротивления еще больше, протянул к ней руку, чтобы поблагодарить за ласку, за приют, удостовериться, что эта, задернутая жарким туманом тень, качающаяся в мерклом, как бы бредовом свету, есть та, у которой стремительно катится вниз исток грудей, и кружит он кровь, гремящее набатом сердце под ослепительно мерцающим загадочным телом. Женщина! Так вот что такое женщина! Что же это она с ним сделала? Сорвала, словно лист с дерева, закружила, закружила и понесла, понесла над землею – нет в нем веса, нет под ним тверди <...> Обжигающий просверк света ударил его по глазам, он загнанно упал лицом в подушку».

Возвращаясь к заявленному сопоставлению способов описания любви в двух текстах В. П. Астафьева, обратимся к тексту «Стародуба». Лексемы с корнем *люб-* в этом тексте менее частотны – их 10 (и это один из показателей эмоционального аскетизма, свойственного старообрядчеству), 4 из них даны с отрицанием («За твердый характер, за то, что не скисла она в трудные годы, за то, что умела вести хозяйство и править людьми, уважал Мокриду Фаефан. Недолюбливал, но уважал»). И ни одна из этих лексем не употребляется для описания взаимоотношений мужчины и женщины, за исключением, пожалуй, «людской молвы»: «– А-а, полюбовника защищаешь!..», и причина этого – в сюжетной канве текста: героям не суждено было быть вместе, их любовь не только не высказывается, но и не осуществляется.

В отличие от «Пастуха и пастушки», в «Стародубе» описы-

вается только пробуждение любовного чувства, которое дается Астафьевым через «водную» символику, реализованную в сравнении, породившем метафорическое переосмысление. При этом сам символ *вода* не назван, то есть по сути можно говорить еще об одном умолчании – умолчании в символической структуре текста: «Троха запустил слово, как парнишка камень с ремня, и забыл. А оно пало в тихую душу парня, и пошли по ней круги, взбаламутилось все там».

Как видно из примеров, в мире «Стародуба» слово обладает магической силой: произнесенное порождает дело, непроговоренное не имеет последствий.

Еще один вопрос, на который необходимо ответить: есть ли место эротике в тексте «Стародуба»? Эротическая составляющая любовного переживания героя включена в циклическое время, по законам которого живет все в природе. Об этом свидетельствует синтаксический параллелизм конструкций: «Завеснило в тайге. Завеснило и на душе молодого охотника». Слово *завеснило* в диалектологическом словаре определяется как «почувствовать весну и половое влечение». Однако распространитель (или субъектно-пространственная детерминация) *на душе* лишает это высказывание определения только физиологической составляющей чувства любви.

Важно отметить и еще одну особенность словесных умолчаний в тексте «Стародуба». Табуированию в ряде случаев подлежат номинации Бога («"Прогневали, видно, косматого!" – подумал Амос и подивился на себя. Вот опять бога помянул»), людей, так или иначе отличающихся от староверов и получающих прозвища («По святцам – Феофан, но людские языки обкатали это имя, как вода обкатывает острые камни, сделали его более гладким для произношения»; «Фаефан, по прозвищу Каторжанец»; «Культявый, Культя, Култыш – так стали кликать в деревне Вырубы мальчонку. Он к этому быстро привык и другого имени никогда не знал и не помнил, хотя и нарекла его Мокрида Титом. Не привился Тит»; «Дикой прозвали с тех пор Клавдию кержаки, утверждали, будто тронулась она...»), и насильственной смерти («Занемевшие пальцы рванули спуск. Искру загасило пламя. Раскололась ночь. <...> Тишина. Был гром, а теперь тишина»). По сути, все эти умолчания в общих чертах дают представление о сюжетной канве

текста (или выполняют текстообразующую функцию): названы главные герои (Фаефан, Култыш, Клавдия), заявлена тема (любовь и вера), определена коллизия (убийство).

Сравнение двух текстов позволяет почувствовать различие эмоциональной ноты, с которой Астафьев говорит о любви. В тексте «Пастуха и пастушки» тема любви актуализируется разными способами – начиная с заглавия, заканчивая лексическим наполнением текста, а умолчания редки и связаны, как правило, с культурными традициями табуирования темы сексуальных отношений, а потому в качестве умолчаний используются традиционные фольклорные формы. В тексте «Стародуба» заявлен эмоциональный аскетизм, который проявляется в разного рода умолчаниях. Это умолчания на уровне взаимоотношений *заглавие/текст*, на уровне языкового текстового континуума, на уровне символической и концептуальной организации текста. Таким образом, умолчания выполняют в тексте «Стародуба» текстообразующую функцию.

Словесные умолчания в текстах В. П. Астафьева – это выражение невыразимого, того, для чего мало слов, того, что противостоит смерти и войне, того, что является законом природы. Название этому – любовь.

---

[1] *Шелякин М. А.* Знаковые функции умолчания синтаксем в простых предложениях русского языка // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сб. статей. – М., 2002. С. 190.

[2] *Масленникова А. А.* Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. – СПб., 1999. С. 4.

[3] *Лукин В. А.* Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. – М., 1999. С. 86.

[4] В рамках данной работы мы не будем говорить о всем смысловом наполнении заглавия «Стародуба», а лишь упомянем авторские ассоциации: стародуб – память, родина, потеря, вечность («Так цветок этот желтый и духмяный сделался постоянной, неумираемой памятью о родном, навсегда потерянном крае»), стародуб – смерть («Култыш лежал на нарах в чистой рубахе. В изголовье у него слой мха и пихтовых веток перешибал запах тления. В руке Култыша вместо свечи цветок стародуб»).

[5] Здесь и далее цитаты из текста приводятся по изданиям: *Астафьев В. П.* Стародуб // Собр. соч. В 4 т. – М., 1979. Т. 1; *Астафьев В. П.* Пастух и пастушка // *Астафьев В. П.* Так хочется жить: Повести и рассказы. – М., 1996.

Г. В. Чудинова

Авторская позиция в создании образа В. П. Астафьева в книге мемуаров М. С. Астафьевой-Корякиной «Знаки жизни»

Замечательная книга жены В. П. Астафьева Марии Семеновны Астафьевой-Корякиной «Знаки жизни», по общему признанию, просто не могла не появиться на свет: в ней писательница в традиционном для русской литературы жанре мемуаров и документально-художественного повествования правдиво воспроизвела события уникальной жизни, прожитой с Виктором Петровичем Астафьевым, поделилась своими впечатлениями о творческой деятельности выдающегося русского писателя, о его семье, о родственниках и друзьях, обо всем, что было пережито ими вместе за эти нелегкие годы.

О сложности воплощения замысла красноречиво говорит тот факт, что автор книги первоначально предполагала назвать ее «Муки и радости», «Тоскующая память», «О нашей жизни», но по мере работы над произведением решила остановиться только на «знаках», на отдельных, наиболее значимых, отрезках времени и жизни. Действительно, жизнь супружеской и творческой четы стала «знаковой» во многих отношениях: это и приметы обширной географии тех мест, в которых им довелось побывать и подолгу жить – композиционно книга состоит из трех больших частей: «Урал», «Вологда», «Сибирь», это и вехи военного лихолетья и тяжелейших голодных послевоенных лет, и вместе пережитые муки от утраты детей, и совместные горькие наблюдения за всем тем, что происходило в стране за полувековой период ее истории.

Особый интерес в книге мемуаров вызывает авторская позиция в создании образа В. П. Астафьева, в основу которой положена первая встреча Марии Корякиной со своим будущим мужем. Девушка, добровольно ушедшая на фронт в марте 1943 г. из большой многодетной семьи в городе Чусовом и оказавшаяся сортировщицей почты в польском городке Станиславчике, не случайно обратила внимание на удаль, отвагу и смелость молодого солдата: «Однажды привез мешки с письмами веселый солдатик, однако на груди его хорошо смотрелась медаль «За отвагу» – очень редкая в ту пору награда, и орден Красной Звезды! Да еще гвардейский значок с

отбитой в нижнем углу эмалью. Боевой солдатик – сразу видно!»[1]. Вскоре поводами для встреч стали полученные Марией Семеновной из дома книги и та общность интересов, которая связала воедино судьбы двух молодых людей.

В «Знаках жизни» имеется несколько документальных записей, и одна из них, сделанная в личном удостоверении героини книги, гласит: «Вступила в законный брак с Астафьевым Виктором Петровичем 26 октября 1945 года». По мере развития действия доминанта образа Виктора Петровича, вобравшая в себя его тягу к духовности, смелость и удаль, стала дополняться другими качествами характера, среди которых были отзывчивость, сострадание к чужой боли и беде, стремление помочь ближнему. Драматические эпизоды, связанные с возвращением молодой супружеской четы с Западной Украины сразу же после окончания войны в переполненных до отказа поездах, художественно достоверно воссозданы в повести В. П. Астафьева «Так хочется жить», написанной на биографической основе. А вот как выглядят они под пером Марии Семеновны: «Витя мой, помогая, втаскивал в окно солдата с костылями: прежде закинул костыли, затем, напрягши силы, втащил раненого мужика. Тот плюхнулся через унитаз на мешок – удачно вышло... А Витя, уж не знаю, каким сверхусилием втаскивал в тесный туалет, в выбитое окно еще и женщину, оказавшуюся женой раненого солдата, – может, специально в госпиталь за ним ездила?»

Перед нами раскрываются самые разные грани характера будущего писателя, как позитивные, так и негативные, и внутренние противоречия этого образа в книге «Знаки жизни» мотивированы как на социальном, так и на психологическом уровне: это детдомовское детство, о котором упоминается лишь вскользь, тяжелейшая юность, совпавшая с войной, фронтовое ранение и множество проявлений социальной несправедливости, на которые так остро реагировал «веселый солдатик». Резкой была его реакция и на невольные ошибки и промахи жены, которые она всегда пыталась тут же исправить. Взять хотя бы эпизод, когда Виктор, выросший в провинции, не успел вовремя заскочить в поезд московского метро, и супруги чуть было не потерялись: «Разговор мой о том, как я ждала, Витя тут же прервал, да таким манером, такими словами. Я даже и не знала, что такие матюки бывают! Папа мой никогда не матерился, и вообще, при нас, ребятах, никто

никогда матерно не выражался». Прием контраста, ставший одним из основных в книге, достаточно ярко высветил противоположные черты характера супругов: вспыльчивость и резкость молодого мужа и мудрое терпение его жены, основанное на доброте, любви и сострадании, что прозвучали во внутреннем монологе Марии Семеновны: «Видать, кончилось мое счастье, так еще и не начавшись. Ладно, хоть домой ничего не сообщила, что замуж вышла. Ох, как же нам найтись-то?! Господи, где же он теперь есть-то?!» Помимо доброты, любви и внутренней культуры, главной героине книги удалось удержать при себе отнюдь не легкого по характеру мужа своей неиссякаемой заботой и трудолюбием: «Ранним утром я поднялась. Нагрела воды – бани у тети Любы не было, выстирала гимнастерку и брюки Витины, приспособила сушить к печке, чтоб быстрее высохли... Витя проснулся поздно, и я к этому времени уж выгладила ему обмундирование, подворотничок подшила, пуговки о суконную шинель почистила, сапоги тоже собралась было почистить, но чем?». Марии Семеновне удалось преодолеть все ссоры и размолвки, выпавшие на долю супругов в самый тяжелый период их жизни в Чусовом, и внутренние противоречия созданного писательницей образа постепенно нашли свое разрешение в победе позитивных черт характера В. П. Астафьева над негативными.

Во второй и третьей частях книги перед читателями предстает уже зрелый, сформировавшийся человек, известный всей России писатель с его твердой гражданской и патриотической позицией, противопоставленной «бесовской политике» правящих слоев. Во время жизни Астафьевых в Вологде в ответ на предложение поехать в монастырь Виктор Петрович сказал, что «глядеть на умирающую Русь – разрушенные храмы, памятники, обезображенные, осквернённые иконостасы, всюду чувствуется трупный запах, я никогда не поеду – ни в Суздаль, ни в Кижи, особенно после того, как увидел валяющееся на полу распятие Иисуса и об него вытерты грязные, наземные ноги... Сожалею, что я современник всего этого...». Во время визита к Михаилу Сергеевичу Горбачеву он попытался обратить его внимание на реальные проблемы Сибири: «А вы лучше приезжайте, – сказал я, – и лично всё увидите, и лучше не с начальниками в машину садитесь, а со мной – я вам покажу всё, и хорошее, и, увы, безобразия, которые есть, творятся и

чем дальше, тем больше». Марии Семеновне объективно удалось воссоздать образ великого труженика пера и человека, принимающего близко к сердцу все проблемы своего родного края: строительство библиотеки в Овсянке и школы в Академгородке Красноярска, прекращение сплава леса по реке Мане, притоке Енисея, и многие другие. Будучи постоянно занятым, Виктор Петрович, как повествует о том книга, никогда не забывал своих пермских друзей: Владимира Радкевича, Алексея Домнина, Бориса Назаровского, Михаила Голубкова – писал им теплые дружеские письма, приезжал к ним в Пермь.

В последние годы жизни писателя его оценка советской эпохи стала беспощадно негативной: «А мне и моей жене никакая партия и правительство ребенка не вернут (это о нашей первой доченьке, прожившей на свете полгода, – уморили голодом) <...> пока есть вожди, всё будут гибнуть невинные дети, пока есть и будут править дармоеды и проходимцы в комиссарских штанах и с дряхлой идеологией, говорить пустые слова и ради них проливать чужую кровь и убивать не своих детей...». Книга мемуаров заканчивается неполным перечнем книг В. П. Астафьева, которые он дарил Марии Семеновне с автографами, где постоянно присутствовали слова: «С любовью и благодарностью, ведь тут столько твоего труда!». Очевидно, что без Марии Семеновны, верной жены и друга, судьба Виктора Петровича вполне могла бы сложиться по-другому, но благодаря ее многолетней поддержке русская литература получила подлинно национального писателя, и в этом заключается непреходящий смысл «знаков» их замечательных жизней.

---

[1] Здесь и далее цитаты из текста приводятся по изданию: *Астафьева-Корякина М. С.* Знаки жизни. – Красноярск, 1994.

А. В. Кипчатова

Приемы субъективации авторского повествования в повести В. П. Астафьева «Последний поклон»

Тот факт, что образ автора – это определяющая категория словесного построения художественного произведения, не оспаривается ни литературоведами, ни лингвистами [1]. Именно

поэтому вопросам определения и становления этой категории посвящены работы М. М. Бахтина, Г. А. Гуковского, В. В. Виноградова. Так, по мнению Г. А. Гуковского, образ автора определяет «отбор явлений действительности», при этом ни слова не говорится о словесном отображении и изображении этих явлений. В. В. Виноградов, напротив, обращал внимание на тот факт, что при изучении стилевой структуры образа автора следует отталкиваться не только от явлений действительности, но и «от анализа словесной ткани произведения». Более того, образ автора, по словам А. И. Горшкова, «с одной стороны, является организующим началом языкового построения художественного целого, с другой стороны, в языке находит свое выражение».

В первую очередь, образ автора связан с языковой композицией произведения. Так, в «Последнем поклоне» В. П. Астафьева целостность языковой композиции определяется особой формой выражения «авторского я», где повествование ведется от имени рассказчика, который выступает как бы в двух лицах: ребенком, подростком во время описываемых событий и взрослым человеком во время их описания. «Я» рассказчика в такой композиции принадлежит одному человеку, но двум разным характерам: ребенку – действующему лицу и рассказывающему о нем взрослому.

Кто же он, этот рассказчик? Это один из жителей села. Последнее и определяет отбор лексических средств в языке произведения.

Во-первых, это употребление личных местоимений и личных форм глаголов: «На задворках нашего села...»; «Они вызывали пугливую учтивость не только у нас, ребятишек, но и у взрослых...»; «Я был приобщен к труду»; «Помню, пришел Вася...» («Далекая и близкая сказка»); «Мы пошли на увал; бабушка держала меня за руку...» («Зорькина песня»); «Во время половодья я заболел малярией» («Деревья растут для всех») и т. д.

Во-вторых, особое значение в тексте имеет заключенная в языковых средствах оценочность, которая, по словам Виноградова, обусловливает распределение «света и тени», «переходы от одного стиля изложения к другому, переливы и сочетания словесных красок». Одним из широко представленных приемов построения текста у В. П. Астафьева является введение диалектной лексики. Отметим, что, как правило, диалект-

ное слово (чаще всего это сибиризм) появляется не просто, а на фоне лексики разговорной, просторечной. Приведем один из многочисленных примеров: «Мне велено перебирать картошки. Бабушка определила норму, или упряг, как называла она задание. Упряг этот отмечен двумя брюквами, лежащими по ту или по другую сторону продолговатого сусека, и до брюкв тех все равно что до другого берега Енисея» («Монах в новых штанах»). Как же в указанном рассказе происходит «распределение света и тени»? Здесь это распределение носит скорее всего прямой смысл. В рамках рассказа можно выделить следующий словесный ряд, рисующий отрицательную оценку окружающего: в подвале – земляная, могильная тишина – плесень – хорошего мало – большая-большая тоска. Затем возникает и другой словесный ряд, прямо противоположный по своему значению первому: работаю не зазря – новые штаны с карманом – я вижу себя... нарядного, красивого («Монах в новых штанах»).

Таким образом, в «Последнем поклоне» В. П. Астафьева повествование «отдано» рассказчику, и уже этот образ наделен конкретными личностными чертами: мы знаем его возраст, имеем представление о его внешности и характере. Более того, образ рассказчика здесь раскрывается «изнутри», в особенностях его манеры выражения, в оценках, в точке видения. Именно поэтому в ряде случаев мы наблюдаем четко выраженный прием субъективации авторского повествования – несобственно прямую речь. Например: «...Я выпрямил ногу, хрустит в ней, пощелкивает, но ничего, не больно. Ведь когда не надо, так болят. Прикинуться, что ли? А штаны? Кто и за что купит мне штаны? Штаны с карманом, новые и уже без лямок, и даже с ремешком!» («Монах в новых штанах»). Местоимения и формы лица здесь употребляются и в авторском повествовании, и в то же время вводятся лексические и синтаксические особенности языка персонажа, оценки с позиции персонажа.

Конечно, наряду с указанным приемом субъективации авторского повествования В. П. Астафьев часто прибегает и к такой форме, как прямая речь. Примеры словесных и композиционных приемов в произведениях писателя могут быть продолжены. В завершение отметим, что в художественном произведении языковые явления существуют не сами по себе,

а определяются образом автора и его «речевым порождением» – образом рассказчика.

[1] *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979; *Виноградов В. В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. – М., 1980; *Горшков А. И.* Русская стилистика. – М., 2001.

А. В. Меньших

Художественное пространство как способ отражения идеи (по рассказу В. П. Астафьева «Капля»)

В своей работе мы опираемся на основные понятия по теории художественного пространства, введенные в работах М. М. Бахтина, В. Е. Хализева и А. Я. Гуревича [1].

Рассказ В. П. Астафьева «Капля» входит в сборник «Царь-рыба» и считается всеми исследователями главой философской. Идея этого рассказа – конфликт природы и цивилизации.

Пространство предельно конкретно; места, где разворачивается действие, узнаваемы. Пространство реально и многомерно. Река, комары, палые деревья, харюз, ленок и т. д. Мир привычный даже для городского жителя.

Сдвиг в пространстве возникает по мере приближения героев к тайге. Тайга, оставаясь пространством реальным и сохраняя свое конкретное, «предметное» выражение (как географическое и биологическое явление), становится пространством фантастическим и приобретает мифологические черты. В сознании героев В. П. Астафьева тайга – живое существо. Это образ, возникший из мифов северных народов. У нее свое дыхание, «одурманенное доцветающей невдалеке черемухой, дудками дедюльников, марьиного корня и папоротников» [2]. Пространство тайги наполнено ду́хами – кем-то, чье тайное дыхание и мягкие шаги угадывались в глубине лесов. И даже небо над тайгой – часть ее, где и движение облаков в высшей степени целесообразно. Тайга – пространство замкнутое и безграничное одновременно. С приходом ночи возрастает влияние космического, когда тайга из части божественного мирозданья превращается в «тот свет», по христианской картине мира.

Тайге противопоставлен мир городов – чужеродный, враждебный, воинственный. Мир городов линеен и абстрактен, даже зловещ в своей абстрактности, так как холоден и бездушен. В нем смерть является конечным итогом, логичным завершением жизни. Город – мир, сотворенный человеком. Война тоже придумана людьми, она – часть мира города. Человек, пытаясь преобразовать мир, вносит в него разрушение, ранит его. Страх, смятение, враждебность присущи человеку, тайга же – пространство цикличное, где смерть – не конец, а начало жизни. Тайга – пространство жизнеутверждающее.

Центром художественного пространства произведения является капля росы. Именно ночью открывается герою истинная сущность тайги. Время в этот момент тоже замыкает свой круг – прошлое и вечность сливаются в один миг – миг, в котором замерла капля, «боясь обрушить мир своим падением». Пространство героя сосредоточено в круге света, который отбрасывает костер, и где доверчиво и в то же время бдительно спят дорогие его сердцу люди. Так когда-то, в первобытную эпоху, спали охотники. Они не враждебны тайге, так как являются ее частицей. И капля росы, готовая, подобно бомбе, сорваться и обрушить мир, так мала перед человеком и так безмерно огромна, как воплощение мощи природы. Мощь эта на рассвете вольется в ветер и завершится штормом. А человек, мнивший себя царем природы, бессилен перед каплей росы.

Тайга врачует и оберегает, ибо в ней заключена душа природы, душа мира, сама суть жизни и непрерывного возрождения. Эта душа природы присутствует и в человеке, а значит, он должен, может и является частью тайги, Вселенной.

Настороженность и тревогу в тайгу привносит человек; ей, с ее могуществом и космической пространственностью, как монолитной тверди, сплавленной на века, чужды враждебность и хаос. Сама смерть вплетена в цикл непрерывной жизни. Вечности чужды тревоги, ей свойственны мудрость и печаль. «Тайга на земле и звезды на небе были тысячи лет до нас. Звезды потухали и разбивались на осколки, взамен их расцветали на небе другие. И деревья в тайге умирали и рождались, одно дерево сжигало молнией, подмывало рекой, другое сорило семена в воду, по ветру, птица отрывала шишку от кедра, клевала орехи и сорила ими в мох. Нам только кажет-

ся, что мы преобразовали всё, и тайгу тоже. Нет, мы лишь ранили ее, повредили, истоптали, исцарапали, ожгли огнем. Но страху, смятенности своей не смогли ей передать, не привили и враждебности, как ни старались. Тайга все так же величественна, торжественна, невозмутима». Так было, так есть и так будет. Цикл замкнулся.

Художественное время, характеризующее таежное пространство, названо у Астафьева «вечностью». Через хронотоп тайги – вечность реализует всегда идею противостояния природы и цивилизации. Вечность в художественной литературе часто соотносится с временем ночи, когда у героя возникает элегическое восприятие мира, наполненное мотивом одиночества, размышлениями о смерти, о бренности жизни, онтологическим беспокойством. Астафьев часто включает в тексты своих произведений библейские мотивы. И в заключительной главе «Царь-рыбы», в рассказе «Нет мне ответа», тема вечности прозвучит своеобразным финальным аккордом.

И небо, звезды – часть мира тайги, они не отделимы от нее. Месяц – «серебристый харюзок», звезды – «величиной с семечко таежного цветка майника». Интересно, что в образ звезд автор вплетает мотив христианского «того света». Звезды горят «лампадным светом», и свет этот реальнее, целительнее и вернее «того света» христианской религии. «Если мне говорят: «тот свет», – я не загробье, не темноту воображаю, а эти вот мелконькие, удаленно помаргивающие звездочки». Именно свет этих звезд наполняет героя печальным упокоением. А капля росы в свете восходящего солнца из угрозы превращается в «крошечную блестку света», сияние торжествующей жизни вокруг.

---

[1] *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Эпос и роман. – СПб., 2000. С. 11–193; *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. – М., 1972; *Есин А. Б.* Время и пространство // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев и др. – М., 1999. С. 47–62; *Хализев В. Е.* Теория литературы: Учебник. – М., 2002.

[2] Здесь и далее цитаты из текста приводятся по изданию: *Астафьев В. П.* Царь-рыба: Повествование в рассказах. – Красноярск, 1987.

Т. Н. Садырина

Черты крестьянского миропонимания в образах автора и героя-ребенка в повестях В. П. Астафьева

Повествование в рассказах В. П. Астафьева «Последний поклон» и «Ода русскому огороду» можно рассматривать как мифологему крестьянского детства.

При внешнем многообразии тем и сюжетов в астафьевской прозе преобладает одна важнейшая смысловая доминанта: через судьбу крестьянского сына проследить в XX в. судьбу того слоя, к которому он принадлежит по рождению, представить реалистические зарисовки, в которых отразилась бы и многовековая культура народного бытия, и психология народа – суть национального характера, и процесс противостояния патриархального уклада деревни так называемой советизации.

Образ автора представляет собой особый психолого-речевой комплекс черт русского человека, его душевной сути: склонность к философской созерцательности, подчиненности высшей природной силе, чуткость к добру и злу, попытка преодолеть несовершенство земного существования надеждой или верой в бессмертие. Сердцевиной художественного текста становится память – воспоминания, имеющие этический и философский смысл. Отсюда – элегическая тональность многих авторских строк. Русский человек живет прошлым или будущим, по утверждению культурологов. Астафьевская картина прошлой деревенской жизни, воссоздаваемая по памяти интуитивно и точно, позволяет судить о самом авторе, используя народную фразеологию: каково гнездо – такова и птица.

«Последний поклон» – книга, воссоздающая путь роста, созревания и укрепления души ребенка. Впечатлительный, чуткий, душевно ранимый мальчик впитывает жизнеутверждающую крестьянскую философию жизни, подсознательную веру во всеобщность «воскресительной» метаморфозы; сам образ ребенка – художественная реализация идеи притчи о зерне, воплощенной Астафьевым также во множестве природных метафор: «Кедренок оказался живуч и настырен, растолкал траву, татарник, лебеду и пошел в рост, вытягивая веточками нити липучего вьюнка и наивные, светлые, как глаза ребенка, цветы чистотела» [1].

Бабушка Екатерина Петровна и внук Витя в «Последнем поклоне» достойно продолжают не столько фольклорно-литературную традицию изображения старого и малого, сколько жизненно-архетипический ряд – родовую линию, которая своим продолжением обещает бессмертие.

В «Оде русскому огороду» немало интересных и точных психологических наблюдений, воссозданных памятью взрослого. Повествование представляет собой сплав по-детски непосредственно увиденной картины, пережитых ощущений и позднего комментария к ним умудренного жизненным опытом повествователя. Среди ранних наблюдений, имеющих определенную ценность для автора, воспроизведено следующее: «Поставив в церкви свечку, помолившись святым отцам, охранителям коней, в первый день мая по старому стилю выводил лошадей дед в огород, к плугу, а бабка тем временем поясно кланялась с крыльца ему – пахарю, молилась земле, огороду, лесу». Изображение стариковских упований на высшие силы, надежды на помощь в земледельческом труде и крестьянской жизни носит не «историко-этнографический» характер, а имеет явно нравственно-философский смысл. В астафьевском повествовании нет и не может быть намека на превосходство цивилизованного сознания над суеверной стариной. Повествователь передает читателю свое уважение ко всему, что в советское время называли презрительно «пережитками прошлого». Для взрослого, во многом разуверившегося, утратившего ощущение многих основ, ищущего духовно-психологической защиты именно в прошлом, в этих самых «пережитках», весь этот опыт предков чрезвычайно значим. Так же весом, как и для героя – мальчика, ребенка, с его чистым сознанием, незамутненным пока идеологическими догмами, эта жизнь «по старому стилю» представляет крестьянский лад, опору существования. В соответствии с культурно-бытовыми народными традициями человек вырастает с такой системой духовных ценностей, которые есть не что иное, как результат соединения языческой духовной среды и религиозно-нравственной силы православия. Этот особый в мировоззренческом смысле тип русского человека воплотился в самом писателе.

Во вступлении «Оды русскому огороду» автор называет воскрешающие его, врачующие и возвращающие к жизни природные источники. Память, которая казалась только что как

бы сосудом с мертвой водой, вдруг становится живою водой, способной сказочно воскресить из мертвых: «Сколько раз погибал я в мучительных снах! И все-таки воскресал и воскресал. На смену жутко гудящему огню, гремучему дыму взрывов неожиданно хлынут пестрые поляны в цветах; шумливая березовая роща; тихий кедрач на мшистой горе; вспененная потоком река; коромысло радуги над нею; остров, обметанный зеленым мхом тальника; степенный деревенский огород возле крестьянского двора. И лица, лица...»

Сила и радость жизни, вошедшая в миросознание ребенка вместе с красотой природного пространства и добротой родных женских сердец, – вот что хочет вернуть взрослый человек, говоря о воскрешении в себе мальчика. Евангельский мотив «будьте как дети» по-своему преломляется в сознании современного человека, воспитанного в «безбожном государстве». Свято место пусто не бывает, сакральную помощь душе должна оказать Память.

Озаренный солнцем деревенский мальчик приходит к автору из прошлого спасти его душу, познавшую ад войны, лицемерие друзей и зверства врагов, житейские дрязги, «удушливые вокзалы», «газовые факелы» и «мазутные реки», – мир, в котором «экспрессы», «спутники», «волны эфира» и «киноужасы». Этот взрослый жуткий мир отодвинут автором: «Сквозь всё это, сквозь! Туда, где на истинной земле жили воистину родные люди, умевшие любить тебя просто так, за то, что ты есть, и знающие одну-единственную плату – ответную любовь». В этом небольшом зачине, с которого начнутся автобиографические картины деревенского детства, сконцентрированы автором важные, основополагающие в его жизни и творчестве мотивы: мотив воскрешения (возвращения жизненных сил чудесным явлением поэтических воспоминаний о природной красоте, любви и доброте людей); сопряженный с этим мотив борьбы за жизнь – жажды усилием духа побороть беду; мотив веры и безверия (признавая первичность слова и духа, повествователь говорит: «Я, безбожник, именем господним заклинать тебя стану»); мотив детства как «откровенья» – самого жизнеутверждающего, близкого по философской семантике к идее «райского блаженства» и постижению божественной сути мирозданья.

Последний мотив, определяющий тональность первой ча-

сти «Последнего поклона» и «Оды русскому огороду», требует пояснения. Страницы воспоминаний о детстве светоносны не потому, что мальчик не видит или не понимает жестоких реалий. У Астафьева нет и не может быть литературного «елея». Образы детей и стариков в литературе, как и в христианском миропонимании, в художественно-философской картине жизни всегда приближены к Истине, они свободны от страха смерти (ребенок еще не знает «этого» и не боится, он только что участвовал в таинстве рождения, а старые люди, если они праведно прожили жизнь, уже не страшатся кончины).

Дети и старики объединены как те, которые передают мудрость жизни и те, которые ее постигают. В этом единстве можно обнаружить и христианскую доминанту: блаженны те, кто еще не приобрел навыка рационального познания, и те, кто его уже утратил, – они живут сердцем, интуитивно ощущая то, что принято называть загадкой бытия или диалектикой рождения-умирания.

В статье историка М. Петренко «Жизненный мир сибирского крестьянства середины XX века» [2] есть утверждение, что сами крестьяне сравнивают человеческую жизнь с жизнью растений, животных. «Крестьянин был как бы втянут в природу, жил ею. Согласие с природой, землей способствовало складыванию экзистенциально-феноменологического мироощущения, особенно внутреннего взгляда на жизнь, постигаемую через интуицию, через прямое сверхопытное проникновение в живую реальность».

«Ода русскому огороду» – живое, пластическое и зримое воплощение того, как регулярное природо- и землепользование подпитывает натуралистическое сознание крестьянина и выступает источником особой духовности в единстве труда и быта. Земля предстает таинственной одухотворенной силой, рождающей все живое, «огород-спаситель» дает пищу телесную и помогает жить не только телу, но и душе: «Мальчик умом, и не умом даже, а природой данным наитием постигает замкнутый бесконечный круг жизни и... чувствует: всё на земле рождается не зря, достойно всякого почитания, а может, и поклонения».

---

[1] Здесь и далее цитаты из текста приводятся по изданию: *Астафьев В. П.* Собр. соч. В 15 т. – Красноярск, 1997.

[2] *Петренко М. С.* Жизненный мир сибирского крестьянства середины XX века // Актуальные вопросы истории Сибири: Алтайский гос. ун-т, 2001.

В. В. Дегтярева

Мотив природного равновесия в повести В. П. Астафьева «Царь-рыба»

Этико-философские проблемы, поставленные В. П. Астафьевым в повести «Царь-рыба» (1976), писатель решает в контексте натурфилософии, в первую очередь, натурфилософии Ф. В. Шеллинга. Немецкий мыслитель стремился постичь внутренние начала природы, сущность процесса ее саморазвития и видел в ней целостный организм – духовный, но бессознательный, творящий, но не мыслящий. Не являясь прямым его последователем, В. П. Астафьев интуитивно опирается на тот же принцип и тот же строй идей, так как учение Шеллинга оказалось чрезвычайно близким русской художественной мысли. Это именно тот случай, когда эволюция философии и развитие литературы шли параллельно.

Натурфилософская концепция В. П. Астафьева в высшей степени гармонична. Принцип гармонии находит свое проявление в целом ряде сквозных идей и мотивов творчества писателя, таких как: идея единства неорганической и органической природы; мотив разумности и одухотворенности всего в окружающем мире; мотив «взаимосвязи всего живого на Земле» [1]; мотив «единородства человека и природы» [2]; мотив природного равновесия.

Остановимся на последнем из них. В «Царь-рыбе» мотив природного равновесия воплощен в картинах заполярной весны, чья кратковременность, почти мгновенность, уравновешивается как ее чрезвычайной интенсивностью, так и беспредельностью северных просторов («Уха на Бограниде»). Напротив, в пространственно ограниченных странах с теплым климатом продолжительность весны весьма значительна, но она и не поражает воображение своей насыщенностью. Соответственно и те чувства, которые испытывают герои В. П. Астафьева в период цветения тундры, по своему богатству и высокому эмоциональному напря-

жению значительно превосходят чувства жителей юга, не испытывающих столь сильного потрясения от встречи с весной.

В мифологических воззрениях многих народов представление о частях суток переносится и «на более длительные сакральные циклы. Утро, полдень, сумерки и ночь метафорически означают весенний, летний, осенний и зимний сезоны», где «утро – расцвет, ночь – гибель растительного мира»[3]. Но полярный день – не метафора, он действительно соответствует теплому времени года, точно так же, как полярная ночь практически совпадает с суровой северной зимой.

Не менее широко распространено отождествление частей суток и времен года с возрастами человеческой жизни, то есть представление года как человека рождающегося, растущего, старящегося и умирающего. По сходному принципу отчасти построен и рассказ «Уха на Богаиде». Начинается он описанием первого найденного Акимом цветка, картинами детства героя и расцвета Богаиды, а заканчивается осенними сценами, смертью матери героя и исчезновением поселка с лица земли. Зима в сознании Акима – фактически царство смерти, лишь с наступлением весны начинается настоящая жизнь: «Зачем зима? Кому она нужна? Может, ее не будет больше? Может, уж последний раз она приходила? <...> Зимой всё по-другому. Люди молчаливы, угрюмы, живут всяк по себе»[4]. Это ощущение приводит к тому, что у жителей Севера возникает особое восприятие времени: оно становится значительно более протяженным, длительным: «...много месяцев зимогорило семейство, ребятишкам казалось – годов!» Но и заполярная весна оказывается емкой, наполненной яркими переживаниями и событиями и, несмотря на свою кратковременность, вмещает в себя целую жизнь. В «Царь-рыбе» возникает параллель весна – сказка: «...будет весна, лето, я убреду в лес и там увижу такое, переживу разэтакое... Все мы, русские люди, до старости остаемся в чем-то ребятишками, вечно ждем подарков, сказочек, чего-то необыкновенного, согревающего, даже прожигающего душу».

Цельное и целостное мировосприятие В. П. Астафьева основывалось на народных представлениях о природе. В связи с этим можно говорить о народной натурфилософии, нахо-

дящей свое воплощение в фольклорных и мифологических мотивах и образах, лежащих в основе поэтики писателя (Солнце, Рыба, Река, Цветок, Дерево, Лес, Мать и др.). Дети Боганиды впитывают в себя солнце, «щупают ладошками» Енисей, его «живую, целительную воду». Но центральное место в астафьевском описании пробуждающейся к жизни тундры занимает образ северного цветка – туруханской лилии. В памяти Акима «тот стойкий цветок тундры, приручивший само солнце», живет «отдельно от всех воспоминаний», как никогда не перестанет цвести в памяти автора красногубый цветок, найденный им на берегу Нижней Тунгуски. В культурах многих народов образ красной лилии несет в себе семантику плодородия и страстной любви (ср. библейскую Песнь песней). «Дальше на север, ближе к морю росло таких цветков столь много, что пустынные равнины после первого теплодува охватывало кратким, но таким ярким заревом, что слепла всякая другая растительность и сама земля недели две сияла, зажмурившись от собственной красы».

Краткость северной весны уравновешивается ее необычайной красотой, интенсивностью, наполненностью радостными эмоциями. Так в натурфилософии В. П. Астафьева противоположности находятся во взаимодополняющем диалектическом единстве: «Мудра, взросла печаль – ей миллионы лет, радость же всегда в детском возрасте, в детском обличье, ибо всяким сердцем она рождается заново, и чем дальше в жизнь, тем меньше ее, ну вот как цветов – чем гуще тайга, тем они реже».

Таким образом, в описании В. П. Астафьевым цветения тундры мы обнаруживаем противопоставление пространственной и временной составляющих, которые в сумме своей и выражают мотив природного равновесия.

---

[1] *Жуков И. И.* Доверие к жизни. – М., 1980. С. 112.

[2] *Максимова Л. К.* «Царь-рыба» В. Астафьева. Трансформация жанра проповеди // Художественное творчество и литературный процесс. Вып. IX. – Томск, 1988. С. 163.

[3] Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. – М., 1982. Т.1. С. 614.

[4] Здесь и далее цитаты из текста приводятся по изданию: *Астафьев В. П.* Собр. соч. В 15 т. – Красноярск, 1997.

И. В. Ревенко

«Мир города» и «мир деревни» в военной прозе В. П. Астафьева

Человек организует окружающее его пространство, моделируя собственный микромир. Внешним проявлением этого микромира является бытовая сфера. В военной прозе В. П. Астафьева возникает своеобразная антитеза: противопоставление «мира деревенского» и «мира городского».

Деревенский быт раскрывается в описаниях сибирского крестьянского подворья, избы: «Движимый каким-то мучительным чувством, с ясным сознанием, что делать этого не надо, я все-таки перелез через заплот и оказался во дворе своего детства. Амбар был снесен, стайки тоже, остался лишь дощатый навес» [1]. Автор описывает то, что знакомо ему с детства, кажется, и с закрытыми глазами пройдет по избе – сенки, куть, горница: «Я торопливо крутнул витое железное кольцо и обрадовался, что ворота не заложены. Раскатился по крашеному полу сенок и ввалился в избу... В кути никого не было, но очень тепло в кути, слабенько тянуло чадом из только что закрытой русской печки, коровьим пойлом и брюквенными парёнками... Лийка ревела в горнице все громче и требовательней» («Где-то гремит война»).

По описаниям можно составить представление о типичном убранстве крестьянской избы: угловик, где стоят иконы, под ним лампадка, занавески на окнах, половичок на сундуке, в переднем углу филейка с расшитыми по ней нитяными узорами, кровать, заправленная одеялом, с бойко взбитыми подушками, с кружевной зубчатой простынью. Пространство крестьянского дома центрично. Центром, средоточием всего в избе является русская печь. Печь, очаг – это сакральный объект, который символизирует жизненное начало и единение семьи.

Неизменный предмет в избе – сундук: «...Весь в лентах жести, с генералами и переводными картинками внутри и с таким количеством загадочного добра, что уж музею в зависть такой сундук». В избе, на подворье нет ничего лишнего, всё на своем месте, всё так, как заведено издавна, и это не просто традиция, а воплощение многовекового опыта.

Городской быт – «несколько непонятный деревенским людям мир». В городском доме много вещей, собранных «как бы для баловства», из стремления к роскоши: «...Мы очутились в просторной и уютной прихожей, крашенной голубой краской. Здесь стояла вешалка с позолоченными металлическими рожками, трюмо в черной, богато отделанной раме, возле трюмо на столике флаконов, пуговиц, штуковин разных не перечесть... Мы вошли в просторную, светлую комнату, где зеркально мерцало вороненое пианино. На середине круглый, инкрустированный стол, далее буфет с искряшейся в нем посудой. В углу стоял ореховый шахматный столик, на котором чернел телефон. Рядом, под окном, стоял диван с зеркальной спинкой...» («Соевые конфеты»).

В военное время городской быт меняется: голод заставляет людей продавать вещи. Роскошества сменяются практичным минимализмом. Чтобы подчеркнуть произошедшие перемены, автор использует формальные экстенсивы: «Однако я слышал, как она отодвинула стул, как повернула абажурчик, и мне стало светлее»; «Старый диван с зеркалом, бархатная с проплешинами накидка на туалетном столике, шифоньерчик с точеными ножками, картина, писанная маслом, в потускневшей раме» («Звездопад»).

Экстенсивы в текстах выступают как двуплановые единицы. Их синкретичность обусловлена совмещением в данных языковых единицах признаков двух семантических категорий. С одной стороны, экстенсивы связаны с указанием на субординарные параметрические характеристики предмета, то есть являются репрезентантами категории интенсивности, с другой – сохраняют оттенок ласкательности, присущий единицам, относящимся к категории оценочности.

Как отмечает И. Н. Чеплыгина, интенсивность «не только служит эффекту выразительности, но и усиливает изобразительный аспект художественного повествования» [2]. Осложненная оценочным компонентом, интенсивная единица демонстрирует удвоение усилительного эффекта.

Городской мир представляется несколько искусственным, здесь больше думают о красоте, чем о пользе. Этот содержательный признак раскрывается через сопоставление «городской» и «деревенской» одежды и обуви. Описание одежды выстраивается в своеобразный градационно-оценочный ряд –

деревенская одежда (наиболее функциональна, удобна), одежда городская (менее практична, создана скорее для красоты), казенная одежда (самая плохая – не выполняет своего назначения и некрасива).

«"Вжик-вжик-вжик!" – наговаривают мои ботинки. Носки у них широкие, лобастые, а рыло вздернуто кверху... Ботинки такие для сибирской зимы – не обувка... Катанки бы! Хоть подшитые. Есть же на свете такая обувь – катанки! Утром их вынут из русской печи. Насунешь – и ноги попадут в сухую да такую мягкую теплоту, что долго-долго радостно всему телу. Что может быть уютней такой обуви? Но люди изобрели ботинки. Чэтээз! Зачем?» («Где-то гремит война»).

Красивая городская обувь и одежда бесполезна на сибирском морозе, она не может сохранить такое нужное человеку тепло: «Пальто знатное <...> красивое и с особенными запахами. Очень оно тяжелое и пахнет по-всякому: табаком, мочалом, тлеющим сукном, но больше всего вагонной карболкой... Ах, пальто ты, пальто! В вагоне, может, и хорошо в тебе, а здесь не шибко. Велико ты мне, и поддувает всюду. Колом стоишь – деревянное сделалось... Катанки бы и доху, да шубные рукавицы, да шапку меховую против такой погоды...»

Деревенской и городской одежде противопоставлена одежда казенная: «Ботинки фээзошные издавали на морозе технический звук»; «Пальто грубошерстное, колкое, каракуль, что шлак металлический, но все же это не фээзошная телогрейка длиной до пупка»; «Коротковаты уши у фээзошной шапки, сэкономили на ушах».

Одинаковые функционально виды одежды (сделанные для сохранения тепла) называются по-разному: казенная телогрейка и своя, родная, деревенская душегрейка. Такая номинация позволяет выявить отношение автора: мир деревни ему близок, знаком и понятен; мир города вызывает удивление и недоумение; все казенное воспринимается как резко отрицательное, враждебное.

Авторское отношение проявляется не только в отборе языковых средств, но и в их «сферической» организации. При описании мира деревенского автор активно использует диалектизмы, которые представляются ему наиболее точными и емкими наименованиями вещей. В описание городского быта включается заимствованная лексика. Но, хотя автор свободно

оперирует значениями этих слов, они не стали для него родными. Отрицательное отношение ко всему казенному проявляется в использовании аббревиатур, которые подаются как семантически опустошенные и фонетически дисгармоничные слова.

Существенную роль в выражении авторской оценки членов градационного ряда играют синтаксические средства интенсификации. При описании городской и казенной одежды используются нейтральные по эмоциональной окраске предложения; когда речь заходит о деревенской одежде, контекст наполняется восклицательными предложениями, которые «выполняют функцию своего рода датчиков напряжения, высвечивая прагматический пик высказывания» [3].

---

[1] Здесь и далее цитаты из текста приводятся по изданию: *Астафьев В. П.* Проза войны. В 2 т. – Иркутск, 1993.

[2] *Чеплыгина И. Н.* Языковые средства экспрессивности в художественной прозе В. Набокова: Диссертация. – Ростов-на-Дону, 2002. С. 168.

[3] *Туранский И. И.* Семантическая категория интенсивности в английском языке. – М., 1990. С. 132.

О. В. Фельде

Концептосфера писателя
(на материале заглавий художественных и публицистических текстов В. П. Астафьева)

Исследования концептосферы творческой личности относятся к числу наиболее актуальных задач современной антрополингвистики. Как известно, под концептом понимается система представлений и идей, пронизанная личностным началом, субъективным ви́дением мира. Концепт имеет полевую структуру, его значение включает в себя семантику лексических единиц, принадлежащих к определенному лексико-семантическому полю (Долинин, Романова, Сергеев и др.) [1]. Совокупность концептов, которые всегда выражаются в слове, составляет концептосферу. Важность ее изучения возрастает, если речь идет о концептосфере писателя, запечатлевшего в своих произведениях особенности национального характера и мировидения. К таковым, безусловно, относится один из

крупнейших представителей русской литературы второй половины XX в. В. П. Астафьев. Лингвистический анализ концептосферы Астафьева может послужить источником глубоких знаний о его мировоззрении и эстетике. В настоящей статье эта задача частично решается на материале заглавий художественных и публицистических текстов писателя.

Нами проанализировано 462 заглавия [2], большинство из которых «выносят на поверхность текста» концептуально значимые смыслы. В частности, четко выявляется группа заглавий, эксплицирующих концепты *жизнь*, *судьба*, *память*, *печаль*, *вера*. В количественном отношении преобладают заглавия, тяготеющие к семантическому полю *жизнь*. В эпицентре этого поля – заглавия, содержащие семы *жизнь*, *жить*, *живой*: «Любовь к жизни», «Гимн жизни», «Так хочется жить», «Сопричастность ко всему живому», «Жить честно и много работать».

Ядро семантического поля *жизнь* включает заглавия, связанные с идеей человека и живой природы. Примечательно в этой связи заглавие статьи «Река, как жизнь, жизнь, как река». На страницах астафьевских книг – вся живая природа: царство зверей и прекрасных птиц, цветов и трав. Заглавия: зоосемизмы («Царь-рыба», «Тихая птица», «Пролетный гусь», «Старая лошадь», «Бедный зверь», «Глухарь» и др.); биосемизмы («Родные березы», «Стародуб», «Марьины коренья», «Дикий лук» и др.), геосемизмы («Летняя гроза», «Дождик», «Капля» и др.) – занимают значительное место в творчестве В. П. Астафьева и весьма значимы для постижения картины мира писателя. Обратим внимание на одну характерную деталь: значительную долю среди таких заглавий составляют слова-деминутивы, имеющие ласкательное стилистическое значение: «Ягодка», «Травинка», «Елочка», «Ельчик-бельчик», «Гнездышко», «Таймень и мышка», «Дятлята», «Стрижонок Скрип» и др.

Заглавия-антропонимы также органично включаются в центральную зону семантического поля *жизнь*. В заглавиях Астафьева «прочитываются» имена близких ему художественных натур: «Есенина поют», «Гоголевский тип», «О Гоголе», «Во что верил Гоголь», «О Константине Воробьеве», «Пушкин не даст нам сбиться с пути», «Имя Толстого свято». В заглавия и подзаголовки писатель выносит свое отношение к творческим людям: «Мудрое дарование (о писателе С. Залыгине)», «О моем

друге (Е. И. Носове)», «Яростно и ярко (о книге К. Воробьева «Убиты под Москвой»)».

Заглавия произведений В. П. Астафьева служат особыми метками в пространстве искусства. По ним можно судить о художественных пристрастиях писателя. В заглавия выносятся музыкальные термины, названия музыкальных произведений и жанров, музыкальных инструментов: «Шопениана», «Аве Мария», «Щелкунчик», «Мелодия», «Последняя народная симфония», «Сгорит божественная скрипка», «Русская мелодия», «Ария Каварадосси», «Обертон», «Песня добра и света» и др. Иногда в заглавие выносится целая строчка из песни или романса: «Ах, ты ноченька», «Миленький ты мой», «Вам не понять моей печали» и др.

В заглавиях, содержащих песенные цитаты, эксплицируются основные концепты, образующие внутренний мир писателя. В них всегда наложение смыслов. Они служат первым и последним звеном в цепи ассоциаций автора. Эти заглавия удваиваются, утраиваются в тексте. При этом песенная цитата занимает сразу три сильные позиции: позицию заголовка, кульминации и конца, как бы окольцовывая текст. Пронизывающие текст заглавия помогают автору подняться до глубоких философских обобщений, как это сделано в рассказе «Вам не понять моей печали». Произведение заканчивается размышлениями автора об одном из грустных и светлых чувств: «Ну, а насчет печали. Что ж ты с нею сделаешь? Она – часть нас самих, она – тихий свет сердца человеческого. Не все его видят и слышат, но я-то слышу твою печаль, дорогой мой соловей, в этом мире одиноких и горьких людей. И ты мою слышишь. Разве этого мало?»

С печалью у В. П. Астафьева тесно связан концепт *память*. Наиболее ярко это проявляется в повествовании в рассказах «Последний поклон». Отблеск светлой печали освещает заглавия произведений, посвященных воспоминаниям о детстве, о первой любви («Страницы детства», «Вечерние раздумья», «Плач о несбывшейся любви» и др.).

Безусловен интерес В. П. Астафьева к вечным идейно-нравственным темам («Счастье», «Мечта», «Искушение» и др.). Целый ряд заглавий связан с концептом «вера». При этом писатель, человек искренне верующий, прибегает к приему библейской аллюзии и даже цитат из Священного Писания, кото-

рые служат ему заглавиями художественных и публицистических произведений: «Ангел-хранитель», «Божий промысел», «Притча», «Не убий!», «Хлеб наш насущный», «Помолимся! (Ответы на анкету ко Дню Победы)», «Молитва о хлебе». С тревогой всматриваясь в настоящее и будущее своего родного села, всей огромной страны, размышляя о ее «неотмолимых бедах» и «непроглядных судьбах», писатель все-таки надеется на чудо, на Божью помощь, которая спасет, очистит от скверны человеческую душу. «Последний поклон» завершается словами мольбы и надежды: «Вот на вере в чудо, способное затушить пожар, успокоить мертвых во гробе и обнадежить живых, я и закончу эту книгу, сказав в заключение от имени своего и вашего. Боже праведный, подаривший нам этот мир и жизнь нашу, спаси и сохрани нас!»

Заканчивая эту статью, в которой лишь намечены пути решения большой и важной научной темы, напомню читателю высказывание Ивана Ильина: «Чтобы быть и бороться, стоять и любить, нам необходимо верить в то, что не иссякли благие силы русского народа, что не оскудели в нем Божии дары, что по-прежнему, лишь на поверхности омраченное, живет в нем его исконное благовосприятие, что это омрачение пройдет и духовные силы воскреснут. Те из нас, которые лишатся этой веры, утратят цель и смысл национальной борьбы и отпадут, как засохшие листья. Они перестанут видеть Россию в Боге и любить ее духом, а это значит, что они ее потеряют»[3]. Астафьев увидел Россию в Боге, воспринял ее сердцем, а потому он был, есть и будет большим русским писателем.

---

[1] *См.: Долинин К. А.* Интерпретация текста: Учеб. пособие для студентов. – М., 1985; *Романова Т. В.* Интерпретация концептуальной структуры текста через концепт-название (В. П. Астафьев. «Вечерние раздумья») // Астафьевский сборник: Материалы Первых Астафьевских чтений в Красноярске. – Красноярск, 2005; *Сергеева Е. В.* Проблема интерпретации термина «концепт» в современной лингвистике // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX в. – СПб., 1998.

[2] Виктор Петрович Астафьев (к 75-летию со дня рождения): Библиографический указатель / Сост. Н. Я. Сакова, В. Ф. Фабер и др. – Красноярск, 1999.

[3] *Ильин И. А.* Почему мы верим в Россию // Литературная газета. 2003. № 9.

Л. П. Быков

Виктор Астафьев – критик

В отечественной словесности привычно, когда писатель представлен в литературном процессе не только художественными произведениями, но и сентенциями о произведениях предшественников и современников, равно как и о литературном процессе вообще. Вот почему почти у каждого классика русской литературы XIX в. и начала XX в. (по крайней мере – из числа прозаиков) есть или мог быть том: имярек о литературе. Современных мастеров, воспринимающих бытие слова столь же рачительно и широко, гораздо меньше. Но герой наших чтений – как раз из числа этих немногих.

Из чего мог бы составиться этот том (пока гипотетический) – «Виктор Астафьев как литературный критик»? Из статей писателя, предисловий и послесловий, врезок, что сопровождали публикации молодых авторов, выступлений на разных писательских мероприятиях, а также суждений, высказанных в многочисленных интервью и письмах. (Не забывая о своем журналистском прошлом, Виктор Петрович нередко и порой даже охотно беседовал с газетчиками, а эпистолярная его проза если не по объему, то по интересности вполне сопоставима с его «просто» прозой.)

Да, для Астафьева критическая деятельность не была чем-то маргинальным, факультативным. Ему было присуще на редкость внимательное отношение к критике и критикам. И хотя, подобно многим коллегам, он тоже произнес немало нелестных слов по адресу отдельных зоилов (особенно – женского пола), совсем другие слова находил Виктор Петрович для таких критиков, как Н. Яновский, В. Лакшин, И. Дедков. Более того, не просто материалом своего творчества, но именно прямыми и развернутыми – на книги развернутыми! – размышлениями он восславил двух мастеров критического цеха: старшего по отношению к себе – Александра Николаевича Макарова («Когда его не стало, я понял, что вторично осиротел в своей жизни...») и младшего – Валентина Яковлевича Курбатова (речь идет о книгах «Зрячий посох» и «Крест бесконечный»). Астафьев в полной мере сознавал необходимость и важность критики как литературного и общественного института, равно как и понимал все осложненные идеологическими

обстоятельствами условия бытования этого института в советскую эпоху.

Если же обратиться к собственно критическим высказываниям самого Астафьева, то, на мой взгляд, он заставил говорить о себе как самостоятельно мыслящем художнике раньше, чем своей прозой, именно критической публикацией. Я имею в виду его статью «Нет, алмазы на дороге не валяются» (Урал, 1962, № 11), полемический характер которой обозначен уже ее названием. Примечательно, что сюжет статьи основывается на сопоставлении собственно литературных реалий с их восприятием в критике. Отмечу и то, что данная публикация обнаруживала завидную широту читательского кругозора – качество, для критика обязательное, но критиками не всегда выказываемое, а уж в статьях прозаиков и поэтов встречающееся и того реже. Названная публикация – и это уже не раз отмечалось историками литературы – стала принципиальной и программной для автора. Писатель настаивал на необходимости одолевать свою внутреннюю робость и говорить все, что думаешь и хочешь сказать. Этому посылу Астафьев и следовал как в прозаических своих работах, так и в критических.

Прозаик Астафьев – это (воспользуемся первоначальным названием одной из книг о нем) *жизнь на миру*. В том числе и на миру литературном. Интерес к разнообразию человеческому естественно обнаруживал себя и в жадном внимании к многообразию художественному, творческому. В этом любопытстве к миру, к тому, кто как живет и кто как пишет, сказывалось, конечно, стремление преодолеть свою недообразованность, и когда он говорил о себе: «Я – неуч», – в том не было кокетства – недаром он в свое время заслужил репутацию самого читающего слушателя Высших литературных курсов. Но главное, что здесь проявлялось, – это желание убедиться в жизнеспособности писательского слова и жизненеобходимости литературы.

Он говорил, что плохо знает иностранную литературу, однако спектр имен, на которые он ссылается по разным поводам, весьма широк, и наряду с хрестоматийными назывались и Хуан Рамон Хименес, и Уолтер Мэккин, и Дальтон Трамбо, чей роман «Джонни получил винтовку» Астафьев отметил отдельной рецензией (Литературное обозрение, 1989, № 1), а перед этим помогал публикации перевода этой анти-

военной книги, которая немало повлияла на фронтовую прозу самого Астафьева, подобно тому, как на «Пастуха и пастушку» его подвигла книга Прево «Манон Леско», а толчок для «Печального детектива» дали «Португальские письма» Гийерага. Писателю был чужд провинциализм не только внутрироссийский (так сказать, областной, губернский), но и провинциализм, притворяющийся патриотизмом.

И провинциализм цеховой, жанровый был ему чужд. Будучи прозаиком, он замечательно знал поэзию и пропагандировал ее. В частности, авторитетом своего имени он содействовал укреплению репутации хороших, но не самых известных в России поэтов – таких как Алексей Решетов или Аркадий Кутилов, Лира Абдуллина или Михаил Воронецкий. Особо значимыми в этом отношении выглядят две его инициативы: издание вместе с Р. Солнцевым сборника «Час России», где одним стихотворением представлены 264 нестоличных автора, и выпуск книжной серии «Поэты свинцового века», куда вошли сборники Ивана Ерошина, Анны Барковой и др. При этом его всегда волновала тайна мастерства. Как возникает магия слова? Из чего рождается поэзия? В силу каких особенностей текста из него произрастает красота? Об эстетическом и таинственном мы, говоря о стихах, часто забываем – Астафьев не уставал напоминать об этом. Но не только к поэтам он был так бережно внимателен: добрые слова он сказал о таких, к примеру, прозаиках, как уральцы Михаил Голубков и Климентий Борисов, сибиряк Михаил Успенский, норильчанин Виктор Самуйлов.

В своих характеристиках и оценках он, вместе с тем, был взыскателен и суров. Так, он не терпел «блатятины» (в чем, к слову, был солидарен с В. Шаламовым) и потому сдержанно говорил о Есенине, категорично отзывался о Высоцком, еще более резко – о Розенбауме. Не принимал он и книгу Вен. Ерофеева «Москва – Петушки». А вот примечательный своей взвешенностью отзыв о Викторе Ерофееве: «Когда Ерофеев пишет статью – там (речь идет о сборнике «Русские цветы зла». – *Л. Б.*) статья замечательная предваряет, грамотная, толковая, рассуждение логическое – выходит хорошо. А сам по себе он пишет плохо. И его сподвижники тоже безумно плохо пишут». Не льстил он и читательской аудитории: «...наш сильно расхваленный читатель часто не в силах отличить хорошее произ-

ведение от плохого, и на такой эстетической беспомощности его вкуса спекулируют разного рода халтурщики от литературы». Или о том же самом – в другом месте: «Лучшего читателя у нас сколько было в 1913 году, столько и осталось».

О масштабе восприятия и высоте астафьевских требований свидетельствует такое его высказывание: «Даже Булгаков – только четвертинка Достоевского. А Руси Гоголевской все равно нет». Можно было бы сослаться как на примеры точности и независимости характеристик и на суждения писателя о «Белых одеждах» В. Дудинцева или «Касьяне Остудном» И. Акулова.

Он умел формулировать емко и выразительно. Показательны его определения «комфортабельной литературы» или «писателей одной книги». Или такая вот лаконичная характеристика: «В сегодняшнем литературном потоке почти нет сопротивления материалу». При этом интонация его строк всегда оставалась личностной. Вот почему слово Астафьева-критика побуждало к нему прислушиваться.

О. П. Кадочников

Правдоискательство – аксиологическое ядро художественной эволюции творчества Виктора Астафьева

В сложное время кризиса политической, экономической и духовной жизни России особая судьба выпала литературе и искусству. «Вспомним мысль Герцена: народ, лишенный трибуны свободного слова, использует литературу в качестве такой трибуны. Она стала формой выражения всех без исключения сфер общественного сознания – философии, политики, экономики, социологии. Писатель оказался важнейшей фигурой, формирующей общественное сознание и национальную ментальность. Он принял на себя право бичевать недостатки и просвещать сердца соотечественников, указывать путь к истине, быть «зрящим посохом» народа. Это означало, что литература стала особой формой религии, а писатель – проповедником. Литература подменила собою Церковь...» [1]. Нельзя не согласиться с таким социо-философским заключением литературоведа М. Голубкова о месте писателя в литературе советского периода.

Сегодня появилась необходимость в целом осмыслить жизнь Виктора Петровича Астафьева и его творчество, которое представляет собой крупное явление современного литературного процесса, дать анализ ранее не исследованному, расставить верные акценты.

Творчество Астафьева – онтологически целостное явление, сплав, в основе которого лежит мировоззренческая эволюция, освоившая метафизическую образность детства с устойчивой христианской религиозностью, идущей в первую очередь от бабушки Екатерины Петровны. И это архетипное начало его сознания не надо переименовывать в натурфилософские искания – они неглубоки, прочитываются в основном на тематическом уровне, на уровне «гостевой культуры» на мощном родовом пласте народной ментальности. Этот пласт вбирает национальный народный максимализм, помноженный на религиозные нравственно-этические мотивы правдоискательства и подкрепленный аввакумовой традицией в русской литературе. Это следование путем Правды в непростые годы идеологических догм, путь по затесям, сделанным народным сознанием на основе его традиций, веры, нравственности, ошибок и надежд.

Это, конечно, и периферия заблуждений, комплексов; есть в этом сплаве и жесткая «зашлакованность» комплексами сиротства и безотцовщины, имевшими в советский период едва ли не культовый характер кодекса поведения.

Наконец – война! Война – как главное событие в жизни Астафьева, определившее понятие и характер самой жизни писателя, главные темы и мотивы в его творчестве. И отнявшая у писателя чистый дар лирика или новеллиста, ремарковскую маргинальность. Война стала испытанием проверенных жизненными невзгодами на величие подвига и низость ежедневного умирания солдат. Война дала потерянное поколение – ставшее остатками возрастных поколений, не нашедших в мирной жизни того смысла жизни, той великой цены жизни, которые были на войне. Война – это необычайно концентрированный опыт, о котором Э. Хемингуэй писал как о бесценной возможности познавать человека на войне в течение трех дней как за три года в мирное время. Опыта войны Астафьеву хватило на всю творческую биографию. Он стал золотой жилой и нитью Ариадны для писателя.

Для художника, у которого определяющим поэтику произведения стал образ автора, понимание его мировоззренческой позиции – ключ к освоению целостности.

«Несомненно, что стремление автора к прямому выражению мыслей, интонации страстной проповеди, открытого предостережения, вызванные остротой и сложностью стоящих перед обществом проблем, являются одной из характерных особенностей литературы последних десятилетий», – говорит о творчестве В. Астафьева литературовед Л. А. Трубина [2].

Максимализм честности, правды, носящей мистико-религиозный старообрядческий характер, когда всё вокруг изменчиво и непринципиально, вера в высшую добродетель, органически соединенная с народным сознанием, стали основами творческой натуры писателя. Начало писательской деятельности совпадает с завершением формирования аксиологической картины мира. Писатель успевает опубликовать несколько ранних произведений, где очевиден подражательный характер прозы, но они не станут этапными в его творчестве. Позднее в повести «Веселый солдат» он отзовется о них нелестно, как о книгах, в которых он отоврался за всю жизнь и на которых был завершен этап писать не по правде.

Правда мифологизируется писателем. Одновременно правда из категории этической, нравственно-философской становится категорией эстетической. Правда – критерий истины. За границами истинности начинается неправда. Она, неправда, оказывается не только за пределами нравственно-этического, но и эстетического. Отбор художественного материала начинается с такой точки зрения, где правда видна максимально. Автор отбирает материал, автор создает образ автора, автор выбирает героя, автор располагается среди персонажей и, если необходимо, становится второстепенным персонажем или покидает сюжетное пространство.

«...Произведение есть нечто большее, чем механическая сумма составляющих его компонентов. Оно является органической целостностью, в которой дух выполняет роль связующей элементы субстанции. Эстетический объект, актуализируя в себе дух, свет, обретает онтологический статус. Произведение таким образом едино со своим предметом... Отсюда слово должно быть предметным, первозданным, единым с реальностью, которую оно представляет». Такое единство миро-

восприятия, «обнаружения общей природы всех явлений» дают понимание абсолютных, метафизических ценностей, религиозный опыт, Бог[3].

«...Романист в своем творении должен выражать веру во что-то и даже владеть миром, чтобы вернуть землю тем, кто живет мужественно и с любовью. Романист выступает в роли Бога, чтобы люди могли сыграть людей»[4].

Проследить этот сложный путь, разглядеть достижения и утраты на этом пути – одна из интереснейших задач.

Совесть – Бог, который позволяет найти Слово. Уместно вспомнить молитву писателя из повести «Ода русскому огороду» и близкие по смыслу идеи из «Последнего поклона». Уставший солдат потерянного поколения, опустошенный человек просит Бога вернуть ему смысл жизни, дать опорные символы этого смысла. И к нему возвращается память, возвращается мальчик из детства и сама искренность, правда и свежесть детства. Приходит и дар творца, дар сродни тому, который обретает поэт в стихотворении А. Пушкина «Пророк»: «...Глаголом жги сердца людей». Система взглядов приобретает с самого раннего творчества религиозно-мифологизированный характер. Эволюцией творчества писателя становится не следование по некоей временной, территориальной или иной горизонтали, а постоянный выбор вертикали к звездам на небе, о символическом присутствии которых в каждом произведении Астафьева необходимо провести отдельное исследование, вертикали к Правде, наконец, к Творцу. Вероятно, этим можно объяснить проживание писателя в провинции, ведь путь в столицу горизонтален, а к небу можно восходить из любой точки по вертикали.

Писатель словно бы задает себе один и тот же вопрос в течение всей жизни: «О чем я смею писать не солгав ни единым словом, ни строкой, ни душевным переживанием, ни пусть иногда грубой, – но, по мнению писателя, искренней эмоциональностью. Не солгав ни в духе, ни в Слове».

И Астафьев пишет о детстве, куда не могут проникнуть фальшь соцреализма, ложный пафос, неживое слово, незнание материала. Это освоенная территория детства. Это мир до войны как необходимая регенерация чувств, совести, красоты, веры, духовного в целом. Особо надо заметить то, что творчество писателя физиологично и только интонации дет-

ства не стареют, оставаясь камертоном чистого звучания астафьевской прозы. Чистого слова, чистого чувства, чистых людей. Вспомним характеры персонажей произведений писателя: «Звездопад», «Пастух и пастушка», «Последний поклон». Любовь наивно чиста, потому что юношески неиспорчен герой. Тема детства эстетизирует голос повествователя в поздней прозе – романе «Прокляты и убиты» и повести «Веселый солдат». В повести четко прослеживаются две голосовые интонации: автора-повествователя всеведающего и автобиографического «я», стремящегося к слиянию с персонажами – фронтовиками, демобилизованными воинами, советским маргинализированным человеком. Владелец одной почти назидательно против табуированной лексики, другой – матершинник.

И наконец автор, писатель Астафьев, экспериментирующий со своей автобиографией, возвращается к стилю своих этапных произведений в эпизодах изображения детства, уходя от физиологичности возраста и, возможно, от бремени разочарований. Память, образ памяти и ее неиссякаемый художественный ресурс сродни затесям, позволяющим не сбиться с курса на материк Правды или на родину, где источник правды, домой, в детство.

Исследователь, переосмысливая выводы литературоведа А. Большаковой, предположит мифологический подтекст в традиционных раздумьях об утрате малой родины. А. Большакова пишет: «Автор путешествует по дорогам своей памяти: духовный мир словно материализуется в условно-пластических формах, ментальные образы «приравниваются» к пластическим. Уже в прологе <...> неуловимые движения души изображаются как физическое движение путника по условным дорогам литературного пространства и времени, а затем – как изменение природных состояний, естественных форм жизни. <...> В прологе и эпилоге, как бы окольцовывающих основную сферу воспоминаний о деревенском детстве, «автор» стремится преодолеть мертвую сферу «перевернутой» реальности через воспоминания, вернуться к тем родным людям, что жили трудом на земле, по вековечным законам любви и добра: «Спешу, спешу, минуя кровопролития и войны; цехи с клокочущим металлом; умников, сотворивших ад на земле... Сквозь это, сквозь!» [5].

Что это, как не русская Одиссея? Асимметричная Одиссея

В. Астафьева. Мотивы странствия и возвращения домой – старый миф, наполненный опытом XX в., где метафизический мир Итаки более невозможен, историческая Россия – только в памяти.

Следующая правда писателя – война. «Война открыла Астафьеву, что чудо жизни до него не названо в мире, а что названо, неполно. Так всегда начинается писатель – с понимания единственности и неназванности своего знания. <...> Это, вероятно, и именуется призванием: человек делает работу жизни и за вседневной занятостью не видит всего своего духовного обихода, пока однажды не наступает прозрение и призыв сказать об открывшемся» [6], – напишет В. Курбатов в предисловии к 4-томному изданию собрания сочинений Астафьева еще в 1970-е гг. Война, ретроспектива войны, эхо войны присутствуют во всей прозе писателя. Астафьев долгое время не мог написать всю правду о войне, поэтому его темой становится не подвиг, не баталия, не столько военный антураж, сколько психологические портреты персонажей и неизвестные страницы войны, которые не считались собственно военными. Его вдохновляют сердце человека, его любовь, его одиночество, его страхи и слабости. Страницы о войне станут страницами русской экзистенциальной прозы, о чем неоднократно говорил сам автор, философией абсурдности войны и нахождения человека на войне. Если вначале писатель видел смутные черты необъяснимого рокового бедствия, совместившегося в сознании с войной, то позднее он стремится представить в образе войны зло, то есть некое мифическое начало мирового порядка.

Позже будут страницы неизвестной «запрещенной» войны, к которым писатель подступал еще в 1960–1980 гг., но после «набитых шишек», в связи с выходом книг о войне даже «разрешенной», писатель находит свою боевую тему в произведениях о природе.

Природа у Астафьева – это меньше всего тема, но поэтический, образный камертон произведений, сродни ретроспекциям о детстве. Камертон той же Правды, где Природа изображена в единственно возможной системе координат: Совесть – Абсолют – Красота – Творец. Природа одушевлена душой автора и неким более высоким промыслом, чем это есть в разумении человека. Однако автор, владеющий в совершен-

стве всеми пятью чувствами (зрением, обонянием, осязанием, слухом и вкусом), так знает растительный, животный миры, так ботанически и анималистически подготовлен, что происходит объективизация образного мира природы (возможно, с помощью шестого чувства – интуиции и творческого гения), где герои – всего лишь переводчики с высокого языка Земли. Или адвокаты гибнущей природы, или палачи, но более всего – частица самой природы как некоего замысла Творца. Природа как великий немой, которому автор подарил язык и он заговорил, как говорящий лес, как плачущая река, как стонущие горы и т. п. Природа, увиденная иным, нежели у всех остальных, внутренним, «духовным» зрением, оказалась в числе того наиболее важного, из чего образовалось мировоззрение писателя и – как следствие – его героев, оставалась источником для одних из самых сложных и мучительных переживаний.

Соединение яркой образности с лиризмом породило стилевую особенность писателя. Публицистическое начало произведений Астафьева открывает экологическую страницу в его творчестве. Образ автора и авторское повествовательное начало находят формы своего максимального и оптимального воплощения. Возвышая голос в защиту природы, автор защищает территорию правды, где обережение жизни – как на войне. Органично рождается философия прозы В. Астафьева, точнее, происходит ее завершающий период, когда ощутимы усилия писателя не философствовать, а, по словам А. Камю, воплощать философию через изображение действительности. Литературовед В. В. Агеносов совершенно точно отметил философизм, мифологизм и эпичность «Царь-рыбы» [7]. Именно в этот период писатель создает мифопоэтическую концепцию мира и художественно претворяет ее в своих последующих произведениях.

В годы перестройки, напротив, происходит обратное, усиливаются процессы иногда надрывно-поспешных публицистических заключений. Особенно ярко это заметно в малой прозе писателя. В этот период ее эволюция условна, процесс художественного освоения прерывист. И дело даже не в публицистичности произведений. Время перестройки заявило о праве утопической Правды. Художник, столь долго мифологизировавший ее с органических позиций, был на время обезоружен. Мифолог ушел, публицист обнажился. Особенно

ярко стала заметна поэтика художника и скоростелость публициста. Органичность уступила место и в форме, и в сюжетостроении ряда произведений. Так создавалась книга правды о Правде «Печальный детектив», ставшая новаторским романом своего времени. Накопленный опыт правдоискательства и невысказанное воплотились в оригинальной форме в герое Леониде Сошнине, милиционере-интеллектуале. Автор и герой вступили в концептуальное сотрудничество, словно бы позабыв, что не в силе Бог, но в правде.

Спустя время писатель подошел к возможности сказать правду о мире, мироздании, глобально осмыслить соотношение человеческой цивилизации и культуры, Бога и Человека. Мифология – была сотворена. Ответственность – признавалась читателем. Родина – в муках преображалась. Появилась необходимость в обновлении критериев Правды и Совести.

Целый ряд исследователей и критиков отмечают то, что наиболее состоявшимся жанром В. Астафьева стал жанр рассказа, где нашли свое воплощение все наиболее яркие темы писателя как проявление мировоззренческой и эстетической цельности: память, детство, родина, любовь, война, одиночество, сиротство, природа, экология, арестантство, маргинальность, преступление и наказание, род и наследственность, творчество, этно-национальный и религиозный аспекты и т. д.

Рассказы В. Астафьева имеют огромное значение для понимания эволюции творчества писателя. В различные периоды жизни и работы над большими эпическими формами рассказ, так же как и «затеси», сопутствовал творчеству писателя. В силу своей жанровой природы рассказ вбирает в себя наиболее концентрированно всю полноту авторского мировоззрения как на конкретном этапе творчества, так и в целом. В рассказе более ясно прослеживаются эволюция тем, сюжетов, характеров, более заметен эксперимент, жанровые модификации. Рассказ ярче раскрывает многообразие форм присутствия автора; образ автора здесь не столь универсален и космичен, как в больших жанрах. Рассказы В. Астафьева обладают высокой степенью эпизации, где роль авторского повествования является формообразующей. У писателя почти нет произведений новеллистического типа и при этом он – признанный мастер лирической прозы. В рассказах максимализм мифологизации правды приглушен, жажда «глаголом жечь»

ограничена формой и оттого в них наиболее заметны удачи и промахи писателя.

Эволюция творчества приводит писателя к Богу! Христианский антураж интертекстуален. Подтекст присутствия религиозного сознания персонажей и автора составляет важную часть поэтики образов и сюжетов. И здесь важно различить тематические вкрапления эпизодов с устойчивыми мотивами религиозной образности: греха, преступления, ответственности, покаяния, лжи и правды, любви, зла и добра. Вездесущная христианская ментальность интересно эволюционирует в образах персонажей и автора, выявляя парадоксальные векторы – глубокую органичность в тексте, укорененность в художественно-изобразительной традиции и разнообразие форм воплощения религиозного сознания в позиции автора – советского человека, на что неоднократно обращал внимание сам писатель. Советскость мировоззрения героев Астафьева требует отдельного исследования. Особенно продуктивным будет исследование религиозного начала в произведениях Астафьева в контексте современных ему писателей, где можно будет пронаблюдать типологические формы авторского сознания и повествования.

Но к новой мифологии в романе «Прокляты и убиты» писатель придет через приобретения и потери. Только после этого произведения, к которому он шел всю жизнь, после того, как стало ясно, что и оно тесновато для его жизненного материала, что память ищет свободы, Астафьев приступил к автобиографии «Веселый солдат». Тогда только проступили контуры этических идей этой книги и стало ясно, как много открывает она в судьбе поколения. Писатель, опережая историков, обращает внимание на «трудные» страницы истории, в том числе последней войны. «Историческое сознание, являясь составной частью авторского ви́дения эпохи, определяет подходы к изображению действительности, формирует авторскую «художественную версию» истории, нередко не только не совпадающую с общепринятой точкой зрения, но и значительно опережающую теоретические концепции» [8].

Трагически итожащим становится рассказ «Пролетный гусь», это драматическое раскаяние автора над могилой биографически близких ему героев в главной ошибке жизни – не погибнуть на фронте. Рассказ словно бы перечеркивает ви-

тальную концепцию творчества В. Астафьева, раскрывая невозможность найти Правду на Земле.

«Ничто не может заменить обществу Церковь, а человеку – слово священника. Литература, взяв на свои плечи непосильную ношу, «надорвалась» к концу века. Фигура писателя – учителя жизни оказалась вытеснена еретиком – постмодернистом», – писал М. Голубков.

Мотивы антиутопического мироздания с элементами модернистической образности зеркально высвечивают связь с главными книгами писателя, еще раз заставляют всмотреться в опыт прямой автобиографии «Веселого солдата», в религиозное начало романа «Прокляты и убиты», а также использовать в исследовании эволюции аксиологического мира В. П. Астафьева дедуктивный метод, который позволит увидеть его цельным, а все творчество – универсальной завершенной системой, за внешне противоречивыми этапами жизни писателя.

---

[1] *Голубков М. М.* Русская литература XX века. После раскола. – М., 2002. С. 241.

[2] *Трубина Л. А.* Русская литература XX века. – М., 1999. С. 300.

[3] *Аствацатуров А. А.* Автор, повествователь и читатель в раннем творчестве Т. С. Элиота // Сб. статей «Автор. Герой. Рассказчик». – СПб., 2004. С. 132.

[4] *Асанова Н. А., Галимова Р. У.* Концепция «тоталитарного романа» Ромена Гари // Там же. С. 170.

[5] *Большакова А. Ю.* Нация и менталитет. Феномен «деревенской прозы» XX века. – М., 2000. С. 111.

[6] *Курбатов В. Я.* Высшая ценность: Предисловие к Собр. соч. В. П. Астафьева. В 4 т. – М., 1979.

[7] *Агеносов В. В.* Современный философский роман. – М., 1989. С. 150.

[8] *Трубина Л. А.* Русский человек на «сквозняке» истории. – М., 1999. С. 25.

Ю. А. Счастливцева

Проза А. Варламова в аспекте деревенской тематики

В 1990-е гг. на смену старшему поколению писателей «деревенской прозы» (А. Солженицын, Ф. Абрамов, В. Белов, В. Распутин, Б. Можаев, В. Шукшин) приходят молодые писа-

тели-реалисты, продолжающие тему деревни в русской литературе. В конце 1980-х гг. начинающий писатель А. Варламов обращается к материалу современной жизни, исследует причины нравственных сдвигов в новой России. Под влиянием «деревенской прозы» появляются рассказ «Галаша», повести «Дом в деревне», «Падчевары».

В раннем рассказе «Галаша» (1992) писатель дает подробный социально-психологический срез деревни, исследует ее жителя «изнутри». Деревенский парень Галаша – легко узнаваемый социальный тип 1980–1990-х гг.: вырос без отца («догляду никакого не было»), из-за пьянства неудачно окончилась его попытка выучиться на тракториста, женитьба, пьяная драка и увечье, смерть. Однако уже речь героя открывает уникальную языковую личность, привлекая исповедальным характером. Незатейливый рассказ Галаши о своей судьбе и семье вскрывает повседневность русской деревни, находящейся на грани вымирания: «Только мать моя никуда не ходила, дома все сидела. Дела переделает, сядет, уставится в одну точку и не видит и не слышит ничего. Я к тому времени один у нее остался. Брат и сестра-то померли. А пошто померли – леший его знает. <...> А дом у нас большой был, передок да зимовка, в передке три комнаты, шесть окон на улицу глядят, и во всех этих комнатах пустота звенящая – ни родня к нам не заходит, ни гости» [1]. «Звенящая пустота» в деревенском доме – явление, чуждое традиционному укладу жизни, это явный признак беды, дисгармонии в мире деревни. Стремление жить и действовать сообща – та первооснова, на которую прежде всего возлагали надежды писатели «деревенской прозы».

Интересен образ отца Галаши, Дольки. Он как настоящий крестьянин всей душой болеет за землю: «Ты глянь... сын, что с нами товаришши сделали. Землю-то у дедов наших отняли, а сами сгноили всё...» Земля для Дольки – не средство обогащения, а основа существования, близость к ней означает сопричастность общему мировому закону. Это сильный тип крестьянина, которого не смогли сломить время и обстоятельства. Однако цельным этот образ назвать нельзя, в нем чувствуется разрушение. Долька стареет в одиночестве, не родной ни сыну, ни жене. То, что в отце сдерживалось приверженностью к традиции, в сыне становится доминантой характера: «Заговорила во мне дурная кровь. Видно, было во мне нечто

такое, что и в бате...». Смятение, неизбывная тоска в душе Галаши – сигнал разрушения уникального деревенского бытия, примета времени. Самореализация героя невозможна ни в труде, ни в любви, ни в семейной жизни: «Всё как у людей. Только мне не в радость было. Стал я чего-то маяться... Скучно сделалось в деревне». В рассказе «Галаша» автор использует прием вкрапления в строгую реалистическую канву фантастических элементов. Условно-фантастическая образность помогает писателю осваивать запредельные сферы человеческой психики в момент ее кризисного состояния, болезни, смерти: «И вот раз проснулся я в сумерках и вдруг чувствую, что нет больше боли. И на душе так светло сделалось... Так любо мне все, хоть и вижу всего краешек улицы... Господи, какой же я счастливый человек, сколько ж надо прожить, промучиться, чтоб понять вот это. Легко мне, чудно, как младенцу в люльке качающейся. <...> а только понимаю, что это я умер».

В дальнейшем Варламов идет по пути переосмысления традиций «деревенской прозы», перенимая у старшего поколения писателей внимание к духовным проблемам, веру в созидательную роль нравственных основ – черты, составляющие традиционно-реалистическую базу современного этапа русской литературы.

Видимо, наследием «деревенской прозы» является и особая приверженность писателя к идее топоса. Пространство Русского Севера, Вологодчины в прозе Варламова становится стилевой доминантой, архетипом, заключающим категории *начала/конца*, *дома/бездомья*, *гармонии/хаоса*, *утопии/антиутопии*. В этих землях сохранилась староверческая община Бухара («Затонувший ковчег»), отсюда вышли многие герои Варламова («Купол», «Пришвин, или Гений жизни»), здесь находится тот самый «дом в деревне», куда стремится автобиографический герой писателя.

Покупка дома в «кусте» северных деревень (повесть «Дом в деревне») – попытка осознания преемственности «загадочной русской души», которую исследовали «деревенщики», в новой реальности. Деревенский дом – символ истока, начала и конца, центра и средоточия: «Он... как будто нарочно поставлен в самом центре идеальной окружности, и всё вокруг вращается относительно него». Продолжая диалог с деревенской прозой, А. Варламов рисует колоритные образы последних дере-

венских стариков – Нюры Цыгановой, деда Василия и бабы Нади, которые «поражают несуетностью и удивительной внутренней красотой». Пытаясь приобщиться к этой уходящей красоте, он неустанно расспрашивает их обо всех подробностях жизни, удивляется тайне деревенских имен: Флавион, Филофей, Галактион, Текуза, Руфина, Манера, Адольф, Виссарион, Ян, Ареф, Африкан, – оставаясь, однако, «для них чем-то экзотическим, не поддающимся объяснению». Деревня не хочет принимать чужака: дом периодически разворовывается, по ночам герой кажется «самому себе самозванцем, временщиком, не по праву вторгшимся в чужую землю». Символично, что, бесстрашно углубившись в северные чащобы и дойдя почти до Коргозера, где Белов записывал плотницкую речь, герой-повествователь так и не дерзнул войти в деревню: «Земля была уже не моя, а Василь Иванычева» («Падчевары»), – не дерзнул прикоснуться к заповедному, творчески маркированному месту. Повести «Дом в деревне» и «Падчевары» ставят под сомнение миф о деревне как последнем очаге здоровья нации, сложившийся в русской реалистической прозе конца XX в.

Однако образ провинции не оставляет А. Варламова и в произведениях, написанных не в русле деревенской тематики. В поле зрения писателя оказываются такие сферы бытия, как кризисное сознание современника («Затонувший ковчег»), эсхатологические настроения и утопии на рубеже веков («Купол»), связь исторического прошлого и настоящего России («Пришвин, или Гений жизни»). Взгляд писателя направлен на Россию рубежа 1980–1990-х гг. Один из центральных образов романа «Купол» – провинциальный городок Чагодай. Образ провинции «играет» культурными ассоциациями, представляясь то обывательским городком в традициях Салтыкова-Щедрина: «Скучно текла жизнь в Чагодае, и смиренна и тиха была чагодаевская история. Ничего особенного в ней не происходило, не подарил Чагодай граду и миру ни великих героев, ни писателей, ни художников, ни архиереев», – то деревней Обломовкой: «Медленно-медленно катится чагодайская жизнь. Только час прошел, а кажется уже сутки, и не знаешь, как до вечера дожить и чем пустоту дней заполнить», – то сказочным объектом, «окруженным лесами, озерами, ручьями и болотами, на самом краю земли...», то мифическим существом: «Он не будет тебя отпускать <...> станет убаюкивать и

ласкать, пугать страшными рассказами о чужой стороне и злых людях». На рубеже XX–XXI вв. писатель рисует провинцию как болото, в котором гибнет все живое; люди ведут полурастительное существование: «Но не дай Бог, поддашься, уступишь обманчивому покою – не заметишь, как сгинешь, удобрив жирную чагодайскую почву», «пьянство по домам, тихий разврат, и над всем этим, как непроницаемый колпак, висит мертвая чагодайская скука...»

А. Варламов вводит в роман образ героя-повествователя – это уроженец Чагодая Никита Мясоедов. Ключом к его образу служит библейское изречение: «Ты взвешен и найден легким». Слегка переосмысливая первоцитату, А. Варламов трактует «легкость» как драматическую черту, привнесенную временем, она «сродни невесомости не привязанного ни к чему воздушного шара». Дитя безвременья, когда традиционные для русской культуры парадигмы рухнули, Никита сам признается в отсутствии четких внутренних ориентиров, утверждая, что живет «по наитию, от случая к случаю, может поступить благородно и смело, а может малодушно и подло». Сопутствующий элемент характера героя – ощущение бездомья. Как и его литературного предка Печорина, Никиту гонит по свету поиск «дома», наполненности, покоя и оседлости.

В соответствии с доминантами кризисного сознания развивается и психика Никиты. Состояние полусна, свойственное героям А. Варламова в переломные моменты жизни («Лох», «Затонувший ковчег»), в нем достигает своего апогея. Происходит окончательный раскол сознания, не способного улавливать переходы от сна к яви. Варламов объясняет «двойничество» героя развитием мозговой опухоли, и, тем не менее, последняя часть романа переключается в сферу условного, фантастического. Никита узнает об аномальном природном явлении, повлекшем за собой исчезновение Чагодая, о том, что «зона, возникшая в районе Чагодая, по форме представляет собой куполообразующую сферу». Идея Купола подготовлена логикой сюжета, это завершение чагодайской истории. В основу условного образа-символа легли типологические черты провинциального города: «непроницаемый колпак скуки» обрел видимость, «вечный туман» – твердость, а идея – форму.

В атмосфере апокалипсического сознания легенда о зем-

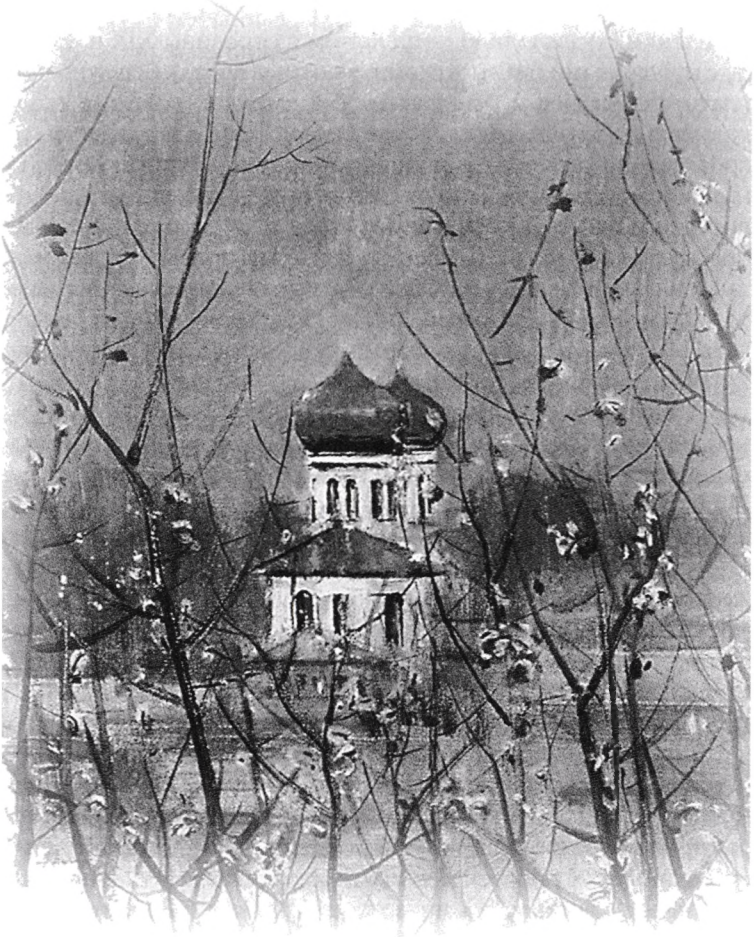
ном рае кажется привлекательной. Библейская утопия занимает прочные позиции в русской культуре. Возникший мистическим образом на месте российского города в преддверии третьего тысячелетия, этот христианский символ заявляет тему второго пришествия Христа и наступление Царства Божия на Земле. Никита Мясоедов проникает под Купол, чтобы понять, что явилось миру: «Беловодье, Китеж, Град Инония, Царство Божие на Земле или снова обман». Героем по-прежнему движет стремление обрести духовную опору, дом, бессознательно он надеется на свое место в «раю».

Принципы изображения подкупольного мира – локализация событий во времени и пространстве, жизнь, преображенная социально и этически, – апеллируют к жанру антиутопии. Время выбивается из привычного ритма: Никита видит себя стариком, а ненавистную учительницу Золюшко – маленькой девочкой. Сам город похож на «громадный каньон, покрытый рекой». Но, в отличие от Котлована или Стены Единого государства, ограждающих «коммунистический рай», Купол охраняет «Царство Божие на Земле». Ритуальная сторона идеи рая подтверждается подкупольными чудесами: воскрешение умерших, хождение по воде, способность земли плодоносить круглый год.

Однако переход героя в «лучший» мир напоминает смерть (удушение, подземелье, плохое самочувствие героев) и сопровождается характерными признаками смерти и холода: «Никто не обращал на нас внимания, как если бы мы были не живыми людьми, а тенями»; а долгожданный дом напоминает гроб: «В доме было прохладно и чисто», «Я вытер холодный лоб...», «Мать... поглядела на меня невидящими глазами». Так миф о спасительном Царстве Божием на почве гибнущего деревенского мира теряет привлекательность. Христианская идея немыслима без Христа. А. Варламов, на наш взгляд, ратует за освобождение сознания русского человека от утопизма. Герой-повествователь сознательно покидает Купол – мир, которому он принадлежит по крови, – преображенный, «совершенно голый, как будто только что родившийся»...

---

[1] Здесь и далее тексты цитируются по изданиям: Новый мир. 1992. № 6; 2002. № 2; *Варламов А. Н.* Затонувший ковчег: Повесть. Романы. – М., 2002.



Крестьянская Россия в круге чтения

Н. А. Мелентьева

Лики сельских библиотек

Рассказ о современных сельских библиотеках хотелось бы начать с их истории. Библиотечное обслуживание сельского населения России стало регулярным с середины XIX в. Наряду с публичными библиотеками, взимавшими за обслуживание плату, появились и бесплатные библиотеки, которые стали называться народными. Такие библиотеки содержались на средства учредителей – просветительских и благотворительных обществ, земств. С конца XIX в. сельские бесплатные библиотеки и библиотеки-читальни стали особенно активно распространяться по всей России, как в центральных районах, так и в глубинке. Велика была в этом роль известных меценатов, таких как И. Д. Сытин, А. Я. Панафидин, Ф. Ф. Павленков. Последний оставил огромное состояние на устройство 2000 народных библиотек.

В этот период в Вятской губернии имела место уникальнейшая акция не только для того времени, но и для дня сегодняшнего, – было создано 3000 новых бесплатных библиотек. В каждом сельском сообществе появилась своя библиотека с целью искоренения «безграмотности и бескнижности». А в Ставрополье в некоторых селах действовало даже по две библиотеки. Такая ситуация была характерна для многих областей России. Именно в это время в обществе сформировалось понимание сельской библиотеки как неотъемлемого звена в процессе образования, социального института, влияющего на культурную атмосферу.

Сегодня в Пермской области из 848 муниципальных библиотек 572 – сельские. Ими обслуживается более 50% населения, проживающего в сельской местности, а в некоторых территориях этот показатель значительно выше. Для большинства городских библиотек такой процент обслуживания остается недостижимым. Какие же они, сельские библиотеки, как выглядят, как работают?

Наверное, у многих при словах «сельская библиотека» возникает следующий образ: этакая деревянная изба-читальня, в которой источник тепла – русская печь, а источник света – керосиновые лампы или свечи. Заведует таким учреждением бывший красногвардеец в гимнастерке и сапогах – избач.

И действительно, этот образ не так уж далек от реальности – и сегодня, в XXI в., немалая часть сельских библиотек размещается в старых деревянных домах, отапливаемых печами. Некоторые занимают небольшую площадь в бывших церквях, ставших в советское время клубами. Отличает современные библиотеки, во-первых, то, что заведуют ими, в основном, женщины, а, во-вторых, электрическое освещение. А вот про отопление этого не скажешь. Сегодня наши сельские библиотеки вынуждены «возвращаться к природе» – к дровам. Правда теперь этот источник тепла носит вполне современное название – «твердое топливо». Становится и страшно, и обидно, и грустно за нашу культуру.

Но было бы несправедливо говорить, что все сельские библиотеки выглядят столь уныло. Наши сельские библиотеки сегодня очень разные. Наряду с описанными выше, есть и такие, которые расположены в добротных, хорошо отремонтированных зданиях. В них стоят современная мебель, компьютеры, работают электронная почта и Интернет. А в селе Березовка в Центральной районной библиотеке даже бьет фонтан. К сожалению, таких библиотек не так уж и много. Но, несмотря на явные отличия, и те, и другие библиотеки одинаково до́роги для жителей сел и деревень. Да и как может быть иначе, если сегодня библиотека на селе, пожалуй, единственное учреждение культуры, услугами которого люди пользуются бесплатно! Хотя как-то не хочется называть работу сельских библиотекарей предоставлением услуг. Разве мы оказываем услуги, когда приглашаем в гости близких, дорогих нам людей? А ведь в сельские библиотеки читатели приходят именно как домой. И библиотекаря можно с полным правом назвать радушной хозяйкой «библиотечного дома», зачастую несмотря на холод, старую мебель и отсутствие новых, современных книг, здесь присутствует какая-то особенная теплота, уют, радушие. Сельские библиотекари сами делают ремонт, облагораживают близлежащую территорию, всеми доступными способами стараются прикрыть иногда просто кричащую бедность.

Сегодня, как и раньше, сельская библиотека – это не просто место, в котором хранится, обрабатывается и предоставляется информация. Библиотеку на селе можно с полным правом назвать центром общественной жизни. Ведь на селе нет ни театров, ни музеев, ни кинотеатров, ни кафе, да иногда и клуба-то нет. Но есть библиотека, которая и заменяет, по

мере возможностей, все перечисленные учреждения. На селе именно в библиотеке проводятся образовательные, развлекательные и политические мероприятия.

Библиотеки в селах и деревнях, пожалуй, единственные занимаются краеведческой работой; благодаря им исследуется и сохраняется для последующих поколений история населенных пунктов. Сельские библиотеки становятся инициаторами и организаторами различных акций, в которых принимают участие подчас все жители села. Можно привести множество примеров, подтверждающих эти слова, но остановимся лишь на некоторых.

В деревне Заимка Лысьвенского района есть музей, в котором хранятся материалы по истории деревни, собранные жителями буквально по крупицам. А появился музей благодаря В. И. Ивановой, заведующей сельской библиотекой. В результате долгой кропотливой работы было создано рукописное издание «Заимская летопись». Реализовать всё задуманное помог проект «История музея д. Заимка», получивший финансовую поддержку Департамента культуры и искусства Пермской области. Благодаря этому в библиотеке появились новые выставочные стеллажи, видеотехника. На торжественное открытие музея, которое состоялось в день празднования 55-летия Победы, пришли не только жители Заимки, но и многих окрестных деревень. Сегодня музей при сельской библиотеке стал неотъемлемой частью деревни, предметом гордости жителей. А Вера Ильинична продолжает работать. Она создала новую программу «Не исчезай, мое село», в ходе реализации которой предполагается дальнейшее проведение поисковой акции по восполнению исторических данных, создание летописи, Книги памяти «Земная память и печаль» (о воинах-земляках, погибших в годы Великой Отечественной войны), установление мемориальных знаков на месте бывших деревень, создание картотеки предметов старинного быта, систематической краеведческой картотеки, биобиблиографического указателя «Земляки» и т. д.

Еще один пример. В деревне Новая Казанка Бардымского района детский сад не работает. Но если вы думаете, что дети с утра до вечера носятся по деревне, то вы глубоко заблуждаетесь. Дети дошкольного возраста занимаются в клубе «Непоседы», которым руководит заведующая сельской библиотекой

Р. Гафарова. Они знакомятся в библиотеке с интересными книгами, заучивают стихи, песни, разгадывают загадки, рисуют, учат буквы. Занятия проходят два раза в неделю, но дети приходят сюда каждый день. И так продолжается уже несколько лет. Этот опыт лег в основу проекта «Веселая школа для дошколят», получившего в 2000 г. грант Департамента культуры и искусства, благодаря которому для детей, приходящих в библиотеку, были приобретены телевизор, видеомагнитофон, книги и различные игры.

В Ильинском районе есть село Дмитриевское, которое часто называют Посадом. В 1909 г. благодаря денежным средствам Ф. Ф. Павленкова открылась Посадская сельская библиотека, которой было присвоено имя издателя-просветителя. Сегодня в этой библиотеке работает С. К. Лобанова, по инициативе которой в селе появился дендропарк – на территории площадью 1 га жители села посадили деревья и кустарники, находящиеся под угрозой исчезновения.

И это лишь малая капля из того моря примеров, которые можно привести, говоря о работе сельских библиотек. Но нам кажется, что и те, о которых мы рассказали, доказывают, что сельская библиотека – это нечто гораздо большее, чем место для хранения и выдачи книг: это и музей, и театр, и детский сад, и отдел по благоустройству... Рассказывать о том, чем занимаются сельские библиотеки, можно бесконечно – о кукольных театрах, о различных кружках и клубах, о мероприятиях, организованных сельскими библиотекарями, благодаря которым меняется облик села или деревни, как внешний, так и, что значительно важнее, внутренний. Ведь люди, которые своими руками посадили дерево, положили памятный знак на месте исчезнувшей деревни, не станут сами и не позволят другим разрушать плоды их труда. А вообще сельская библиотека – это душа села или деревни.

Сегодня библиотеки работают в очень сложных условиях. Да это касается не только библиотек – всей социальной сфере живется непросто, а в сельской местности – особенно. Постоянно закрываются библиотеки, клубы, школы, медицинские учреждения. Если в 2002 г. в Пермской области действовало 679 сельских библиотек, то в 2004-м, как было сказано выше, – 572. Конечно, сегодня многие сельские библиотеки, да и городские тоже, далеки от стандартов, которые предъявляются

к общедоступным библиотекам – и по внешнему виду, и по фондам, да практически по всем позициям. Может быть, действительно, не стоит содержать учреждение, которое приносит одни убытки, а закрыть его и заменить какой-то новой, более совершенной формой? Однако, как ни прискорбно это признавать, наша история знает массу примеров, когда с самыми благими намерениями разрушали общественный строй, классы, достижения культуры и искусства. Но вот удастся ли восстановить разрушенное на каком-то более высоком уровне – большой вопрос. А может быть, все-таки попытаться сохранить то, что у нас есть, помочь сельским библиотекам выжить в это трудное для них, да и для всех нас, время, чтобы исчезли навсегда печальные, измученные нищетой и постоянной борьбой за выживание, лики сельских библиотек, и мы бы видели только их настоящие лица – красивые, уверенные, с надеждой смотрящие в будущее, несущие свет, добро и радость всем окружающим.

А. Ф. Старовойтов

«Энциклопедия в кармане». Проект современности в традициях дешевой народной библиотеки издателя Сытина

Если быть более точным, проект называется: «Популярная карманная энциклопедия Пермского края». Но это не меняет его сути. А суть состоит в следующем.

Так называемая перестройка внесла в нашу жизнь кардинальные перемены. Все ее плюсы и минусы определит только время. Но одно неоспоримо уже сегодня: к ней оказались не готовы прежде всего представители интеллигенции, традиционно несущие на себе бремя просветительства и защиты традиционной культуры, ее основ, без которых немыслимо дальнейшее развитие. В контексте этих невольных преобразований пострадало, как таковое, и книгоиздательство, чему безусловно способствуют и новые информационные технологии, прежде всего Интернет, и формирование рыночных законов, основанных на коммерциализации литературы, как художественной, так и научной, и тому подобные процессы. (Особо следует подчеркнуть тот неоспоримый факт, что государственные структуры, органы местной власти, прикрываясь этими «объективными» причинами, всё более отходят от пра-

вильного понимания структуры культуры как таковой, а значит, и не поддерживают ее основ. Поддержку сегодня всё в большей мере получают не творцы, а интерпретаторы искусства, представители шоу-бизнеса, бессовестно эксплуатирующие не ими созданные культурные ценности.)

Итак, вопрос книгоиздательства.

Главное – обеспечить провинцию! Особенно школьников и учителей.

Просветительство и еще раз просветительство.

Сама энциклопедия – свод необходимого минимума знаний, нужных любому «аборигену».

Приложение к энциклопедии – художественное ее дополнение, наполнение. Именно в приложении надо возродить серию «Замечательные люди Прикамья» и писать прежде всего о живых! Популяризировать, пропагандировать произведения пермских писателей, особенно для детей. Дать антологии стихов, рассказов, фольклора, рассказать об исторических поселениях края, его особенностях, культурных корнях.

Все это должно быть популярно, доходчиво, но абсолютно достоверно, проверено, научно. В художественном приложении найдут свое место молодые авторы, которые сегодня не могут изыскать средства на издание своих произведений; могут издаваться каталоги выставок художников и т. п. Должны быть и путеводители по краю, всевозможные справочники, в том числе телефонные. Например, с информацией о приемных всех депутатов и чиновников, обязанных стоять на страже интересов народа.

Неплохо было бы издавать своеобразные сборники-обзоры (дайджесты) прессы, то есть давать своеобразный срез читательских интересов населения. Можно публиковать и результаты всевозможных социологических опросов и т. п.

А. П. Флюстова

Письмо из глубины крестьянской России В. Я. Курбатову

Здравствуйте, уважаемый Валентин Яковлевич Курбатов!

39 лет я работаю сельским библиотекарем. В 1960-е гг., учась в Пермском культпросветучилище, прочитала впервые

произведение В. П. Астафьева «Тают снега», а затем, будучи уже библиотекарем, – повесть «Звездопад». Она так затронула душу, что я перечитывала ее сама и читала вслух молодежи в библиотеке. То же самое было с повестью «Пастух и пастушка». А потом был длинный перерыв в общении с творчеством писателя. И только года три тому назад, когда душа запросила «подпитки», я взяла в руки «Последний поклон». И всё. Теперь не могу прожить и дня, чтоб не почитать об Астафьеве или не перечитывать в который раз его бесценные рассказы, повести, затеси. У меня появилась непреодолимая потребность как можно больше людей познакомить с его творчеством. В прошлую зиму мы два раза в месяц собирали у себя в библиотеке читателей на Астафьевские чтения. Я ходила с читками в детский дом, в палату престарелых, в учительский коллектив, приглашала все школьные классы в библиотеку; на районном семинаре библиотекарей провела презентацию новых статей об Астафьеве, публиковавшихся в периодических изданиях к 80-летию писателя. С детьми среднего школьного возраста на занятии экологического кружка был проведен урок «Когда гибнут деревья и острова» по затеси «Хвостик», организован конкурс рисунков к рассказам Астафьева.

В чем талант Астафьева? Читая рассказ или затесь, обязательно что-то переводишь на себя. У его бабушки в кованом сундуке в плетеной коробке хранились «лампасейки», а у моей бабушки в кованом сундуке в плетеной коробке хранились Библия и Евангелие и еще красивая шелковая шаль. Все это я рассматривала, когда никого не было дома. Затесь «Пеструха» – опять воспоминания детства. Посмотреть на маленького ягненочка нас водили обязательно. «Ягоды для папы» – я, никогда не знавшая отцовской заботы и ласки, остро почувствовала, что судьба лишила меня чего-то очень существенного. А «Ода русскому огороду»! Мы ведь и в солидном возрасте радуемся каждому ростку, даем душе умиротворение, любуясь собственным огородом.

Несколько лет подряд мы у себя проводили литературно-музыкальные часы для учащихся старших классов по творчеству Н. Рубцова. Оказывается, Виктор Петрович и Мария Семеновна любили Рубцова и покровительствовали ему. Как по-отечески тепло Астафьев писал о Рубцове! А сколько я узнала от него же о писателях-провинциалах, таких как Константин

Воробьев, Евгений Носов и др. Поняла суть некоторых произведений...

Я преклоняюсь перед Марией Семеновной! О любви, о признательности человеку можно писать целые страницы и ничего не сказать этим многословием. А двумя словами «Моя Марья» Астафьев сказал все.

Сейчас я усиленно комплектую фонд его произведений. Собираю каждую крупицу. И опять тут какая-то предопределенность! В районной библиотеке я всегда иду сначала в отдел комплектования. Год тому назад зашла, а там на столе лежит книга «Крест бесконечный». Как будто меня ждет. И я ее, конечно, из рук не выпустила. Вы теперь понимаете, почему этим письмом я обращаюсь именно к Вам? Спасибо Вам за любовь, теплоту и доброту, за дружескую и профессиональную поддержку Виктора Петровича и его семьи! Я ксерокопирую все Ваши статьи о его творчестве, какие только нахожу. Так же случайно я получила книгу «Зрячий посох». Директор ЦБС отдала мне ее навечно. Эту книгу я прочитала уже несколько раз и еще буду читать. Ведь эти произведения – бальзам на душу в наше время, когда стремительно уходят из жизни доброта и порядочность. А труд писателя! Мы ведь не задумываемся, беря в руки книгу, о том, сколько энергии, сил, здоровья и нервов тратит писатель, пока книга не попадет в руки читателя. Покупая прошлой зимой книги для библиотеки, я увидела серию «Красная книга русской прозы» и в ней – Астафьева. Пришлось истратить все личные деньги, а к внучке явиться с пустыми руками.

Статья «Второе пришествие» Владимира Армишева в газете «Звезда» (сентябрь 2004 г.) начинается четверостишием «Чусовой»:

Этот город сумел породить
По таланту, по поиску братьев:
Там перо свое начал точить
О таежные камни Астафьев.

К этому времени повесть «Веселый солдат» я прочла уже несколько раз; опять радость от познания нового из жизни Астафьева и знакомство с неизвестным ранее поэтом.

Валентин Яковлевич, благодаря Вашей книге я нашла брошюру «Гражданин Перми» о Б. Н. Назаровском, а там – статья Астафьева и письмо Назаровского к нему. Ниточка потяну-

лась дальше. От Назаровского – к альбому «Художник Евгений Широков», и опять познание нового.

На абонементе районной библиотеки мне дали книгу Астафьева «Посох памяти», а там статья «Беседы о жизни». Она вернула меня на сорок лет назад. Виктор Петрович отвечал на вопросы для пермской газеты «Молодая гвардия», два вопроса задали мои подруги-сокурсницы Люда Давиденко и Люба Кислякова. Я сразу вспомнила об этом. Меня, к сожалению, в то время не было в общежитии. Как жаль, что у нас на курсе не было встречи с пермским в то время писателем Виктором Астафьевым. Были встречи с поэтами Владимиром Радкевичем и Андреем Дементьевым, а с Астафьевым – не случилось.

Люди еще мало знают о творчестве гениального писателя. Руководитель одного книжного учреждения на мою просьбу помочь мне с поиском литературы об Астафьеве спросил: «Это тот, что нашу победу в Великой Отечественной войне очернил?» Я с удивлением ответила, что Астафьев показал страшную окопную правду войны. Поэтому я считаю своим долгом как можно больше людей познакомить с творчеством писателя.

26 мая 2004 г. нашей библиотеке исполняется 100 лет. И заканчивается моя трудовая деятельность. Астафьев прекрасно говорил о библиотекарях: «Здесь работали беззаветные, корысти не знающие труженицы, иного свойства и склада люди сюда не приходили, если случались нечаянно, быстро и навсегда исчезали». Я рада тому, что, проработав столько лет в библиотеке, являюсь не случайным человеком в ее стенах.

Вот такое восприятие творчества Астафьева рядовым читателем и рядовым библиотекарем из глубины крестьянской России!..

Г. В. Куличкина

Социальные проблемы села
(по материалам современной публицистики Прикамья)

История крестьянской России, которая волновала В. П. Астафьева на протяжении всей его жизни, в 1990-е гг. в связи с реформированием всего уклада советского строя обрела но-

вые повороты. Их смысловая значимость по-прежнему волнует публицистов, историков. Судьба крестьянства на рубеже XX – XXI вв. приобрела поистине массовое общественное звучание. Поэтому не случайно российские региональные печатные СМИ постоянно в своих выпусках выделяют целые страницы и отдельные подборки, рассказывающие о жизни современного села.

Сам Астафьев, задумываясь в последние годы жизни над системным кризисом Российского государства в целом и разорением крестьянства в частности, произошедшими в постсоветское время, в своих произведениях все чаще отказывается от беллетристики «в пользу документальности и непринужденности прямого авторского слова». Как считает В. А. Зубков, причина этого феномена – «во внутреннем споре Астафьева с традиционной формой обращения к читателю посредством «расчетливого изготовления текстов» (выражение Льва Аннинского). Для «крика изболевшейся души» (по словам Василя Быкова) утратили первостепенную важность лепка характеров и сюжетно-композиционная выстроенность произведения» [1]. Думается, стоит добавить к названной еще одну возможную причину: давний опыт газетчика, сохранившийся на подсознательном уровне, предлагал публицистику не только как оперативную форму реагирования, но и как, в условиях переходного времени, кратчайший путь к искомой правде. Опора на бытовые достоверные факты, за которыми мудрость писателя позволяла увидеть глубинные трагические противоречия бытия, позволяла быть одновременно эмоционально заразительным и убедительным.

Региональная журналистика XXI в. в своих лучших образцах сегодня продолжает традицию астафьевских наблюдений за жизнью российской глубинки, и чтение публикаций в региональной прессе может послужить своеобразным барометром наблюдений за образом жизни, проблемами и стремлениями современного сельского жителя.

В пермской прессе лучшие публикации на эту тему наиболее полно выявляются на ежегодном областном фестивале-конкурсе «Журналистская весна». Это самый массовый и самый престижный конкурс, проводимый областной организацией Союза журналистов России. В нем принимают участие представители более 30 редакций, и более 200 журналистов

борются за право называться лучшими по 23 номинациям. Мир крестьянского Прикамья полнее всего раскрывается в публикациях, представленных в номинациях: «Лучший публицист», «Лучший журналист по проблемам агропромышленного комплекса», «Мастер портретных зарисовок».

Необходимо отметить, что за последние два-три года общий эмоциональный тон журналистских материалов о селе стал разнообразнее. Если раньше, в конце 1990-х гг., преобладали отчаяние и безнадежность, то нынче публикации, по выражению в них авторского настроения и оценке происходящих перемен на селе, оказываются сдержаннее; журналист стремится сделать материал прежде всего информационно более насыщенным; применяется принципиально многосторонний подход к анализу животрепещущих проблем, которые приходится решать селянам.

Болевые точки крестьянской жизни в Прикамье красноречиво раскрываются через заголовки (или заголовочные комплексы). Благодаря им можно выделить три направления в журналистском исследовании современного села. Во-первых, это статьи, где нашло отражение противостояние властей и общественности в условиях выживаемости. Например: «У селян своя позиция. Сход в Чекменях выразил недоверие своему главе»; «Крупно-богатый скот. Как умирают колхозы»; «Колхозные войны»; «Как председатель за самостоятельность наказал»; «От рассвета до заката умирает сельхозпредприятие, бывшее когда-то передовым». Во-вторых, нам предлагают вглядеться в подробности нового, основанного на личной инициативе и предпринимательстве бытового уклада тех, кто нашел силы и средства жить по-новому: «Если ты умеешь жить»; «Парниковый эффект. Семья Нечаевых из деревни Гурино выращивает деньги в теплице»; «К земле надо подходить по-хозяйски»; «За дело взялся предприниматель»; «Вырастить урожай не проблема. Проблема его сбыть»; «Выгодно ли сегодня быть фермером?». Большая группа публикаций составляет третье направление, в котором акцентируется внимание на социально-нравственной проблематике сельской жизни, рассказывается о материальной бедности, социальных болезнях, ущемлении прав человека, слабой социальной защите, душевном одичании. Характерные заголовки: «Почему в Черной пьют по-черному?»; «Смертельный бизнес на «зеленом

змие»; «Невидимые миру слезы» (посвящена судьбе детей в социально трудных семьях); «Мама, я ухожу... Бродяжничать»; «Мы мальчиков этих не стоим» и др.

Среди журналистов, которые посвятили свое творчество созданию информационной летописи современной деревни, стоит назвать Ильдуса Закирова (долгие годы работал в областной газете «Звезда», сейчас – в «Профсоюзном курьере»), Ольгу Бойко из «Краснокамской звезды», Людмилу Пятилову и Веру Гилеву из кунгурской «Искры», Надежду Боталову и Сергея Сергеева из кудымкарской газеты «Парма-новости», Наталью Иржанову из добрянской газеты «Камские зори» и др. Лучшие из них предлагают рассматривать судьбу крестьянской России сквозь призму социально-экономических проблем, возникающих при приватизации государственной собственности.

Показательна статья Л. Пятиловой «На крутом вираже приватизации. В переходных условиях от федеральной формы собственности к частной находится ФГУП «Агрокомплекс «Кунгурский» (23 декабря 2004 г.). В ней журналистка фиксирует парадоксальную ситуацию, когда само правительство старается «сбить с ног» стабильно работающее предприятие по производству мяса, молока и зерна в поселке Шадейка. Даны фотографии с рабочих мест, где «кипит» дело, в отдельной врезке представлены цифры и факты, свидетельствующие о территориальной масштабности хозяйства «Агрокомплекс «Кунгурский», о том, что сегодня хозяйство дает работу жителям 18 населенных пунктов и снабжает продуктами жителей за пределами Кунгурского района. Вся публикация подана с нейтральной стилистикой речи, тревога автора видна лишь в заголовке «На крутом вираже...». А у читателя появляется повод самому задуматься о смысле реформ на селе и способах хозяйствования, сберегающих и развивающих Человека. Впрочем, есть газеты, которые дают свою четкую оценку приватизации сельхозпредприятий. Таков «Профсоюзный курьер», где одна из последних статей И. Закирова о свинокомплексе «Пермский» была озаглавлена так: «Форменное свинство по отношению к рабочим» (9 июня 2005 г.).

Образ современного крестьянина журналисты раскрывают, как правило, в жанрах очерка и зарисовки. Чаще всего на страницах местной прессы появляются зарисовки о счастли-

вых супружеских парах, которые прожили вместе в любви, согласии, труде, пользуются уважением односельчан. Это поистине «золотой фонд» человеческих ресурсов села. Есть у этих бабушек и дедушек внуки. Но по большей части все они живут в городах. Что касается людей среднего возраста на селе, тут тоже встречаются свои неординарные личности. Но гораздо реже. Как правило, они живут на отшибе, у них «золотые руки», политикой не интересуются, в жизни надеются только на себя. Таков хозяин Высокой горы, заброшенной деревни в Коми округе В. А. Истомин (с ним нас познакомил В. Васькин в газете «Парма-новости» от 17 июля 2004 г.). Последняя семья покинула Высокую гору в 1970-х гг. А он тут родился и сюда каждое лето возвращается... Чем занимается Владимир в заброшенной деревне? Как сообщает журналист, содержит более десятка голов крупного рогатого скота, «молоко спаивает в основном телятам. Есть и лошадка. ...За лето один заготавливает по нескольку десятков тонн сена. ...Не забрасывает пашню. В зависимости от обстоятельств то картофель разводит, а то и зерновые выращивает». Больших капиталов этот отшельник не нажил от своего хозяйства. Но возвращаться в большую деревню не собирается. Журналист отмечает, что места там очень красивы, полно грибов, ягод, дичи, и делает свой вывод: «Что лучшего пожелаешь для человека, который живет в гармонии с природой?»

Оптимизм журналистов убавляется, когда они от нетипичных характеров сельских жителей обращаются к типичным. Вот тут-то и встают проблемы бытовой неустроенности, душевной бедности, пагубных привычек и социальных болезней. Ужасающую обывателя статистику преступлений по тому же Коми округу приводит кудымкарская газета «Парма». Практически все региональные газеты пишут о бедах пьянства, наркомании, воровства, убийств, совершенных на почве алкогольного опьянения. Факты, в основном, лишь констатируются. Выводов и предложений мало. Многое в решении проблем социальных болезней могли бы взять на себя государственные целевые комплексные проекты по сохранению сел, однако осуществляемая государством программа оптимизации социально-культурной сферы не позволяет этого сделать, а у общественности тоже сил не хватает.

В начале XX в., по статистике, сельское население в Рос-

сии составляло около 80% от общего числа граждан России. К концу века, по прогнозам ученых, крестьянское население в России должно было составить 10% от населения страны. Время внесло свои коррективы. Процесс убывания крестьянства как социальной группы замедлился, поскольку появились в селах русские беженцы и мигранты из бывших республик СССР, еще есть фермерское движение. Тем не менее стоит признать, что на протяжении одного века кардинально изменился образ жизни целого народа, что дало писателям-деревенщикам, в том числе В. Астафьеву, повод для самых мрачных предчувствий и жестких выводов. Пермская региональная печать имеет несколько иную точку зрения. Да, крестьянский уклад жизни перестал быть основным, упал общественный престиж духовных ценностей трудовой жизни и традиционной русской культуры крестьянства. Деревня в ее традиционном виде как социум исчезает, даже вырождается. Но остаются уважаемые общественностью старики со своими традициями, чудаки и отшельники, фермеры, единоличники и дачники, которые любят землю и заботятся о ней. Но будущее все-таки за сильным новым хозяином земли, он дает знать о себе в предстоящем новом переделе земли. Передел, судя по журналистским материалам, обещает быть драматическим для простых людей, живущих в селах, хотя конкретный человеческий облик нового собственника никому пока не ясен. Переходный период в жизни крестьянской России продолжается.

---

[1] *Зубков В. А.* Поздний Астафьев: движение жанра // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания: Сб. статей по материалам Международной науч.-практ. конф. 2–4 марта 2005 г., г. Пермь. В 2 ч. – Пермь, 2005. Ч. 1. С. 174.

З. В. Тымина

Земная память и печаль
(В. П. Астафьев и М. С. Астафьева-Корякина)

«В 1945 году, после госпиталя, женился на женщине родом из Чусового Пермской области. Так «очусовел» на 18 лет». Это строки из интервью с Виктором Петровичем

Астафьевым. Да, целых 18 лет наша Чусовская земля была второй родиной для писателя. В легендах об Астафьеве «Столбовой переселенец», напечатанных в журнале «Юность» (1993, № 1), Юрий Беликов писал: «Он мог бы жениться на Шурке, а взял в жены Марью. Шурка была фронтовой медсестрою, и он ей обязан своим неуходом в инобытие... но если Шурка стала отменой и возвратом, то Марья – сопровождением и посохом. Потом он прочитает у дальновидного Даля: «Не у всякого жена Марья, а кому Бог даст».

«Мария Семеновна – великая женщина. Это я знаю как никто другой. Великая женщина! Выдержать столько испытаний, прожить с таким мужем, как я, более полувека, столько работать, и как работать! Бывало, уж оставит дело, когда силы ее оставят. Столько горя пережить – двух дочерей мы же с ней схоронили, а ведь она еще сквозь сердце свое пропустила все беды своей большой семьи. <...> Я не могу представить, что у меня была бы какая-то другая жена, а не Маня. И что дети у меня не от нее бы были. Не могу. Уж как свела судьба нас, так мы и идем вместе. Господь меня все-таки любит, если Маню мне в жены определил».

Мария Семеновна Астафьева, урожденная Корякина, – жена, верная спутница и первейшая помощница Астафьева. Все книжки Виктора Петровича она сама первая печатала – перепечатывала, вносила правки, ловко разбирая весьма своеобразный почерк своего мужа, отвечала на письма, занималась архивом. Хозяйство тоже на ней.

Как эта хрупкая женщина умудрялась нести, считай, в одиночку не одно десятилетие такой груз физических и нравственных нагрузок? Житейские невзгоды, болезни, неурядицы, горькие минуты потерь – все это неслось на нее грозными табунами, однако смять Марию Семеновну не удалось. Зарубки на сердце остались – верно. Но душа – по-прежнему кристальная, умеющая любить и прощать. Троих детей родила Мария Семеновна. Первая дочка, Лидочка, умерла младенцем – от голода. Ирочка, вторая дочь, ушла молодой (сказались болезни), оставив на руках пожилых уже родителей двоих ребятишек – Витю и Полину. Сын Андрей живет сейчас в Вологде.

Мария Семеновна – вот ведь труженица! – умудрилась между делом написать и издать шестнадцать собственных книг. Она замечательный прозаик, и книжки ее, не придуман-

ные, жизненные, полны светлой грусти и искрометного юмора, самоиронии и беззаветной любви к людям.

Мария Семеновна родилась в 1920 г., и была пятым ребенком в семье Корякиных. В своем родном городе Чусовом она успешно окончила школу-семилетку. На семейном совете решено было, что Марии надо поступить в Лысьвенский механико-металлургический техникум: это все же от дома недалеко, не так боязно отпускать. Мария Корякина начала осваивать профессию химика-аналитика. После третьего курса учебу пришлось оставить, потому что надо было помогать семье, но техникум она все же окончила позже – заочно. Пока же трудилась на металлургическом заводе газовым лаборантом, затем ее перевели на анализы чугуна, шлака, стали. Зарплату давали небольшую, но в семье каждая копейка была кстати.

А когда началась война и в городе открылись курсы медсестер, то молоденькая лаборантка поступила на них и обучилась всем медицинским премудростям: сестра в медицине – не последний человек. В Чусовом уже начали появляться эвакогоспитали, поэтому медсестры требовались, но когда Мария по повестке явилась в госпиталь № 2569, там штат медсестер был уже укомплектован, и ее поставили заведовать медицинской канцелярией. А вскоре ее как комсомольского вожака вызвали в горком и объяснили: обстановка на фронте серьезная, требуется провести работу среди медсестер – нужны добровольцы. Как проводить эту работу, Мария не знала, поэтому поступила просто: сначала сама написала заявление с просьбой направить ее добровольцем на фронт, потом девчонок собрала, сказала: мол, кто желает, может написать такое же заявление. Через три дня в госпиталь пришли три повестки, одна из них была на имя Марии Корякиной.

Было 3 марта 1943 г., когда ранним утром юный братик-солдатик, как позже девчонки-фронтовички называли Машу Корякину, уезжала из дома на войну. Сначала ее часть была на Северо-Западном фронте, потом – на 1-м Украинском, Закарпатском, 2-м Белорусском, в Польше... Господь спас ее, сохранил и подарил к победному маю встречу с веселым солдатом Виктором Астафьевым.

И Победу будущие супруги Астафьевы встретили в селе Станиславчик, и друг друга. Надо же так судьбе угадать, что именно в это село был направлен с другими нестроевиками

после госпиталя рядовой Виктор Астафьев, бывший фронтовой связист, чтобы заменить на почте девчонок. В Станиславчике, что под боком у Жмеринки, в Винницкой области, Астафьев и познакомился с Марией Корякиной. После демобилизации Виктора Петровича они тут же зарегистрировали брак в местном загсе. Марию из армии тоже отпустили, и поехали они, два победителя, на Урал, в Чусовой.

Через всю жизнь Мария Семеновна пронесла любовь к книге. Во время войны она была передвижницей Чусовской библиотеки им. А. С. Пушкина. Десятки посылок было послано ею. И именно книги стали поводом для знакомства Марии и Виктора. Вот как описывает Мария Семеновна свою первую встречу с Виктором Петровичем в книге «Знаки жизни»:

«...Однажды привез мешки с письмами веселый солдатик, однако на груди его хорошо смотрелась медаль «За отвагу» – очень редкая в ту пору награда, и орден Красной Звезды! Да еще гвардейский значок с отбитой в нижнем углу эмалью. Боевой солдатик – сразу видно! Сказал: «Здорово ночевали! – рассмеялся широко, белозубо, веснушки по лицу разбежались. – Теперь я ваш покорный слуга, не в полном, конечно, смысле, просто буду увозить-привозить. А вы меня ждите... с нетерпением!» – весело пошутил, изобразил что-то наподобие «честь имею» – и удалился. Потом была другая встреча... Когда он опять привез мешки с письмами, нашел меня взглядом, кивнул, чтоб подошла, спросил, серьезно ли я говорю насчет полученных книг и, если так, то вечером зашел бы посмотреть. И мы с Виктором, Витей, стали встречаться чаще, и теперь уж не всегда поводом были только книги...»

В одном из писем, присланных Марией Семеновной в нашу библиотеку, был вложен листок со стихотворением:

М. Зимина

Исчезли мелкие подробности,
Ушла обыденность поспешно.
И ты, до неправдоподобности,
До ненормальности безгрешный.
Мы перед временем бессильны:
Что было близким, стало дальним.
Но чем ты дальше, тем красивее,
Чем недоступней, тем желаннее.
Твоим величием подавлена

И удивляюсь то и дело:
Да как же я в ту пору давнюю
Такого полюбить посмела!

Жизнестойкости этой замечательной пары можно только позавидовать. И ведь что удивительно: характеры у обоих – не жидкий киселек, однако же, сумели выстоять в главном – в семейной жизни. Вместе они прожили 56 с половиной лет.

Даже если бы она оставалась просто женой человека талантливого, растущего и сделавшегося со временем маститым писателем и только его помощницей – машинисткой, правщицей, первым читателем и критиком произведений, – то и тогда бы ее роль мы назвали значительной и ценной. Но она сама ощущала потребность поделиться с людьми собственными жизненными наблюдениями, высказать наболевшее и выстраданное. И оказалось, что имеет к литературному труду призвание и способность. Автор шестнадцати книг! Среди них: «Отец», «Знаки жизни», «Земная память и печаль», «Надежда горькая, как дым», «Шум дальних поездов», «Нужны трехцветные кошки», «Сколько лет, сколько зим». Книги писательницы – это воспоминания о горестях и радостях жизни и светлых минутах, выпавших на ее долю, на долю ее родных и близких.

В 1969 г. М. С. Астафьева-Корякина подарила нашей библиотеке свою первую книгу «Отец» (она была издана в Перми в 1968 г.) с автографом: «Большому, верному и милому другу – Чусовской библиотеке им. А. С. Пушкина от преданного читателя и автора в знак вечной памяти о военных днях».

Затем были новые книги, письма. Вот одно из таких писем:

«Дорогие земляки! Спасибо за то, что не забываете, спасибо за приглашение и хорошие слова...

Посылаю в фонд библиотеки свои воспоминания о поездке на свою милую Родину и уж тысячу раз себе сказала «спасибо» за то, что решилась, что собралась и съездила – дорогая это память уже на всю мне жизнь...

Помогаю Виктору Петровичу в подготовке 15-томного собрания сочинений – работа большая, напряженная и кропотливая. У меня тоже вышло еще несколько книг и как только выйдет моя, думаю, уж последняя, 15-я книга – родословная – «Земная память и печаль», – вот тогда три-четыре и постараюсь вам послать для библиотеки.

А пока – всем вам всего доброго и еще раз с юбилеем! От Виктора Петровича поклон, привет и наилучшие пожелания.

Преданно ваши – Астафьевы» (февраль 1997 г.).

А в июне 1998 г. она пишет в библиотеку:

«Милые мои земляки! Неутомимые труженики! Хранители моего второго дома – библиотеки, где я так уютно, часто с теплой радостью в душе, провела иногда минуты – сдавая прочитанные книги и отобрав те, которые хотелось почитать и тем скрасить и высветлить свое трудное и бедное, но все равно золотое детство!

Высылаю вам последние вышедшие тома собраний сочинений Виктора Петровича – десятый и одиннадцатый, остальные в работе...

Будьте все здоровы, добры друг к другу и многих-многих вам посетителей – читателей в ваш приветный дом.

С уважением и давней симпатией к Вам. Ваша Мар. Сем.»

В 2000 г. она посылает книгу «Сколько лет, сколько зим» с автографом: «Родной биб-ке им. А. С. Пушкина г. Чусового, в котором родилась, выросла, пережила муки и радость и была ее постоянным посетителем. С благодарностью – М. А. Астафьева».

В предисловии к книге «Сколько лет, сколько зим» Валентин Яковлевич Курбатов писал: «...Ее собственная память искала защиты, и тогда стали появляться документальные, мемуарные книги Марии Семеновны, в которых читатель Астафьева узнавал те же факты и порою одних героев в неожиданно новом для себя, иногда уточняющем, иногда противоположном толковании <...> Это была жизнь не просто двух русских людей в тяжкой бедности послевоенных лет, завязывающаяся так тяжело, что потом не выровняешь и достатком. Это была жизнь русских художников, которые знали значение каждого слова и лучше других знали грозную силу и требовательность этого слова...».

В одном из посланий к нам в библиотеку Мария Семеновна послала вот это стихотворение:

Эх, года не беда

Стихи Виктора Астафьева
Музыка Николая Голосова

Эх, года не беда. Голова поседела...
Грусть нахлынет, и память опять заболит.

Но по небу вновь тянут
птицы клином на север,
И опять все вокруг воскресает, теплом веселит.

Эх, года не беда. Сколько бед, сколько горя
И невзгод пережито, и сколько потерь.
Но ты все еще рядом,
наша жизнь – это море,
Наша боль и любовь – глубже неба, ты этому верь.

И твоя голова уж давно побелела,
И улыбка поблекла в любимых глазах.
Но, как прежде, и слово,
да и радость, и дело,
И совет да любовь держит нас, держит нас на ногах.

Эх, года не беда. Мы не станем моложе,
И когда-то судьбы обрывается нить.
Но беду и все хвори
вместе мы переможем...
Нам года не беда, нам бы только сей день пережить.

С. В. Шепелева

Павленковская библиотека и ее читатель: опыт ретроспективного краеведческого анализа

В ряду библиотек начала XX в. павленковские библиотеки занимают особое место. Они продолжили историю русского меценатства, способствовали продвижению в народную среду серьезной, качественной литературы, подтвердили активную заинтересованность земских управ в приобщении населения к знаниям.

В Пермской губернии павленковские библиотеки получили широкое распространение. Более того, данный процесс развивался стремительными темпами: 100 тыс. руб. на устройство в России бесплатных народных библиотек Ф. Ф. Павленков завещал в 1900 г., однако уже в 1901 г. одна павленковская библиотека функционировала в Кунгурском уезде, одна – в Шадринском; на 1902 г. земские управы Пермской губернии наметили организацию целого ряда новых библиотек: по три в Екатеринбургском, Верхотурском, Чердынском уездах,

пять – в Пермском уезде и т. д. [1] Согласно официальным данным, в 1914 г. в губернии действовало 150 павленковских библиотек.

Определенные представления о павленковских библиотеках дают архивные материалы. Так, в фондах ГАПО содержится устав библиотеки-читальни с. Хмелевское Нижне-Муллинской волости Пермского уезда Пермской губернии. В соответствии с ним, Хмелевская библиотека-читальня была учреждена в марте 1903 г. на совместные средства Пермского уездного земства и книгоиздателя Ф. Ф. Павленкова. Ее цель состояла в предоставлении местным и окрестным жителям в бесплатное пользование книг для чтения. Помимо книг, фонд включал периодические издания; и те, и другие подбирались в соответствии с «Правилами о бесплатных народных библиотеках-читальнях и порядке надзора над ними» (1890). Читателям предоставлялось право пользоваться литературой в помещении библиотеки, а также брать ее на дом. Организаторы библиотеки были заинтересованы в том, чтобы обеспечить качественное обслуживание. В связи с этим посетители имели возможность вносить предложения о приобретении библиотекой новых изданий, замечания по ее работе, которые регистрировались в специальном журнале. Библиотека находилась под постоянным контролем со стороны управы. Так, управа назначала и увольняла библиотекаря, в обязанности которого, помимо текущей работы, входило ведение инвентарной книги и систематического каталога, а также составление отчетов. Управление делами библиотеки поручалось общественному заведующему. Управа должна была также производить проверку отчетов библиотеки и ревизовать ее дела.

Несмотря на ограниченные возможности, в данный период народные библиотеки (в том числе павленковские) были наиболее доступным и массовым средством распространения книги.

Библиотеки функционировали в основном в сельской местности, что определяло количественные и качественные характеристики их читательского контингента [2]. Анализ читательского состава фиксирует абсолютное преимущество мужчин по сравнению с женщинами: согласно данным 1901 г., в земских народных библиотеках Пермской губернии читатели-мужчины составляли 87,2% от общего числа пользователей, в

то время как женщины – 12,8%; аналогичные сведения предоставляет сопоставление мальчиков и девочек: 82,3% и 17,7% соответственно. Важно отметить, что с течением времени данная характеристика в целом по губернии оставалась устойчивой.

В структуре читательского контингента в качестве одной из приоритетных групп выделяются дети и подростки – учащиеся начальных школ. Так, в начале XX в. число детей в общем составе читателей народных библиотек достигло 48,8%. Исследователи отмечают зависимость присутствия детей в кругу читателей от уровня социально-экономического развития региона: в промышленных уездах, в отличие от земледельческих, взрослые проявляли более высокую заинтересованность в чтении.

Среди читателей в возрасте от 15 лет и старше преобладали крестьяне. В частности, по сведениям Екатеринбургской уездной земской управы, в составе читательского контингента народных библиотек данная группа достигла 66,3%, в менее развитых в промышленном отношении, аграрных уездах она, как правило, превосходила приведенный показатель. Характеризуя читателей библиотек по их сословному и общественному положению, помимо названных групп, библиотекари выделяли заводских рабочих, торговцев, служащих, духовенство, разночинцев и мещан. В числе посетителей библиотек обычно присутствовали представители сельской интеллигенции (служащие в земстве, медицинские работники, учителя). Необходимо принимать во внимание и тот факт, что реальный круг пользователей библиотек заметно шире официально обозначенных границ, так как в исследуемый период книги не только читались, но и слушались. В качестве посредников в данном процессе выступали чаще всего дети–учащиеся начальных школ, доносившие книгу до членов своих семей, представители интеллигентской среды.

Интересы посетителей библиотек в области чтения отличались большим разнообразием.

Характерен значительный спрос на периодические издания, показатели которого в начале XX в. отражали тенденцию роста. Примечательные сведения в связи с этим приводит К. Лаврентьев относительно народных библиотек Ирбитского уезда: если в 1903 г. выдача периодики составляла 3,7% от общего объема, то к 1906 г. она достигла 25%)[3].

Фонд периодики отличался содержательно-тематическим разнообразием: присутствовали газеты и журналы общественно-политической направленности («Новое время», «Русские ведомости», «Пермские губернские ведомости» и др.), научно-популярные («Вокруг света», «Природа и люди»), издания по вопросам прикладного знания, в том числе сельскохозяйственные («Сельский хозяин», «Пчеловодство»), духовно-нравственные, педагогические, детские и др. Особое место в фонде периодики библиотек занимал журнал «Нива», что объяснялось преимуществами данного издания – такими, как универсальность содержания, направленность на различные возрастные группы, иллюстрированность, возможность пополнения фонда произведениями русских классиков, издаваемых в виде бесплатных приложений к журналу.

В структуре выдачи книг приоритетные позиции занимала беллетристика, весьма разнообразная, с точки зрения ее литературно-художественной ценности, нравственно-эстетического воздействия. На библиотечных полках произведения классиков сосуществовали со сказками, бульварным чтивом, сочинениями писателей «сомнительного» достоинства.

Сочинения истинной литературы активно привлекали внимание сельчан: в качестве своих любимых авторов читатели называли А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого; пользовались спросом сочинения Н. В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Тарас Бульба»), В. Г. Короленко, А. П. Чехова, И. С. Тургенева, уральских писателей (прежде всего, Д. Н. Мамина-Сибиряка) и др. Положительно воспринимались исторические романы и повести: «Ледяной дом» И. И. Лажечникова, «Князь Серебряный» А. К. Толстого. Историческая проблематика вообще очень интересовала читателя, которого волновали важнейшие события отечественной истории. Вместе с тем, недостаточная обеспеченность библиотек качественной литературой, а также определенные привычки читателей способствовали сохранению интереса к дешевым лубочным изданиям, хотя в начале XX в. в пермской деревне уже сформировалось понимание невысокой ценности подобной литературы: «Читаешь эти книжки так, зря, от нечего делать, время проводишь. Нет другой какой, давай «Яшку-солдата» или «Пошехонцев», всё лучше, чем в кабак идти» [4].

В круг чтения населения входила также духовно-нрав-

ственная литература, что являлось, с одной стороны, традицией, с другой – подтверждало наличие определенных социальных потребностей.

Активизация научно-исследовательской и изобретательской деятельности в России конца XIX – начала XX в. привела к заметному оживлению популяризаторской практики. Библиотеки, наряду с народными чтениями, опытными лабораториями и фермами, стали одним из средств продвижения в народную среду знаний по основам естественных наук, техники, медицины и ветеринарии, сельского хозяйства.

Как уже отмечалось, в составе взрослых пользователей народных библиотек преобладало крестьянство, представлявшее собой наиболее подвижную группу, читательские характеристики которой в данный период претерпели заметные изменения.

Потребность крестьян в книге приобрела достаточно стабильный характер. Весьма верно данную тенденцию отражают материалы земств: «Из глухих деревень и из больших сел, ...из всех уездов нам писали почти в одних и тех же словах горячую мольбу: «Дайте нам книг, дайте народных библиотек...», «Книгу ждут в деревне, как дорогую гостью» [5]. Заметим, однако, что отношение к книге изменилось. Если в первой половине 90-х гг. XIX в. в восприятии крестьянством книги доминировала ее гедонистическая функция, то со временем особую значимость для читателя-крестьянина приобрело такое качество книги, как информативность. Крестьянин приобрел способность соотносить содержание книги со своими потребностями, жизненным опытом, делать выводы о степени пригодности для него того или иного материала. Появилось стремление вникнуть в суть вопроса; читатель просит дать ему «такую книгу, чтобы самый корень уразуметь». Крестьянина волновал не просто факт сам по себе, он пытался постичь суть происходящих событий, причины, вызывающие их к жизни. В связи с этим круг занимавших его проблем значительно расширился: стойким стал интерес к информации о деятельности Государственной Думы, общественной жизни страны, ее международному положению, взаимоотношениях с другими государствами.

Для крестьян характерно доверительное отношение к читаемым произведениям, что отчетливо просматривается на

примере художественной литературы. В большинстве случаев описываемые в книгах события они воспринимали как имевшие место в действительности, верили в реальное существование выведенных в них героев. Вместе с тем, крестьянин считал себя вправе подвергнуть сомнению авторскую позицию, если по данному вопросу имел собственное аргументированное мнение.

Один из примеров подобного подхода описан Ф. С. Симоновым в статье «Что читают наши крестьяне»: читатель рассказа Л. Н. Толстого «Свечка» не согласен с автором в том, что приказчик, персонаж произведения, мог послать крестьянина землю пахать на следующий день после Пасхи – он «может запороть до смерти, мужика в солдаты отдать, в Сибирь сослать, но не отправлять пахать после Пасхи». Позиция главного героя рассказа, который смирился и стал пахать со свечкой, также кажется читателю неправдоподобной: он «или должен был с горя плакать, или ругаться на чем свет стоит, смотря по тому, какой у него нрав, а уж никак не петь божественные стихи. Это сочинитель... так зря все выдумал и написал».

Ввиду невысокого образовательного уровня крестьяне не всегда могли разобраться в сути читаемых произведений, что вызывало необходимость в руководстве их чтением со стороны местной интеллигенции – учителей, библиотекарей, деятелей земских учреждений. Сельская интеллигенция также входила в состав читателей павленковских библиотек. Необходимость в литературе в данном случае обусловливалась прежде всего профессиональными потребностями пользователей. Возможности приобретения литературы у сельской интеллигенции, по сравнению с городской, были затруднены ввиду территориальной удаленности, хозяйственной занятости и т. п. Народная библиотека стала для нее основным, наиболее доступным источником получения материала для чтения. В тематическом отношении информационные потребности данной группы составляли широкий диапазон: читатели проявляли интерес к экономической и естественнонаучной проблематике, педагогике и др. Неотъемлемым компонентом круга чтения сельской интеллигенции являлась художественная литература.

Читательские интересы отдельных представителей интел-

лигенции отличались большим разнообразием. Определяющее влияние на формирование круга чтения каждого из них оказывало множество факторов, социальных и личностных. Решающим среди них, с нашей точки зрения, являлся уровень образованности, духовного развития личности. В качестве примера рассмотрим учительство, которое как особая социальная группа было весьма неоднородно и по уровню профессиональной подготовки, и по степени интеллектуального развития, и, соответственно, по отношению к книге.

Учителя, тяготеющие к чтению, относились к книгам, как к «верным и милым друзьям». Для них было характерно критическое восприятие прочитанного, стремление всесторонне разобраться в сути изучаемого предмета, систематическое, последовательное чтение. Показательно высказывание одного из них: «Надо, чтобы каждая книга давала положительную ценность, плюс к прежнему богатству. Достигается это заранее намеченной программой чтения.., от одинакового числа прочитанных книг можно развиться, продвинуться в своем самообразовании, а можно только раздражить нервы и засорить воображение» [6].

Однако немало было и таких, для которых наиболее распространенным мотивом обращения к книге являлось желание развлечься. Так, заведующая библиотекой Пермского уездного земства на основании проведенного ею в 1910 г. анкетирования учительского персонала, а также анализа библиотечной статистики была вынуждена констатировать духовную нищету и ограниченность значительной части своих читателей, круг чтения которых зачастую не выходил за пределы беллетристики. Вот, к примеру, заявление одной из читательниц: «Если в библиотеке имеются сочинения госпожи Вербицкой, посылайте их мне все, а если нет, то больше мне не нужно никаких книг...» [7].

Таким образом, в павленковских библиотеках присутствовал весьма разнородный читательский контингент, однако большинство его представителей объединяла потребность в книге, понимание полезности заключенной в ней информации.

---

[1] Бесплатные народные библиотеки в Пермской губернии: По данным исследования 1901 года // Сб. Пермского земства. – Пермь, 1903. № 2. Отд. 111.

[3] Ниже приводится статистика по книге «Бесплатные народные библиотеки...».

[4] *Лаврентьев К.* Что читает деревня: Письмо из Ирбитского уезда // Пермская земская неделя. 1908. № 2.

[5] *Симонов Ф.* Что читают наши крестьяне // Там же. – 1913. № 29–31.

[6] *Бобылев Д. М.* Книга в деревне // Там же. – 1908. № 27.

[7] Друзья учителя / Старый учитель // Там же. – 1910. № 44. С. 6.

[8] Учащиеся и книга // Там же. № 31. С. 6–8.

В. А. Дроздова

История крестьянской семьи Малышевых

Испокон веков Россия была крестьянской. Крестьянин был и работником, и кормильцем, и защитником родной земли. Сколько войн пережила Русь, Россия, а главными ее воинами всегда были крестьяне. Наверно, во многих семьях хранятся документы, фотографии, реликвии, рассказывающие о непростых судьбах предков из простых крестьян.

Мне хочется рассказать о семье Малышевых. Моя мама, Малышева Евдокия Аркадьевна, родилась в деревне Осипово Николо-Шангской волости Костромской губернии в феврале 1917 г. и была последним ребенком в большой крестьянской семье. Мать родила ее в 47 лет и называла ненадобьем, так как боялась не успеть вырастить поскребышка. В тот год женился один из старших маминых братьев, Федор, поэтому ее племянники были чуть моложе ее, а мне годились по возрасту в родители, да и их дети были старше меня. Возможно, поэтому я не очень хорошо знаю судьбы двоюродных братьев и сестер. Не все дети, родившиеся у бабушки, Евдокии Егоровны, выжили. Мама оказалась единственной девочкой, и выводились с ней старшие братья – Петя и Саша.

Старшим из братьев был Иван Аркадьевич, 1891 года рождения. Когда началась Первая мировая война, его призвали в армию – как он говорил, «прожил два года в окопах на германском фронте». В 1916 г. был тяжело ранен в живот, его оперировали в лазарете, затем отправили в госпиталь в Москву. Бабушка плакала по ночам о Ване и особенно старательно ухаживала за молодой яблонькой, которую он посадил весной

1914 г. Она загадала, что если яблонька не погибнет, то и сын выживет. Оба неграмотные, дед с бабушкой решились на поездку в Москву и навестили в госпитале сына. Дядя Ваня выжил, но всю жизнь носил на животе бандаж и не мог выполнять тяжелую работу. А в крестьянском хозяйстве без тяжелого труда никуда! Когда он вернулся в деревню, там решили, что Ваня не жилец, и его невесту выдали замуж за другого (в этом она всю жизнь винила своих родителей, так как муж оказался пьяницей и лентяем, и завидовала семье дяди Вани). А дядя Ваня выучился на счетовода, женился на вдове с маленькой дочкой, вырастил и ее, и троих своих детей. Когда дети стали подрастать, семья переехала на станцию Шарья, чтобы дети могли учиться в школе; дядя Ваня устроился бухгалтером в железнодорожную больницу, где проработал до пенсии, поставил свой дом, разбил возле него сад. Он прожил 72 года. У его могилы дочери посадили любимую им яблоню.

Всю Великую Отечественную войну, с июля 1941-го и до мая 1945 г., прошел Александр Аркадьевич, 1905 года рождения. Он был пехотинцем, не раз был ранен и контужен, но снова возвращался в строй. Сначала отступал, затем наступал, закончил войну в Европе, то ли в Венгрии, то ли в Румынии. Он не любил вспоминать и рассказывать о войне, помню только, что удивлялся, как зимой спали почти на голой земле, прикрыв ее лапником, а не болели, даже простуды почти не было. Вспоминал бытовые мелочи, а о боях почти не рассказывал, хотя только разноцветных нашивок за ранения у него на кителе было много рядов, вся грудь – в медалях и орденах. А дома у него оставались жена Наталья Николаевна и две дочери-подростка, они всю войну работали в колхозе. Зоя стала инвалидом, повредив ногу, а Мария после войны окончила институт, выучилась на врача. Отправляя Зою учиться в Иваново, ей сшили пальто из отцовской фронтовой шинели. Дядя Шура очень любил китель и галифе, в которых вернулся домой после войны, и наряжался в них только по праздникам, поэтому носил очень долго. Праздников в нелегкой жизни было, видимо, не так уж много. Я любила его в этом кителе, так как в одном из карманов для меня, ребенка, всегда находилась конфета.

В июле 1941 г. ушел на фронт и любимый мамин брат Петя, Петр Аркадьевич Малышев. Дома у него остался маленький сын, которому было чуть больше года. Владимиру Петровичу сейчас 65 лет, отца он видел только на фотогра-

фии, т. к. тот пропал без вести осенью 1941 г. где-то под Ленинградом. Только те, кто пережил войну, знают, какой бедой было это сообщение: пропал без вести. Это сейчас мы знаем, что останки тысяч погибших лежат не захороненными до сих пор на местах боев, особенно много их в лесах и болотах Новгородской области. А в годы войны формулировка «пропал без вести» была почти клеймом для семьи. Какие чувства испытывал он, будучи мальчишкой, Володя говорить не хочет до сих пор.

Когда началась коллективизация, еще один брат мамы, Федор Аркадьевич, 1896 года рождения, перебрался с семьей на станцию Шарья, устроился на железную дорогу, окончил железнодорожный техникум. На фронт его не брали: может, возраст был уже не тот; может, была бронь, т. к. он работал диспетчером, а железная дорога была на военном положении. Зато пришлось воевать его старшему сыну, Александру Федоровичу Малышеву. Он окончил 10 классов в 1940 г., мечтал стать журналистом, но вызвали в райвоенкомат и предложили пойти учиться в военное училище, ведь армии нужны были командиры. Он выбрал Московское военно-инженерное училище. Проучился всего год, в июле 1941-го состоялся досрочный выпуск, ему присвоили звание лейтенанта инженерных войск и отправили на Южный фронт в распоряжение Харьковского военного округа. Настоящая фронтовая жизнь началась для него с октября 1941 г.: рыли окопы, строили оборонительные укрепления, наводили переправы через речки и реки, часто работали под артобстрелом и бомбежками. Приходилось и гранаты кидать, и в рукопашной отбиваться от немцев. Не раз был ранен и контужен, но снова возвращался в строй. А вот летом 1942 г. при наведении переправы через Дон он получил тяжелое ранение, в результате которого полностью потерял зрение. В 19 лет он стал инвалидом! Но не сломался, не покорился судьбе. Еще в свердловском госпитале научился читать по системе Брайля. Вернувшись домой, учился ходить один по улицам города, палочкой ощупывая дорогу. Летом 1943 г. приехал в Пермь, узнав о курсах для фронтовиков, потерявших зрение. Окончив курсы, поступил на исторический факультет педагогического института. Мало кто задумывался о том, каких трудов стоила ему учеба, ведь он все должен был воспринимать на слух; о том, как трудно было решать ему элементарные бытовые вопросы. В 1947 г. он по-

лучил диплом с отличием и предложение остаться работать на кафедре истории партии.

В Перми должны быть люди, которые знали и помнят Александра Федоровича Малышева. Он много лет преподавал историю в пединституте, защитил диссертацию, собрал материал и оформил альбом о работе курсов для военнослепших, тесно работал с обществом слепых. Каких трудов ему это стоило, можно только догадываться, ведь все ему приходилось держать в памяти: материалы лекций, факты и даты, данные о студентах, расписание занятий и пр. Он никогда не видел улиц Перми, по которым ходил; дома, в котором жил; пединститута, в котором учился и работал. Он не видел ни жены, ни дочери, ни внука... Он не видел никого из нас, родившихся после войны. Узнавал нас по голосам и всегда просил рассказывать о том, что видим мы, как выглядит что-то, его интересующее. К сожалению, его уже нет в живых, но в Перми живут его дочь и внук. Когда он был маленьким, то очень любил младшего брата своего отца, дядю Петю, готов был идти за ним везде и всюду, лишь бы тот взял его с собой на рыбалку или на охоту. Когда Петин сын поступил в институт, Александр Федорович старался помочь ему и советом, и материально.

Одна семья, две войны, четверо воевавших. Один пропал без вести, двое стали инвалидами. А еще сын, выросший без отца; а еще слезы матерей, поседевших от переживаний. Сколько горя принесли войны только в одну крестьянскую семью Малышевых! А сколько было таких семей по России! Уже никого из участников Великой Отечественной войны среди моих родственников нет в живых. Вечная им память. 1 сентября 2004 г., прожив 87 лет, ушла из жизни моя мама, Рыжова (в девичестве Малышева) Евдокия Аркадьевна. Эту работу я посвящаю ее памяти.

Е. Л. Рождественская

Поворотный момент в творческой судьбе писателя В. П. Астафьева

Писатель с мировым именем, лауреат престижных литературных премий, Виктор Петрович Астафьев начинал свою творческую деятельность у нас в Пермском крае. Почти чет-

верть века прожил писатель на Урале и, по собственному выражению, прикипел к этой усталой и присмирелой земле.

Писательская судьба может сложиться по-разному и зависит она от многих обстоятельств.

Однажды, рассказывает Виктор Петрович в своем последнем 15-томном собрании сочинений (Красноярск, 1998), в город Чусовой ему пришла телеграмма за подписью секретаря Молотовского отделения Союза писателей Клавдии Васильевны Рождественской с просьбой приехать в областной центр со своими рассказами и набросками. Вспоминая тот памятный день (а он пришелся на 5 марта 1953 г. – день смерти Сталина), писатель рассказывает, что они долго сидели с Клавдией Васильевной над первым рассказом, даже концовку изменили. Позже Виктор Петрович все же вернулся к прежней редакции, умертвив героя, как это было в жизни.

«Единственный из первых рассказов, который я переиздаю, это рассказ «Гражданский человек» (в позднейшей редакции – «Сибиряк»), – не ошиблась Клавдия Васильевна! А вообще-то она перечитала все первые рукописи, которые я теперь никому не показываю. Прочитала и сказала: «Вы человек способный, но вам надо многое понять...» То, что я тогда еще и не мог понять», – добавляет писатель.

Приведя рассказ в «божий вид», Рождественская заслала его в альманах «Прикамье», издания которого добилась для пермских писателей. А затем, вспоминает Астафьев, «поговорив со мной, поглядев другие рассказы в рукописях и набросках, свела меня чуть ли не за руки в издательство, где быстро выбила для меня договор под марку «самобытный» и гонорар за рассказ. Огромные деньги! Чуть ли не две тысячи! Я, получающий в «Чусовском рабочем» как литработник шестьсот рублей! – отхватил этакую суммищу «ни за что» и договор типографским способом отпечатанный».

В адресованном мне письме от 25 января 1999 г. Виктор Петрович поясняет: «Но и та редактура и сам редактор в отношении ко мне и моему первому, рахитистому дитю – для меня было великим благом – это я и перед Богом готов повторить, благодарно принимающему совет, помощь и поддержку – они всегда были бесценны, и особенно необходимы в ту пору».

Телеграмма, посланная молодому литератору из областного центра в небольшой захолустный городок Чусовой, а затем и встреча с К. В. Рождественской стали *поворотным моментом*

в творческой судьбе писателя, своего рода *знаком судьбы*.

Мне посчастливилось поговорить с В. П. Астафьевым в его последний приезд в августе 1997 г. Первое, что я сделала, это поблагодарила Виктора Петровича за то, что на протяжении всей своей жизни он вспоминает Клавдию Васильевну, называя ее «благодетельницей и наставницей» в своих многочисленных публикациях и выступлениях по Центральному телевидению и радио. В ответ на мои слова Астафьев сказал: «А вы знаете, я о вашей маме написал целую главу в своем собрании сочинений, выпущенном в Красноярске». Я не знала.

Моя мама, Клавдия Васильевна Рождественская, была руководителем Пермской писательской организации в 1950-е гг. «Она была первым рабочим секретарем Союза писателей. Она не тратила времени даром и сразу взялась за рукописи, а то ходили по издательствам авторы, им вручали рецензии, а что делать дальше – никто не знал», – говорил о ней писатель Лев Давыдычев. «Ни один пермский автор ее рук не миновал», – дополняет Виктор Петрович.

К. В. Рождественская способствовала изданию первой книги В. П. Астафьева, которая вышла с свет в 1953 г., уже более полувека назад, в Пермском книжном издательстве, тиражом 15 тыс. экземпляров. Называлась она так: «До будущей весны». Отмечая важность этого события в своей жизни, Астафьев писал: «Выход первой книги – для меня, загнанного жизнью и нуждой в самый что ни на есть темный угол, был не просто праздником. Это было важнейшее творческое событие в моей жизни и жизни семьи тоже».

Астафьев обладал редкостным даром – помнить добро и благодеяние – и пронес его через всю свою жизнь. Даже в своей автобиографии «Расскажу о себе сам», написанной незадолго до смерти, он возвращается мыслями к Пермской писательской организации и ее руководителю К. В. Рождественской.

Ю. М. Балков

Хлеб-батюшка, кормилец

В детские годы мне многое пришлось повидать, услышать, да и на собственной шкуре испытать деревенскую страду. Сельские ребятишки начинают работать с младенческих лет.

Правда, село наше Бым до 1891 г. было заводом по выплавке меди, хлебопашество не было главным занятием заводского крестьянина. Предвидя скорое угасание заводов, крестьяне вынуждены были захватывать земли и заниматься сельским хозяйством. Деды рассказывали, что все свободные и несвободные земли были поделены по жребию – все клочки, курени, неудобицы, крутые склоны. Горные земли, засоренные природным камнем, требовали колоссального труда. Бывшие заводские работники с восхода и до захода солнца трудились на своих наделах, облагораживали землю – глинистую, каменистую, тощую. Бабушки рассказывали, как носили обеды в поля – хлеб, молоко с творогом в туесах. Суп варили на костре, кипятили чай, заваривали листья смородины, земляники.

Началось расслоение народа. Одни вставали вместе с солнцем – «коси, коса, пока роса» и работали до седьмого пота – «летний день год кормит». Из них получались состоятельные люди, объекты для будущего раскулачивания. Других называли «поздняя паужна». Первые, наработавшись, уже садились вторично завтракать, а последние только шли на работу. Хлеба у таких работников хватало до середины весны, а потом ели суррогаты с липовой корой, мякиной и пр. Бедняки. По сути дела, в основном, лодыри. Из них в большинстве случаев вышли колхозные активисты и партийцы, инициаторы раскулачивания. И, наконец, небольшая группа – горькие пьяницы. Потом пьянство начало расцветать, очень уж много стрессов обрушилось на крестьян после революции.

Хлебопашество в Быму было невыгодным делом. На плохих почвах хлеб плохо родится или дает небольшой примолот. В 1891 г. в связи с ограничением крестьянских наделов пришлось вести иной способ хозяйствования и больше налегать на удобрение полей.

Из воспоминаний моей тетки Ф. И. Мельниковой (1908–1989): «Делили пашенные земли на три доли и удобряли навозом поочередно. Вначале первый участок обильно унавоживали осенью и зимой по первопутку – зимний воз на дровнях на одну квадратную сажень. На следующий год удобряли так же второй участок, затем третий, а первый участок пускали на отдых под пар. Потом снова чередовали. Хлеб родился – во! Колос пшеничный или ржаной в четверть длиной (около 18 см), а в толщину – едва пальцами обхватишь. Хлеба намолачивали

на огромную семью – 15 ртов. А караваи были пышные, ароматные; белый хлеб – только по праздникам. И это было при ручном труде, только с лошадкой...»

Старики рассказывали: крестьянское население пошло за коммунистами. Уж очень подкупали их лозунги и посулы. Будущее казалось безоблачным. А потом Гражданская война. Считали, что Колчак был умным и храбрым адмиралом, смог бы перейти Вятку и взять Москву. Но озлобил народ карательными мерами. Слухи о расправах неслись из волости в волость, из уезда в уезд. Отнимали хлеб, лошадей, забирали молодежь, ввели транспортные повинности, судили трибуналом гражданских лиц, секли розгами за малые провинности, в том числе женщин.

Моя мать В. И. Балкова (1905–1980) рассказывала: «Даже на выселках было неспокойно. Мы проживали на Зеленовке в 7 верстах от с. Бым... далеко в лесу жили. Белые придут – хлеб отнимают, придут красные – тоже хлеб присваивают. Вот наш отец и придумал: расчистили перед домом поляну, собрали все зерно в мешки, сложили в половики, пологом закрыли, снегом закидали, водой полили, огромную катушку сделали. Катались всю зиму на санках да на ледянках. Из соседних выселок ребята собирались. Так и спасли хлебушко. Весной посеяли и не голодали. А многие ели суррогатный хлеб, не сумев спасти зерно».

Старожилы рассказывали о раскулачивании. Иных раскулачивали по навету. Мой дед Н. С. Балков (1873–1950) вспоминал: «Вот жил в соседях страстный любитель лошадей Иван Лукьянович Базанов. Имел пять лошадей и выездного жеребца. Холил он своих лошадок, стойл настроил. Давал он лошадей напрокат за небольшую плату своим односельчанам. Какому-то наветчику понравились его лошади, капнул он в уезд. Все соседи ахнули – за что раскулачивают? Не дом, а домишко, детей полная изба, нужда. Иван Лукьянович собрал кое-какие пожитки, привязал к телеге своих лошадей, посадил семью и уехал глубокой ночью – как в воду канул».

Еще пример. Понравились наветчику Вавилову постройки на хуторе А. Н. Масляева. Он сообщил в уезд, что тот нанимает батраков. А через два года после раскулачивания Масляева подал заявление и получил разрешение сельского Совета о продаже ему указанных построек за 200 рублей.

Главной бедой для сельских жителей стала коллективизация. Вот что рассказывал старожил с. Комарово Осинского района Д. Р. Пьянков (1890–1970): «По сути – землю у крестьян отбирали, словно разбойники среди бела дня. Можно было обойтись и без этой жуткой акции, ведь крестьяне и без этого шага пришли к стихийной коллективизации, уже были зачатки коллективного труда. Вот я был выбран председателем ТОЗ (товарищество по обработке земли) в своем селе Комарово. Люди уже кооперировались и покупали сельскохозяйственные орудия, особенно конные молотилки... Жаль, забрали у меня землю, отобрали моего старинного друга – коня, стало тоскливо до слез. Продал дом, собрал семью и уехал в город Осу».

Смотрю на Данилу Романовича – высокий, могучий, крепкий старик, при нем были два таких же могучих сына. Деревня теряла толковых, сметливых, здоровяков. Началась миграция в большие и малые города, особенно в Пермь. Если изучить структуру населения Перми, наверно, добрая половина – это вынужденные переселенцы, крестьяне. Глядишь на иного горожанина, а он совсем не рад городской жизни; ему бы в деревню, на свою родину, в лес, на природу. Многие страдают.

Просматриваю архивные материалы Бымовского сельсовета в Кунгурском районном архиве за 1923–1991 гг. Наложены поставки (налоги) на все четыре колхоза и на всех колхозников: мясо, молоко, яйца, шерсть, сено, картофель. Крестьяне потаенно негодовали, последними словами ругали Сталина и его окружение, а старожил А. С. Шатров открыто говорил: с нас ныне две шкуры дерут – с колхозов, да еще с колхозников.

Налагались взыскания с неплательщиков. Например, такие: в 1935 г. за невыполнение мясозаготовок следовало у Дядюшкина изъять в бесспорном порядке овцу, у Белых – корову, у Дружинина – корову и козу, у Тощева и Орлова – коров и т. д.; у Охахлина за неуплату платежей 1934–1935 гг. поломать все надворные постройки и продать в счет покрытия задолженности; у Лебедевой за недоплату обязательных платежей изъять корову в бесспорном порядке; у Фурина за неуплату культсбора (новый налог) 50 руб. и невыполнение мясопоставок 55 кг изъять дом и мешок картошки; у Лебедева за неуплату культсбора 40 руб. и невыполнение мясопоставок (14 кг) изъять швейную машину (50 руб.), дубовые стулья по

4 руб. (64 руб.); у Мельниковой за неуплату культсбора 55 руб. изъять избу в оценке 40 руб. и 2 пуда картошки; у Харитонова за неуплату культсбора 220 руб. изъять зеркало (10 руб.), 2 морды (35 руб.), рожь 4 пуда (25 руб.), муку 25 кг (25 руб.), подушки 3 шт. (15 руб.), капусту 3 кадки (30 руб.), вино 1 л (12 руб.) – всего 222 рубля. На расширенном заседании сельского Совета от 9 апреля 1935 г. решено: на основе закона об обязательных поставках к злобствующим неплательщикам применить штрафы: Батемирову – 18 руб., Старцеву – 42 руб., и т. д. А вот решение от 16 декабря 1936 г. о наложении взысканий за недопоставку мяса (14 человек), картофеля (15 человек), шерсти (8 человек), молока и масла (13 человек). К судебной ответственности привлечь Суровцеву, Седова, за невыполнение сенопоставок (75 кг) – Охахлина и т. д. Оштрафованы колхозы: «Звезда» – 1400 руб., «Труд» – 700 руб., «Знамя труда» – 700 руб., «Коммунар» – 247 руб.

Иногда дело доходило до полной нелепицы: для того, чтобы оплатить поставки молока и масла, колхозники ехали в город, покупали в магазине масло и дома сдавали на молокозавод. В колхозах падали урожаи, на трудодень выдавали всё меньше хлеба. В войну начисляли только по 100 г муки. Жили впроголодь. О колхозах ходило много анекдотов. Бывало, например, идет по деревне незнакомый человек, подходит к группе детей и говорит: «Милые детки, в этой пятилетке протянете ножки с колхозной картошки...»

Жестоко подкосила село государственная политика. Очень хочется, чтобы деревня возродилась.

В. Ф. Гладышев

«Не пойду в колхоз!», или «Бегство в Египет»

> – Скажите: для чего человек живет на свете?
> – Для греха, видно. Живем-живем – ни Богу, ни людям. Помрем – куда? В ад? Мы не каемся, как положено-то.
> *(Из беседы с долгожительницей из Ильинского р-на)*

В одном из последних интервью, данном В. П. Астафьевым тележурналистам Российского ТВ, меня поразил рассказ писателя о старообрядцах. Беседа о русском характере, о

том, выживет ли Россия, совсем не случайно, как мне кажется, вышла на судьбы русского крестьянского старообрядчества: «Даже большевики не смогли справиться со старообрядцами. Не могли управиться с какими-то проявлениями характера русского. Уж как они ни преследовали старообрядцев, что они с ними ни делали... Даже после того, как уже в 1942 г. старообрядцы стали отдавать своих рекрутов на войну, – всё равно их преследовали. Когда мы были под Москвой, в это время здесь, по тайге, шарили вооруженные отряды, чтобы истреблять их. Обливали поселения с самолетов керосином, сжигали поля, истребляли леса, расстреливали старообрядцев из пулеметов, с воздуха, из самолетов!.. Дело кончилось тем, что они забились в такие места, где и большевик их взять не мог... Вот совсем недавно геологи обнаружили в Эвенкии, что сохнет кедрач. Целой полосой сохнет. Оказалось, там жили кержаки (это наиболее суровые, стойкие староверы, бежавшие с реки Керженец Нижегородской губернии), которые ушли в войну и после войны от преследований властей. Эти старообрядцы-беглецы нашли кедры, росшие в наклон, вырыли под ними землянки. Ну, потом отстроились постепенно, разработали землю, стали снова жить... Так их недавно только нашли. На самолетах-вертолетах прилетели и объяснили: всё, вас уже не преследуют. Вот на них надежда остается еще, на старообрядцев. Люди это крепкие, и кровь у них хорошая, и дети славные, единственное, глаза узкие, потому что переженились многие на местных девушках, смесь такая пошла...»

Далее писатель с болью говорил о том, почему он не видит для России радужных перспектив: разброд в головах, нищета, пьянство и самоубийства в деревнях... Не лучше ситуация в наших усталых городах, которые строились за счет российских деревень. Города, в которых «жить нельзя – можно только выживать», в том числе Астафьев назвал и уральские города, Березники и Пермь.

Почему меня поразили слова писателя, вроде бы не новые вещи он говорил? Дело в том, что с астафьевскими мыслями удивительным образом перекликались воспоминания, записанные мною примерно в то же время, в конце 1990-х гг., от тети Шуры, старожила одной из деревень Ильинского района. Происхождением она также из беглых старообрядцев, так

называемых красноверов. (Название пошло, по одной из версий, оттого, что образа, которым они молились, их «черные доски», написаны на красном фоне; видел я эти иконы, сохраненные как семейные реликвии, уже в городских квартирах.)

В конце 1920-х, когда прошел по огромной стране «год великого перелома», наступил для семьи тети Шуры и конец привычной жизни. Начавшаяся коллективизация заставила их сняться с насиженного места, покинуть родную деревню.

...Мы сидим с тетей Шурой в ее избушке, у оконца. Беседуем о житье-бытье, вспоминаем. На волну воспоминаний настраивают с детства знакомые запахи деревенского дома, мерное тиканье настенных ходиков и тропинка за окном, убегающая вниз, к запруде, в зеркальной водной глади которой отражаются высокие темные ели, словно древние стражники. Еще одна умирающая, «неперспективная» деревня... Говорит моя собеседница быстро, на вопросы реагирует скоро. И память у тети Шуры, для девяти-то десятков, на удивление цепкая: «...В двадцать восьмом году я ушла из родной семьи замуж в другую деревню. А потом суматоха началась такая... Когда колхозы-то стали создавать, уезжали много, – вспоминает тетя Шура. – Кто куда, не все в город. Так вот, в тридцатом, наверно, летом мы и уехали. Я уже в колхозе робила, зиму-то. Мы артелью ходили, хлеб сортировали да чё-да. Забыла я, какое название колхоза-то».

Сыновья тети Шуры, давно уже ставшие пермскими жителями, вспомнили потом: рядом с их родиной создали колхоз «Хлебороб», а после войны Кокаровщина вошла в территорию колхоза им. Дзержинского. Избу, стоящую через улицу напротив, Марфы Николаевны Кокаровцевой, украшала табличка «Почетный колхозник» или что-то в этом роде. Долго висела, даже когда колхоз уж расформировали...

В деревне началось тогда расслоение. Политика «разделяй и властвуй» давала свои плоды. Муж тети Шуры, Василий, ни в какую не хотел «жить колхозом». А отец тети Шуры в колхозе работал, его даже первым председателем выбрали. Он молодых разубеждал поначалу: «Давай, тезка, станем жить, как велят, значит». А тот: «Не пойду в колхоз! Чтобы подчиняться там кому-то? Не буду!..» Жена была на стороне мужа. Тетя Шура так обосновала отказ от колхозного счастья:

«Привык за себя отвечать – и всё. Кто пашет, тот сеет, говорят. Кто пашет, у того и вожжи...»

То, как они бежали от колхоза, помнила тетя Шура в деталях до последних дней своей жизни. Она рассказывала: «А что взяли? На телегу что можно накласть? Я, как помню, постели положили, ведра положили. Одёжку на себя... А все остальное пропало. Мы бедными-то тоже не были никогда. Но все богатство дома осталось: жеребенок, корова, теленок, овечки... В огороде все было посажено. Но Василий решил раз: «Не пойду в колхоз!» – и всё бросили... Никто ничего не знал про нас. Но нас искали. Они на пристань ездили, на Слудку, а мы-то уехали горами, где же им сыскать нас было...»

В 1930-е гг. в город Пермь из деревень перебирались многие. Целыми семьями уезжали в надежде устроиться на работу, хоть как-то спастись от голода, от бескормицы, от угрозы немилой душе коллективизации. В Скандаловку, куда перебрались беглецы (на окраине Перми, возле лесокомбината «Красный Октябрь») приехало в одно время несколько семей из Бымовского завода, что под Белой горой. Земляки, многие из которых были в родстве друг с другом, стали соседями, построили дома. Вновь стали «жить-поживать» да добро наживать. Как привыкли, как приучены были жить предками. По иронии судьбы, улочка, образованная новоселами-беглецами, получила название «Колхозная». Потом она стала 1-й Колхозной, потому что рядом появилась еще 2-я Колхозная – народ продолжал бежать из «колхозного рая»...

Горький комментарий к историческим событиям в словах моей собеседницы-долгожительницы. За последние десять лет в ее родной деревне случилось уже четыре самоубийства, и все на почве пьянки, безделья и безверия. «Во всех книгах священных написано: если в каком доме удавленник есть – там никакой благодати нет и никакого счастья не может быть. Вот куда мы идем. Слепой поводырь слепцов ведет», – сказала еще тетя Шура.

Александра Васильевна, деревенский наш старожил, потомок староверов, ушла из жизни почти одновременно с В. П. Астафьевым, в начале нового века, чуточку не дотянув до своего столетия. Это и была Россия, которую мы потеряли. Дай бог, не всё растеряли, какие-то росточки еще пробьются...

Ю. К. Николаев

О результатах земского управления в Пермской губернии в области народного образования

Историография деятельности земства в Пермской губернии в начале XX в. позволяет нам взглянуть на работу земских учреждений с разными оценками. О земстве как очень эффективной форме управления, направленной на развитие пермской деревни, улучшение в ней народного образования, библиотечного дела, медицинского обслуживания, в 90-е гг. XX в., в период становления местного самоуправления, писалось достаточно много. Особо подчеркивалось, что деятельность земства якобы подтолкнула деревню к успешному развитию, в том числе в сельскохозяйственном производстве и социальной сфере. Приведя в современной пермской деревне к власти органы местного самоуправления, государство специально проводило параллели с органами земского управления и убеждало, что они были очень эффективными и сыграли большую роль в выведении патриархальной деревни на путь, в первую очередь, развития народного образования и новейших агрохимических достижений. Так ли это?

Для исследования темы «земства» использовались статистико-экономические данные по Пермской губернии, такие как «Сборник Пермского земства», газеты «Пермская земская неделя», «Ежегодники Пермского губернского земства», а также «Списки населенных мест» по уездам. Необходимо отметить, что введение земского управления по России происходило в различные сроки, в Пермской губернии деятельность земских учреждений начинается с 1870 г. Уточним, что из 97 губерний и областей Российской империи земское управление было введено только в 34.

На примере Оханского уезда попытаемся осветить роль уездного земства в развитии народного образования в оханских деревнях. По статистическим данным на 1910 г., в уезде проживало около 310 тыс. человек. Уезд был разделен на 48 волостей, которые входили в состав 9 земских участков. Если попытаться представить в современной оценке территорию уезда, то на его площади располагаются административ-

ные районы Пермской области: Частинский, Большесосновский, Оханский, Очерский, Нытвенский, Верещагинский, Сивинский, Карагайский, г. Краснокамск. В 1910 г. деревень, сел и заводских поселков в уезде насчитывалось 3046. Школ было 129. Таким образом, на 24 населенных пункта в среднем приходилась одна школа.

В действительности картина была еще более удручающей. Возьмем, к примеру, волость, где насчитывалось два села и сорок деревень. В с. Бабка, которое находилось в 120 верстах от уездного г. Оханска, действовала одна земская школа и при ней библиотека. В 10 верстах от села располагалась деревня Мостовая, где также находилась одна земская школа с библиотекой, и также в 10 верстах от волостного центра стояло с. Степаново, где действовала одна церковно-приходская школа. Картина далеко не отрадная: волость с населением более 4 тыс. человек имела три школы, а крупные деревни, такие как Бугры (более 400 жителей), оставались без школы, до ближайшей было 8 верст. Сотни оханских ребятишек не могли получить даже начальное образование, и это спустя 40 лет после введения в уезде земских учреждений.

Продолжая тему, процитируем материалы «Ежегодника Пермского губернского земства» за 1914 г., где сообщается: «В 1911 г. из 1934 начальных училищ (губернии) в собственных зданиях помещалось 1089 или 56%, а в наемных квартирах 845 или 44%, причем из собственных зданий удобными можно признать 822, а из наемных 268». Таким образом, статистические данные свидетельствуют, что для детей школьного возраста (около 308 тыс. человек на 1911 г.) было удобных для обучения детей немногим более половины помещений (большинство из наемных были просто крестьянские избы); в результате на 290 детей была одна изба. Приведу одну цитату из доклада Губернского земского собрания: «...Пермская губерния по результатам просветительской деятельности вообще и в частности по распространению грамотности в среде населения занимает не видное место. Статистическими данными довольно часто и наглядно представляется отсталость Пермской губернии, и большие затраты наших земств по народному образованию оказываются таким образом менее продуктивными, чем меньшие затраты других земских губерний...»

К сожалению, такое положение было во всех земских губерниях, и об этом с большой озабоченностью стали писать ведущие журналы России, к примеру «Русский вестник»: «Несомненно, земские учреждения внесли многие улучшения в местное благоустройство.., но те же улучшения мы видим и в не земских губерниях. Разница только та, что в не земских губерниях то же самое... достигается более правильным путем, т. е. без отягощения населения и без произвольных земских контрибуций с недвижимой собственности». Обозреватель журнала подчеркивает, что в деле народного образования – «любимом детище земства» – не земские губернии во многом опережали земские как в качественном, так и в количественном отношениях, по числу школ. (Русский вестник. 1898, № 1, 2). Далее о картине земских нравов журнал сообщает: «Первенствующее значение в земстве приобретают люди, наименее разборчивые в выборе способов достижения власти и использования ею.., рассматривающие земские органы лишь как средство осуществления своих низменных корыстных устремлений» – и подводит итог: происходит падение авторитета земских органов самоуправления, и земство как пример для подражания явно неудачен.

М. Н. Степанов

Периодическая печать военного времени в сельской глубинке

Периодическая печать в сельской глубинке, где не было радио, в годы войны являлась единственным источником информации о положении в стране, на фронте и в мире. Автору в 1942–1944 гг. довелось работать в политотделе Больше-Кустовской МТС (машинно-тракторной станции) Усинского района тогдашней Молотовской области и там же первым секретарем райкома комсомола, имея к делу массово-политической информации самое непосредственное отношение.

Радиоузел действовал тогда только в районном центре – в селе Большая Уса – и то нерегулярно, главным образом, из-за дефицита горючего для «движка», который питал энергией местную радиотрансляционную сеть. Централизованного электроснабжения здесь, да и почти во всех сельских районах

области, тогда не было. Не только центральные газеты, но и областная «Звезда» выпускались ограниченными тиражами. Подписка на газеты была строго лимитирована, и они доставлялись ограниченному кругу получателей.

Районная газета «Сталинский путь», официальный орган местной партийной и Советской власти, выходила дважды в неделю на одном листе форматом А3 [1]. И как только сотрудники ее редакции умудрялись втискивать в этот формат биение пульса жизни района, области, всей страны! Главное внимание, конечно, уделялось событиям районной жизни. Из всего остального сообщалось наиболее важное, причем в очень кратком изложении. Подлинным бичом было запаздывание информации. Так, о присвоении И. В. Сталину звания Маршала Советского Союза, состоявшемся 6 марта 1943 г., сообщалось в газете от 14 марта. Население района систематически извещалось о ходе военных действий сводками «От Советского Информбюро» или выдержками из них; давались обзоры отдельных периодов военных действий.

В конце 1942 г. было опубликовано обращение к И. В. Сталину члена колхоза «Стахановец» Саратовской области Ферапонта Головатого, который внес 100 тыс. рублей личных средств на строительство боевого самолета. Ответ Сталина «Примите мой привет и благодарность Красной Армии» породил широкую волну последователей по всей стране. Не остался в стороне и Усинский район. Наиболее крупные суммы внесли колхозники В. У. Зайцев и П. К. Килин из Ошьи – по 25 тыс. рублей, А. И. Вахонин и В. В. Степанов из Верх-Ошьи – по 10 тыс. рублей, В. А. Пронюшкин и др. – по 5 тыс. рублей. Все названные жертвователи, как и многие другие, имели личные пасеки и собрали деньги, продавая мед на ближайших городских и поселковых пристанционных рынках.

Газета систематически освещала самые разные виды и способы помощи фронту со стороны местного населения: подписка на военные займы и денежно-вещевые лотереи; сбор подарков и теплых вещей фронтовикам; организация посылок на фронт с замороженными пельменями в зимние месяцы и специально засушенным картофелем для полевых кухонь. Женщины собирали средства на танковую колонну «Боевые подруги», молодежь и школьники – на танковую бригаду имени комсомола и колонну «Молотовский осоавиахимо-

вец». Но самым главным видом помощи фронту и военно-промышленному тылу было, разумеется, производство продуктов питания, прежде всего хлеба. И основное место в газете занимало освещение всех сторон сельскохозяйственного производства в колхозах района, деятельность МТС. Постоянно публиковались сводки о ходе полевых работ, лесозаготовок; о ремонте техники; о состоянии дел на животноводческих фермах и пр. Много места выделялось для пропаганды передового опыта, для освещения хода соревнования. Большой резонанс в районе вызвали вести о трудовом рекорде комбайнера Больше-Кустовской МТС А. С. Килина, который на своем комбайне за один только день 27 августа 1942 г. сжал 37 га ржи, при этом сэкономив 55 кг горючего; и об успешной работе сцепа из двух комбайнов во главе с И. П. Морозовым.

Ушедших на фронт мужчин заменили женщины и молодежь, подростки. В полевых работах весной 1943 г. отличились трактористки З. Горбунова и А. Лихачева, применившие посевной агрегат: к плугу они прицепили борону, а к ней еще и сеялку. В результате – значительное перевыполнение плана, экономия горючего. Безусловным лидером соревнования среди тружениц района в 1943–1944 гг. была бригадир женской тракторной бригады колхоза им. Красной Армии М. Н. Силина.

Наиболее активной и мобильной силой была молодежь, что газета не могла не учитывать в своих выступлениях. Временами даже казалось, что она является молодежным органом. Так, в октябре 1943 г. были опубликованы материалы о районном съезде колхозной молодежи; о торжественном заседании, посвященном 25-летию комсомола. В начале 1944 г. появились две передовые статьи об очередных задачах комсомольцев и молодежи. Летом 1944 г. газета следила за ходом соревнования молодых пахарей и бороноволоков. Партийных организаций тогда в колхозах района не было, поэтому их роль в известной степени принимали на себя первичные комсомольские организации. О Таисье Старковой из колхоза «Красный восход» говорилось, что она не только безупречный руководитель полеводческой бригады, но и замечательный вожак молодежи. Старкова была признана лучшим комсоргом района.

Вместе со взрослыми на полях района безотказно трудились школьники-старшеклассники, всего числом до 600 чело-

век. Согласно постановлению местных властей от 28 июня 1942 г., практически всё местное трудоспособное население, включая учащихся, мобилизовывалось на летне-осенние работы в колхозах. Работали и воспитанники шести интернатов, давших приют более полутысяче юных москвичей. За летний каникулярный сезон, например, учащиеся района выработали 12 514 трудодней, воспитанники интернатов – 6810, учителя – 3375.

В Большой Усе, Ошье и некоторых других селениях были созданы военно-учебные пункты Всевобуча (Всеобщего военного обучения), в которых допризывники проходили предармейскую подготовку, в том числе учились на бойцов-лыжников, и затем уходили на фронт. Свою воинскую подготовку молодежь демонстрировала на регулярно проводимых профсоюзно-комсомольских кроссах.

Живой интерес и разноречивые суждения вызывали такие материалы в газете, как сообщения об обучении нетелей и бычков для работы в поле, о раздойке овец для получения брынзы, о посеве махорки, о переоборудовании автомашины с жидкого горючего на древесное топливо (березовые чурки) путем установки газогенератора, об использовании жатки от комбайна в качестве самостоятельного механизма (без молотильного агрегата) под мудреным названием «виндроуэр» и т. п.

Общий трудовой настрой подавляющей массы населения района нарушался отдельными дезорганизаторами колхозного производства: бракоделами, губящими технику и скот; разгильдяями, прогульщиками, расхитителями общественного добра, дезертирами с трудового фронта. Они подвергались острой критике, судебному преследованию, получали различные сроки лишения свободы, о чем обычно информировала газета.

К сожалению, план хлебозаготовок, по которому в конечном счете оценивалась вся работа местного руководства, в течение всех военных лет районом не выполнялся. Причин было много: недостаточная компетентность руководства, «волевой» подход, пьянство и попустительство, кумовство, упор на сиюминутную конъюнктуру, игнорирование или даже незнание местных условий и возможностей. Низкая урожайность из-за отсутствия удобрений и непомерного затягивания жатвы, причем часть урожая несмотря ни на что уходила под

снег; бездорожье; оторванность от пунктов сдачи зерна и снабжения горючим и смазочными материалами; острейший дефицит запасных частей; стопроцентность перевозок на лошадях, не отличавшихся упитанностью, – достаточно ли все это учитывалось в тогдашней практике планирования сельскохозяйственного производства?

Все это прекрасно понимало и население района. Поэтому, когда в декабре 1942 г. «грянул гром» – председатель райисполкома В. А. Крупанов и уполномоченный Народного комиссариата заготовок по Усинскому району М. И. Миков были объявлены «саботажниками хлебозаготовок», судимы военным трибуналом войск НКВД Молотовской области и приговорены к 10 годам заключения каждый, – это вызвало у народа скорее сочувствие и жалость к осужденным. Жители Большой Усы были убеждены, что на них просто выпал слепой жребий судьбы: кому-то надо было стать «козлом отпущения». Показательно, что в газете относительно этого «дела» было помещено два предельно кратких сообщения и никаких «одобрям-с».

Поглощенная военно-хозяйственной тематикой, газета лишь вскользь касалась вопросов социальной инфраструктуры. Тем не менее она не прошла мимо открытия зубопротезного кабинета в Большой Усе; добрым словом помянула поистине подвижнический труд всего двух оставшихся в районном центре врачей после ухода остальных в армию – А. И. Андрофагиной и А. В. Сергеевой.

Сообщила газета о постановке только что написанной пьесы К. Симонова «Жди меня» в Большой Усе 1 мая 1942 г. силами местной интеллигенции (однако автору известно еще о трех самодеятельных спектаклях, которые пользовались большим успехом у зрителей, но в газете эти события отражения не нашли). Вообще, деятельность местной интеллигенции освещалась газетой крайне скупо. Совершенно ничего не писалось о жизни и быте эвакуированных в район гражданских лиц, а также военнослужащих-отпускников, направленных сюда для лечения в госпиталях.

Особо следует подчеркнуть, что в жестких условиях военной поры большеусинские газетчики делали всё возможное для регулярного выхода в свет своего детища. Ответственными редакторами газеты в военные годы работали: Г. Е. Кувал-

дин, В. А. Вахонин, М. Г. Руденко и, наконец, А. Е. Тихонова, которая была ответственным секретарем редакции при всех перечисленных редакторах. Она фактически выпускала газету в частые периоды их командировок в колхозы в качестве уполномоченных райкома ВКП(б) и райисполкома по проведению различных хозяйственно-политических кампаний. Поистине, она была «душой» газеты. Редакция и типография размещались в обычной деревенской избе. Все работы велись вручную и при керосиновом освещении: и набор текста, и печатание на допотопной машине, тяжелый маховик которой приходилось крутить работницам типографии. Но, несмотря ни на что, газета в положенное время появлялась у читателей. Нелегкая эта работа была незаменима в деле мобилизации духовных сил местного населения на самоотверженный труд ради грядущей Победы.

---

[1] Все данные в статье приводятся по источнику: ГАПО. Ф. ФПИ, оп. Г, д. 1307–1309.

«Русская система» и традиции крестьянской России

Л. А. Фадеева

Русская система и русское мировоззрение в контексте традиций крестьянской России

На первый взгляд, проблематика крестьянской России имеет отношение, прежде всего, к истории, литературе и лишь в небольшой части – к политике, политической системе, политическому сознанию и политической философии – ко всему тому, что представляет интерес для современной политической науки. Однако уже простое обозначение данной проблематики дает импульс к осмыслению многих политических проблем и процессов. В самом деле, исследователи, как и другие российские граждане, в «модернизационном задоре» спешат «оставить за скобками» многовековой опыт крестьянской России. Между тем этот опыт не только сказался в прошлом на судьбе страны и проводимых в ней социальных экспериментах, но и продолжает отзываться в российском менталитете, привычках, образцах поведения и мыслительных традициях. На мой взгляд, обращение к традициям крестьянской России может иметь значение для осмысления поисков и находок российской политической науки.

В последнее время часто говорят о кризисе отечественной политической науки, которая в первые годы своей «реанимации» (рубеж 1980–1990-х гг.) активно использовала западные концепты, подходы и методики, а затем столкнулась с трудностями их применения к анализу российских политических феноменов и процессов. Начались активные попытки адаптации западных и поиски новых методологических схем. Одной из наиболее интересных попыток, по праву, можно считать заявленный в серии публикаций и выступлений А. Фурсова и Ю. Пивоварова замысел Русской Системы.

Пивоваров и Фурсов определили «Русскую Систему» как такой способ взаимодействия ее основных элементов, при котором Русская Власть — единственный социально значимый субъект, как способ контроля Русской Власти над русской жизнью [1]. Однако стройная концепция Русской Системы так и не была создана; Русская Система, по мнению Ю. Пивоварова, не переросла стадии общего замысла. С позиций сегодняшнего дня Пивоваров объясняет формирование этого

замысла так: «Мы не могли выражать свои мысли на том языке, который принят в российской и западной науке. Мы поняли – всё, задыхаемся, не можем дальше писать, поскольку тот язык, который существует, нам не подходит... «Русская Система» – это попытка увидеть то в русской истории, чего не видели раньше».

Согласно философским и историческим традициям, осмысление привело к триаде понятий: власть – популяция – лишний человек. Лучше всего понять их смысл можно, если руководствоваться объяснениями Пивоварова, что олицетворение власти – Сталин, олицетворение популяции – Зюганов, а лишнего человека – И. Бродский. Правда, возникает ощущение, что какой-то важный компонент все же оказался неучтенным. Возможно, это смутный протест между отождествлением народа с популяцией.

Участник дискуссии о Русской Системе Леонид Андреев объясняет смысл понятия популяция: «Можно сказать вполне наукоподобно: «Дистанционность Русской Власти», а можно высказаться в более прямолинейной форме – «русский народ – быдло», и оба эти высказывания вполне адекватны не по форме, а по содержанию, поскольку позволять власти дистанцироваться от популяции могут люди, безразличные к своей собственной судьбе, пассивные, отвлеченные на выживание и только».

Отчасти это проблема политической культуры, определяемой Пивоваровым как одно из самых сложных, трудноуловимых научных понятий: «В наиболее общей форме это «субъектное измерение общественных основ политической системы, то есть совокупность всех политически релевантных мнений, позиций и ценностей субъектов конкретного социального и политического организма». С другой стороны, Пивоваров утверждает: «Основной вопрос русской истории, завещанный XX веку предыдущим столетием, вопрос, принявший псевдоним «аграрный кризис», или вопрос о земле, ушел в небытие. Все сегодняшние споры о том, нужна ли частная собственность на землю или нет, с исторической точки зрения, иррелевантны. Русская Власть «нуждается» в популяции, население же становится популяцией только при наличии так поставленного вопроса о земле».

Теодор Шанин призывает исследователей и рядовых

граждан помнить о том, что на начало XX в. Россия более чем на 90% была крестьянской страной и что большинство сегодняшних россиян – внуки и дети крестьян. Отвечая на вопрос, почему до сих пор не умер русский народ, Шанин рассматривает образцы самопомощи, «экономики выживания», во многом заимствованные у крестьянства. И причины застоя видит в упадке свойственного российскому крестьянству трудового этоса, здравого смысла, крестьянского духа: «Вспомните этих людей, брежневцев. Это очень часто были мужицкие сыновья. Их отцы командовали полками, потом расстреливали тех, кто поумнее, а эти сели на толстые задницы. Произошла дегенерация. Естественная дегенерация правящей элиты. И, похоже, это результат именно искусственного ускорения развития» [2].

Существенное место в анализе политического развития России и свойственных ей политических идеологий отводится народничеству. Д. Овсянико-Куликовский в очерке «Психология русской интеллигенции» называет народничество одной из самых узких идеологий, и в то же время в этом видит его силу и моральное значение: «В центре системы здесь ставится идея народа, крестьянства, и на первый план выдвигается моральное требование уплаты долга народу – посильным служением его благу» [3].

Общеизвестно то обстоятельство, что запоздалость социально-экономического развития России обусловила особый идеологический тип русского интеллигента, или, если следовать логике Д. Овсянико-Куликовского, то, что русская интеллигенция «застряла в идеологическом фазисе». Еще в 1880-е гг. Н. Михайловский писал: «Для нашей интеллигенции невозможна та беззаветная искренность, с которой европейская интеллигенция времен расцвета либеральной доктрины ожидала водворения чуть ли не рая на земле от проведения в жизнь буржуазных начал» [4]. Михайловский видел в самой наличности слова «интеллигенция» нечто отчасти утешительное, отчасти прискорбное, и во всяком случае обусловленное особенностями российской истории.

Споры об этом «странном понятии» – интеллигенция, слове, «неуклюжем на русское ухо», как считал Михайловский, до сих пор не утихают в России. До сих пор нет даже следов консенсуса в вопросе о том, чем была русская интеллигенция, в чем выражалась ее трагедия. В том ли, что это были люди,

«получившие западное образование и оставшиеся без почвы в своей стране» (как утверждает Г. Померанц), или же «в глубоком духовном разладе в связи с ее некультурностью, необразованностью» (как считал А. Изгоев)? Была ли интеллигенция «занята всемирными проблемами, всечеловечна, всеотзывчива» (по мнению Л. Аннинского), либо же она представляла собой «замкнутую группу специалистов, оторвавшихся от жизни, от тех ее областей, которые не имели прямого отношения к их специальности» (на взгляд М. Рейснера)? [5]

Тот же Изгоев определяющим признаком интеллигенции до революции 1905–1907 гг. считал «присущий профессиональной деятельности этих лиц элемент учительства в широком смысле слова, передачи людям сведений и накопленных знаний с целью научения» и сравнивал интеллигенцию с путями сообщения, которые «развозят знания по всем концам света» [6]. А после первой русской революции именно Изгоев выступил в «Вехах» с самой жесткой критикой русской интеллигенции, обвиняемой им в необразованности и некультурности, отсутствии интереса и любви к своей профессии, к знаниям, в том, что она предала функцию «учительства» во имя ложно понятой идеи. Образ интеллигента, распевающего «Дубинушку» в кабаке и плачущего о судьбе русского народа в публичном доме потому и был столь убийствен, что вполне вероятен в русской действительности. Как и его преемник – Васисуалий Лоханкин.

Как известно, сборник «Интеллигенция в России» явился ответом на сборник «Вехи». «Антивеховцы» выступали против идейно-политического максимализма авторов «Вех», который выразился в их убеждении, что социалистическая идея была идеей всей русской революции, в то время как либеральные и демократические компоненты революции ими явно недооценивались. Максималистским представлялся критический запал «веховцев» и авторам книги «В защиту интеллигенции». «"Вехи" не оставили камня на камне из всего того огромного построения нашей образованности и культуры, которое русская интеллигенция воздвигала с таким трудом и жертвами в течение многих десятков лет», – замечает Н. Геккер, который не был склонен видеть идеал ни в самой интеллигенции, ни в ее «народопоклонстве» («интеллигенция надломила свои силы и убедилась, что при данных условиях с народом можно не слиться,

а спиться»). Г. Петров стоял на таких же позициях: «Не следует идеализировать и переоценивать нашу интеллигенцию, но нельзя и топать на нее ногами, с присвистом ухать. Всё в меру, всё в свою величину». Д. Мережковский выразил убеждение, что «плевать интеллигенции в лицо – значит плевать в лицо России» [7].

Такое болезненное восприятие было обусловлено тем, что «веховцы» нашли самые уязвимые места радикально-демократической интеллигенции и, прежде всего, ее народопоклонство. Так, Н. Бердяев упрекал интеллигенцию в том, что она в качестве морального догмата принимает общественный утилитаризм в оценках всего и поклонение народу, и эта «любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине» [8]. Чувство виновности перед народом, своего рода социальное покаяние фиксировал у русской интеллигенции С. Булгаков. Он считал, что оторванность интеллигенции от народа определяется, прежде всего, ее безбожием в противовес христианской вере народа [9].

«Веховцы» не приняли во внимание того, что чувство «социального стыда» на рубеже веков стало одной из важных социально-психологических черт «образованного класса» многих развитых стран. Это чувство побуждало его представителей как к социальному действию, к борьбе за реформы, к продвижению либеральных идей, так и к своеобразным «хождениям в народ», созданию «сеттльментов» (поселений интеллектуалов) в рабочих кварталах. Это тоже вошло в своеобразную моду, стало считаться проявлением социальной озабоченности, мудрости, на русский манер можно бы сказать, интеллигентности. Например, в английской интеллектуальной среде упор делался на моральные, религиозные, этические аспекты проблемы бедности, вырабатывался, по выражению Б. Вебб, «новый фермент мышления и чувств», «новое сознание стыда» [10]. А. Тойнби, Ч. Кингсли, Ф. Морис, генерал Бутс, кардинал Маннинг, С. Барнетт, Д. Раскин, У. Моррис и многие другие стремились донести до своих соотечественников это чувство – стыда за общество, которое не может обеспечить достойной жизни своим гражданам.

И если уж в Великобритании, где с 1850 г. неуклонно по-

вышался уровень жизни, а рабочее законодательство развивалось с 1802 г., царили такие настроения, то что говорить о России? Какие чувства должны были испытывать интеллигенты по отношению к русскому народу вообще и к русскому крестьянству в частности? «Социальный стыд», как правило, сопровождается некоторой идеализацией социального объекта. При этом следует иметь в виду, что формы социального поведения интеллигенции далеко не исчерпывались сентиментальными настроениями или народническими устремлениями. Социальная активность интеллигенции находила выражение, прежде всего, в ее профессиональной деятельности. «Вряд ли можно найти более органичное выражение активности интеллигенции, чем создание школ, – считает исследователь гражданского общества в период «великих реформ» в России XIX в. Э. Кимбелл. – Оно точно так же, как литературная, публицистическая, издательская деятельность, давало выход самым естественным профессиональным интересам пробуждающейся интеллигенции» [11]. Известный литературовед П. Сакулин много говорил о самоотверженном труде тысяч сельских учителей. Не меньшую самоотверженность проявляли земские врачи. Так, в Пермской губернии с начала 1870-х гг. развивались объединения врачей, создавались врачебные общества, врачебные советы, проходили первые съезды земских врачей, определившие задачи земской медицины, которые виделись в «охранении народа от страданий, удалении (имелось в виду отдаление. – *Л. Ф.*) момента смерти, увеличении средней продолжительности жизни и, таким образом, в обеспечении как материального, так и нравственного его состояния» [12].

Если обратиться от социального измерения к философскому, к проблеме русского мировоззрения, то и в данной сфере можно обнаружить серьезное влияние на систему мировоззрения многомиллионного крестьянского мира.

Как правило, принято объяснять систему русского мировоззрения тем, что русские интеллектуалы смотрелись, как в зеркало, в Запад. Если уж использовать метафору зеркала, на мой взгляд, уместней говорить о «трельяже»: одну из сторон которого действительно представлял Запад, другую – власть, а третью – народ. Что касается «западного» измерения про-

блемы, я солидарна с Ю. Пивоваровым, который предложил блестящий аргумент в пользу того, что не следует объяснять всю русскую историю и, в особенности, историю русской мысли психологической травмой, «которую получил русский ум при столкновении с Европой»: «Этого я принять не могу. Не потому, что не хочется. А потому, что не доказано» [13]. Есть много умозрительных схем, пафоса и страсти, а доказательств, действительно, нет.

Не претендуя на доказательность следующих тезисов, рискну все же высказать предположение по поводу ряда специфических черт русского мировоззрения, которые отмечаются исследователями. Это «нормативность фактического», онтологизм, присущий русской мысли, точнее, онтологический примат жизненного факта над мышлением. С. Франк выразил его формулой «sum ergo cogito» (существую, следовательно, мыслю) против западного «cogito ergo sum» (мыслю, следовательно, существую). Иногда онтологизм характеризуют как наивный реализм. Другим важным компонентом русского мировоззрения Франк считал «МЫ-философию».

Исследователи отмечают также интуитивизм русской мысли, особенное понимание истины, пронизывающее ее, поиск правды как истины и нравственной правоты. «Правда» представляет собой не только истину, но и «нравственную правоту», «нравственные основания жизни, ту самую духовную сущность бытия, посредством которой оно становится внутренне единым, освящается и спасается» [14]. Ю. Пивоваров констатирует то обстоятельство, что русская мысль имеет иной, чем на Западе, фундамент, и посему считает лишенным смысла предъявлять претензии по этому поводу.

На мой взгляд, перечисленные особенности русского мировоззрения вполне сочетаются с психологическими характеристиками крестьянского мира, во всяком случае, подпитываются ими. Так, онтологизм русской мысли соотносится с крестьянским реализмом и здравым смыслом, «МЫ-философия» – с психологией крестьянской общины и традициями соборности. Поиск правды в русском мировоззрении коррелирует с крестьянской привычкой «искать правду», а понимание «правды» – с нравственной правотой и представлениями о справедливос-

ти. Пример, приведенный Теодором Шаниным относительно крестьянского суда, – прекрасная тому иллюстрация.

Чего, может быть, недостало русской интеллигенции, так это крестьянского жизнелюбия. Крестьянство консервативно в том, что касается социально-политических идей, оно скептически воспринимает идеи прогресса, поскольку циклический характер крестьянского хозяйствования противоречит идее прогресса. И в то же время порождает свои психологические компенсаторы. Как говорил британский философ Бертран Рассел, «когда я общаюсь с коллегами, я думаю, что счастье нам не дано, когда разговариваю с садовником, убеждаюсь в обратном».

---

[1] *Фурсов А. И., Пивоваров Ю. С.* «Social Science» как универсализация уникального исторического опыта Запада и что в этой ситуации делать нам, русским // www.politstudies.ru. См. также: *Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И.* Русская Система и реформы // Pro et Contra. Осень 1999 г. Т. 4. № 4; *Пивоваров Ю. С.* Русская политическая культура и political culture (Общество, власть, Ленин) // Там же. Т. 7. № 3.

[2] *Шанин Т.* Почему до сих пор не умер русский народ. Эксполярные структуры и неформальная экономика современной России // Эксперт. № 1–2 (213). 17 янв. 2000.

[3] *Овсянико-Куликовский Д. Н.* Психология русской интеллигенции // Вехи. Интеллигенция в России. – М., 1991. С. 402.

[4] Отечественные записки. 1881. Т. 259. № 12.

[5] Полис. 1992. №3. С. 73.

[6] Мир Божий. 1904. Янв. С. 72.

[7] В защиту интеллигенции: Сб. статей. – М., 1910.

[8] *Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России. – М., 1991. С. 29–30.

[9] *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество // Там же. С. 49.

[10] *Webb B.* My Apprenticeship. – L., 1926. P. 179–181.

[11] *Кимбелл Э.* Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху великих реформ. 1859–1863 // Великие реформы в России. – СПб., 1992. С. 267.

[12] Труды I съезда врачей Пермской губернии. 1872. – Пермь, 1873.

[13] *Пивоваров Ю. С.* Русская Мысль, Система Русской Мысли и Русская Система // Пивоваров Ю. С. Полная гибель всерьез. – М., 2004. С. 23.

[14] *Франк С. Л.* Русское мировоззрение. – СПб., 1996. С. 152.

Ю. Г. Белоногов

Интересы крестьянства во внутриноменклатурной борьбе 1960-х гг.

В рамках административно-командной системы управления экономикой сельское хозяйство традиционно рассматривалось как источник финансирования и бурного роста тяжелой промышленности. Не удивительно, что успехи промышленного производства при этом сочетались с крайне низким уровнем развития аграрного сектора. Несомненно, такое положение являлось закономерным результатом произошедших на рубеже 1920–1930-х гг. социально-экономических преобразований.

Кризис административно-командной модели управления экономикой и нарастание социального напряжения в деревне инициировали советское руководство на поиск путей выхода из создавшегося положения. Уже в развернувшейся после смерти И. В. Сталина борьбе за власть и Г. М. Маленков, и Н. С. Хрущев предложили проекты аграрной политики, отражавшие интересы и определенных групп региональной номенклатуры. Проект Маленкова отдавал приоритет экономическим методам хозяйствования, что предусматривало предоставление большей самостоятельности сельским хозяйственным субъектам в вопросах получения и распоряжения прибылью и, как следствие, ослабление контроля со стороны партийных руководителей. Вторая концепция, отражавшая интересы прежде всего партийной ветви номенклатуры, предполагала поиск выхода из кризиса, в основном, в проведении административными методами организационных и технико-технологических мероприятий.

В области сельского хозяйства, по мнению представителей партийной номенклатуры, предполагалось использовать опыт, полученный в ходе технической реконструкции промышленности. Зачатки этих представлений начали реализовываться уже при Сталине, однако при Хрущеве они были доведены до логического завершения. Предполагалось, что соединение трех элементов (широкое использование новой техники и механизация труда; внедрение новых технологий и агрикультур; привлечение к работе специалистов сельского хозяй-

ства) в рамках социалистической системы хозяйствования обеспечит его реальный и долговременный прогресс. Для повышения эффективности сельскохозяйственного производства намечалось их проведение в сочетании с организационными мероприятиями – укрупнением хозяйств с последующей концентрацией ресурсов и специализацией. В идеале предполагалось превратить колхозы и совхозы в своеобразные фабрики по производству сельскохозяйственной продукции (мяса, зерна, молока и т. д.); при этом «фабричная мода» должна была найти свое отражение и в создании новых видов поселений – «агрогородов» [1].

Политический курс по «развернутому строительству коммунизма» открывает на рубеже 1950–1960-х гг. новый этап во взаимоотношениях крестьянства и власти. Именно этот курс стал идеологическим обоснованием проведения непопулярных среди селян мероприятий по сокращению площади личного приусадебного хозяйства, сознательному снижению численности поголовья скота в личном пользовании, ликвидации «бесперспективных» деревень. Однако данный курс натолкнулся на серьезное сопротивление крестьянства. Источники свидетельствуют о значительном снижении у крестьянства заинтересованности в общественном труде. В справках о деятельности некоторых колхозов сообщалось, что из-за низких доходов, неупорядоченности оплаты труда «колхозникам на общественное добро наплевать». Например, в справке, посвященной анализу деятельности Пермского производственного колхозно-совхозного управления за 1963 г., отмечалось: «Низкие моральные и материальные стимулы к труду в отстающих хозяйствах приводят к массовым невыходам на работу и нарушению трудовой дисциплины, низкому качеству работ, расхищению колхозного добра... В последние три года многие показатели по урожайности, плотности скота и птицы на 100 га, продуктивность коров снизились».

Аграрная политика Н. С. Хрущева могла привести к прямо противоположным результатам. С мест доходили сигналы о том, что «значительную часть дохода колхозники получают не от работы в колхозе, а от личного хозяйства и побочных заработков». С точки зрения представителей партийной и государственной ветвей региональной номенклатуры, появлялась потенциальная опасность возрождения частного сектора

экономики; особенно это касалось бытовой сферы обслуживания.

Ситуация серьезно осложнилась ростом социальной напряженности, вызванной продовольственным кризисом в начале 1960-х гг. Жители Пермской области активно интересовались у представителей власти причинами резкого ухудшения снабжения мясом, маслом, молоком на фоне более успешного развития промышленности. При этом они даже приводили неприятные, с точки зрения политического престижа советского руководства, сравнения: «С 1947 по 1958 г. продуктов производилось меньше, чем в 1960–1961 гг., а снабжение было значительно лучше!» Указывалось также на серьезное противоречие реальной действительности провозглашенным на XXII съезде КПСС идеологическим постулатам. В конечном итоге, при нерешенности продовольственной проблемы эти «многочисленные нарекания» могли приобрести и политический характер.

Региональное и местное руководство, видимо, ощущало беспокойство по поводу жизнеспособности социально-политических институтов советской системы. Очевидным фактором, побуждавшим номенклатуру к проведению отвечавших интересам крестьянства мероприятий, являлось, безусловно, стремление избежать хозяйственной катастрофы, выйти из аграрного кризиса и снизить тем самым социальную напряженность. В частности, представителям региональной номенклатуры пришлось даже констатировать, что «увеличение производства сельского хозяйства зависит от производства продуктов и заготовки его среди населения». Уже после смещения Хрущева власти были вынуждены признать, что «в результате серьезных недостатков и ошибок в руководстве сельское хозяйство замедлило темпы своего роста, по существу, стало топтаться на месте».

Новая политика в сфере сельского хозяйства, закрепленная решениями мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС и предусматривавшая приоритет экономических методов хозяйствования, отражала интересы как определенной части крестьянства, так и некоторых групп в региональной номенклатуре. Примечательно, что многие составные элементы данного курса оформляются на уровне идей и высказываются хозяйственными руководителями низового звена уже в начале

1960-х гг. Сутью этих идей являлось раскрепощение хозяйственной инициативы на местах, что предусматривало уход из-под жесткой опеки партийных и советских органов власти. Хозяйственные руководители и рядовые колхозники выступали за расширение их полномочий в сфере планирования, свободное распоряжение излишками произведенной продукции, а главное – невмешательство партийно-государственной номенклатуры во внутренние дела хозяйствующих субъектов.

Однако идея расширения свободы в хозяйственной деятельности не находила поддержки у значительной части партийного и советского руководства во многом из-за сохранившихся со времен коллективизации представлений о деревне как о неком придатке промышленной сфере. Под воздействием реформаторского курса А. Н. Косыгина как традиционные функции деревни, так и статус партийно-государственных структур могли серьезно измениться. Сторонники Л. И. Брежнева обращали внимание на другой, не ставивший под сомнение приоритетное положение партийного и государственного аппарата, путь: социальное возрождение села невозможно без широкой финансовой (как оказалось впоследствии, не очень эффективной) поддержки со стороны государства. Однако эта победившая на рубеже 1960–1970-х гг. стратегия социально-экономического развития, не стимулировавшая крестьянство на высокопроизводительный труд, в конечном итоге не смогла предотвратить системного кризиса советской экономики, наиболее тяжело отразившегося, в частности, в ее аграрном секторе.

Итак, в 1960-е гг. специфические интересы крестьянства находили свое отражение в требованиях и деятельности отдельных групп региональной номенклатуры. Это был своеобразный компенсаторный механизм, позволявший власти хотя бы частично учитывать реалии социально-экономической жизни во внутренней политике. При этом дальнейшая история советского крестьянства была предопределена результатами внутриноменклатурной борьбы, завершившейся победой сторонников Л. И. Брежнева.

---

[1] Здесь и далее данные приводятся по источникам: ГОПАПО (Государственный общественно-политический архив Пермской области). Ф. 105, оп. 28, д. 78, л. 300–302; д. 92, л. 162–165, 178; д. 93,

л. 200; д. 98, л. 144; оп. 283, д. 8, л. 92; д. 17, л. 6, 7; ф. 7202, оп. 1, д. 1, л. 10, 11; ф. 7215, оп. 1, д. 64, л. 58–64, 73–74; д. 134, л. 7.

А. А. Борисов

Специфика формирования социальных сетей мигрантами г. Перми *

В предлагаемой работе рассматриваются специфика и принципы формирования социальных сетей экономическими мигрантами с Кавказа и Средней Азии, торгующими на рынках г. Перми. Для того чтобы лучше понять жизненные стратегии и механизмы интеграции мигрантов, исследованию подвергались люди, проживающие в Перми не более трех лет. Учитывая особенности объекта, в качестве наиболее адекватного метода исследования было использовано включенное наблюдение. Исследователи наблюдали и, насколько возможно, участвовали в различных сферах каждодневной жизни мигрантов (работа на рынке, организация обыденной жизни, взаимоотношения с представителями государства и т. д.), а также старались получить интерпретацию происходящего со стороны его участников.

Этническая экономика. Подобный ракурс исследования требует анализа понятия «этническая экономика». Этническая экономика – концептуально разработанная проблема в социологической дискуссии на Западе. Существуют несколько классификаций теоретических подходов к анализу этого феномена, варианты самых распространенных можно найти в работах Лайта и Уолдингера. Сегодня практически все концепции этнической экономики исходят, главным образом, из того, что мигранты, которые в принимающей стране становятся меньшинством, попадают в особую ситуацию. Они одновременно оказываются в «ущемленном» положении меньшинства и в то же время имеют в своем распоряжении дополнительные ресурсы, которые принято называть «этническими». Согласно Лайту, этническими являются ресурсы, которые основаны на

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Этнокультурная адаптация иммигрантов в Пермской области».

идентификации человека с определенным этническим сообществом [1]. Использование «этнических» ресурсов позволяет мигрантам не только найти жилье, каким-то образом обустроиться на новом месте, но также определяет их экономические стратегии. Этот феномен принято называть «этнической экономикой»: «Экономика является этнической, если в ней участвуют представители одной этнической группы (co-ethnics)» [2]. Предполагается, что, будучи этническим меньшинством, люди имеют возможность объединяться на основе общей (разделенной) этничности и организовать совместный бизнес, что они больше доверяют друг другу.

В настоящей работе предлагается так называемое «понимающее» определение «этнической экономики». В данном контексте она представляет собой экономику, в которую вовлечены индивиды, субъективно ориентирующиеся в своем экономическом поведении на собственную субъективно понимаемую этничность и этничность тех, с кем они взаимодействуют. На основании подобного подхода можно поставить под сомнение тезис о существовании «этнической экономики» в среде исследованных мигрантов. Исследование показало, что ориентация на этничность носит ситуативный характер и не является определяющей в выборе жизненных (в том числе трудовых) стратегий. В реальной жизни, в реальном бизнесе помогают и доверяют друг другу не «co-ethnics», а мигранты, часто принадлежащие к различным этническим группам, помогают друг другу «друзья», «коллеги», «соседи» и т. п. Это означает, что разделенная этничность, «объективно» присутствующая с точки зрения стороннего наблюдателя, в действительности не является характеристикой, на которую мигранты субъективно ориентируются в своих экономических действиях.

Социальные сети экономических мигрантов. Мигранты испытывают значительный дефицит капиталов, в том числе капитала социальных сетей. Под социальными сетями обычно понимают «стабильные модели непосредственного взаимодействия между людьми» [3]. В ситуации социального вакуума мигранты начинают активно выстраивать социальные сети, наращивая, таким образом, социальный капитал. Новые социальные связи позволяют мигрантам обустраиваться: находить жилье, работу, устраивать детей в школы, пользоваться услугами медицинских институтов и т. п. В экономической жизни

они открывают доступ к финансам, рабочим местам и, что особенно важно, к информации. По мнению большинства западных исследователей миграции, неформальные отношения на базе социальных сетей, во-первых, являются одним из важнейших факторов, определяющих образ жизни мигрантских сообществ, во-вторых, составляют основное преимущество мигрантов перед местным большинством в сфере экономики [4].

На организацию социальных сетей пермских экономических мигрантов влияют пять основных факторов: легкость (простота, беспроблемность); рациональность (выгода); доверие; давление извне (вытеснение); пространство. Эти факторы были выделены при анализе социальных действий и взаимодействий мигрантов. Принципом их выделения была формулировка «взаимодействуют с тем, с кем...» (легко, выгодно, кому доверяешь, с кем пересекаешься в пространстве и т. д.). Выделенные факторы структурируют деятельность мигрантов, ложатся в основу формирования и использования ими социальных сетей. Рассмотрим их более подробно.

Легкость/сложность. Мигранты взаимодействуют с теми, с кем проще, чьи действия и поведение понятны и предсказуемы. Здесь основное значение имеет язык: плохое знание мигрантами русского языка препятствует взаимодействию мигрантов с местным населением. Азербайджанец будет сотрудничать и/или общаться с другим азербайджанцем не на том основании, что они оба азербайджанцы, но потому, что им легко понимать друг друга, в том числе потому, что они говорят на одном языке. Вместе с тем, если возникает необходимость (как правило, экономического характера), мигранты, говорящие на разных языках, вступают во взаимодействие. В ходе проведения исследования можно было наблюдать, как азербайджанцы и таджики, таджики и молдаване работали вместе как напарники. Они общались между собой на русском языке, потому что русский является для них единственным общим языком, позволяющим осуществлять коммуникацию. Таким образом, хотя язык является одной из важнейших составляющих понятия «этническая группа», не следует преувеличивать значение его этнической компоненты. Язык выступает не столько в качестве маркера социальных (этнических) границ, сколько в качестве инструмента коммуникации, необходимого для взаимодействия.

«Легкость» взаимодействия также может рассматриваться с точки зрения предсказуемости поведения. При внимательном наблюдении выясняется, что гораздо бóльшую роль, нежели воображаемая принадлежность к той или иной культуре, играет образование человека, «стаж» мигранта, городская или сельская социализация и др. Образованному азербайджанцу – профессору, знатоку и преподавателю азербайджанской культуры, много лет живущему в Перми, значительно проще найти «общий язык» с другим пермским профессором, нежели с недавним мигрантом из азербайджанского села. Фактически такое положение вещей превращается в жесткую границу между сообществом недавних экономических мигрантов, самозанятых на пермских рынках, и этаблированными интегрированными «азербайджанцами»-интеллектуалами. Таким образом, и в случае с культурными паттернами поведения не следует преувеличивать роль этничности. Хотя культура, наряду с языком, несомненно, считается одним из основных составляющих феномена «этнической группы», мы видим, что совершенно иное, отнюдь не «этническое» измерение культурных паттернов поведения оказывается значимым для мигрантов.

Рациональность (выгода). Этот критерий часто оказывается решающим при выборе партнеров, поставщиков, наемных рабочих. Например, на работу возьмут не «co-ethnics», а дешевую рабочую силу, товар купят у того, кто продает дешевле, а продадут тому, кто купит дороже, и т. д. Цель экономических мигрантов – максимально быстрое обогащение, относительная стабильность дохода. Поэтому именно экономическая деятельность, принципы экономической рациональности становятся основой формирующихся здесь социальных сетей.

С другой стороны, в ходе исследования можно было наблюдать примеры сотрудничества мигрантов и местных предпринимателей. Наш опыт наблюдений показывает, что это не сотрудничество представителей одной этнической группы с представителями другой этнической группы, это взаимовыгодное сотрудничество профессионалов. Этничность как таковая не играет при этом решающей роли. Примером такого сотрудничества, построенного исключительно на экономических принципах взаимовыгодности, являются отношения, связанные с продажей товара мелкооптовыми продавцами – жи-

телями Пермской области розничным продавцам – азербайджанцам. Эта ситуация может быть представлена как взаимодействие – русских и азербайджанцев, мигрантов и местных, мелкооптовых и розничных продавцов.

Доверие/контроль. Исследователи социальных сетей придают особенно большое значение доверию, называя его «валютой», поскольку «доверие порождает взаимодействие». Однако, согласно наблюдениям, границы доверия зачастую совпадают с границами контроля: доверяют тем, кого можно проконтролировать. Мигранты предпочитают давать деньги в долг тем, кто «достижим», например работает на том же рынке. Этничность здесь не важна: таджик может одалживать деньги азербайджанцу, азербайджанец или молдаванка – таджику и т. д. Важно, чтобы на должника в случае нарушения обязательств можно было оказать давление.

Другой пример сочетания доверия/контроля возможно наблюдать в механизмах передачи мигрантами заработанных денег семьям на родину. Переправка денег осуществляется, в силу многих причин, не официальным способом почтовых или банковских переводов, а через социальные сети. Для передачи денег используются оказии с теми знакомыми, которые едут домой; предпочтение отдается тому, кто достижим, кого можно проконтролировать, что означает возможность применения санкций в отношении нарушителя договоренности.

Физическое пространство. Мигранты взаимодействуют с теми, с кем пересекаются и/или соседствуют в пространстве: с соседями по рынку, с хозяевами квартиры, с обслуживающим персоналом рынка, с теми, кто приходит на рынок. Совместное пространство, в котором сосуществуют различные группы мигрантов и представителей местного населения, представляет собой определенную рамку, в которой разворачивается межличностное взаимодействие. Исследуемые мигранты неоднократно находили поставщиков, покупателей и напарников не по принципу «среди своих соотечественников», но среди людей, с которыми пересекались в пространстве. Разумеется, не имеет смысла отрывать физическое пространство от пространства социального: физическое пространство есть метафора пространства социального, оно объективирует социальные различия[5]. В случае с экономическими мигрантами профессионально-экономическое измере-

ние социального пространства не уступает этническому измерению, а иногда оказывается более значимым.

Давление извне. Давление извне формирует определенные рамки, в которых вынуждены жить мигранты. Для более полного анализа организации жизни мигрантов-«кавказцев» к измерению социального и физического пространств следует присовокупить измерение правового пространства. Предвзятое отношение к мигрантам, особенно из «южных» регионов, а также бесполезность и сложность бюрократических процедур по легализации мигрантами своего статуса ведут к тому, что подавляющая их часть группируется в нелегальном правовом пространстве. Дискриминация при приеме на работу (в сочетании с ограниченностью социального и финансового капитала) заставляет их группироваться в определенных сферах самозанятости, таких как мелкая торговля. Занятость в определенной сфере бизнеса ведет к физической концентрации в пределах городских рынков и вокруг них. Давление извне тесно связано с процессом, который может быть назван «навязыванием этничности». Разумеется, нельзя говорить об отсутствии у мигрантов поведения, так или иначе определяемого их этнической принадлежностью. Однако, согласно наблюдениям, случаи акцентуации этничности, как правило, инициированы извне. Например, ксенофобия со стороны местного населения определяет «чужих» в терминах этничности, выстраивает жесткую внешнюю границу. Таким образом, все мигранты из Азербайджана, Таджикистана и других республик Кавказского и Закавказского регионов воспринимаются местным населением как «азербайджанцы» или «кавказцы».

Нетрудно заметить, что «этничность» не попала в список факторов, ключевых для организации социальных сетей мигрантов. Конечно же, элемент этничности не может совершенно не приниматься во внимание. Однако для исследованных мигрантов этничность не является достаточным ориентиром в их экономическом поведении. Это становится очевидным, если отвлечься от априори принятого в научном сообществе убеждения о существовании «этнических экономик» и важности этничности для стратегий мигрантов и обратиться, в первую очередь, к анализу реальной деятельности мигрантов. Социальные сети мигрантов с Кавказа и Средней Азии в г. Перми, в частности те, что носят экономический характер,

организованы не по критерию этничности, то есть они не созданы сознательно социальными агентами, субъективно ориентирующимися в своих действиях на этническую принадлежность тех, с кем они взаимодействуют; гораздо большее значение в этих отношениях (по сравнению с этнической идентичностью) имеет позиция экономического мигранта, которая и вынуждает мигрантов строить свои социальные сети, ориентируясь на легкость и удобство, выгодность, доверие и другие принципы.

---

[1] *Light I.* Ethnicity and Business Enterprise // Making it in America. – London–Toronto, 1986. P. 21.

[2] *Light I., Karageorgis S.* The Ethnic Economy // The handbook of Economic Sociology. – Princeton, 1994. P. 649.

[3] *Рона-Тас А.* Устойчивость социальных сетей в посткоммунистической трансформации Восточной Европы // Неформальная экономика: Россия и мир. – М., 1999. С. 396.

[4] *Waldinger R.* Immigrant enterprise. A critique and reformulation // Theory and Society. 1986. № 15.

[5] *Бурдье П.* Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Бурдье П. Социология политики. – М., 1993. С. 36–37.

Ю. А. Кашаева

Становление кустарного предпринимательства русского крестьянства в конце XIX – начале XX в.
(по материалам Пермской губернии)

В период конца XIX – начала XX в. в России происходила трансформация социально-экономических систем в рыночно-капиталистическом направлении. При изучении этого процесса, особенно на ранней стадии модернизации экономики, представляется важным учитывать сложную структуру предпринимательства, участие в нем различных социальных, национальных, религиозных групп.

Важное место в этой структуре занимает малое предпринимательство. С точки зрения экономической теории, под малым предпринимательством – в противовес крупному – понимают обычно такую форму предпринимательства, которая от-

личается соединением в одном лице собственника и управляющего. Малый предприниматель, как правило, не только вкладывает собственные средства, контролирует их использование, но и лично осуществляет руководство всеми основными процессами – маркетингом, привлечением средств и инвестированием, осуществлением сделок и взаиморасчетов, наймом и увольнением работников [1].

Кустари – это отдельная категория крестьянства, одним из направлений их хозяйственной деятельности является мелкое промышленное производство товаров на рынок. По сути дела, кустарное заведение представляло собой не оформленное юридически предприятие, владельцем которого был мелкий предприниматель.

Широкое развитие кустарных промыслов в Пермской губернии началось во второй половине XIX в. Распространению кустарного производства в среде уральского крестьянства способствовали социально-экономические особенности региона. А именно, близость заводского производства. В связи с кризисом уральской промышленности, мастеровые закрывшихся заводов наделялись землей и приобретали статус крестьянства. Большинство из них предпочли заниматься кустарными промыслами. На 1 января 1895 г. число семей, задействованных в кустарном производстве во всех уездах Пермской губернии, составляло 12 475; лиц обоего пола, входящих в состав этих семейств, – 66 286; процентное соотношение кустарного населения к общему – 2,27. Размер годового производства кустарной промышленности в Пермской губернии в 1894–1895 гг. в сумме превышал 5 млн рублей, что составляло 1/6 часть производства фабричной и заводской промышленности края [2].

В начале XX в. в Пермской губернии насчитывалось более 30 видов кустарных промыслов: производство сельскохозяйственных машин и орудий; бондарный, бурачный промыслы и плетение из прутьев; веревочно-канатный; маслобойный; ткацкий, кружевной, вязание рыболовных сетей; мебельно-столярный; слесарно-кузнечный; кузнечно-клепальный; медноиздельный; гончарный; гранильный, камнерезный, камнетесный; кожевенный, чеботарный, шорный, скорняжный и др.

В связи с промышленным развитием России в целом, особо актуальным стал вопрос о конкуренции кустарных товаров

с фабричными. В конце XIX – начале XX в. имелись два важнейших условия для существования и дальнейшего развития кустарного производства.

Первое – это повышение качества кустарных изделий, которое часто было чрезвычайно низким. Кустари не гнушались и продажей бракованных изделий. Многие изделия, требовавшие определенной художественной обработки, изящества в исполнении, производились грубо и примитивно. Земство в решении данной проблемы пошло путем расширения сети ремесленных школ, учебно-показательных мастерских, организации обучающих выставок, учреждения должности кустарных техников, художников и ужесточения предъявляемых требований при приемке кустарных изделий для сбыта.

Наиболее успешным примером такой деятельности земства служит Юговской завод, который являлся центром мебельного промысла в Пермском уезде. Мебельно-столярный промысел в Юговском заводе претерпел значительную эволюцию на качественном уровне. Начинался этот промысел с ремесленного производства дешевой мебели по заказу служащих завода. В 1880-х гг. юговские кустари сбывали свои изделия на рынках Перми и Кунгура, а также, хотя и в меньшей степени, работали по заказам жителей Перми и заводов. Развитие промысла осуществлялось благодаря планомерной деятельности Пермского уездного земства, которое ввело должность постоянного кустарного техника, предоставило кустарям образцы так называемой «стильной» мебели и строго относилось к качеству мебели, принимаемой им на свой склад. Таким образом земство способствовало формированию для кустарей довольно широкого рынка сбыта. В 1881 г. в Юговском заводе насчитывалось 98 кустарей, а в 1912-м – 484 (при неполных данных). Мебельно-столярный промысел к 1912 г. поглотил собою значительную часть населения Юговского завода (10% всех хозяйств)[3].

Эта деятельность принесла определенные плоды. Проводимые научно-промышленные выставки показали возросший качественный уровень изделий. Получаемые заказы от интендантского ведомства, значительно возросший сбыт изделий пермских кустарей в Сибирь и на Нижегородской ярмарке – все это также свидетельствует об изменениях в производственной культуре кустарей.

Вторым необходимым условием дальнейшего развития кустарного производства в Пермской губернии служило сохранение уровня стоимости товаров или даже ее понижение. Это было возможно за счет исключения из цепочки «кустарь – скупщик – потребитель» скупщика, который во многом определял стоимость товара, так как он не только назначал цену, но и продавал сырье кустарю по завышенным ценам. Одновременно скупщик являлся и кредитором, совмещал в себе целый ряд функций, которые на определенном этапе стали уже тормозить развитие кустарного производства и сокращали получение прибыли в среде кустарей до минимума. Но в этой цепочке на месте скупщика должен был появиться кто-то другой. В условиях российского рынка конца XIX – начала XX в. отдельный кустарь не мог свободно выходить на рынок, требовался посредник. И таким посредником на отдельных территориях стало земство.

Пермское земство открыло кустарные склады, наиболее успешным в своей работе стал склад Пермского уездного земства. Учрежденный в 1888 г., склад принимал изделия на комиссию с выдачей 50% стоимости последних, взимая за возмещение расходов по складу 5% комиссионных, а также брал на себя посредническую роль при заказах и в других случаях. К 1894 г. склад получил на реализацию кустарных изделий на сумму 26 046 руб., причем продано из них было на сумму до 20 608 руб. Только 5%-ный сбор дал земству прибыли 1078 руб. за 1893 г.[4] Губернским земством был открыт Кустарно-промышленный банк, что увеличило возможности для кредитования кустарей, хотя, конечно, не решило всей проблемы. Земство осуществляло и посредническую деятельность в предоставлении кустарям доступного сырья, например леса.

После 1906 г. разворачивается активная деятельность земства по созданию кустарных артелей. Правда, артели кустарей очень слабо охватывали непосредственный производственный процесс; большинство из них кооперировались только для приобретения и хранения сырья, использования ссуд, сбыта произведенных товаров, совместного использования какого-либо оборудования и т. п. Лишь немногие кооперировали средства производства и труд членов артели; при этом, чем больше артель охватывала производство, тем больше она приближалась к обычному капиталистическому пред-

приятию. В 90-х гг. XIX – начале XX в. кустарные артели получили наибольшее развитие в Пермской губернии. Из 582 артелей, существовавших здесь к началу первой революции, 454, или 78%, были ссудными объединениями, то есть создавались исключительно для получения ссуд из банка под круговую поруку, 71 артель объединяла сырьевые операции и только 57 артелей, или около 10% от общего количества, были производительными, из них 10 артелей носили чисто предпринимательский характер [5].

В рассматриваемый период можно говорить о процессе становления определенной предпринимательской культуры, которая включала в себя схемы и технологические взаимодействия кустарей и отдельных структур. В этот период происходило изменение ценностных ориентиров кустарей в сторону более характерных именно для рыночной системы. Чертами предпринимательской культуры могут быть обозначены: выполнение партнерских взаимных деловых обязательств, определенные модели взаимоотношения с властными структурами, верность обязательствам, уважение к потребителю, склонность к новаторству и т. д. Причем формирование новых ценностей проходило под воздействием внешних факторов: деятельности земства и правительства (посредством государственных заказов). Заметим, однако, что, несмотря на экономические факторы воздействия и деятельность земства, а иногда и благодаря им, в среде кустарей формировались и такие черты, как стремление к иждивенчеству, попытки и желание получения беспроцентной и даже безвозвратной ссуды, встречались факты подлога, обмана в процессе сбыта, кредитования и т. д.

Таким образом, в целом можно говорить о формировании основ для дальнейшего складывания традиций предпринимательства кустарей, и этот процесс был прерван революционными событиями 1917 г.

---

[1] Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее. – М., 2003. С. 9.

[2] Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии. – Пермь, 1896. С. 18.

[3] *Красноперов Е. И.* Кустарная промышленность Пермской губернии на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в г. Екатеринбурге в 1887 году. Вып. 2. – Пермь, 1889.

[4] 25-летие Пермского уездного земства (10 мая 1870 г. – 10 мая 1895 г.) / Сост. В. И. Маноцков. – Пермь, 1895. С. 98.

[5] *Файн Л. Е.* Отечественная кооперация: исторический опыт. – Иваново, 1994. С. 18–19.

Н. И. Морозов

«Крестьянская волна» в коммунистическом движении молодежи в СССР и ее последствия для ВЛКСМ: к вопросу о постановке проблемы в эмигрантской литературе

Проблемы окончательно умершего еще в прошлом тысячелетии коммунистического союза молодежи, как казалось еще совсем недавно, вдруг снова стали весьма актуальными: попытки создания нынешней российской властью аналогичной молодежной структуры оказываются на редкость безуспешными. Причин тому много, и одна из них – явное несоответствие интересов широких слоев молодежи и политических запросов государства. Такая же ситуация была характерна и для России 1910–1920-х гг., и исследователи по-разному рассматривали ее. Вне зависимости от собственных политических ориентиров все сходились во мнении, что крестьянская молодежь оказывала безусловно негативное воздействие на коммунистическую молодежную организацию из-за принципиального несоответствия интересов, но вот каков был механизм воздействия на ВЛКСМ – в этом вопросе начинались различия.

Советские авторы трактовали проблему в духе классического марксизма, хотя и весьма упрощенно. «Мелкобуржуазное влияние на комсомол» и в период действия «новой экономической политики», и до нее ими признавалось, но данное обстоятельство рассматривалось как совершенно неизбежное в условиях существовавшей социально-классовой структуры российского общества. Как безусловно мелкобуржуазные влияния рассматривались случаи хулиганства, антисемитизма, проституции, алкоголизма и прочих крайне негативных в морально-этическом плане социальных явлений, однако факт мелкобуржуазного перерождения самого комсомола отрицался как невозможный в принципе. Подчеркнем: под «мелко-

буржуазным влиянием» в комсомоле историки в Советской России вполне отчетливо усматривали социально-классовую подоплеку, не утруждая себя анализом общекультурного и социально-психологического уровня комсомольцев в целом и деревенских – в частности.

Эмигрантские авторы подходили к проблеме иначе. Безусловно, оценки ситуации в российской молодежной среде зависели от меры их собственных притязаний на определение путей развития послеоктябрьской России, а также от степени уверенности в их осуществимости. Если анархистские, религиозно-монархические и отчасти эсеровские авторы [1] были едины в своих опасениях по поводу возможного перевоспитания комсомолом крестьянской молодежи, полагая, что дело возвращения ее «на путь истинный» (т. е. к прежнему уровню неорганизованного движения молодежи – «посиделок», «вечерок» и даже культурно-просветительных кружков. – *Н. М.*) будет весьма сложным, хотя и не абсолютно безнадежным, то меньшевистские авторы напрочь отрицали саму возможность идейно-политической переориентации юношества села в коммунистическом направлении.

Такой взгляд социал-демократов непосредственно вытекал из признания ими объективно-реакционной роли в социалистическом преобразовании России крестьянства как класса феодального общества. Э. Милич, Л. Агренев, С. Моисеев распространили и конкретизировали этот подход применительно к крестьянской молодежи нашей страны. В статье «Распад» Милича отмечалось, что там, где комсомол «не преуспел» «в деле насаждения своего идеологического диктата», крестьянское юношество объединяется не вокруг создаваемых им (комсомолом) кружков, а вокруг «культурно-просветительных обществ традиционного типа» [2]. Тем самым автор стремился доказать, что любая, даже самая малая «прививка» коммунистической идеологии совершенно отторгается молодежью российской деревни и совершенно не касался причин, по которым комсомол действительно зачастую при всем своем желании «не преуспевал» и по объективным причинам не мог преуспеть «в деле насаждения». За Милича это сделали комсомольские авторы. Я. Мушкерт, Л. Смолин, З. Сталин и ряд других исследователей [3], проанализировав количественные показатели численности РКСМ, не просто приходили к выводу о совершенно неблагоприятном для комсомола соотноше-

нии сил в деревне, а показывали более чем десятикратное численное преобладание молодежных культурно-просветительных обществ над сельскими организациями РКСМ. Именно в этом усматривался корень проблемы. Причина подобной ситуации виделась в одном: изначально несопоставимых и неравных условиях комсомола деревни и местных «культпросветов» как с точки зрения кадров руководителей, так и наличия материальных и финансовых ресурсов. В некоторых из этих работ упоминались и другие факторы: косность крестьянства, запрещавшего своим детям вступать в комсомол, административные увлечения сельских активистов союза, вызывавшие естественный и закономерный протест юношества, клерикальные влияния и др. Таким образом, для Милича, да и для иных эмигрантских авторов, с чисто научной точки зрения, гораздо больший интерес представляло рассмотрение несколько иного вопроса: почему, несмотря на все препятствия, определенная часть крестьянской молодежи все же группируется вокруг деревенского комсомола и создаваемых этим союзом культурно-просветительных кружков, хотя «враждебность крестьянства социализму» отвергала такую возможность в принципе.

Меньшевистские авторы усматривали еще один аспект данной проблемы. Они полагали, что не только социально-классовые изменения напрямую влияли на деструктивные процессы в РКСМ. С «устранением», в социал-демократической интерпретации, комсомола из сферы решения социально-политических вопросов наиболее негативно на ход дел в союзе стали влиять факторы культурно-психологического плана. Л. Агренев, С. Моисеев и другие публицисты, приходя к выводу об одинаково неблагоприятном воздействии на РКСМ городской мещанско-мелкобуржуазной молодежи, отмечали в то же время, что она, резко понижая уровень политической активности комсомола, оказывала на союз все же менее неблагоприятное воздействие, нежели сельская молодежь, которая более интенсивно атрофировала все его функции не столько в силу своей многочисленности, сколько из-за своей вопиющей общекультурной отсталости [4]. Резко расширив спектр некоммунистических организаций крестьянской молодежи (от альтернативных комсомолу «ячеек № 2» до «союзов дисциплинированной молодежи»), Агренев попытался продемонстрировать безнадежность усилий РКСМ в деревне, но анализа причин складывавшейся ситуации он не давал. Мои-

сеев вообще вел речь об «антикомсомольских устремлениях крестьянской молодежи», ссылаясь на точку зрения своих коллег на крестьянское юношество как на «враждебную комсомолу силу». Сама «враждебность» выводилась им из одного только факта социально-классовой принадлежности, а не из конкретного анализа отношения крестьянства к внутренней политике Советской власти. Подобные заключения во многом являлись результатом теоретизирования, а не конкретного исторического анализа, и меньшевистские авторы были вынуждены постоянно корректировать свои взгляды, чтобы их теоретические построения соответствовали действительности. Если Милич в 1923 г. заявлял о стремлении вообще *всей* крестьянской молодежи покинуть комсомол с началом новой экономической политики, то авторы более поздних публикаций на эту тему отмечали, что процесс выхода молодежи деревни из комсомола уравновешивается встречным потоком. При этом велась речь уже только о «тенденции к самоопределению» в рамках союза, причем конкретные причины, ее вызывавшие, снова не отмечались. Такая постановка вопроса – о «тенденции к самоопределению» в рамках союза, вне его, там и здесь – позволяла в разное время различным образом интерпретировать ситуацию, учитывая меняющуюся историческую обстановку.

Моисеев в ряде своих статей в конце 1920-х гг. писал уже не о выходе крестьянского юношества из комсомола, а о «растущей, как снежный ком» крестьянской составляющей комсомола. Здесь вполне очевидно, что, даже не найдя подтверждения ранее высказанным идеям и положениям, их авторы стремились видоизменить их таким образом, чтобы прежний тезис, хотя и в ином «облачении», все же продолжал звучать. Отрицая саму возможность придания коммунистической ориентации крестьянской молодежи, меньшевистские публицисты писали о выходе ее из РКСМ; когда же этот процесс завершился на определенном уровне и пошел в противоположном направлении, социал-демократические авторы стали отмечать «разложение комсомола» изнутри. Характерно, однако, что никто из исследователей не отметил синхронности и взаимообусловленности этих процессов при одновременном «повороте» комсомола к интересам и запросам молодых крестьян.

Но вот самому этому повороту меньшевистские публицисты уделяли значительное внимание. Руководство комсомола, как представлялось Агреневу и Моисееву, было вынуждено

принимать в союз крестьянскую молодежь, «насквозь пропитанную собственническими инстинктами», лишь с единственной целью – дабы нейтрализовать ее растущую социальную активность, более не укладывавшуюся в рамки всевозможных «посиделок». Этого требовал, по мнению авторов, все тот же «социальный заказ», форма которого лишь несколько видоизменилась в 1920-х гг., не претерпев никаких изменений по сути. Таким путем в очередной раз обосновывалась роль комсомола как «узурпатора» молодежного движения, но такого узурпатора, который сам более всего страдает от взятых на себя помимо своей воли обязанностей. Специфичность положения в союзе представлялась этим авторам следующим образом. Актив комсомола качеством своего состава и уровнем своей идейной зрелости не мог «перекрыть» значимость крестьянской составляющей, ее роль и влияние в ВЛКСМ. В итоге, отсюда стали «слышаться голоса» о равенстве прав и даже о придании ей приоритетной роли. Все эти «симптомы» являлись следствием процесса «переваривания» комсомола крестьянством, а поскольку оно (переваривание) осуществлялось даже не середняцкой молодежью, а той ее частью, которая «идет в фарватере имущественных элементов деревни», то и реакция на подобное положение со стороны ВКП(б) была крайне жесткой. У комсомола «отобрали» немногочисленные политические функции.

Из подробной, выстроенной цепочки умозаключений, базировавшихся на привлечении статистических данных, Моисеев делал вывод о фактической ликвидации в СССР к началу 1930-х гг. коммунистического молодежного движения: «На излете нэпа комсомол ...полностью подчинился государственному аппарату и стал отделом этого аппарата по использованию молодежи в целях реализации хозяйственно-политических заданий»[5]. Получалось, следовательно, что с конца 1920-х гг. комсомол даже формально не являлся молодежной общественно-политической организацией, а выполнял лишь сугубо компенсационно-хозяйственные функции. Логически отсюда вытекал довольно простой вывод – основную роль в демонтаже комсомола как коммунистической организации молодежи сыграло крестьянство!

Подведем итог. Социально-классовые и психовозрастные особенности крестьянской молодежи при ее многочисленности и преобладании в молодом поколении страны вели к адап-

тации комсомола к ее интересам и потребностям. Резкая смена политики обеспечивала «импульсный» характер такого воздействия. Менялись лишь формы и методы – в условиях «военного коммунизма» они одни, в условиях нэпа – другие. Результат оставался неизменным: комсомол превращался в союз крестьянской молодежи с легким социал-революционным политическим «окрасом». Если учесть, что степень «крестьянизации» российского городского населения и сегодня достаточно высока, то становится очевидной и перспектива посткоммунистического союза молодежи в России вне зависимости от придуманного для него наименования – «Идущие вместе», «Молодые демократы России» и т. п.

---

[1] См.: Гонения на анархизм в Советской России. – Берлин, 1922; *Каширский Я.* Русское трудовое христианское движение. – Женева, 1934; *Н.* О русской церкви // Путь (Париж). 1926. № 12; *Иванович С.* Десять лет коммунистической монополии. – Париж, 1928; К. Деревня Ярославской губернии // Социалистический вестник. 1925. № 2; и др.

[2] *Милич Э.* Распад (О комсомоле) // Социалистический вестник. 1923. № 4.

[3] *Мушкерт Я.* Комсомол и молодежь национальных меньшинств. – М., 1926; *Смолин Л.* Комсомол на фронте безбожия; *Сталин З.* Комсомольская деревня на Украине; *Сутулов Л.* Комсомол в борьбе с религией. – М., 1929; *Туткин Н.* Крестьянская девушка и комсомол. – М.–Л., 1927; и др.

[4] См.: *Агренев Л.* Комсомол // Социалистический вестник. 1929; *Моисеев С.* К юбилею комсомола. Там же; *Он же.* О чем говорят Ирпенские аресты // Там же; и др.

[5] *Моисеев С.* Возрождение военного коммунизма и КСМ // Социалистический вестник. 1927. № 4. С. 16.

В. П. Мохов

Сельская номенклатура КПСС и сельские жители 1970–1980-х гг.: симбиоз или конфликт?

О роли номенклатуры в жизни советского общества уже появилось немало серьезных работ (М. Восленский, В. Пашин и Ю. Свириденко и др.), тем не менее многие аспекты деятельности номенклатуры до настоящего времени не изучены. По-

жалуй, один из самых сложных для оценки сюжетов – соотношение номенклатуры и населения, их взаимоотношения. Представления о вечном конфликте между номенклатурой и массами, о номенклатуре как «эксплуататорском» классе советского общества представляются излишне политизированными, упрощенными.

Особого изучения требует социальная роль номенклатуры на селе. Казалось бы, именно село понесло максимальные потери от деятельности номенклатуры в 1930-е гг. в связи с проведением курса на форсированную индустриализацию страны, и именно на селе должен был быть более сильным раскол между властью, олицетворяемой сельской номенклатурой, и сельскими жителями. Однако ход постсоветского развития показывает, что российское село последних 15 лет медленнее всего отходит от практики советской жизни, в нем сильнее всего развиты традиции социальных отношений, порожденных советской эпохой и номенклатурой.

Анализ данного феномена можно было бы начать с констатации известного факта: номенклатура – это массовый слой. Однако добавим существенную деталь, которая принципиально меняет логику последующих размышлений: номенклатура включала в свой состав не только руководителей, не всех руководителей, не только коммунистов. Это массовый слой, отражающий в своей деятельности ряд существенных особенностей тех социальных групп, которыми он руководит. Сама номенклатура формировалась из той социальной базы, которая имелась в наличии, причем каждое ее поколение имело историческую специфику, отражающую общий уровень образования в стране, особенности социального происхождения, основные потоки миграций трудовых ресурсов и др.

Для сельской номенклатуры, впрочем, было характерно несколько специфических черт. Во-первых, сильные кадровые и социальные интервенции города в сельскую номенклатуру. Эти интервенции происходили в форме присылки на село партийных и хозяйственных руководителей для «укрепления руководства», что влияло на социальный облик сельской номенклатуры, значительно меняя ее состав. Такой социальный контроль города над селом практиковался в первые 40–45 лет существования Советской власти, наиболее силь-

ными социальные интервенции были при Ленине и Сталине, но и Хрущев продолжал посылать горожан (специалистов, передовиков производства, руководителей, коммунистов и комсомольцев и др.) для подъема сельского хозяйства и оказания помощи селу в кадровом отношении. Правда, в этот период такая практика уже начинала изживать себя, поскольку столкнулась с серьезным сопротивлением самой номенклатуры, в первую очередь городской, а также с самим курсом на либерализацию политического режима. Второй специфической чертой сельской номенклатуры можно считать сокращение социальной дистанции между номенклатурой и населением. Так, в Пермской области в 1970–1980-е гг. в сельской местности каждый из 8 коммунистов был членом номенклатуры райкома, в городах – один из 16, в областном центре – один из 25. Средний удельный вес номенклатуры возрастает от областного центра к селу: чем меньше доля городского населения, тем выше плотность номенклатуры. Третьей специфической чертой сельской номенклатуры можно назвать тенденцию сращивания номенклатуры с «образованным классом» села. В некоторых сельских районах треть и более специалистов с высшим образованием входили в состав номенклатуры местного партийного комитета. В среднем плотность номенклатурных работников среди специалистов с высшим образованием на селе была в 7 раз выше, чем в областном центре. Четвертая специфическая черта сельской номенклатуры заключалась в создании более тесного и сплоченного, чем в городе, номенклатурного сообщества, в котором тесно переплетались внутриноменклатурные связи. В 1970–1980-е гг. городские кадровые интервенции ослабли, они существовали, как правило, в форме трехлетней отработки молодых специалистов после окончания высших учебных заведений или возвращения на село выпускников вузов – выходцев из села. На селе оставались, в основном, люди, знающие специфику села или нашедшие свое место в системе власти на селе.

Существовала принципиальная несхожесть ситуаций в крупном промышленном центре и сельских районах с точки зрения комплектования и развития номенклатуры. Городская среда создавала условия для альтернативности и многовариантности должностного роста специалистов и руководителей. В городе толковый специалист мог достигнуть высоких (хотя и

не первых в соответствующей иерархии) постов, не вступая в прямую зависимость от непосредственных кадровых решений соответствующих партийных комитетов. Для сельских районов такая ситуация была скорее исключением. На селе любое существенное должностное продвижение, а тем более властное, могло происходить только в рамках номенклатурной стратегии, что означало занятие предноменклатурных или номенклатурных должностей. Поэтому лидеры номенклатуры на селе обладали исключительным по силе властным капиталом и мощными социальными связями, за рамками которых практически не оставалось свободного социального пространства.

Кроме того, нужно учитывать и общеноменклатурные тенденции развития: если в первой половине XX в. советская номенклатура носила в основном партийно-государственный характер, включая преимущественно руководителей партийных и государственных структур, то во второй половине XX в. (после смерти Сталина) она стала носить партийно-хозяйственный характер, включая преимущественно руководителей партийных структур и так называемых «хозяйственников». На практике это означало особую роль председателей колхозов и директоров совхозов, а также руководителей государственно-хозяйственных структур.

К числу общеноменклатурных тенденций развития можно отнести и то, что практически все члены сельских номенклатур в той или иной форме проходили «городскую школу» (обучение в городских вузах, работа на городских предприятиях, проживание в городе и др.) и «коммунистическую школу» (политическая социализация в комсомоле, КПСС, на руководящих должностях в общественных организациях, тиражировавших основные положения политической стратегии КПСС). Поэтому они в различной степени разделяли индустриальную политику КПСС и государства, были ее проводниками.

Взаимоотношения между сельской номенклатурой и массами за годы Советской власти претерпели существенные изменения. Если в период 1930-х гг. это был крупный социальный конфликт, преодолеть который удалось лишь за счет раскола села и установления прямой диктатуры города, то в 1960–1980-е гг. ситуация меняется. Разрыв между сельской номенклатурой и жителями села уменьшается. Это объясняется тремя обстоятельствами.

Во-первых, сложились специфические формы экономических отношений (административно-бюрократический рынок), которые создавали нишу (и экономическую, и социальную) для выживания сельчан за счет стихийного перераспределения государственной и колхозной собственности, а также благодаря политике государственного патернализма. В рамках этих отношений формируется крайне противоречивая ситуация: с одной стороны, для значительной части жителей села было характерно социальное иждивенчество, выражавшееся в росте ожиданий социальных благ от государства; с другой стороны, колхозы и совхозы продолжали, хотя и в менее выраженной форме, играть роль экономического насоса, благодаря которому ресурсы перетекали из села в город, из сельского хозяйства в индустриальный сектор экономики.

Во-вторых, на селе сложилась специфическая форма социальных отношений, в рамках которых население видело в номенклатуре канал социальной мобильности. Сколько-нибудь серьезное улучшение социального положения жителей села могло быть достигнуто за счет их включения во властные отношения (политико-властные, властно-хозяйственные), что без участия номенклатуры было невозможно. Главным конфликтом на селе стал конфликт по поводу перераспределения государственных ресурсов между различными группами сельского населения, а если говорить точнее – между различными группами номенклатуры.

В-третьих, в 1960–1980-е гг. изменился облик сельской номенклатуры, которая стала представлять продукт целенаправленной селекции, с одной стороны, отражая представления КПСС о характере деятельности и социального состава властной группы на селе, с другой стороны, вбирая все наиболее активные элементы села в номенклатуру.

Поэтому между сельской номенклатурой и населением сложились специфические отношения, которые можно было бы назвать симбиозом, основанным на принципе взаимодополнительности. Номенклатура на селе имела в качестве своей социальной базы и социального ресурса определенные группы сельского населения; население в лице определенных групп номенклатуры имело «своих» представителей перед властью. Данный симбиоз действовал до тех пор, пока обе стороны выполняли негласный социальный контракт: сельская но-

менклатура обеспечивала минимум государственных ресурсов; население поддерживало номенклатуру, пока она выполняла свои социальные обязательства. Эти взаимоотношения на определенном историческом этапе устраивали сельское население, поскольку в 1970–1980-е гг. произошло повышение уровня его жизни, но в конце концов привели к крайне негативным социальным последствиям: власть в лице номенклатуры «перекачала» ресурсы, в том числе и кадровые, из села в город, обескровила село, лишила его внутренних стимулов к развитию.

Л. А. Иванова

1937 год в деревне
(по материалам Прикамья)

Изучение конкретной истории репрессивной политики Советской власти началось сравнительно недавно. Нельзя сказать, что на сегодняшний день мы имеем достаточно полную картину самого концентрированного ее этапа – «Большого террора» 1937–1938 гг. В сложившемся представлении он воспринимается как явление, имевшее место в крупных промышленных центрах, столицах. Вместе с тем, в 1937 г., несмотря на ускоренную индустриализацию страны, ее население оставалось преимущественно крестьянским. В силу этого ограничивать социальное пространство, на котором развертывались репрессии, – значит сужать их масштабы и социальный смысл, а тем самым их общий замысел и последствия.

Проблема мотивации «Большого террора» сложна, она не может иметь однозначного решения. На этот счет в литературе высказано множество версий – от сталинской паранойи до общих суждений о неизбежности террора как одной из основ тоталитарной системы. Вместе с тем, на наш взгляд, нельзя не учитывать конкретной социально-экономической и политической ситуации, сложившейся в стране в преддверии массового террора в 1936-м – начале 1937 г. Изучение региональных материалов позволяет выявить некоторые существенные обстоятельства, ранее не учитываемые при обсуждении причин репрессий, в частности, их распространения на деревню.

Деревня в это время находилась в тяжелейшем состоянии

вследствие колоссального недорода 1936 г. По стране в целом валовой сбор зерна упал с 74,3 млн т в 1935 г. до 61,1 млн т в 1936 г., а размер госпоставок зерна остался почти прежним. Как всегда, бедствие поразило в большей степени зерновые районы, но и в потребляющей зоне положение было на грани трагического, что и подтверждает ситуация в Прикамье [1]. Сложилось критическое положение со снабжением населения продовольствием, как сельского, так и городского. Так, в докладной записке руководства Коми-Пермяцкого округа в Совнарком РСФСР от 11 июня 1937 г. сообщалось, что в округе из 505 колхозов только в 41 произведено распределение зерна на трудодни за 1936 г., «чрезвычайно тяжелое положение с продовольствием» сложилось еще с января 1937 г. В Кудымкаре, в леспромхозах очереди за хлебом стояли ночами, было введено нормированное снабжение, но и оно не обеспечивалось. На почве недоедания в округе возросли смертность, детская безнадзорность, преступность. Окружное руководство просило правительство снизить размер поставок колхозной продукции, дать продовольственную ссуду. Подобное положение наблюдалось и в других районах.

Красноречиво письмо молодого колхозника Якушева из с. Бондюг Чердынского района, написанное Сталину 17 ноября 1936 г. Автор сообщает о низком урожае, при этом «весь хлеб сдают, потому что большое обложение на сдачу хлеба», на один трудодень не приходится и по 1 кг зерна. «Колхозники живут и питаются очень плохо... ходят оборванные, в лаптях, не имеют переменного белья». Особенно безрадостно описание жизни сельской молодежи: «Культуры нет никакой в колхозах, кроме школы, которую бросают не оканчивая. С 10–12 лет идут на работу в колхоз, потому что нечем питаться... Нет обуви, одежды, вообще нет средств для учебы... Колхозники ругают Советскую власть, а также и Вас...» Как видно, автор письма обрисовал общую ситуацию в колхозной деревне, обостренную неурожаем 1936 г. В конце письма он наивно просит вождя срочно исправить данное положение.

Приведенные зарисовки реального положения народа резко диссонировали с торжествами по поводу принятия новой Конституции СССР. Люди видели несоответствие тезисов Конституции реальной действительности. Вместо помощи они получали фальшивые лозунги и новые обязательства перед

властью. Это породило недовольство, ставшее выливаться в социальный протест. Органы НКВД фиксировали нарастание критики и прямой брани в адрес власти. Имели место высказывания такого рода: «Вот вам и новая Конституция, а хлеба нет. Коммунисты хотят накормить народ бумагой...»; «Конституция – это пыль, пущенная коммунистами народу. Лучше бы они озаботились о колхозниках, умирающих с голоду, а то последний хлеб отбирают...» Информаторы отмечали, что подобные реплики высказывали люди разных социальных слоев – колхозники и единоличники, рабочие и служащие, даже «красные партизаны» и члены ВКП(б). Еще одно обстоятельство сильно встревожило власти – активизация деятельности духовенства и надежды верующих на возвращение им церквей в связи с положением Конституции о свободе вероисповедания. В ряде мест церковные активисты начали собирать деньги на восстановление церквей, составлялись соответствующие заявления властям. Верующих же, по данным переписи 1937 г., оставалось более половины населения страны. В связи с новым избирательным законом возникли надежды на свободные выборы, на возможность выдвижения кандидатов в депутаты Советов снизу, действительно «от народа». Что власть сильно этого опасалась, свидетельствует выступление Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г., в котором он высказался о предстоящей борьбе на выборах за овладение Советами с еще не искорененными антисоветскими силами.

Необходимо было пресечь эти тенденции, найти виновных в сложившемся кризисном экономическом положении. Таковыми и стали «враги народа», диверсанты и шпионы, наводнившие все уровни советской системы. Исходным моментом для начала массовых репрессий стал, как известно, февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. Положение в деревне там специально не рассматривалось, однако тезис о том, что враги есть повсюду, имел всеобщее значение и дал толчок к поиску врагов и в сельском хозяйстве. Свердловский обком партии уже во время работы Пленума получил разнос за допущение очередей за хлебом в городах (в том числе и в Перми) в период политической кампании по принятию Конституции. Второй грозный окрик последовал 11 мая 1937 г. – телеграмма ЦК за подписями Сталина и Молотова о катастрофическом отставании Урала в весеннем севе (на 5 мая было

засеяно только 10% площадей). В документах обком порицался за плохое руководство хозяйством, вменялось выявить «вредительскую работу целой шайки троцкистов». А 3 августа 1937 г. ЦК республиканских компартий, крайкомы и обкомы ВКП(б) получили шифрованную телеграмму за подписью Сталина, в которой указывалось, что «в краях, областях и республиках вскрыта вредительская работа врагов народа в области сельского хозяйства, направленная на подрыв хозяйства колхозов и на провоцирование колхозников на недовольство против Советской власти...» Предписывалось организовать «по районам 2–3 открытых показательных процесса над врагами народа – вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные партийные, советские и земельные органы (работники МТС и райЗО, райисполкомов, секретари РК и т. п.), широко осветив ход судебных процессов в местной печати» [2].

Таким образом, из ЦК партии и лично от Сталина были получены исчерпывающе точные, адресные указания о том, кого следует репрессировать за неблагополучие в сельском хозяйстве. Еще ранее, 2 июля 1937 г., Политбюро приняло решение «Об антисоветских элементах», под которыми подразумевались разные «бывшие», в том числе бывшие кулаки. На основании этого решения последовал приказ НКВД «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» (так называемая «кулацкая операция»), в ходе которой применялись новые жестокие кары к уже репрессированным – расстрел (1-я категория) или заключение в ИТЛ на 8–10 лет (2-я категория).

Репрессивные акции в прикамской деревне нами уже освещались в ряде публикаций, новые материалы помещены в сборнике документов «Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980-е гг.» (2004), поэтому ограничимся их дифференциацией по социальным и этническим категориям, а также по политическим «окраскам», как значилось в документах НКВД. Упомянутая уже «кулацкая операция» была наиболее организованной, имеющей характер армейского действия, с определением точных сроков (с 5 августа до декабря 1937 г.) и контрольных цифр по обеим категориям репрессируемых: для Свердловской области – 4 тыс. человек на расстрел и 6 тыс. – в лагеря. Пока трудно назвать количество репрессированных по этой акции в Прикамье, однако сведения по Коми-Пермяц-

кому округу показывают, что плановые задания выполнялись и перевыполнялись. Окружной отдел НКВД получил разнарядку на 700–800 человек для расстрела и 1500 человек – в лагеря. «Эта цифра была выполнена в десятки дней», после чего получены новые планы.

«Кулацкая операция» проводилась параллельно с репрессированием «контрреволюционных национальных контингентов», которое шло по всей стране, в городах и сельской местности. В Прикамье эти акции часто совпадали с репрессированием бывших кулаков, поскольку среди высланных на Урал было много поляков, прибалтов, белорусов, украинцев и др. Так, Коми округ получил разнарядку на «изъятие» 400 поляков «и других иностранцев». Выполняя план, отдел НКВД организовал несколько дел «польских шпионов». В Гаинском районе была «вскрыта и ликвидирована» польская «контрреволюционная шпионско-террористическая и диверсионно-повстанческая организация» в составе 24 человек, из поляков в пос. Чуртан. Все были расстреляны. Показателен пример с эстонкой П. Ливалехт, высланной в 1932 г. в пос. Вижаиха (Чердынский, а позднее – Красновишерский район). Не владевшая русским языком, неграмотная, она якобы дала показания о переписке с иностранным государством и содержании конспиративной квартиры для ведения шпионской и диверсионной работы. Ливалехт была заключена в лагерь, где и умерла.

Для репрессирования служителей православной церкви и верующих, а также представителей иных конфессий у власти, как уже было показано, имелись особо веские основания. Необходимо было лишить народ еще оставшихся духовных пастырей и пресечь надежды на духовную свободу. Акции против «церковников» были как индивидуальные, так и групповые, в том числе районного масштаба. Так, в Березовском районе была «вскрыта» антисоветская организация из 26 человек, в их числе 4 священника и один дьякон, остальные – активисты церковной общины и верующие. Они обвинялись в систематической антисоветской агитации с целью свержения Советской власти, в причастности к «общеуральской фашистско-повстанческой организации церковников». Аналогичные организации были «выявлены» в Еловском, Верещагинском, Пермском и других районах. Их связи выводились на Свердловского митрополита Михаила Трубина, обвиненного в качестве лидера

контрреволюционных церковников на Урале. В районах с татаро-башкирским населением изобретались религиозные объединения, якобы руководимые Всеуральской контрреволюционной организацией мусульман. Примером может быть «Бардымское дело», по которому были обвинены 28 человек, в их числе муллы и их сыновья, башкирские учителя – наиболее образованные люди на селе. 26 человек были расстреляны, двое попали в лагеря. Репрессирование служителей религиозных культов и верующих было повсеместным, в масштабах страны оно вылилось в третью, завершающую волну разгрома духовенства и церкви.

Особое место среди репрессивных акций 1937–1938 гг. в деревне занимают дела районных контрреволюционных повстанческих организаций, наименее изученные на сегодняшний день. По замыслу НКВД, центром повстанческих организаций становился Уральский областной штаб в Свердловске во главе с секретарями обкома И. Д. Кабаковым и К. Ф. Пшеницыным; штаб руководил 6 окружными организациями, в том числе Пермской и Коми-Пермяцкой. Пермский повстанческий округ во главе с секретарями Пермского горкома ВКП(б) Дьячковым и Голышевым и председателем горисполкома Старковым делился на 22 районные организации, Коми-Пермяцкий – на 6. Соответствующее количество районных организаций необходимо было «выявить и ликвидировать», что и исполнялось с энтузиазмом и изобретательностью. Так, в штаб Пермской районной организации были включены, помимо указанных лиц, комдив Полянский (для придания организации военизированного характера), управляющий Камским речным пароходством Кандалинцев (видимо, для обеспечения связи по водным путям). По сельсоветам Пермского района размещались повстанческие «взводы» во главе с председателями сельсоветов, колхозов, директорами МТС; участниками «взводов» становились учителя, комсомольцы, сельские специалисты, рядовые колхозники и др. По делу Пермской районной организации были обвинены и отправлены в БАМлаг 42 человека. Руководители были расстреляны. Коми-Пермяцкой повстанческой организации был придан, с учетом национальной специфики округа, буржуазно-националистический характер, выраженный якобы в стремлении к национальной обособленности и в тяготении к родственной этнически

Финляндии, вплоть до вхождения в ее состав. Идеологом такой «окраски» организации был назван видный деятель коми культуры Ф. Г. Тараканов. Руководителями штаба в Кудымкаре оказались секретари окружкома партии А. И. Благонравов, И. С. Голик, прокурор А. Ф. Юркин, оперативное руководство представлял Я. А. Кривощеков, председатель окружной организации Осоавиахима. Районные организации были названы «ротами», на местах также действовали «взводы» – в колхозах, леспромхозах, спецпоселках и др. За слабую раскрутку дела к членам штаба вскоре были причислены и руководители окротдела НКВД И. И. Другов и В. Т. Воронов. Помимо данного дела, окружное руководство было обвинено еще отдельно в организации вредительства в сельском хозяйстве.

Подобные «шпионско-диверсионные», «к.-р. повстанческие», «фашистско-террористические», а также анархистские, эсеровские, правотроцкистские и прочие организации (на изобретение «окрасок» органы НКВД не скупились) во второй половине 1937 г. – начале 1938 г. «обнаруживались» во многих районах – Большесосновском, Березниковском, Березовском, Верещагинском, Еловском, Кунгурском, Оханском, Суксунском, Чердынском и др. Все они вписывались в весьма сложную и изощренную конструкцию контрреволюционной периферии, имеющей региональный (г. Свердловск) и союзные центры, представленные на известных московских процессах 1936–1938 гг. Конструкция была виртуальной, однако стала способом проведения широкомасштабных репрессивных акций, охвативших множество людей, размещенных «органами» на всех этажах «пирамиды власти» и в ее основании – среди «рядовых» граждан, в том числе и сельских жителей.

Последствия массовых репрессий многоплановы, и об этом немало написано. На основе данного исследования особенно явственно предстают следующие. Помимо многочисленных человеческих жертв (подсчитать которые весьма затруднительно из-за закрытости источников и распыленности данных по районам), обнаружилось почти полное (на 90%) оголение управленческих аппаратов районного уровня и нижестоящих. По всей Свердловской области в 1937 г. было снято 47,7% председателей колхозов, от 40 до 50% заведующих фермами и бригадиров. При образовании Пермской области

осенью 1938 г. оргкомитетом были отмечены значительная неукомплектованность управленческих структур кадрами и острый недостаток специалистов сельского хозяйства. Чистка колхозов от антисоветских элементов привела к сокращению численности трудоспособных колхозников. По данным 26 районов Прикамья, с конца 1936 г. и до середины 1938 г. из колхозов были исключены 1732 семьи; с учетом самовольно вышедших (бежали «на производство») около 4 тыс. семей это составило немалый ущерб. Повсеместность данного явления вынудила руководство страны принять в апреле 1938 г. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О запрещении исключения колхозников из колхозов».

Экономическим последствием массовых репрессий в деревне стало ухудшение состояния сельскохозяйственного производства. В Прикамье в 1938 г. сельхозработы проводились «совершенно неудовлетворительно», урожайность зерновых составила в среднем 7 ц/га, план хлебозаготовок в конце года был выполнен лишь на 50%, продолжалось сокращение поголовья скота. В 1939 г. острый кризис снабжения охватил всю страну.

Трудно измерить моральные издержки и психологические последствия массовых репрессий. Страх, подавленность, осторожность в действиях стали препятствием инициативе, творческому поиску, общественной и производственной активности. Пример тому – затухание не успевшего разгореться с помощью власти стахановского движения. Перестали фиксироваться критика власти и даже робкие проявления протеста. На организованных властью митингах люди с энтузиазмом клеймили врагов народа и заявляли о преданности и любви вождю. Крестьянство в очередной раз было поставлено на колени, была остановлена временная либерализация аграрной политики, допущенная после кризиса и голода 1932–1933 гг. Были задавлены надежды на свободы, обещанные сталинской Конституцией.

Изучение репрессивных акций периода «Большого террора» в деревне дает основание для ряда выводов о его сущности в целом. Репрессии не только не обошли село – в процессе их осуществления выявились общие черты, характерные для ситуации 1937–1938 гг. по всей стране. Во-первых, на деревню распространяется тезис о «специализированности» ре-

прессивных акций – их дифференциации по социальным и этническим категориям репрессируемых, а также по политическим «окраскам». Во-вторых, репрессии на селе имели централизованный характер – их координация осуществлялась на самом верху пирамиды власти, в том числе лично Сталиным (по его же повелению они были свернуты осенью 1938 г.). В-третьих, значительная часть репрессивных акций на селе также имела театрализованный характер – дела проходили по типизированным сценариям, в которых участвовали и «режиссеры» (следователи), и «актеры» (обвиняемые и свидетели, вынужденные играть уготованные им роли). Вместе с тем, по конфигурации замысла и способу осуществления ряд акций имел военизированный характер (дела повстанческих организаций). Сельское население, таким образом, испытало те же проявления государственного террора, что и городское.

Однако репрессии в деревне имели и особое значение, и особые последствия. Сельское население, в том числе руководители районного и ниже уровней, как и «простые» люди (рядовые колхозники, единоличники, спецпереселенцы и пр.), составили самый нижний этаж общественной пирамиды и представляли собой, таким образом, наиболее развернутое социальное пространство, в котором осуществлялась репрессивная политика. Ее целью и результатом стало, в конечном итоге, обезглавливание крестьянства – из деревни были удалены социальные и духовные лидеры (учителя, священнослужители, специалисты, успешные хозяева-кулаки), а также опытные руководители, в первую очередь те, кто пытался (или мог) рационально руководить селом, защищать крестьянство. Следует отметить и особую жестокость карательных мер в отношении «бывших кулаков», а также обвиненных по делам повстанческих организаций. Все это придало репрессиям 1937–1938 гг. всеохватный характер, что и составило сущность «Большого террора».

---

[1] Здесь и далее данные (кроме специально оговоренных) приводятся по источникам: ГОПАПО. Ф. 105, оп. 4, д. 92, л. 36, 50–52; оп. 5, д. 196, л. 1–25, 35, 51; ф. 200, оп. 1, д. 842, л. 14, 95; д. 843, л. 75–77; д. 917, л. 19, 20; ф. 641/1, оп. 1, д. 7, л. 263–265; д. 12768, л. 232–236; д. 13391, л. 39, 98; д. 13706, л. 24, 25; д. 16925, л. 448; ф. 643/1, оп. 1, д. 28325, л. 6–8; ф. 849, оп. 1, д. 547, л. 82.

[2] ГУЛАГ. 1918–1960: Документы. – М., 2000. С. 96–104.

К. А. Пунина

Социально-экономическое развитие села как объект законотворческого процесса

Экономика Пермской области носит весьма диверсифицированный характер. После того как на протяжении всего советского периода Прикамье было оплотом отечественного военно-промышленного комплекса, за последнее десятилетие экономика области подверглась структурной перестройке: на первый план вышли нефтяные, калийные, химические, торговые компании, предприятия по производству товаров массового спроса и различные региональные монополии – в большинстве своем экспортного направления. ВВП сельского хозяйства в валовом региональном продукте занимает незначительную роль и составляет 5–6%. Соответственно, агропромышленный комплекс не является ключевым промышленным звеном, которое дает основные доходы в бюджет области.

В административно-территориальном делении области до начавшейся реформы местного самоуправления насчитывалось 44 сельские администрации. Доля сельского населения в Прикамье составляет около 25%. При этом законы, принимаемые Законодательным Собранием Пермской области для развития сельского хозяйства и агропромышленного комплекса, не превышают 1,5% от общего числа.

В третьем созыве в Законодательном Собрании вопросами агропромышленного комплекса занимается постоянно действующая депутатская комиссия по правовому регулированию отношений в сфере АПК. В ее состав входят 11 депутатов, преимущественно от сельских территорий. Комиссия проводит свои заседания не реже одного раза в месяц, на которых, как правило, присутствуют заместитель губернатора области, председатель Департамента АПК и продовольствия области, а также представители предприятий АПК и органов местного самоуправления.

Первым решением, принятым областным парламентом в данной сфере, стала концепция аграрной политики Пермской области (декабрь 1994 г.), главными целями которой являлись: обеспечение условий для эффективного ведения хозяйства сельскохозяйственными товаропроизводителями, пище-

вой, перерабатывающей промышленностью и производственной инфраструктурой АПК всех форм собственности; повышение уровня жизни жителей сельской местности; рациональное использование природных и других ресурсов производства собственниками земли и органами местного самоуправления. Одной из программных задач аграрной политики области являлось насыщение рынка продовольствием и сельскохозяйственным сырьем. Для реализации концепции предполагался целый ряд мер: формирование продовольственного рынка области; государственная поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей; социальная политика на селе, в том числе и подготовка кадров.

Очередным документом, принятым Законодательным Собранием только в 1996 г., стала программа реформирования АПК Пермской области и структурной перестройки на селе. На этот раз в качестве главной цели было определено обеспечение устойчивой продовольственной независимости области при комплексном социально-экономическом развитии сельской местности. Программа была запланирована на 1997–2001 гг., действие ее мероприятий предполагалось распространить на срок до 2010 г. В ней декларировалось, что к 2001 г. заработная плата работников сельского хозяйства приблизится к заработной плате работников промышленности. Одним из новшеств было создание областного бюджетного фонда «Сельский дом» с выделением на возвратной основе долгосрочной ссуды (до 10 лет) на строительство жилья. Был сделан акцент на мероприятия по реформированию АПК, обеспечивающие принципиальную структурную перестройку в этой сфере. Общая потребность в финансировании программы из областного бюджета в 1997–2001 гг. составляла 2000 млрд рублей (в ценах 1997 г.). При этом суммарный экономический эффект от ее реализации должен был составить свыше 7000 млрд рублей.

В 2001 г. была принята еще одна концепция развития агропромышленного комплекса Пермской области, рассчитанная на период 2001–2005 гг. В новом документе констатировалось, что произошло сокращение сельскохозяйственного производства, разрушение крупных сельскохозяйственных предприятий, снижение уровня доходов населения, резкое сокращение спроса и изменение структуры потребления про-

довольствия в сторону формирования менее рационального питания населения. Уровень доходов, в том числе и заработной платы, занятых в сельском хозяйстве был крайне низок и составлял 30,9% от уровня заработной платы в промышленности. В новой концепции целями развития агропромышленного комплекса устанавливались выход из кризиса и формирование в Пермской области эффективного и конкурентоспособного агропромышленного производства, способного полностью удовлетворять спрос населения в продуктах питания, производимых местными сельскохозяйственными товаропроизводителями, формирование и развитие аграрных рынков, развитие социальной инфраструктуры сельских территорий.

В марте 2003 г. Законодательным Собранием был принят закон Пермской области «Об областной целевой программе «Развитие агропромышленного комплекса Пермской области на 2003–2005 гг.». В обосновании актуальности принятия данного закона в очередной раз подчеркивалось кризисное состояние отрасли. Отмечалось также, что существующая ранее система государственной поддержки сельского хозяйства Пермской области не обеспечивала заметных позитивных изменений экономического состояния отрасли и повышения уровня жизни сельского населения. Целью программы в очередной раз должно было стать повышение уровня жизни сельского населения за счет развития эффективного и конкурентоспособного агропромышленного производства. В отличие от предыдущих нормативно-правовых актов, особо были выделены отрасли специализации сельскохозяйственного производства, отдельное внимание было уделено развитию отрасли пищевой промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье. Стоимость программы составляет порядка 700 млн рублей. Отметим, что это самая дорогая из всех действующих областных целевых программ. Уровень ее финансирования ежегодно составляет 100%, при этом средства используются не полностью, и по итогам года депутаты вынуждены перераспределять их на другие расходы областного бюджета.

Кроме того, в области действуют 4 закона, регулирующие правоотношения в рассматриваемой нами сфере: «О личном подсобном хозяйстве», «О государственной поддержке кадрового потенциала сельскохозяйственных организаций Перм-

ской области», «Об экономическом стимулировании вовлечения в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых пахотных земель, находящихся в землях запаса и фондах перераспределения», «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения в Пермской области».

Одним из последних решений Законодательного Собрания стала концепция областной целевой программы «Социальное развитие сельской местности Пермской области до 2010 г.». Это еще одна попытка комплексного решения проблем сельских территорий области. Помимо постоянной цели роста благосостояния населения и качества социальной сферы в сельской местности, в концепции провозглашена цель на повышение привлекательности сельских территорий для инвесторов и квалифицированных работников. Для достижения данных целей предлагается сформировать 9 подпрограмм для решения проблем села в различных сферах жизнедеятельности, начиная от совершенствования социально-культурной системы (школьное образование, сельское здравоохранение, культура) и заканчивая формированием альтернативной занятости.

Одним из позитивных последствий объединения мероприятий, осуществляемых в настоящее время разрозненно в ряде отраслевых программ, должно стать реальное привлечение средств из федерального бюджета, при этом дополнительные средства из областного бюджета на реализацию программы не потребуются.

Таким образом, за последние 10 лет Законодательным Собранием Пермской области был принят ряд документов, направленных на комплексное развитие агропромышленного комплекса, а следовательно, и сельского населения. На эти цели из областного бюджета ежегодно выделяются сотни миллионов рублей. Однако в 2004 г. производство сельскохозяйственной продукции сократилось в сопоставимых с уровнем 2003 г. ценах на 4,5% (при увеличении объема промышленного производства не менее чем на 3,5%). Значительная часть сельскохозяйственных предприятий и организаций оказалась нерентабельна. Предприятия и организации АПК области имеют значительную задолженность по платежам в бюджеты и внебюджетные фонды. С начала реформ доля коллективных хозяйств в агропромышленном комплексе снизилась почти на

половину. Производство зерна сократилось более чем на 40%, молока – на 36%, мяса – на 34%; уменьшаются площади посевов, снижается плодородие почв; поголовье крупного скота сократилось более чем на 20 тыс. голов. На селе попрежнему остается самая высокая смертность, самая высокая безработица, самая низкая рождаемость и самая низкая заработная плата – в 2,6 раза ниже средней по области. Село в настоящее время испытывает кадровый голод не только в руководителях и специалистах, но и в рабочих специальностях.

Очевидно, что в регионе существует серьезный разрыв между принимаемыми решениями на уровне региональной законодательной власти и реальным положением вещей, достижением конкретных результатов. Для сглаживания ситуации необходимо, на наш взгляд, продолжать осуществление комплексного подхода к решению обозначенных проблем, а также разрабатывать и принимать новые законы, стимулирующие социально-экономическое развитие села.

Т. В. Соколова

Электоральное поведение жителей сельских районов Пермской области: к вопросу о социально-экономической обусловленности

В электоральных исследованиях условно можно выделить два основных направления объяснения результатов выборов: влияние историко-культурных факторов, в том числе этнополитических и демографических (Р. Туровский, А. Артемова, М. Афанасьев), а также зависимость от уровня социально-экономического развития (Г. Голосов, Л. Смирнягин, А. Титков, Н. Бондаренко). Эти направления существуют во взаимосвязи друг с другом, а различия выражаются в акцентировании внимания на тех или иных факторах [1].

Согласно теории рационального выбора, электоральное поведение любого отдельного избирателя определяется прежде всего тем, что каждый сознательно стремится к максимальной реализации своих интересов. Между тем многочисленные эмпирические наблюдения показывают, что люди чаще всего голосуют за партию или кандидата на тот или иной пост, когда ассоциируют себя с ними, а отнюдь не на основании собствен-

ного интереса. Согласно подходу, разработанному П. Лазарсфельдом, С. Липсетом и С. Роканом, наиболее важным фактором электорального поведения граждан является их принадлежность к большим социальным группам.

В Пермской области, где сельские жители составляют весомую часть потенциально политически активного населения (21 из 40 районов), изучение электорального поведения в сельской местности имеет принципиальное значение.

Р. Туровский в предлагаемой им географической модели «центр–периферия» обосновывает однонаправленность двух групп факторов, заложенное в них сходство объяснительных возможностей. Модель «центр–периферия», основываясь на демографическом, этнополитическом, историко-культурном и административно-территориальном факторах, коррелирует так или иначе с социально-экономическими параметрами: более высокий уровень жизни, например, характерен именно для центров. В рамках данной модели выделяются три уровня: «центры», «ближняя периферия» и «дальняя периферия».

Наша задача – посмотреть, насколько применима данная модель для анализа региональных губернаторских выборов, в частности, для анализа результатов голосования сельских территорий Пермской области. Мы предприняли попытку применить данную модель на примере двух губернаторских электоральных циклов (1996 г. и 2000 г.). При анализе особое внимание уделялось социально-экономическим аспектам развития территорий, а также социально-психологическим установкам, являющимся, на наш взгляд, их следствиями. Под социально-экономическим развитием мы понимаем уровень социально-экономических показателей (средняя зарплата, уровень безработицы, обеспеченность населения больничными койками, уровень регистрируемых преступлений). Под социально-психологическими установками – уровень доверия к власти в регионе, представления людей о завтрашнем дне, их собственная оценка своего благополучия.

Губернаторские выборы представляют для нас особый исследовательский интерес постольку, поскольку выборы исполнительной власти при наличии малого количества кандидатов дают возможность проследить действие указанной модели более четко и ярко выраженно.

Качественные исследования (контент-анализ прессы, интервью с представителями законодательной и исполнительной власти) показали, что в 1990-е гг. не было ломки, кардинального изменения региональной политической модели управления, напротив, была эволюция, преемственность игроков и правил игры. Таким образом, в качестве гипотезы предполагается, что электоральное поведение жителей Пермской области также не претерпело каких-либо радикальных изменений, а характеризовалось в это время эволюционным характером. В связи с этим, как представляется, необходим поиск иных схем и факторов, объясняющих результаты выборов исполнительной власти в регионе.

В соответствии с целью нашего исследования мы выделили группу территорий (по модели «центр – периферия» – «дальняя периферия»), в которую входят преимущественно сельскохозяйственные районы: Бардымский, Березовский, Большесосновский, Еловский, Ильинский, Карагайский, Кишертский, Куединский, Лысьвенский, Октябрьский, Ординский, Осинский, Оханский, Пермский, Соликамский и др. На данных территориях ведущей отраслью хозяйства является сельское хозяйство. Городское население либо отсутствует вовсе, либо очень малочисленно. Экономика, как правило, депрессивна. Социальная инфраструктура развита слабо.

Рассматривая социально-экономическое развитие территорий вкупе с социально-психологическими характеристиками в период губернаторских выборов 1996 г. и 2000 г., а также за год до и в год после выборов, мы выявили 3 группы территорий: территории с преобладанием социально-экономических показателей ниже среднеобластных, на уровне среднеобластных и выше среднеобластного уровня. Еловский, Бардымский, Большесосновский, Октябрьский, Ординский, Усольский и некоторые другие сельскохозяйственные районы практически каждый год остаются в группе с преобладающими социально-экономическими показателями ниже среднеобластного уровня. Обратившись к электоральной статистике, мы обнаруживаем, что четкой привязки уровня социально-экономического развития и социально-психологического самочувствия населения каждой отдельно взятой территории к результату голосования населения этой территории не существует. Зачастую территории, принадлежа-

щие разным группам, дают схожие результаты голосования.

Учитывая специфику функционирования региональной политической модели управления Пермской области, а также ее социально-экономического развития, трудно объяснить электоральное поведение жителей сельских районов области классическими теориями, на которые обращает внимание Г. Голосов, – ни социологической теорией, ни социально-психологической. На наш взгляд, при анализе поведения избирателей Пермской области ответ нужно искать в рациональных теориях электорального поведения, которые не придают идеологическим предпочтениям избирателей решающего значения. Основным фактором становится то, насколько успешно, с точки зрения избирателя, действующая власть справляется со своими обязанностями. Иными словами, существует прямая связь между положением в экономике и результатами выборов. Однако здесь необходимо уточнить, основывается ли выбор при голосовании на оценке избирателями собственного экономического положения («эгоцентрическое голосование») или результатов работы народного хозяйства в целом («социотропное голосование»). В ходе нашего исследования мы убедились, что в Пермской области преобладает «социотропное голосование», поскольку явная связь между социально-экономическими показателями развития конкретной территории и результатами голосования ее избирателей не выявлена.

Думается, сельские избиратели голосуют, как раз исходя из взгляда на социально-экономическое развитие области в целом. Такая ситуация не в последнюю очередь обусловлена доверием к власти, о чем свидетельствуют социологические опросы, проводимые Центром социологического мониторинга Пермской области практически во всех территориях. На фоне общей лояльности к региональной власти электоральное поведение жителей сельских районов области основывается на доверии к исполнительной и законодательной власти. Поэтому тип электорального поведения, характерный для сельских районов Пермской области, отличается компромиссностью и консервативностью. Даже в случае, когда избиратель недоволен, он выдвигает требование, но не ставит ультиматум. Это обстоятельство, как представляется, можно выделить в качестве психологического фактора, следующего из социально-экономического. Социально-экономическое разви-

тие Пермской области стабильно, последовательно и по уровню находится в первой десятке в РФ.

В рамках «социотропного голосования» можно отметить, что протестным голосованием отличаются лишь некоторые промышленные центры и прилежащие к ним территории, основное же население (как видно по карте, сельское) голосует традиционно консервативно. Во многом предсказуемость голосования обусловлена постоянным воспроизводством модели «центр–периферия» (а именно, население голосует за «фаворита»). В 1996 г. сельское население проголосовало за давнего фаворита (Г. Игумнов), в 2000 г. сельские жители также проголосовали за давнего фаворита, вследствие чего новый фаворит (Ю. Трутнев) одержал победу в основном за счет городов (решающую роль сыграла Пермь) и промышленных районов. Голосование за «новое» характерно в основном для «центров», выступающих в роли ядер продуцирования инноваций, в то время как «дальняя периферия» – сельские территории как очаги консерватизма и традиционализма – продолжает голосовать за давнего фаворита.

Этот процесс воспроизводится «диффузией инноваций», которая представляет собой волнообразный трансформационный процесс: инновация может полностью сместиться на периферию и со временем приобрести характер традиции, в то время как в центре будет формироваться что-то новое [2]. Таким образом, в первом губернаторском цикле, когда население проголосовало за Игумнова, это уже стало традицией в периферийных территориях, а в центрах инновация еще не сформировалась. А во втором – инновация прочно оформилась в центрах, но еще не перешла в разряд традиции на периферии.

---

[1] *Смирнягин Л.* Пять лет и восемь голосований: созрела ли территориальная структура российского общества? – М., 1996; *Лавров А.* Российские регионы сквозь призму выборов. – М., 1997; *Бондаренко Н.* Анализ субъективных оценок нормального дохода и прожиточного минимума //www.fom.ru; *Голосов Г.* Электоральное поведение // Сравнительная политология. – М., 2001; *Туровский Р.* Региональные аспекты общероссийских выборов // Второй электоральный цикл. – М., 2001; и др.

[2] *Туровский Р.* Указ. соч.

Крестьянство России XX в. в музейных и архивных собраниях

А. В. Бушмаков

Крестьянство в представлении людей образованного общества конца XIX – начала XX в.

К представителям так называемого «образованного общества» в пореформенной России следует отнести не только правящий класс и противостоявшую ему интеллигенцию, но и всех европеизированных горожан и жителей сельской местности: чиновников и служащих, вплоть до волостных писарей, часть духовенства, то есть всех, носивших европейское платье и воспринявших современный рационалистский тип культуры.

Между этим образованным меньшинством и громадным большинством русского народа – неграмотным крестьянством (по данным переписи 1897 г., грамотность сельского населения составляла всего 17,4%) существовал почти непреодолимый культурный разрыв, обусловленный разницей в мировоззрении и культурно-психологическом облике сторон. Все это побуждало крестьян к обособлению своего мира; для них было характерно деление человечества на две части: «своих» и «чужих», причем к последним причислялись все, не входившие в конкретную сельскую общину.

Основная часть представителей «образованного общества» имела далеко не адекватное представление о крестьянстве, его хозяйственной и духовной жизни, причем между взглядами дворянского общества с его окружением и сформировавшейся в пореформенный период интеллигенции существовала значительная разница. Первые придерживались официально утвержденной еще в первой половине XIX в. точки зрения на крестьянство как на глубоко патриархальное сословие, носителей духа верноподданичества и официального православия. Несмотря на явное несоответствие таких представлений о крестьянах реальности, наглядно проявившееся в начале XX в., несмотря на их противоречие попыткам включить крестьян в правовое поле, сделать их полноценными гражданами, в дальнейшем приведшим к курсу на разрушение общины, стереотип восприятия крестьянства как органичного носителя православно-монархических взглядов сохранялся у многих представителей правящей верхушки вплоть до самого краха Российской империи.

Интеллигенция же не просто проявляла большой интерес к крестьянству, но устами своих идеологов декларировала «служение» ему как смысл собственного существования. Крестьяне при этом воспринимались как некая аморфная масса, объект эксплуатации правящей верхушки, нуждающаяся в том, чтобы ее «спасли» и «просветили», то есть привили достижения прогресса и высокой культуры.

Попробуем воссоздать образ крестьянства в глазах рядового представителя пореформенного образованного общества, типичного носителя городского типа культуры, вне зависимости от его отношения к власти и уровня доходов. Образ этот, очевидно, формировался в значительной степени под влиянием художественной и публицистической литературы, и закреплялся еще в детские годы.

В домашнем сочинении на тему «Город и деревня» ученицы второго класса Екатеринбургской женской гимназии Варвары Калашниковой, написанном ей в 1880 г., мы видим характерные для образованного горожанина того времени стереотипы в восприятии русской деревни. В первую очередь это ее бедность и необустроенность и отсутствие «культуры»: «В деревне же дома разбросаны в беспорядке, так что бывает только одна большая улица, а потом пойдут разные переулочки. Домов хороших редко можно встретить, обыкновенно все полуразвалившиеся крестьянские избы. Случается, в деревнях даже не бывает церкви, и крестьянам приходится ездить за несколько верст... Единственным удовольствием служит для них, это выйти в праздник на улицу и посидеть на завалинке у своего дома», «...в селе же иногда нет даже простой школы, а если и бывает, то как еще занимаются...» [1].

Газеты конца XIX – начала XX в. регулярно писали о нуждах деревни – как правило, это были статьи о мероприятиях правительственных и земских учреждений по развитию сельского хозяйства и помощи крестьянам. Крестьянство во всех подобных публикациях выступало в роли пассивного объекта воздействий, зачастую не понимающего в силу своей темноты и неразвитости той пользы, которую ему пытались принести разного рода специалисты. Значительное количество публикаций было посвящено помощи голодающим в годы неурожаев. Типичны упоминания о крестьянах в сопровождении эпитетов «невежественный», «темный». Часто в газетных и жур-

нальных статьях о крестьянах прослеживаются романтически пасторальные мотивы – «дети земли», в глазах которых можно прочитать «затаенную думу», и т. п. Русских крестьян зачастую противопоставляют зарубежным, отмечая громадное превосходство последних: «...заграницей крестьяне, у кого есть клочок земли, живут богато, припеваючи, получают сказочные для нас урожаи, а известно, что земля там сама по себе не лучше, а то и хуже нашей. Не одним трудом добились там высоких урожаев, часто в 200–300 пудов с десятины, а знанием...»[2]

Расхожее представление о бедности и забитости простого народа во многом было основано и на объективных научных данных, прежде всего статистических. Однако при близком рассмотрении эта объективная статистика зачастую оказывалась несостоятельной. Одним из первых с критикой существующих статистических методов изучения крестьянского хозяйства выступил известный исследователь нашего края А. Е. Теплоухов. Он отметил, что крестьяне не желают показывать подлинное количество припасов, реальный размер урожая и другие сведения о своем хозяйстве, руководствуясь как иррациональной боязнью сглаза, так и, главным образом, стремлением избежать лишних поборов и налогов, прикрывшись своей бедностью. Разбирая принятую в 1850-х гг. методику сбора статистических сведений о крестьянском хозяйстве, Теплоухов показывает ее полную несостоятельность. Приказчик или другой начальник крестьян, озадаченный требованием собрать необходимую статистику, передает поручение писарю, который требует сведения у десятского-старожила, собирающего оброк. Тот обычно пользуется случаем, чтобы оправдаться в недостаточном сборе денег и хлеба, и указывает сильно заниженные цифры. Эти изначально неверные сведения переделываются писарем, подписываются приказчиком и, пройдя еще ряд разных канцелярий, попадают в статистические сборники. Теплоухов приводит пример, когда, основываясь на собранных подобным путем статистических данных, помещичьи правления крупных имений Пермской губернии пытались предпринять чрезвычайные меры по спасению крестьянского скота от падежа из-за бескормицы в 1850 г. Предлагалось даже зарезать половину крестьянских лошадей, так как, согласно имевшимся цифрам, кормов едва хватило бы до сере-

дины зимы. К счастью, эти проекты не были осуществлены, и мужики благополучно прокормили своих лошадей – в действительности у них оказалось больше средств к содержанию скота, чем было на бумаге[3].

Часть образованных людей – земские учителя, врачи, низшая администрация, духовенство, жившие среди крестьян, – имели возможность судить о них на основании личных впечатлений. Они не всегда совпадали как с официальным мифом о православном крестьянине, любящим естественной любовью царя и отечество, так и с интеллигентским – о забитом темном мужике, прозябающем в страшной бедности, нещадно эксплуатируемом страдальце, которого необходимо просветить и спасти от гнета и невежества. Так, некий автор – земский статистик – описывает жизнь одного богатого села в 1910 г., рисуя картину, не совсем соответствующую устоявшемуся шаблону. В селе много больших домов, крытых железом, среди которых есть и кирпичные, школа на 200 мест, церковь, волостное правление – красивое здание по типу городского. Но центром общественной жизни является не церковь и не школа, а трактир, где собираются члены волостного и сельского правлений, днюет и ночует староста. Автора-интеллигента не радует «сытый и довольный вид» этих крестьян, их смелая и независимая речь. Он с сожалением отмечает, что у них «никто из посторонних лиц не играет никакой роли в общественной жизни» и «не вызывает доверия», все они хотят решать своим умом и даже должностных лиц подчинить своему влиянию. Учитель местной школы жаловался на регулярные «ревизии» мужиков, пытавшихся вмешиваться в учебный процесс, обвинявших его, что преподает ненужные вещи вроде стихов, вместо того чтобы объяснять, как лечить домашний скот. Священник обвинял крестьян в непочтительности...»[4]

Другим моментом, наряду с бедностью и невежеством, характерным для образа крестьянства в печати конца XIX – начала XX в., являлось пьянство. Пьянство напрямую связывалось большинством авторов с бедственным материальным положением народа и его бескультурьем: «Пьют от нищеты, пьют от темноты, от некультурности», «...как же населению малокультурному, темному не бежать из своей холодной избы, где оно видит только голод да холод, слышит плач детей, где его сердце постоянно сжимает тяжелая забота о завтрашнем дне..?»[5]

В целом, образ крестьянства в представлении образованных людей в России пореформенного времени довольно печален: бедная, неграмотная и пьющая деревня. Представители интеллигенции и близких к ней кругов, как правило, подчеркивали все язвы и недостатки положения крестьянства и обвиняли в них правительство, существующий строй и т. п. – в зависимости от степени своей «левизны» и радикальности. Их идеологические противники винили в бедах крестьянства «развращающих» их интеллигентов, а также и недостаток религиозного просвещения. И те, и другие, тем не менее, сохраняли веру в здоровые силы народа, считали, что в нем скрыты огромные ресурсы, способные раскрыться при правильной политике власти.

Разрыв между крестьянами и людьми «образованного общества» не был преодолен и в ходе революции. В выступлениях на губернских крестьянских съездах, проходивших в Перми под руководством партии социалистов-революционеров, считавшей себя выразительницей интересов крестьян, звучали высказывания о незрелости и неорганизованности крестьян, которую еще необходимо преодолевать. Все кандидаты в Учредительное собрание, выбранные на Втором губернском крестьянском съезде 6 августа 1917 г., имели к крестьянству весьма опосредованное отношение. В лучшем случае, они происходили из крестьянской семьи и занимались землепашеством в годы ранней юности. Большая часть кандидатов была представлена профессиональными революционерами из числа интеллигентов. Обращаясь к участникам съезда, один из них, 30-летний эсер Рогожкин, назвавший себя «сыном крепостного крестьянина», сказал: «Когда мы шли к вам с правдой, вы часто шли против нас. Вы не разбираетесь в том, что вам говорят, так как вас всегда держали в темноте. Этим пользуются и у вас хотят вырвать свободу» [6].

---

[1] ГАПО. Ф. р-1449, оп. 1, д. 36, л. 4–5.

[2] *Лэйрих Э.* О курсах по сельскому хозяйству для крестьян // Пермская земская неделя. 1910. 7 янв.

[3] *Теплоухов Ф. А.* Примеры исследования быта крестьян в хозяйственном отношении. – Пермь, 1860. С. 2–3.

[4] Пермская земская неделя. 1911. 6 янв.

[5] Там же. 1910. 14 янв.

[6] Губернский крестьянский съезд 6 августа 1917 года. – Пермь, 1917. С. 32.

М. Г. Нечаев

Крестьяне и церковь на Урале в 1917 г.

В работах отечественных исследователей, посвященных позиции церкви накануне Октября, сложные взаимоотношения церкви с крестьянами не являлись предметом изучения. Однако в отдельных публикациях они рассматривались, в том числе и отношения церкви с уральскими крестьянами [1]. Единственная работа, где специально исследуется данная проблема, – это монография Л. И. Емелях «Крестьяне и церковь накануне Октября» [2]. Но события, происходившие в Уральском регионе, не получили в ней достаточного освещения. Причем данная работа имела явно оценочный характер в ущерб исследовательскому содержанию.

П. Н. Зырянов, на основании обер-прокурорского архива, пишет, что в 1917 г. сообщения о покушениях со стороны крестьян на собственность 11 монастырей и общин пришли из 8 губерний, однако уральских в их числе нет. Он видит причины покушения на монастырскую собственность в той национальной катастрофе, которая разразилась в 1917 г. [3] Другой современный исследователь, А. Н. Кашеваров, дает следующую оценку крестьянских захватов церковной собственности: «Анализ антицерковных настроений и действий... позволяет сделать вывод о многообразии их причин и проявлений – от бессмысленной жестокости и хулиганства, желания завладеть церковным имуществом и землей до сознательного оскорбления и надругательства над верой и ее служителями. Подобного рода насилия и надругательства стали заметным негативным явлением в жизни общества еще с конца лета – начала осени 1917 г.» [4]

Тем не менее следует признать, что современные авторы, которые касаются данного периода в истории церкви, не актуализируют эту проблематику. Между тем именно в трансформации взаимоотношений крестьян и церкви были заложены основные причины «внезапного» ослабления церкви. По данным уральского исследователя Л. А. Евдокимова, с марта по октябрь 1917 г. на Урале имели место 603 крестьянских выступления, из них большинство случаев (64,4%) составляли захваты пашен, лугов, пастбищ и лесов (34,1%), а также по-

громы имений, массовые порубки леса, покосы, потравы лугов (30,3%). В Пермской губернии крестьянские выступления имели место в 8 из 12 уездов, в Уфимской – в 6 из 6 уездов и в Вятской – в 9 из 11уездов [5]. Каким же был крестьянский протест по отношению к церквям и монастырям? Какой характер он носил?

После февральских событий во взаимоотношениях между крестьянами и церковью особенно обострился аграрный вопрос, связанный с решением судьбы церковной и монастырской земли. Усугубляло ситуацию и то обстоятельство, что процесс обезземеливания уральских крестьян был более интенсивным, чем в европейской части России. По данным переписи 1917 г., безземельных хозяйств в Вятской губернии насчитывалось 3,6%, в Пермской – 15,6% и в Уфимской – 14,7% [6].

Впервые на Урале эта проблема обсуждалась в Екатеринбурге 22–23 марта 1917 г. на крупном крестьянском совещании пяти восточных уездов Пермской губернии, на которое прибыли 446 представителей сельских обществ и кооперативов. Представители только что созданного Организаторского кружка прогрессивного сельского духовенства высказали убеждение, что народ не отвергнет от себя «то духовенство, которое шло всегда с ним». Однако это не подействовало; на совещании было решено, что все частновладельческие, посессионные, казенные, кабинетские, а также церковные и монастырские земли необходимо передать в руки трудового народа, однако это должно произойти после Учредительного собрания.

Очень большое значение имело постановление по земельному вопросу, принятое съездом делегатов волостных и поселковых комитетов Екатеринбургского уезда, проходившим 14–18 апреля 1917 г. Съезд решил: «Все земли: казенные, удельные, посессионные, монастырские, церковные и частновладельческие, а также леса и луга передать в распоряжение всего народа, взять немедленно под контроль и произвести распределение свободных земель между нуждающимися лицами из местного населения» [7]. Влияние данного решения на крестьян было настолько сильным, что его стали проводить в жизнь в отдельных уездах.

В Перми 15–19 мая 1917 г. состоялся Первый губернский

съезд крестьянских депутатов. На съезде было четко сказано о необходимости конфискации без выкупа всех земель, в том числе церковных и монастырских, с передачей их в пользование трудящимся по трудовой норме. Однако окончательное решение этого вопроса было предоставлено Учредительному собранию. С подобными требованиями крестьяне выступали повсюду – в Уфе, Челябинске, Оренбурге, Вятке...

Попытки крестьян конфисковать церковные и монастырские земли вызвали большую тревогу у духовенства. В связи с этим пермский епископ Андроник написал призыв к священнослужителям для того, чтобы предупредить «всякие непорядки». «Пермские епархиальные ведомости» напечатали воззвание, где священнослужителям предписывалось стать активными проповедниками распоряжений Временного правительства по аграрному вопросу. Рекомендовалось эти распоряжения «вывешивать на папертях храмов, объявлять в церквях, объяснять в пастырских речах и проповедях, напоминать о них со всею настойчивостью, трубить во все трубы... Иначе нет нам спасения» [8].

Наивысший подъем крестьянских выступлений, связанных с самовольным захватом земель, приходится на сентябрь–октябрь 1917 г. Революция «развязала руки» крестьянам, которые стали требовать от священников добровольной платы за требы, а в случае отказа их изгоняли из прихода и ставили на приход согласных на эти условия, чаще всего соглашались дьяконы или псаломщики, давно мечтавшие занять место священника. В статье «К изгнанию священников из приходов», опубликованной в центральной церковной прессе, автор пытается объяснить причины, совершенно необычного, но ставшего массовым явления в жизни церкви: «Уже известны печальные факты, когда священник соседний предлагает свои услуги этим прихожанам на более льготных условиях, если у них освободится приход, и – прихожане гонят своего духовного отца. Дьякон доносит комиссару, что их священник ярый черносотенец – человек не терпимый... Приезжает оратор, говорит зажигательную речь... и приход свободен. Возвращается солдат, громит духовенство, и до того мирный приход бурлит гневом против пастыря... Не одной Церкви, но и государству опасно это явление. Это грозит деревне печальными последствиями, о чем пока никто не думает» [9].

В Пермской епархии особую известность получил случай в селе Андреевском Оханского уезда. На общем собрании паства села Андреевского постановила устранить священника Мирона Шаманского и вместо него посвятить в сан священника дьякона, согласившегося на добровольную плату за требы. Пермский епископ Андроник прореагировал на этот приговор гневной резолюцией от 19 мая 1917 г., где не только осудил данное конкретное решение, но особо подчеркнул: «...прихожан предупреждаю, что священника я не отдам в батраки, посему если желают иметь священника не как батрака, а как пастыря, то должны обеспечить его соответствующим содержанием». Плату за требоисправления пермский владыка назвал «крестом» для православных мирян и пригрозил: «...сеющий скупо – скупо и пожнет, у Бога не украдешь, а за утаение потерпишь сторицею» [10]. В других уральских епархиях происходило то же самое, что и в Пермской.

В «Оренбургском церковно-общественном вестнике» так прокомментировали отношения между крестьянами и духовенством весной 1917 г.: «На страницах церковной прессы то и дело сообщается о тех терниях, какие приходится переносить в настоящее время нашему сельскому духовенству от своеобразного понимания крестьянами свободы. В ином месте вдруг ни с того, ни с сего составляется приговор об удалении священника, прослужившего в приходе в полном мире и согласии с прихожанами 20–25 лет, в другом отбирается причтовая земля (как будто 33 или 66 дес. могут иметь какое-нибудь значение для 300–400 домохозяев!), в третьем – назначается новая такса за требоисправление, в пять-шесть раз ниже существовавшей. И если только причт решится заявить против такого своеволия, то ему предъявляется обвинение в неподчинении новому правительству (?!) и грозят арестом». Корень зла автор видит не только в «злобе крестьян» ко всякой власти, но и в «агитации среди прихожан своих же собратий, или, вернее сказать, – «лжебратий»: иереев, дьяконов и псаломщиков», то есть тех, кто «задавшись целью водвориться в том или ином приходе, начинают будировать прихожан против местного причта и предлагать свои услуги на более выгодных условиях» [11].

Участились случаи, когда сельские приходы принимали решения о прекращении взносов на епархиальные нужды. В

связи с этим 20 июня 1917 г. вышел циркулярный указ Правительствующего синода, в котором приказано: «Существующие ныне взносы от церквей на духовно-учебные заведения и другие епархиальные общецерковные нужды установлены властью в законодательном порядке. До тех пор, пока эти законы и распоряжения не отменены в установленном порядке, взносы для церквей являются обязательными. Отменить упомянутые законы и распоряжения в настоящее время не представляется возможным в переживаемых Россией обстоятельствах...» [12]. Св. синод, обеспокоенный происходящим, 20 июня 1917 г. разослал специальный указ, где еще раз напоминал епархиальным архиереям, что «взносы для церквей являются обязательными». В это же время глава Временного правительства князь Львов дал циркулярную телеграмму всем губернским комиссарам следующего содержания: « <...> Самовольное вмешательство сельских волостных, уездных, губернских, общественных комитетов в церковную жизнь, определяемую лишь церковными законами, является недопустимым и противозаконным. Предлагаю Вам принять меры к устранению подобных явлений и сделать соответствующие разъяснения указанным комитетам» [13].

Результатом массового отказа платить за требы, самовольных переизбраний священников и конфискации церковных и монастырских земель стало бегство служителей культа из своих приходов. Так, в Челябинском уезде только весной 1917 г. оставили службу в приходе 5 священников. Они ушли на должности бухгалтеров, а также в земские учреждения и кооперацию. В апреле и мае 1917 г. происходило массовое изгнание священноцерковнослужителей из потребительских обществ и продовольственных комитетов, особенно в крестьянской Вятской губернии. По мнению автора одной из газетных статей, это объясняется прежде всего тем, что практичные вятские крестьяне были недовольны принципиальностью своих духовных наставников и ставили на эти должности «своих людей».

Несомненно, факты свидетельствуют о том, что после Февральской революции в приходах между крестьянством и духовенством складывались совсем иные отношения, чем раньше. Трактовать это можно по-разному. Много говорилось и говорится о росте антицерковных настроений на селе, при

этом подчеркивается рост идейного влияния на крестьян со стороны партий социалистической ориентации. Однако при этом историки часто забывают о консерватизме российского крестьянства и его глубокой религиозности. С другой стороны, нельзя объяснять действия крестьян только лишь «бессмысленной жестокостью» и «хулиганством», как это делают некоторые современные авторы [14]. Что же происходило в сельских приходах в 1917 г.?

По мнению автора, крестьяне в условиях безграничной свободы, внезапно на них обрушившейся, стали активно бороться за свои права. Причем, пока не была определена нормативно-правовая база, сельские общества, каждое в меру своих возможностей, участвовали в социальном моделировании собственного локального мира. Эти социальные эксперименты коснулись также взаимоотношений паствы и причта.

Анализ крестьянских требований по отношению к церкви и к ее имуществу и владениям позволяет сделать определенный вывод о попытках крестьян в период ослабления власти реализовать свою давнишнюю мечту – создать «дешевую», «крестьянскую» церковь. В этой крестьянской церкви контроль и распорядительная власть перешли бы в руки прихожан. Объективно это бы привело к децентрализации церкви и, возможно, к расколу. Крестьянские требования к церкви выливались в анархические, нелегитимные действия и вполне естественно рассматривались как «надругательство», «хулиганство», насилие, антицерковные выступления.

Церковь была не готова к таким крутым и быстрым изменениям. И не случайно, что как церковные реформаторы, так и традиционалисты ратовали за строительство нового церковного здания в новой России. Причем они единодушно и безусловно сходились в одном – в необходимости немедленной приходской реформы. Это церковное строительство началось на Поместном соборе 1917–1918 гг. Однако историческая ситуация коренным образом меняется, и к лету 1918 г. острота государственно-церковных взаимоотношений трансформирует отношение крестьян к уже гонимой церкви в сторону сочувствия.

---

[1] Например: *Зандберг И. А.* Жало змеиное. Вятские попы в революции 1917 г. // Вятская правда. 1929. 12 мая.

[2] *Емелях Л. И.* Крестьяне и церковь накануне Октября. – Л., 1976.

[3] *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. – М., 1999. С. 276–278.

[4] *Кашеваров А. Н.* Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви 1917–1945 гг. – СПб., 1995. С. 60.

[5] *Евдокимов Л. А.* Классовая борьба в уральской деревне накануне Октябрьской социалистической революции//Классовая борьба на Урале (1917–1932 годы). – Свердловск, 1974. С. 3–12.

[6] *Васьковский О. А., Заболотный Е. Б.* Советские историки о социальных факторах Октябрьской революции в уральской деревне // Историография истории создания и развития союза рабочего класса и крестьянства на Урале: Сб. научных трудов. – Свердловск, 1982. С. 10–12.

[7] Цит. по кн.: *Смирнов А. С.* Крестьянские съезды в 1917 г. – М., 1979. С. 94.

[8] Пермские епархиальные ведомости. 1917. № 9, 14–17.

[9] Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 35. 27 мая.

[10] Пермские епархиальные ведомости. 1917. № 16–17. Отд. неоф.

[11] Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. № 13. 21 мая.

[12] Там же. № 33. 6 авг.

[13] Пермские епархиальные ведомости. 1917. №20-21. Отд. оф.

[14] *Кашеваров А. Н.* Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви 1917–1945 гг. – СПб., 1995. С. 60.

А. А. Куренышев

Крестьянство, нэп и модернизация экономики и социальных отношений СССР (конец 1920-х – начало 1930-х гг.)

В конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века поток исследований по истории нэпа достиг своей кульминации. В начальный период «нэповского бума» в историографии историки преследовали цель противопоставить рыночный, либеральный курс этого времени военно-коммунистической политике предшествующего времени и так называемому «великому перелому» начала 1930-х гг. Постепенно историки ста-

ли отходить от биполярной модели нэпа. Этот период, эта политика стали рассматриваться более всесторонне и непредвзято. При таком подходе в нэпе стали обнаруживаться «слабые места», кризисы, в конце концов, глубокий системный изъян. Однако, поскольку страна в это время семимильными шагами шла в рыночную экономику, критика нэпа не была слишком резкой, а вскоре и вовсе исследования по данной тематике стали свертываться. Последний период повышенного интереса к исследованиям по истории нэпа характеризовался явным преобладанием работ, посвященных «слому» нэпа. Нельзя не отметить и рост публикаций документов, статей и монографий, отражающих трагическую судьбу российского крестьянства.

В последние годы появилось немало исследований, в которых делаются попытки рассматривать проблемы развития российского села, жизнь крестьянства на протяжении ряда десятилетий, объединяя предреволюционный и послереволюционный периоды, а также проблему реформирования российского общества в целом. Историки подошли вплотную к тому, чтобы свести вопросы развития аграрных отношений в единый блок объективно стоявших перед страной социально-экономических и политических проблем, очистив его от идеологических и партийных пристрастий. Беспристрастный неполитизированный и деидеологизированный подход к положению дел в сельском хозяйстве России первой трети XX в. приводит нас к неутешительному выводу о том, что его развитие и перспективы модернизации страны в целом при существовавшем политическом режиме, сложившейся мировой ситуации были весьма призрачными. Узкая тропинка, на которую пытался встать П. А. Столыпин, тропинка между Сциллой либерально-капиталистического развития по западноевропейскому образцу и Харибдой отечественных государственно-бюрократических методов проведения преобразований, имея в виду избежать разрушительных последствий демократической революции, которая неизбежно смела бы единственного демиурга развития России – государственный аппарат, к цели не привела.

Противостоявшие царизму демократы-революционеры со своей стороны предлагали пустить процесс социально-экономического развития на самотек, предварительно очистив рус-

ло от бюрократических преград и, как им казалось, пережитков ушедшей эпохи. При этом одни из них уповали только на стихию спонтанного капиталистически-рыночного развития, а другие полагали, что в общественных преобразованиях должны активную роль играть народные массы, то есть в первую очередь рабочие и крестьяне. Участие в проведении реформ народа гарантировало ненасильственный, естественно-добровольный способ их проведения. Отголоски подобного рода революционно-демократических настроений, присущих многим активистам освободительного движения в России, можно найти в работах современных авторов. Так, В. П. Данилов в очерке «Истоки и начало деревенской трагедии» пишет, что кооперирование крестьянских хозяйств, в том числе и производственное, было позитивной мерой, способствовавшей подъему производства хозяйств-аутсайдеров. Но государственная власть, по его мнению, должна была только создавать условия для объединения в кооперативы, но не принуждать к этому крестьян [1]. Данилов придерживался точки зрения на кооперирование крестьянских хозяйств, близкой к чаяновско-бухаринской. Согласно этой модели, процесс кооперирования – это спонтанное и естественное движение самого крестьянства, стимулируемое, прежде всего, экономическими выгодами. Государственный интерес в этом случае состоял в увеличении общей продуктивности сельского хозяйства, увеличении налоговых поступлений и расширении емкости внутреннего рынка. Данилову в цитированном очерке было важно отметить «мирнообновленческий» способ кооперирования, противопоставив его «сталинскому».

Он, как и многие другие историки, прошел мимо того факта, что в годы нэпа российская деревня в плане ее продвижения к более прогрессивным методам ведения хозяйства, социальной структуры находилась в таком же, если не худшем состоянии, нежели в начале XX в. Нарастание социально-экономических проблем привело тогда страну к революции. Революция побудила правящую бюрократию более энергично, чем прежде, взяться за проведение реформ. Кстати говоря, мало кто из исследователей обратил внимание на то, что причинами промедления в проведении модернизации аграрного строя были не только бюрократическая неповоротливость власти и давление на нее не желавших изменений ретрогра-

дов-помещиков. В соответствии с планами, активно проводимыми в жизнь ведомством С. Ю. Витте по строительству сети железных дорог (в чем он, кстати говоря, и лично был весьма заинтересован), шел курс на ускоренную индустриализацию и развитие железнодорожного строительства за счет выкачивания средств из деревни. Промышленный рост и увеличение сети железных дорог рассматривались правительством в качестве предпосылки к росту народного благосостояния за счет расширения внутреннего рынка, стимулирующего развитие товарности крестьянского хозяйства и обусловливающего необходимость его модернизации, – отмечает современный исследователь Домников[2]. Он обращает внимание на одно очень существенное препятствие проведению модернизации аграрных отношений – личную незаинтересованность многих представителей высшей правительственной бюрократии в скорейшем проведении реформ в сельском хозяйстве, а точнее говоря, заинтересованность в приоритетном развитии железнодорожного строительства и связанного с ним развития тяжелой промышленности. Можно сказать, что главным мотивом проведения модернизации экономики и социальных отношений в дореволюционной России вплоть до 1917 г. оставался частный интерес достаточно немногочисленной группы людей, связанных с верховной властью, крупной промышленностью и финансами.

«Итак, – пишет Домников, – к концу XIX века выявились два противоположных подхода к разрешению аграрной проблемы. Сторонники осуществления широкой программы аграрных преобразований выступали за пересмотр всей финансово-экономической политики государства («от промышленности к сельскому хозяйству») при сохранении прежней попечительской политики в отношении крестьянского населения. Сторонники же прежнего экономического курса, выступающие против вложения средств в сельское хозяйство, настаивали на изменении преимущественно правового положения крестьянства, ликвидации его сословных и имущественных ограничений, ликвидации общины, в которой они видели основной источник экономической отсталости, архаических пережитков в крестьянских правоотношениях, землепользовании, формах хозяйствования и т. п. Оба направления обозначали основные проблемы аграрного развития и определяли

магистральные направления будущего модернизационного процесса».

Нетрудно заметить, что практически те же самые проблемы стояли перед страной в середине 1920-х гг. Перейдя к нэпу, Советское государство взяло курс на самовосстановление крестьянских хозяйств, с тем чтобы черпать из сельского хозяйства средства на индустриальное строительство. Подсчеты экономистов свидетельствовали о том, что уровень хозяйственного развития крестьянских хозяйств едва ли достиг довоенного, а налоговое обложение было практически таким же. Ни о каком вложении капиталов в сельское хозяйство не могло идти и речи. Собственно говоря, вся политика государства на протяжении большей части нэпа сводилась к лавированию и маневрированию. У советских властей было, однако, по сравнению с царской бюрократией одно огромное преимущество. Столыпинским реформаторам так и не удалось создать себе опору в деревне в лице слоя «крепких хозяев». Большевики имели возможность воздействовать на крестьянство не только через органы государственной власти, но и при помощи самого крестьянства, через крестьянские организации: общину, кооперацию, кресткомы и значительную часть самого крестьянства, молодежь, бедноту и других активистов. Ошибочно поэтому считать коллективизацию делом рук только государства. И сама «социалистическая реконструкция сельского хозяйства», и предшествующие ей мероприятия (кампания самообложения, общественного давления на злостных несдатчиков хлеба и Урало-Сибирский метод хлебозаготовок и раскулачивание), проводились руками значительной части крестьянства. В этом проявлялась специфика отношения большевиков к крестьянству, позволявшая вовлекать последнее, вопреки ортодоксальной марксистской теории, в революционную борьбу и в модернизационно-реформаторскую деятельность государства.

---

[1] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. – М., 1999–2000. Т. 1. С. 14.

[2] *Домников С. Д.* Столыпинская программа аграрной модернизации России // Реформаторские идеи в социальном развитии России. – М., 1998.

Л. А. Рамазанова

Целина Зауралья

В соответствии с решениями февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС 1954 г. в Башкирии с весны 1954 г. началась работа по выявлению и отводу площадей для освоения целинных и залежных земель. На целинных землях Зауралья было организовано 4 новых совхоза: Матраевский, Маканский, Хайбуллинский и «Урал». На базе Баймакского, Башкирского и Куюргазинского конных заводов были созданы крупные зерновые совхозы, которые по существу тоже можно назвать целинными совхозами. Только в 1954 г. освоением новых земель занимались 1347 колхозов и многие совхозы Башкирии.

В решении всенародной задачи увеличения производства зерна путем освоения целинных земель активное участие приняла молодежь Башкирии. В 1954–1955 гг. Башкирская областная комсомольская организация послала на освоение целинных и залежных земель более 3 тыс. человек.

Освоение целинных земель заметно сказалось на росте посевных площадей республики. За пятую пятилетку они увеличились на 1200 тыс. га, особенно выросли посевные площади зерновых культур – на 27%.

За достигнутые результаты в развитии сельского хозяйства 2792 передовика производства колхозов и совхозов, партийных, советских работников и специалистов были награждены орденами и медалями СССР, семи из них присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В Национальном музее Республики Башкортостан хранится множество экспонатов, посвященных освоению целинных земель: это комплекс фотодокументов; образцы сельскохозяйственных культур; документы, отражающие деятельность целинных совхозов; альбомы-рапорты эстафеты культуры, посвященной 40-летию образования БАССР, а также районов и городов республики; почетные книги Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве; различные издания, посвященные освоению целинных земель и сельскохозяйственной тематике; карты Башкирской АССР с указанием колхозов и совхозов; комплексы документов по передовикам сельскохо-

зяйственного производства – целинникам: удостоверения и медали «За освоение целинных земель», свидетельства участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, удостоверения и значки «Отличник социалистического соревнования сельского хозяйства РСФСР», почетные грамоты всех уровней; многочисленные награды, знамена, вымпелы – свидетельства ударного труда колхозников Башкирии. В документальном фонде музея хранятся фотоальбом и другие материалы по истории дорожного строительства методом народной стройки в БАССР 1950–1960-х гг.

И. И. Акафьева

Тема крестьянства в переписке В. П. Астафьева

Изучая творчество В. П. Астафьева, невозможно пройти мимо его эпистолярного наследия. Ведь именно в письмах наиболее полно раскрывается человек: его переживания, его помыслы, его характер. Письма Астафьева помогают нам увидеть в нем не только одного из выдающихся писателей XX в., но и обычного человека, со своими невзгодами, повседневными заботами, болезнями. И практически во всех его письмах, особенно тех, которые написаны на родине писателя – в селе Овсянка, звучат его размышления о русском народе, о судьбе России. Вот что пишет Виктор Петрович Астафьев Валентину Яковлевичу Курбатову в ноябре 1980 г.:

«Дорогой Валентин! Вот я и переехал на Родину! Пока не поздно, так ближе «к родимому пределу»... Как и жил в вологодских болотах столь лет?

Остаток лета и осень занимался я административно-хозяйственными делами и еще раз убедился, как в нашем косном, обюрократившемся, свободном для лентяев и хамов государстве уворовываются время и силы людей, как они ладно перемалываются в ничто, как унижены граждане стоянием в очередях, ожиданиями, прошениями. И всю эту ситуацию сами же создают, сами же ее и клянут, сами же возмущаются втихаря – государство самоедов, самоистребителей и безответственных существ, даже по отношению к своей особе.

С удовольствием садил после всего этого лес в огороде –

посадил калину, рябину, березу, елку, сосну, лиственницу, лесных цветов на месте картошки и капусты, чем привел родичей в изумление, и они решили, что житие в Европах даром не проходит и я уже с катушек съехал» [1].

Спустя полтора года после переезда на малую родину (22 июня 1981 г.) В. П. Астафьев пишет тому же В. Я. Курбатову: «Насмотрелся на богатые когда-то края, где, куда ни плюнь – полтора метра чернозема лежит, а в магазинах нет ни сахару, ни крупы – ничего нет, и воду развозят в бочках, бо из реки как пить ее нельзя. Утром, как в войну, люди стоят в очередь за хлебом, полусырым, разваливающимся. Если утром не купят – всё, а прежде здесь не знали, куда его девать, хлеб-то. По улицам шляются бичи, задирают народ, мимо надменно проходит черная «Волга» с нолями, в ней сидит местная власть, ничего не видя позорного в своем и окружающем существовании, на полях мельтешит какой-то полупьяный народишко, хохочет, задирая друг дружку и спрашивая, не привезли ль бормотуху».

Почти все свои письма В. П. Астафьев как истинный крестьянин – по рождению и по сути – начинает с описания погоды; деревенская жизнь успокаивает его, благотворно действуя на тело и душу: «Я тут на полмесяца выскакивал в Сибирь, встретить весну и повидаться с родными. Там, в родной деревне, и Пасху встретил, и 1 Мая. В Пасху ночью стреляли, по старому обычаю, пальнул и я два раза. Деревня отводками, гнездышками еще живая, судя по разрозненным выстрелам. А вообще ни с чем не сравнимое это диво – ночь весенняя, звездная, шум вод в горах, тень лесов и вдруг пальба, какая-то не боевая, пусть в удаль, озорство ли, а тревоги никакой. Я и разговляться не велел меня поднимать. Пришел, упал на кровать и уснул крепко-крепко, успокоенный и мирный» (11 мая 1978 г.). Уединение, общение с природой и самим собой были главными условиями, необходимыми писателю для творчества: «Век двадцатый, век необычайный» разъединил вовсе людей, хотя ожидалось наоборот – теперь уже «деревенская глушь» нам, оглушенным ревом и грохотом цивилизации, кажется не просто тихим раем, но еще средоточием людским, тесным родством, общением» (27 февраля 1979 г.).

Однако, кроме радости от общения с природой и от жизни на земле, в астафьевских письмах часто звучат тревога,

боль и обида за свой вымирающий, влачащий жалкое существование народ. Слово «тревога» повторяется почти в каждом его письме. Ни на минуту писателя не оставляет «постоянно сосущая тревога под сердцем», лишь иногда становится она «дальше или глуше»: «Совсем наш народишко шпаной и оглоедом становится. Горлохват и вор – главное действующее лицо у нас. Преступность и смертность здесь ужасающие. Ситуация жизни, кажется, уже не контролируется. Полный разброд и анархия вместо обещанного порядка и благоденствия...» (30 января 1989 г.).

В. П. Астафьев в письмах друзьям часто делится своими творческими планами, рассказывает о том, как продвигается работа, обобщая, дополняя и анализируя мысли, высказанные им в своих книгах: «Написал я, кажется, главный кусок о погибшем хлебном поле. Это вот и есть смысл всей человеческой трагедии, это и есть главное преступление человека против себя, то есть уничтожение хлебного поля <...>, и большевики, начавшие свой путь с отнимания и уничтожения хлебного поля и его творца, – есть главные преступники человеческой, а не только нашей, российской, истории. Разрушив основу основ, они и себя тут же приговорили к гибели, и только стоит удивляться, что и они, и мы еще живы, но это уже за счет сверхвыносливости и сверхтерпения русского народа, а оно не вечно, даже оно, наше национальное достоинство или родовой наш недостаток» (13 марта 1991 г.).

В фондах Государственного архива Пермской области хранится письмо писателя Василя Быкова, написанное им 4 января 1999 г., в котором автор рассуждает о политике, проводимой президентом А. С. Лукашенко в Белоруссии. Мысли Быкова, по сути, перекликаются с размышлениями Астафьева: «Дорогой Виктор! Действительно, воздев к небу руки, можно только воскликнуть «Доколе?» Доколе ты, народ, будешь таким слепым, глупым? Неужели это ему выгодно – быть слепым и глупым? Но – пусть народ. А как же интеллигенция, писатели (лучшие!) земли русской, которые бригадами ездят в Минск, участвуют в различных шоу по его (Лукашенко. – *И. А.*) сценариям, получают из его рук пачки «зеленых» и потом месяцами печатают в белорусских (его) газетах хвалу в его честь... Дорогой мой и любимый брат! Я утешаюсь тем, что знал тебя в этой жизни, читал, разделял многие твои истины.

Если подумать, то это уже немало. Тем более в наше проклятое время. Будь здоров и счастлив! Обнимаю – твой Василь»[2].

Астафьеву всегда была небезразлична судьба деревни, он глубоко переживал все обрушившиеся на нее невзгоды. В одном из своих интервью, которое он дал газете «Красноярский рабочий» 17 августа 1991 г., Виктор Петрович вспоминает: «В пятидесятых годах я работал в газете на Урале, много ездил, повидал. Ведь 57 процентов населения тогда было в селе и кормили остальные 43 процента, совершенно ограбленные, доведенные до такой нищеты, что просто и вообразить-то такую нищету трудно: ...телогрейка прожженная, залатанные штаны, невероятные, из какого-то брезента сшитые юбки. И налоги, налоги, страшные налоги, подписи на облигации. Когда войдешь в избу, не то что тряпочки какой-то – занавески не увидишь... А что у них можно было забрать? Руки потрескались, в чем работают – в том и спят, детей перехоронили, скотины в доме нет, а у кого есть – давят: сдай молоко, сдай яйцо, сдай шерсть». Такое бедственное положение крестьян на продолжении многих лет, по мнению писателя, и стало причиной того, что деревня опустела – молодые разъехались кто куда, а старики умерли. И продолжает, уже о том, что ждет деревню в будущем: «Чем дольше живу в Сибири, чем больше вижу, тем печальнее и сумеречнее мои писания об этой земле. На нее сейчас начинается новый завоевательный поход, но уже не легендарного Ермака, а шустрого деляги... Эти люди чувствуют, что мы едва дышим, и стоит выбить скамеечку под названием Сибирь, как вся страна окажется в петле».

История семьи В. П. Астафьева переплелась с историей страны – были репрессированы отец и дед писателя, половина родного села была выслана. Астафьев и сам называл себя «крестьянским сыном», не отделял себя от народа. Эта черта импонирует ему и в других, например в А. И. Солженицыне, которого Виктор Петрович считал «писателем номер один в мире». В интервью «Комсомольской правде» 25 октября 1989 г. писатель, размышляя о творчестве А. И. Солженицына, говорит: «...у черта на куличках, в американском штате Вермонт Солженицын все равно остается сыном нашей земли. Тогда как многие из здесь, в нашем Отечестве живущих, давно уже как бы пребывают в другой стране. Духовно отделились от народа, презирать его начали. <...> Совестливые художники,

как их называют, или просто хорошие писатели первым делом озабочены судьбой обыкновенного человека. Того, что и составляет сущность нации, кормит нас. <...> Солженицын написал простого русского человека с достоинством. Можно его на колени поставить, как Ивана Денисовича, но унизить трудно. А унижая простой народ, любая система унижает прежде всего себя... Ни один настоящий русский художник не унизил крестьян. Конфетку делали из него иногда, куличик, елочку нарядную – дело другое. Но с почтением к ним относились даже бояре и дворяне. Понимали, кто их кормит, содержит. Вся великая русская литература этим пронизана».

В. П. Астафьеву, как и всем талантливым писателям, свойственно мистическое чувство предвидения. Пристально вглядываясь в будущее, он пытается предугадать возможные несчастья: «У нас с середины июня наступило погодье и тепло, но всё как-то душно, тревожно. Особенно какой-то грузный, удушливый и тревожный день был вчера. Видно, Господь напоминает о начале неслыханного еще кровопролития и тайной, в природе сокрытой, духотищей прижимает нас и тревожит сердце, напоминая об этом и упреждая, чтоб 22 июня более не повторялось. Подействует ли? Сомневаюсь. Уж больно разброд на земле большой и всё бóльшую скорость и силу набирающий» (23 июня 1984 г.). Обостренным нравственным чутьем писатель ясно видит главную опасность, нависшую над страной и ее народом: «А в остальном жизнь, как и везде – смутно, неуютно, грядет вспышка фашизма, который тлел в загнете русской печи, и мы его, всякий в меру своих сил, сохраняли, а когда и раздували... Наверное, все-таки мы сами виноваты во всех наших бедах и злоключениях, нам и гореть в фашистском кострище, если всё же не опомнимся и не начнем с ним не то чтобы бороться (где уж нам уж...), а хотя бы противостоять соблазну пополнять его озверевающие стаи» (6 марта 1995 г.).

В газете «Правдинские пятницы» от 30 июня 1989 г. Виктор Петрович, на вопрос корреспондента, как он представляет себе ближайшее будущее страны, ответил так: «С тревогой, настороженностью, с большим смятением смотрю в завтра. Потому что, действительно, нам выдан последний шанс. Я-то, слава богу, пожил. Но у меня внуки, моя страна, пусть полуразрушенная, с полународом, с пустой Россией, и все-таки

она есть. И как всякий живой человек, я хочу надеяться на возрождение. Увы, возрождения как такового не происходит». И тем не менее, несмотря на крайний пессимизм, резкость и критичность, вдруг – такие проникновенные, светлые строки: «А вечером был бенефис оркестра нашего оперного театра – и такое дивное действо, такой волшебный вечер мы с Марьей Семеновной и Полькой провели, что хоть плачь от умиления! Ах, какие возможности еще заложены в народе нашем замороченном! Как многое ему еще доступно и не только в искусстве. Ему б только мешали поменьше, да Бог хоть изредка помогал. Ах, до чего же еще дитя, дитя незрелое в массе своей наш народ! Хоть плачь, хоть руками разводи» (27 ноября 1995 г.).

В. П. Астафьев, как никто другой, умел смотреть правде в глаза. Будущее страны тревожило его, но он все-таки не переставал надеяться на лучшее. Писатель был убежден, что русский народ, так много страдавший и так безжалостно уничтожавшийся собственными правителями, несмотря на все свои недостатки – достоин лучшей доли. И писатель хотел остаться со своим народом до конца, потому что ему не нужна была иная судьба, чем та, что уготована России. В том же интервью газете «Правдинские пятницы» Астафьев говорит: «Все плохое и хорошее, что сделал русский народ, числится и за мной. Я как стоял на этой земле, так и стоять буду. Если совсем на ней нечего будет жрать и все будет гореть, – стану тушить пожар, может быть, придется отложить авторучку и сеять хлеб – буду сеять хлеб, буду пахать землю, пока не упаду за плугом... За моей душой ничего не числится грешного, впереди у меня тоже нет иной темноты, кроме смерти...»

В одном неизвестном ранее письме В. П. Астафьева от 9 марта 1987 г., опубликованном в «Российской газете» 22 апреля 2005 г., – духовное завещание писателя потомкам: «Прошу похоронить меня в ограде, где я указал. <...> На казенное же, городское кладбище я не хочу, оно чужое, как чужим всегда был мне современный город и всё в нем, чужое моему сердцу. И выносить прошу обязательно из деревенского моего дома, открыв ненадолго ворота в родном бабушкином дворе. <...> Соседей попрошу не отказать в этой моей просьбе – мало чего осталось от бабушкиного дома и подворья, а Овсянка была и пусть навеки останется во мне и со мной. <...>

Хочу, чтобы кто-нибудь из внуков работал на природе и для природы – в Овсянке открывается школа-лесничество. <...> Не хочу, чтоб хоть один пошел по моим стопам и сделался писателем или артистом. Бесполезное, проклятое занятие! Приводящее человека к полному разочарованию во всем. Если начнется возврат «к земле» и возрождение деревни, а это неизбежно, иначе все погибнут с голоду, хотелось бы мне, чтобы кто-нибудь жил на земле и землею: нет труднее и благороднее, нужнее и полезней работы крестьянина. <...>

Благодарю вас за то, что жил среди вас и с вами, и многих любил. Эту любовь и уношу с собою, а вам оставляю навечно свою любовь. Ваш соотечественник и брат – Виктор Петрович Астафьев».

---

[1] Здесь и далее цитаты из писем В. П. Астафьева, кроме особо оговоренных, приводятся по изданию: Крест бесконечный. В. Астафьев – В. Курбатов: Письма из глубины России. – Иркутск, 2003.

[2] ГАПО. Ф. р-1659, оп. 1, д. 824, л. 2.

Т. В. Муруева

Экспедиционные сборы ПОКМ по истории крестьянства второй половины XX в.

Комплектование является одним из основных направлений музейной деятельности.

В первой половине XX в. акцент в сборе и изучении материалов по истории крестьянства делался на особенностях традиционной культуры. С середины XX в. меняется фокус исследований. Со второй половины 1970-х гг. основной темой экспедиций становится изучение развития сельского хозяйства Пермской области в свете решений многочисленных пленумов ЦК КПСС. В целях экспедиций прописывалось изучение изменений, произошедших за годы Советской власти в быту и культуре народов Прикамья, роли партийных организаций колхозов в подъеме сельскохозяйственного производства и т. п. Элементы традиционной культуры изучались в связи с их современной интерпретацией. Таким образом, интерес для исследования представляло не собственно крестьянство, а история колхозов и деятельность властных органов и управленческих механизмов на селе.

С середины 1970-х гг. ежегодно организуются экспедиции в основном по югу области: Ординский (1976–1980), Куединский (1982), Октябрьский (1983) и другие районы. Планирование экспедиций и согласование маршрутов проводилось в сотрудничестве с представителями советских и партийных органов районов. К ним обращались за помощью и при сборе материалов. В архивах сельсоветов и правлений колхозов были найдены документы по истории колхозного строительства (протоколы заседаний об образовании колхозов, протоколы сельских сходов о борьбе с кулаками, личные материалы первых председателей). В соответствии с задачами экспедиций комплектовались и материалы, связанные с развитием сельскохозяйственного производства: графики увеличения удоев, привесов и урожаев, диаграммы сева, пахоты, планы удобрения полей. Собирались и свидетельства о деятельности передовиков производства (соцобязательства и графики соцсоревнований; фотографии почетных трактористов со своими тракторами, передовых бригад доярок и т. п.; почетные ленты: «Лучшая доярка района», «Лучший звеньевой-кукурузовод», «Лучший техник-осеменатор животных» и др., почетные грамоты, делегатские билеты, мандаты участников районных конференций передовиков производства и др.).

Со второй половины XX в. очертания сельской повседневности всё больше приобретают городские черты. Музейными экспедициями комплектуются материалы, отражающие этот процесс, прежде всего планы застройки сел, выполненные «Пермгражданпроектом», планы строительства клубов, библиотек, детских садов, школ, магазинов. Согласно этим планам, традиционный внешний вид сел должен был приобрести рациональную организованность. В селах появлялась четкая планировка улиц с единой системой нумерации домов. Экспедицией фиксировались изменения, произошедшие в жилище, свидетельствовавшие о постепенном сближении культурных и бытовых условий жизни деревни и города: совершенствование конструкций дома, стремление к многокомнатности, к лучшей внутренней отделке. В домах появляются ванные, туалеты, проводится отопление и водопровод. Внутренняя обстановка становится близкой городской: полированная мебель, диваны, книжный шкаф, телевизор, радио, телефон.

Скульптурный портрет В. П. Астафьева в г. Чусовом.

Мемориальный музей В. П. Астафьева в г. Чусовом.

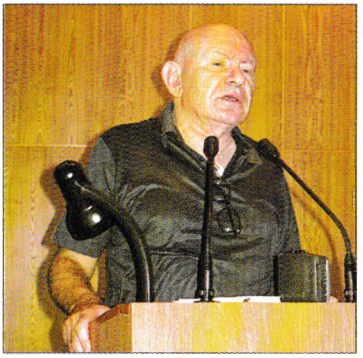
Участники Третьих Астафьевских чтений в г. Чусовом. Май 2005 г.

Цветет сирень у домика Астафьевых в г. Чусовом.

Юная участница Малых (детских) Астафьевских чтений. Май 2005 г.

Третьи Астафьевские чтения. Рабочий момент. Директор Мемориального центра «Пермь-36» Виктор Шмыров и литературный критик Валентин Курбатов.

Художественный и литературный критик Андрей Золотов.



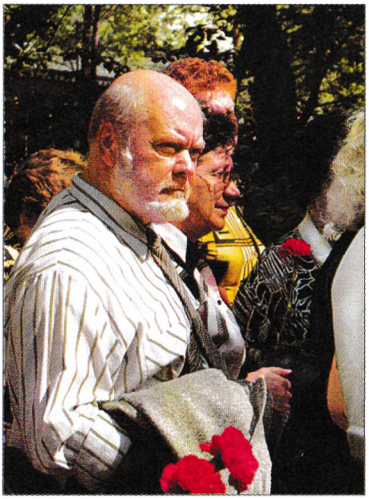
Профессор Манчестерского университета Теодор Шанин.

Пленарное заседание.

Поэт из Челябинска Николай Година.

В перерыве между заседаниями.

Участники Третьих Астафьевских чтений направляются к дому В. П. Астафьева в г. Перми.



Литературный критик Лев Аннинский.

Мемориальный знак на доме в г. Перми по ул. Ленина, 84, в котором жила семья Астафьевых.

Дни памяти В. П. Астафьева. 30 ноября 2004 г. Председатель Комитета по культуре и искусству г. Дивногорска Красноярского края Василий Обыденко, заместитель губернатора Пермской области Татьяна Марголина, председатель Департамента культуры и искусства Пермской области Ольга Ильиных.

Дни памяти В. П. Астафьева. Презентация авторских проектов в Пермской областной библиотеке им. А. М. Горького.

Андрей Викторович Астафьев.

Юная чусовлянка приветствует участников Дней памяти В. П. Астафьева.

Няня детей Астафьевых Секлетинья Савватеевна Оборина, Андрей Астафьев, Ольга Хорошунова.

Дни памяти В. П. Астафьева в Мемориальном центре истории политических репрессий «Пермь-36».

Заместитель председателя Департамента культуры и искусства Пермской области Лариса Носкова с гостями из Красноярска в этнографическом парке г. Чусового.

Собирались материалы по культурно-досуговой деятельности – программы мероприятий, праздников, концертов, расписание работы кружков, афиши кинофильмов и концертов приезжих артистов. В клубах организовывались не только детские кружки типа «Умелые руки», но и изостудии, драмкружки, хоры для взрослых. Силами колхозников осуществлялись постановки спектаклей по произведениям местных авторов, читательские конференции и др. Всему этому в музее имеются документальные свидетельства и фотографии.

В фондах музея есть экспонаты, отражающие школьную жизнь на селе того времени: деятельность пионерской и комсомольской организаций, ученических бригад, помогающих взрослым в полях и на фермах, школьных агитбригад и ансамблей политической песни, – стенгазеты, фотографии, рапорты, грамоты и т. п.

При комплектовании особое внимание уделялось роли сельской интеллигенции в жизни села. Формировались личные фонды учителей, врачей, клубных работников, куда вошли фотографии учителей со своими учениками и руководителей кружков с их участниками, благодарственные письма учеников, грамоты и благодарности от руководителей районной администрации.

Особый интерес при изучении феномена советского колхозного крестьянства представляют программы праздничных мероприятий и описание новых обрядов, прежде всего свадебных, где сочетаются традиционные этнические черты и новые советские правила. Источниками здесь служат, прежде всего, устные материалы, полученные в ходе интервью с жителями районов. Кроме того, исследователи сами принимали участие в праздниках (сабантуй, свадьба) и фиксировали изменения, происходящие в форме проведения праздника и его смысловом наполнении. Наряду с традиционной обрядностью (игры, состязания, песни) присутствует и советская (участие советских и партийных руководителей, чествование передовиков производства, конкурс самодеятельности).

Все эти материалы, собранные в ходе музейных экспедиций по Пермской области, позволяют изучать историю крестьянства 1950–1980-х гг. и скомплектовать по этой тематике полноценную выставку.

О. В. Старцева

Быт и хозяйство крестьян второй половины XX в. на материалах коллекции графики ПОКМ

Историко-бытовые экспедиции, одной из задач которых являлся сбор материалов по традиционной народной культуре, проводились в Пермском областном краеведческом музее начиная с 1957 г., когда в ходе поездок в Чердынь и Ныроб было скомплектовано 56 предметов. С этого времени экспедиции организовывались ежегодно. К 1995 г. благодаря экспедиционной работе было скомплектовано около 2,5 тыс. экспонатов только основного учета. Из 25 историко-бытовых и этнографических экспедиций 14 отражены в коллекции графики и живописи ПОКМ.

Одним из результатов экспедиционных сборов, помимо комплектования подлинников, стало формирование коллекции графических работ, отражающих в той или иной степени современную историю крестьянства. Выполненные в ходе историко-бытовых экспедиций рисунки и этюды (на сегодняшний день их около 400 ед.) представляют собой особый род исторических источников. Художнику в экспедиционной работе отводится особая роль – бытописателя, документалиста, жанриста.

В подходе к изображениям, к выбранным мотивам и сюжетам есть свои особенности, определяемые, главным образом, тематической направленностью экспедиции. Например, среди рисунков, выполненных в Верещагинском районе (старообрядческие поселения), большая часть – портретные зарисовки старожилов, своеобразные жанровые портреты, несущие в себе некий сюжет.

Экспедиционная графика разных лет разделяется на несколько категорий, которые можно характеризовать как особые жанры. Это архитектурные рисунки (общие виды, экстерьеры и интерьеры), сюжетные зарисовки, рабочие рисунки-чертежи с обмерами (в основном, хозяйственная утварь и посуда), портреты, образцы росписей (встречаются единично). Рисунки, как правило, снабжаются подробными комментариями как на лицевой стороне листа, так и на обороте. Критериями отбора для художественной фиксации являются нетипичность предмета или, наоборот, его явная типологичность

(особенно в тех случаях, когда подлинник невозможно получить в фонды), редкость, авторство предмета (развернутая легенда, зафиксированная в полевых дневниках).

Среди широкого круга художников, чьи работы находятся в коллекции ПОКМ, лишь два имени связаны с многолетними экспедиционными исследованиями – это А. Н. Тумбасов и Ю. А. Новиньков. Им принадлежит несколько сотен изображений, основная часть из которых не раз выставлялась на тематических выставках («Книжность Прикамья», «Традиционная культура Прикамья», «Мир старообрядчества»).

По материалам коллекции графики особенно выделяются несколько экспедиций:

– верещагинские экспедиции 1985–1987, 1989, 1991, 1992 гг. – наиболее многочисленная по составу коллекция графики (автор Ю. А. Новиньков), посвященная старообрядчеству; эта коллекция отражает непрерывность исследований: вырисовывается круг старожилов, запечатленных в сюжетных портретах, постройки и быт складываются в цельную картину. Интерес для участников экспедиций представляли практически все детали; много беглых рисунков, выполненных наскоро, чтобы не потерять сюжет, так как круг исследуемых деревень довольно обширен;

– экспедиции в Пермский район 1981-1983 гг. (Верхние Муллы) – запечатлены типы сохранившихся традиционных построек, нет портретов и интерьеров;

– экспедиция в Лысьву 1987 г. – изображены утварь, посуда; отражено взаимопроникновение городского и сельского быта с сохранением традиционных черт;

– экспедиции в Усолье и Кондас 1983 г. – рисунки удивляют неторопливостью и тщательностью; для них характерна документальная точность в передаче пропорций и деталей сооружений; привлекает обилие воспроизводимых росписей, интересных типов построек;

– экспедиция в Чердынский район (автор А. Н. Тумбасов) – запечатлена архитектура, нет портретов.

В качестве конкретных примеров типологии изображений можно привести краткий обзор рисунков, выполненных в ходе некоторых экспедиций.

Усолье, Кондас 1983 г. Экспедиционные рисунки зафиксировали типологию построек, кладки бревен, организацию хозяйственного двора, типы изгородей, взаиморасположение

построек: традиционные постройки с тщательно прорисованными деталями креплений самцовой крыши, перекрытий, амбара над погребом; окно зимовки; шкаф-поставец с графикой росписей; взвоз на поветь (с указанием мастера и владельца дома); дверь с коваными петлями (фиксируя фрагмент интерьера избы, художник акцентирует внимание на какой-либо детали, в данном случае на кованых дверных петлях, придавая ей художественную выразительность; наряду с документальной точностью, рисунок приобретает и самостоятельное экспозиционное значение); залавок с росписью; амбар; сундук с росписью (приводятся размеры); расписной элемент опечка; рисунок крыльца в д. Игнашино (архаичное устройство креплений навеса, дождевых стоков, круглее бревно в основании лестницы).

Лысьвенская экспедиция 1987 г. Зафиксированы бытовые вещи из семьи рабочего Лысьвенского металлургического завода Сайдакова: лубяной короб для хранения обуви; узоры бурака конца XIX – начала XX в. с описанием цветов росписи; долбленое корыто; колымажка для телеги (прорисованы детали крепежа деревянных дужек), с указанием размеров; туесок для молока (с традиционным креплением «в замок»). Рисунки представляют интересный сравнительный материал для изучения элементов традиционной народной культуры, сохранявшихся в городской среде.

Специфика коллекции экспедиционной графики заключается еще и в том, что большая часть рисунков ориентирована на отдаленного во времени исследователя, который сможет извлечь из этого круга источников другие смыслы, помимо их прикладной информации, например, почему и благодаря чему сохранились и выжили элементы традиционной бытовой крестьянской культуры под натиском цивилизации (особенно это касается рисунков, посвященных старообрядчеству).

Л. Ф. Русаков

Отображение истории крестьянства музейными средствами

Все познается в сравнении, поэтому, прежде чем рассматривать характеристику современного крестьянства и заглядывать на перспективы его развития в будущем, необходимо

оценить его прошлое. Тринадцать лет назад, когда разрабатывалась концепция развития Коптеловского народного музея, была предпринята по тем временам дерзкая попытка изменить не только название и статус музея – из общественного перевести в муниципальный, но изменить и его суть. В разрабатываемую концепцию будущего музея было заложено несколько принципиальных положений: музей должен наиболее полно отразить исторический процесс развития деревни, ее выживания и приспособления к природным условиям, к техническому прогрессу; показать специфику исторического развития данного региона и села; основываться на реальных фактах, а не на идеологических схемах; изменить отношение к посетителю, рассматривая его не только как наблюдателя, но и как собеседника и партнера.

Уже в названии – музей истории развития земледелия и крестьянского быта – учитываются многофункциональные особенности музея на селе – это историко-культурный объект, в котором жители села могут видеть себя и свою историю, приобретать знания о месте, где родились и живут, об окружающей природе, с которой сотрудничали их предки; это своеобразная школа, помогающая изучению прошлого и настоящего данного поселения и вовлекающая в деятельность музея самый широкий круг селян в качестве помощников и сподвижников.

Сельский музей не одинок. Во-первых, он находится в плотном окружении природной среды, или природного социума. Под природной средой подразумевается сложившаяся совокупность общения природы с человеком на протяжении последних веков. Это общение началось с выбора места поселения предками, которые учитывали наличие природных ресурсов: воды, земли, леса, минералов. Это общение с природной средой продолжается и по день сегодняшний. Во-вторых, сельский музей находится в социальной среде, или социальном социуме, данного населенного пункта. Это люди, живущие в данном поселении, которые унаследовали (или растеряли) информационную базу своих предков, люди, которые были и являются творцами экономического, исторического и культурного потенциала своего селения. В-третьих, музей находится в окружении объектов, которые несут в себе определенный потенциал образовательных и воспитательных функ-

ций: семья, детские дошкольные, школьные и внешкольные учреждения с их образовательно-воспитательной функцией, а также объекты, призванные воспитывать культурой (клубные учреждения, средства массовой информации и библиотеки).

Музей на селе посвящен человеку и его культурному и природному окружению, он несет в себе одновременно функцию «открытого» музея – музея пространства и среды. В то же время он является музеем времени, когда на экспозиционном пространстве отражается минувшая история. К сожалению, музей не может рассказать о дне завтрашнем, поскольку основу экспозиционного пространства музея составляет музейный предмет как первоисточник, как «осколок» среды бытования, мы не сможем иметь предметы завтрашнего дня, а только символы существующей или ушедшей эпохи. Причем эти предметы в сельском музее могут быть далекими от уникума, шедевра, скорее это предметы повседневной жизни, обычные, серийные, бывшие в употреблении и не претендующие на роль раритета.

Основа основ музея это его фонды. Чем располагали мы?

Во-первых, это памятник архитектуры XVII в. – крестьянская изба, сохранившая свою первозданность. Именно эта крестьянская изба является не только уникальным памятником архитектуры, но и уникальным объектом сложных переплетений национального своеобразия и локальных форм материальной и духовной культуры русского народа. Это конкретный этнографический комплекс, вобравший в себя весь спектр отражения глубинных слоев народного мировоззрения, начиная с архитектуры крестьянского жилища и магических функций его архитектурных украшений (крыльца, ворот, окон и т. д.). За простой деревянной резьбой мы видим традиционную символику солнца, коня, птицы, воды и их обереговую функциональность. Через интерьер крестьянской избы (матица, печь, красный угол, лавки, окна, дверь, порог) мы осознаем бытовую и ритуальную функцию этих предметов, выраженную даже во фразеологии русской речи. Стены самой крестьянской избы были свидетелями многовековой истории семейно-бытовых обрядов и обычаев, начиная с выбора места под ее строительство, заселения и кончая ритуалами поведения в повседневной и праздничной жизни, в дни рождения, свадеб и смерти и т. д.

Во-вторых, это уникальная коллекция сельскохозяйственных машин и орудий XIX – начала XX в. В коллекцию входят сохи, бороны, плуги, конные и первые тракторные сеялки, жнейки - самосброски, молотилки, ветрогон и веялки, сортировки и триера, транспортные средства, имеющие еще деревянные оси у телег; почти полный набор измерительных приборов и инструментов, необходимых для учета сельскохозяйственных работ.

В-третьих, большое количество письменных источников, состоящих из воспоминаний старожилов села, карт землепользования начала XIX в., протоколов президиума сельского Совета конца 1920 – начала 1930-х гг., первых собраний по коллективизации, статистических данных производственных показателей колхозного строительства, и многое другое. Мы имеем уникальную возможность отслеживать историю развития крестьянства в отдельно взятой территории на протяжении всего двадцатого столетия, через человеческие судьбы на фоне исторических событий в стране.

Экспозиционное решение предусматривало два направления. Первое – показ производственных сельскохозяйственных процессов, связанных с временами года: весна – весенняя обработка земли и посев сельскохозяйственных культур на фоне технического прогресса от бороны-суковатки и двурогой сохи к тракторным орудиям и агрегатам; лето – заготовка сена, характеристика травостоя и орудий труда; осень – уборка урожая, орудия труда и агрегаты; зима – обработка семян, производство муки, торговые отношения по обмену сельскохозяйственной продукции, извоз, заготовка леса, транспортные работы. Второе направление – это развитие коллективного хозяйствования и его хронология развития: первые ТОЗы, коммуны и колхозы, где главное – люди-труженики, их судьбы. Сделана попытка уйти от парадности, помпезности и показать проблемы периода коллективизации, крестьянской жизни военной поры.

Особого внимания к себе требует история крестьянства второй половины XX в. Не успела деревня осознать победные события мая 1945 г., как ее ожидала целая череда реорганизационных мероприятий, возведенных в ранг государственной политики: укрупнение колхозов, выявление неперспективных деревень, уничтожение одних сельскохозяйственных

культур и насаждение других, уничтожение личного подсобного хозяйства, решение продовольственных программ и новая перестройка коллективного хозяйствования на фермерское, которое вскоре завещало долго жить. Как показать все это? В реальности это осиротевшие дома с разобранными крышами и выбитыми окнами, с заколоченными клубами, магазинами и медпунктами, а главное – пустые животноводческие фермы и зарастающие поля.

Комплектование идет через описание происходящих событий, сбор нормативных документов, статистических данных производственных показателей, фото- и видеодокументирование, но главное – это люди, их биографии, их эмоциональное переживание происходящего.

Фонды – основа музея, экспозиция – его лицо, но жизнь музея определяет желание посетителя вернуться сюда еще и еще раз. Без посетителя музей мертв. Для решения этой проблемы сотрудниками музея было разработано и реализовано несколько проектов и программ, объединение которых позволяет на селе иметь специализированный территориально-рекреационный музейный комплекс, главными задачами которого являются: изучение, охрана и пропаганда историко-культурного наследия землепашца, хлебороба, труженика земли – крестьянина в широком смысле этого слова; изучение и демонстрация традиционного единения человека с природой и использования ее ресурсов; изучение, сохранение, а по возможности и возрождение, традиционной народной крестьянской культуры на данной территории.

Что удалось осуществить?

Реализован проект по созданию экологической рекреационной зоны «Живи, родник!». Родники в старину на Руси всегда считались символом жизни. Родник – это еще и синоним духовности, нравственной чистоты. Издревле на Руси над родниками возводили часовни. Эта традиция не обошла и наше село; в XVIII–XIX вв. над истоком стояла скромная часовня, и каждый, кто проходил мимо, осознавал особую значимость воды как источника жизни. Данный проект ставил целью обустроить родник и восстановить часовню.

Восстановленную часовню сотрудники музея музеефицировали; здесь развернулась экспозиция об истории возникновения и развития духовной культуры крестьянства. И стала

часовня еще одним объектом музейных экскурсий для туристов, центром дискуссий об экологических проблемах, местом притяжения сельчан, несущих сюда свои творческие работы.

Сегодня музей вынужден вносить свои коррективы в основную экспозицию по истории землепользования, пытаясь совместить на одних экспозиционных площадях сразу несколько информационных рядов. Например, технологический ряд сельскохозяйственных работ представлен в новом контексте – «земля и слезы». Крестьянин рождался и жил свою жизнь на земле, которая его кормила, поила, которую он обрабатывал, орошая собственным потом, или, отложив соху или плуг, шел защищать, когда эта земля становилась объектом военных конфликтов. И в каждом из этих случаев были слезы. Слезы радости при рождении сына; слезы горечи от тяжкого крестьянского труда, особенно в неурожайные годы; слезы счастья, когда отломленная краюха испеченного хлеба источала запах земли в крестьянской избе; слезы вдов и матерей, оплакивающих защитников земли во времена военного лихолетья. Или тема технического и энергетического вооружения крестьянского труда. Тема исторического развития форм собственности на землю и коллективных форм ведения сельского хозяйства на селе.

Условия современности требуют, а вернее, предлагают на базе музея иметь специализированный центр изучения и пропаганды основ земледелия на приусадебных участках и садах по выращиванию овощей, фруктов и развитию цветоводства на селе...

До осенней поры текущего года музей должен завершить работы по реализации проекта «Мастеровой двор», который предусматривает создание экспозиционно-творческого центра традиционных крестьянских ремесел. Его основная задача – изучение и возрождение традиционных ремесел и промыслов, старинных умений и навыков селян. На фоне музейных коллекций по кузнечному, шорному, пимокатному, бондарному, плотницкому и другим традиционным ремеслам прямо в экспозиции будут работать учебные мастерские, студии. И все желающие смогут не только знакомиться с традиционными технологиями, но и непосредственно принимать участие в производственном процессе.

Н. М. Долдина

Крестьянство второй половины XX в. в фотодокументах Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея

Тема крестьянства в фондах Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея отражена в подлинных фотодокументальных источниках за период с 1920-х до 1980-х гг. Комплектование коллекции проводилось за счет научных экспедиций и командировок научных сотрудников музея; большую помощь на протяжении всего периода оказывали члены научно-краеведческого совета; активно помогали сами фондообразователи. Таким образом, сформировано около 70 фондов. Более полно укомплектованы фонды крупных сельскохозяйственных объединений, в которых насчитывается от 500 и более единиц хранения.

На примере одного из ведущих колхозов Коми округа можно проследить всю историю крестьянства, характерную для большинства сельскохозяйственных предприятий. Колхоз «Россия» Кудымкарского района был образован в 1929 г. В 1954 г. произошло объединение мелких, бедных колхозов с более благополучным, крепким хозяйством, и в результате новое образование оказалось в очень тяжелом материальном положении: не хватало техники, семян, финансирования, чтобы выполнять поставленные правительством задачи. Многое зависело от руководства колхоза, насколько грамотно оно будет планировать работу.

Начало 1960-х гг. запомнилось колхозникам засухой, неурожаем, падежом скота от ящура. Урожай зерновых составил 4,5–6 ц/га. Введенная в 1960 г. денежная оплата труда составила в среднем 35 коп. в день. Многие колхозники не верили в будущее, открыто высказывая недовольство в адрес руководителя: «Вы колхоз развалите – это произойдет в скором времени, он уже стоит на краю могилы. Лучше бы давали по 1 кг хлеба на трудодень, чем ваши 35 копеек». За год из колхоза уехало 250 человек. И все-таки, несмотря на столь сложное положение, колхоз сумел преодолеть трудности и за короткий срок встать на ноги. В этом большая заслуга Г. И. Радостева, заслуженного агронома РСФСР, награжденного орденом Ленина, четверть века руководившего колхозом «Рос-

сия», ставшего одним из ведущих хозяйств в округе. Более 40 тружеников колхоза награждены орденами и медалями, 5 человек – орденом Ленина; телятнице Т. Ф. Полуяновой присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Личные фонды составляют основу коллекций по сельскому хозяйству. Среди них документы известных в округе и за его пределами людей: М. П. Крохалева, комбайнера колхоза «Совет» Юсьвинского района, Героя Социалистического Труда, почетного гражданина Коми-Пермяцкого автономного округа; А. В. Голубева, старейшего агронома и общественного деятеля, участника Великой Отечественной войны; Н. А. Филатова, заслуженного агронома РСФСР, кавалера ордена «Знак Почета», автора 11 брошюр и 12 книг по сельскому хозяйству; И. Ф. Овчинникова, директора Кудымкарского плодопитомника, почетного гражданина г. Кудымкара, и многих др.

Тема крестьянства привлекала многих творческих, пишущих людей. Так, коллекцию документальных источников пополнили рукописные и печатные материалы коми-пермяцких драматургов: А. С. Можаева, Н. М. Бормотова, М. Ф. Сторожевой и др. Многие из пьес этих авторов ставились на сцене окружного драматического театра и других театров страны.

Более 1000 единиц хранения фотографий составляют фонды по сельскому хозяйству. Более половины из них – портреты передовиков сельского хозяйства.

В последнее десятилетие в большинстве колхозов и совхозов хозяйство пришло в полный упадок, и они практически прекратили свое существование. В некоторых хозяйствах прошла реорганизация – образовались ассоциации фермерских хозяйств, новые сельскохозяйственные объединения, но это никак не отражено в музейной коллекции.

О. А. Ренева

Образы крестьян Страны Советов в творчестве уральского художника Г. А. Мелентьева

Отечественное изобразительное искусство 1910–1920-х гг. похоже на мозаичную картину, в которой художники авангардных направлений стоят рядом с мастерами реализма. И те, и

другие, чутко улавливая настроения своей противоречивой эпохи, обращались к образам современников, которые воплощали в портрете, в историко-революционном и бытовом жанрах. Крестьянская Россия, пытавшаяся стать индустриальной державой, диктовала темы и для изобразительного искусства. И не случайно к жизни новой деревни были обращены взоры и столичных художников, и мастеров периферии.

Среди живописцев, запечатлевших первые шаги колхозной деревни 1920-х гг., был и Г. А. Мелентьев (1888–1967), известный мастер социалистического искусства Урала, получивший художественное образование в Казанской художественной школе и Петербургской Академии художеств. Его работы в настоящее время хранятся в музеях Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Перми и Кунгура.

Коллекция материалов Г. А. Мелентьева из собрания краеведческого музея г. Кунгура насчитывает свыше 600 единиц хранения. Часть картин поступила еще при жизни художника, которого связывала с музеем давняя дружба. Еще в 1920-е гг. молодой живописец помогал оформлять музейные выставки. Позднее, в 1950–1960-е гг., он создавал картины по заказу нашего музея. Большая часть произведений художника, а также книги из его библиотеки и архив были переданы в фонды после смерти Германа Александровича его вдовой Агриппиной Антоновной и дочерью Алевтиной Германовной, проживавшими в Свердловске.

Г. А. Мелентьев происходил из крестьянской семьи. Его отец, Александр Максимович, был крестьянином Юго-Осокинского завода (ныне село Калинино Кунгурского района). Наследственная тяга к земле, неподдельный интерес к жизни деревни нашли свое отражение как в его работах раннего кунгурского периода, так и в зрелом творчестве. Перемены в трудовой и общественной жизни уральских крестьян стали сюжетами для бытовых картин 1920-х гг.: «Весенний сев», «Соха и первый трактор», «Жатва» и др.

Сопоставление старого и нового – есенинская тема победы железного коня над живой лошадью – стала лейтмотивом небольшого по размерам полотна «Соха и первый трактор». Очень низкая линия горизонта позволила живописцу показать крупным планом фигуру высокого старика-крестьянина, устало опирающегося на рукоятку сохи и вытирающего рукой пот

со лба, и подростка, ведущего коня. Энергичный жест правой руки мальчика уводит взгляд зрителя в глубину полотна, на полосатое поле, где размеренно движутся трактора. И у зрителя нет ни малейшей возможности усомниться, что у крестьянства только один путь – путь технического прогресса. В этой работе Мелентьев проявил себя как художник-декоратор. Сопоставление насыщенного красного и темно-синего цветов крестьянской одежды придает полотну напряженное звучание.

Послереволюционные преобразования деревни коснулись и женского труда. Колхозницы-энтузиастки успешно освоили новое дело – работу на тракторе. Молодая девушка с выразительными чертами лица, голова которой повязана красной косынкой, стала героиней нескольких полотен Мелентьева. Ее поясной этюд имеет авторское название «Девушка Степанова из-за реки Ирени». Несомненно, она же изображена и на картине «Трактористка», наглядно, даже несколько прямолинейно, демонстрирующей преимущества колхозного строя. Низкий, приземистый трактор с металлическими колесами, управляемый молодой крестьянкой, занимает почти все пространство холста. Линия горизонта, разрезающая полотно пополам, уравновешивает диагональное движение «железного коня», направленное в сторону зрителя.

В 1920-е гг. благодаря творчеству известных советских художников Н. А. Касаткина, Г. Г. Ряжского широкое распространение получил портрет-тип, в котором индивидуальные черты сочетаются с типическими, характерными для определенной эпохи. К подобным портретам-типам относится ряд полотен мастера как 1920-х гг. («Девушка-колхозница», «Девушка Степанова из-за реки Ирени»), так и более позднего времени («Колхозница», 1937; «Портрет птичницы Кокови-ной», 1953; «Капустница (портрет Печенкиной)», 1955).

Для колористического решения полотен Г. А. Мелентьева 1920-х гг. характерна одна общая черта – использование активного красного цвета, который, возможно, появился не случайно, а под влиянием творчества коми-пермяцкого художника П. И. Субботина-Пермяка, который в 1919 г. был командирован Наркомпросом в Пермь уполномоченным по делам искусства. Благодаря его энергии были организованы художественно-промышленные мастерские в Перми, Кудымкаре,

Кунгуре. В кунгурских мастерских в 1920–1921 гг. преподавал Герман Александрович, который вел занятия в мастерской станковой живописи.

Р. Г. Жёлтышева

Примитивная живопись В. Т. Петухова

Василий Трофимович Петухов родился в 1916 г. в селе Ключи Кунгурского уезда в семье крестьян. Окончил три класса церковно-приходской школы. В 1939 г. был призван на службу в Красную Армию. Он участник Финской и Великой Отечественной войн. Имел звание старшего лейтенанта. За участие в Великой Отечественной войне награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалью «За оборону Ленинграда».

О себе Василий Трофимович рассказывал следующее (интервью газете «Новая жизнь» от 15 сентября 1990 г.): «Я из крестьянской семьи. Жизнь была нелегкой, мои дороги не были устланы розами. С восьми лет остался без матери. С шестнадцати лет направляли нас, мальцов, на лесозаготовки. Пока четыре кубометра дров не нарубишь, не уйдешь из леса. Застал и первые предвоенные пятилетки. В то время ни отдыха, ни выходных не знали. Потом было за плечами девять лет солдатской жизни. Пришлось пережить Ленинградскую блокаду – 900 дней и ночей. Три года не знали дома на Урале, жив ли я. Армия дала большую закалку. В военные годы был парторгом батальона. После войны работал заместителем председателя колхоза, председателем исполкома Ключевского сельского Совета».

Свою картину «Полевой стан» он комментировал так: «Родился я на полевом стане. Жизнь здесь била ключом. Работали с восхода солнца до заката. Умели работать, умели и веселиться. Во время посевной, сенокоса, уборки урожая вся молодежь вечерами сходилась на этот стан. Кажется, все гармонисты Ключей собирались там. В страду в самом селе Ключи оставались только старый да малый. А на станы уезжали весной с коровами, птицей, овцами. Там мне была преподана наука любить жизнь. Та благодать и сейчас жива во мне».

Сам Василий Трофимович был первым запевалой на де-

ревне, знал Теркина почти наизусть. Любил песни «Где же вы теперь, друзья однополчане?», «Ехал я из Берлина».

Село Ключи расположено вдоль холодной речки Иргины, которая впадает в красавицу Сылву. Он по-особенному относился к рекам: «Сылву и Иргину нельзя не любить. Вот я и решил запечатлеть на картине место их слияния. Как говорят, в мире все прекрасно, а вода – краса всей природы. Люблю рыбачить, у меня добрая связь с реками».

Рисовать Василий Трофимович начал еще в школе, на службе в армии любил оформлять стенгазеты и делать зарисовки. Масляными красками стал работать в 1950-х гг. после того, как взял несколько уроков у заезжего художника по грунтованию холста и наложению красок. Он – автор пейзажей, натюрмортов, портретов. Выполнял копии с картин русских и зарубежных художников (Брюллова, Васнецова, Кончаловского, Рубенса...). Работал кистью до последних дней жизни. Часть работ передана автором в Суксунский историко-краеведческий музей, часть подарена друзьям, родственникам и знакомым. Одна из последних его работ – «Мальчик-рыбак».

«Открыл» его зрителю в 1990 г. председатель совета ветеранов села Ключи С. Н. Манохин. Увидел «галерею» в его доме и посчитал, что место этим картинам в музее. Так была организована первая выставка картин В. Т. Петухова в Суксуне. Работники Пермской картинной галереи в том же 1990 г. в Суксунском музее впервые дали картинам свою оценку – и оценку высокую. Искусствовед О. М. Власова так говорит о его работах: «Он писал веселые многоцветные картины, вызывающие удивление и радость. Это наивный мастер, непрофессиональный, природно одаренный человек. Человек, имеющий уникальный взгляд на мир, взгляд радостный... Вот картина с гармонистом на танке – посвящена герою поэмы Теркину. Он весь в цветах. Все собрано в одной картине – архитектура, надписи победителей, сам герой войны. Ощущение праздника невероятное. Пусть неправильно фигура построена, пусть пропорции укорочены, как это бывает у мастеров наива. И архитектурные строения имеют неправильные пропорции, и пейзаж. Элементы натюрморта тут же. Но все рассыпается весело. На полевом стане он пишет свой родной дом. Вплавляет его во всё многоцветье мира. Дом – только часть мира. Драгоценная часть. Нарядный, красивый, от-

крытый дом. В окружающей природе художник все хочет заметить, каждую деталь, каждый элемент. Собачку, лошадку, петуха... Цветущий куст, много всего... Птицы летят над деревней... Лучезарное искусство. Драгоценный мир. Художник гордится им. Выстраивает панораму. Удивительная любовь во всем этом. Ни в одной картине скуки нет. Ни серости, ни обыденности, душу он в эти краски вкладывает... Мощное, настоящее искусство».

В нынешнем году Суксунский историко-краеведческий музей вновь организовал выставку картин художника-фронтовика В. Т. Петухова. Она, конечно, посвящена юбилейной дате – 60-летию Победы. Были взяты на временное хранение картины, принадлежащие родственникам Василия Трофимовича, его старым знакомым, выставлены картины из фондов музея. К сожалению, в нескольких пожарах утрачено много работ Василия Трофимовича. Это его «Березовая роща», «Девочка с ромашками», портреты Кутузова и Суворова, копии с картин Брюллова, Кончаловского...

Н. А. Васильева

Новые поступления в личный фонд В. П. Астафьева
(обзор документов)

Документы из личного архива В. П. Астафьева поступают в Государственный архив Пермской области с конца 1970-х гг. по желанию самого писателя, зафиксированному в письме в архив в 1975 г.: «...Я с удовольствием передам в Ваш архив и рукописи, и бумаги, и документы, потому что творческая жизнь, бóльшая ее часть, связана с Уралом, да и не хотелось бы мне распылять свой архив, желательно, чтобы он был в одном месте»[1]. Несмотря на то, что семья Астафьевых в 1969 г. уехала из Перми и проживала в Вологде, а с 1981 г. – в Красноярске, документы личного архива Виктора Петровича, а затем и его жены, Марии Семеновны, регулярно пересылались в архив бандеролями, передавались через знакомых.

Впервые научно-техническая обработка документов личного архива В. П. Астафьева была проведена в Государственном архиве Пермской области в 1983 г. В дальнейшем

они обрабатывались по мере накопления в 1992, 1994, 1997, 1999, 2004 гг. По результатам описания составлялись дополнения к описи. На сегодняшний день в личном фонде Астафьева числится 886 единиц хранения за 1928–2002 гг. Хотелось бы обратить внимание исследователей жизни и творчества писателя на комплекс из 1735 документов за 1950–2002 гг., разбор и описание которых проведены сотрудниками отдела личных фондов в декабре 2004 г.

Более половины дел, включенных в последнее дополнение к описи, составляют письма, телеграммы, поздравительные открытки Виктору Петровичу и Марии Семеновне от организаций и частных лиц, среди авторов которых – издатели произведений Астафьева, поэты, писатели, журналисты, читатели, родственники и знакомые. Особый интерес представляют письма известных и общественно значимых людей, в которых изложена их точка зрения на события, явления, происходящие в жизни страны в переломный период в 1990–2000-е гг. Среди них письмо с неповторимым почерком поэта Е. Евтушенко о проявлениях антисемитизма в России, в том числе по отношению к нему и членам его семьи (март 1990 г.), писателя Г. Бакланова, главного редактора журнала «Знамя», о зарождении неофашизма в России (май, июнь 1995 г.), писателя В. Быкова о политике, проводимой в Белоруссии президентом Лукашенко (апрель 2001 г.). Философскими мыслями о наступившем новом XXI в. и дне насущном делится в письме художественный руководитель Большого драматического театра им. Г. А. Товстоногова, народный артист СССР К. Лавров: «...А вот и наступил он, и прошел праздник, и снова потекли будни, и ничего необычного не произошло... Вокруг, правда, творится черт-те что! И с Чечней, и думскими делами, и весь мир вроде от нас опять шарахнулся... Как мой Пимен в «Борисе Годунове» говорит: «Прогневали мы Бога, согрешили». Наверное, так... А жаль; ах, как хотелось бы нормально и спокойно войти в третье тысячелетие! И хоть напоследок вздохнуть свободно! И без натуги!» (январь 2000 г.).

Особое место среди писем В. П. Астафьеву занимают письма писателей Сибири и Урала. В числе их авторов есть и пермские писатели, в том числе Н. Вагнер, Н. Домовитов, которые пишут о новостях творчества, об общих знакомых, о деятельности Пермской писательской организации (1993–

1995 гг.). Особенным душевным теплом отличается текст письма поэта А. Л. Решетова: «...Часто мысленно беседую с Вами, постоянно думаю о Вас, вспоминаю и молюсь, чтоб Бог дал бы здоровья и Виктору Петровичу и Вам, Мария Семеновна, и хоть немного бы уменьшилось у Вас тревог и злых напастей». Далее он рассказывает о впечатлении от радиопередачи, в которой Виктор Петрович читал главы из романа «Последний поклон»: «...Слушаю, и мысль приходит: Господи, почему все остальные писатели пренебрегли самым главным – сердцем человеческим, отреклись от русского языка, от народной речи?» (29 июня 2001 г.). Интересно письмо известного кинооператора ТПО «Пермтелефильм» М. Заплатина, который по прошествии почти 25 лет сообщает, что Виктор Петрович когда-то повлиял на его творческую деятельность на Пермском телевидении: «...Перед тем как начать работу в 1963 г. в Перми, мне попалась газета «Звезда» с Вашей статьей об альпийских лугах Кваркуша. Кваркуш я сразу же включил тогда в большой киноцикл фильмов о природе Урала, который к настоящему времени составил уже 46 короткометражных кинокартин».

Имеются в фонде письма критиков и исследователей творчества В. П. Астафьева – редактора произведений писателя А. Гремицкой, И. Золотусского, сотрудников Института мировой литературы А. Большаковой и Ю. Борева. Письма Большаковой (1998–2001) свидетельствуют о том, что она глубоко изучает творчество писателя. В своих письмах она уточняет детали произведений, смысл отдельных слов и выражений, эпиграфы к произведениям, сообщает о ходе работы по теме «деревенской прозы»: «...В мэрии Москвы издали мою маленькую книжечку «Деревня как архетип» и вышла статья по теории автора, где я много пишу об образе автора в творчестве Астафьева». В своем следующем письме сообщает: «Лето я провела очень хорошо – много писала о деревне в русской литературе, где есть отдельная глава о Вашем творчестве: «Виктор Астафьев: идея возрождения». По завершении этого проекта, сразу же перехожу к книге о Вашем творчестве, которая частично уже написана – я собираюсь завершить ее за полгода, т. е. где-то к следующей осени (т. к. до нового года придется завершать мою большую «Деревню на пороге XXI века», где есть специальный раздел о «деревенской прозе»)». 27 сентября 2000 г. она рассказывает о работе над кни-

гой об Астафьеве: «...Пока все идет хорошо, я работаю над общей частью, которая складывается из четырех разделов: «Типология героя», «Автор», «Читатель», «Архетип», а в письме от 3 июня 2001 г. пишет о выходе из печати своей книги «Нация и менталитет: феномен "деревенской прозы"» – монографии о «деревенской прозе», в которой широкий круг имен: А. Солженицын, В. Астафьев, Ф. Абрамов, Е. Носов, В. Распутин, В. Шукшин и др.

Подтверждая выводы критиков и исследователей творчества о том, что Астафьеву наравне с темами «детство», «война» удается «деревенская проза», читатели из разных уголков России пишут ему о своих впечатлениях от прочтения книг на эту тему. Например, о рассказе «Ода родному огороду» Н. Болдырева из Москвы пишет: «Милый, дорогой человек! Что Вы делаете, разве можно так нечеловечески прекрасно писать? Я читаю Ваше вступление к «Оде русскому огороду» и радуюсь и плачу, всё во мне трепещет: наконец-то пишет человек так, как я думаю, обо всем, чем полна душа и тело. И душа моя, как натянутая струна...» На эту же тему – письмо Ю. Алябовского из Ставрополя: «...Какое поразительное знание огорода деревенского... Все это невозможно подсмотреть со стороны... И вообще все Ваши рассказы о деревне превосходны. Сразу видно, что Вы родились и выросли в деревне». Насколько правдиво Астафьевым отображена тема деревни, говорит следующее письмо: «Я читала, и морковка хрустела на моих зубах, и я чувствовала вкус той квашеной капусты, которую солила Ваша бабушка. «Ода русскому огороду» – это самая прекрасная вещь, которую я когда-либо читала».

Кроме писем в опись включены материалы по вопросам издания, экранизации и постановки спектаклей по произведениям Астафьева и исследованию его творчества в СССР, России и за рубежом, а также немногочисленные документы к биографии писателя.

Для пермских исследователей важна информация об издательских договорах, предварительных соглашениях на издание произведений писателя в начале его творческого пути Пермским (Молотовским) книжным издательством (1955–1971). Интересны сведения о признании сборника рассказов «Людочка» лучшей книгой, опубликованной на бретонском языке в 1999 г., письмо ректора Томского государственного

университета Г. Майера о награждении В. П. Астафьева медалью «За заслуги перед Томским государственным университетом», поздравление с Рождеством Христовым от В. Непомнящего на открытке, подаренной ему правнуком А. С. Пушкина – Г. М. Воронцовым-Вельяминовым.

Кроме документов Виктора Петровича Астафьева в фонд включены материалы его жены Марии Семеновны Астафьевой-Корякиной – ее письма к мужу, письма читателей к ней о ее творчестве (1974–2002), поздравительные открытки от друзей, знакомых и др. В своих письмах читатели и почитатели ее таланта пишут не только о ее творчестве, но и о понимании всей сложности жизни рядом с таким человеком, как Виктор Петрович, ее роли и значении в его творчестве. Это выражено в письме О. Никольской из Красноярска: «...Читая Ваши воспоминания, почувствовала, «увидела», поняла, что Вам пришлось пережить до сих «звездных» почетных минут...» и далее: «...Уважаемый Виктор Петрович! Склоните голову перед Марией Семеновной, поцелуйте ее натруженные руки. Она Ваш прижизненный ангел-хранитель» (1994). Письмо В. Дехтяренко вторит ему: «...Сколько пережито и сколько сделано! Какое это счастье, что Вы оказались рядом с Виктором Петровичем!» (1996).

Каждый из документов в настоящее время уже семейного архива Астафьевых, хранящегося в Государственном архиве Пермской области, может иметь неоценимое значение для будущих поколений и исследователей жизни и творчества этих двух талантливых людей, много сделавших для понимания судьбы России XX в. и проникновения в сущность души простого человека, человека Земли.

---

[1] Все данные приведены по следующим источникам: ГАПО. Ф.р-1659, оп. 1, д. 1–886.

Г. П. Волгирева

Землеустройство крестьян Пермской губернии в начале XX в.

Аграрные вопросы начала XX в. в Пермской губернии исследовали такие авторы, как П. Н. Першин, В. А. Весновский, П. И. Хитров, Л. П. Вакатова [1]. В настоящее время данная

проблематика обретает особую актуальность и требует новых подходов в анализе источникового материала.

Понятие «землеустройство» в начале XX в. включало в себя совокупность мер по улучшению землевладения и землепользования мелких владельцев, то есть крестьян. В 1905 г. было создано Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) как ведомство в структуре Департамента земледелия, которое должно было осуществлять всю организационно-техническую сторону землеустройства.

Пермская губерния в начале XX в. занимала пространство почти 29 млн. десятин. По числу жителей губерния принадлежала к разряду наиболее населенных. К 1 января 1915 г. в ней числилось около 4 млн человек. Однако, если учесть всю площадь губернии, то плотность населения будет весьма незначительной – 12 жителей на 1 кв. версту, тогда как в Московской губернии – 110 человек [2]. Почва Пермской губернии отличалась значительным разнообразием. Лучшие по качеству земли находились в зауральских уездах: Шадринском, Камышловском, Ирбитском и Екатеринбургском; худшие почвы свойственны были предуральским уездам: Соликамскому, Пермскому, Чердынскому и отчасти Оханскому и Осинскому. По данным Пермской губернской земской управы, в губернии в земледелии было занято 70% населения, в горнозаводской и металлообрабатывающей промышленности – 10,5%, в фабричной и кустарной промышленности – 6%, в разных других промыслах – 9,5%. Таким образом, 2/3 населения губернии главные средства к своему существованию получали от земледелия. По подсчетам горного инженера А. Н. Митинского, командированного Министерством торговли и промышленности для исследования причин уральского кризиса, производительность всех горных заводов и приисковых предприятий Урала в 1908 г. составляла почти 70 млн рублей, а главнейшие культуры, возделанные на полях трех приуральских губерний (Пермская, Вятская и Уфимская), за тот же 1908 г. дали населению более 400 млн пудов зерна на сумму 291 млн рублей, причем стоимость урожая одной Пермской губернии составила почти 109 млн рублей. Как видим, доходность сельского хозяйства «совершенно заслоняет собой валовую стоимость продуктов горной промышленности». Поэтому можно сказать, что Пермская губерния была заинтересована в

правильной постановке сельскохозяйственного дела значительно более, чем горного.

Естественные условия губернии, будучи для некоторых уездов довольно суровыми, не препятствовали сельскохозяйственной деятельности. Урожай пшеницы в некоторых уездах достигал таких размеров, о которых даже не помышляли черноземные уезды центральных губерний. Кроме того, некоторые уезды, как, например, Кунгурский, не знали совершенно неурожайных годов, что объяснялось плодородием почвы и тем, что по уезду было разбросано много мелких починков, иногда в 2–3 двора, и самобытных хуторов, владельцы которых обычно оберегали куртинные леса, иногда специально заращивали лесом часть полевых угодий и тем задерживали влагу и атмосферные осадки.

В начале XX в., с наделением землей бывших мастеров казенных, посессионных и частных горных заводов Урала, на сельскохозяйственном поприще выступили десятки тысяч новых землевладельцев. По некоторым уездам, например Екатеринбургскому, число хозяйств, занятых земледелием, с 1887 по 1912 г. увеличилось на 66%. Наиболее интенсивно рост земледельческого промысла шел в горнозаводских районах, где число земледельцев с 1900 по 1912 г. возросло более чем вдвое. Пермская губерния делилась на 12 уездов, из которых семь: Чердынский, Соликамский, Пермский, Оханский, Осинский, Кунгурский и Красноуфимский были расположены на западной, европейской стороне Урала, а пять: Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский и Шадринский – на восточной, азиатской стороне Урала. Число земских участков на начало XX в. по уездам колебалось от 5 до 14, в зависимости от территории уезда и сложности дел. Всего же участков земских начальников в губернии было 106, которые включали в себя 526 волостей и 3679 сельских обществ. Землеустроительные учреждения в губернии начали функционировать в 1907 г., когда было открыто пять землеустроительных комиссий в уездах: Осинском, Красноуфимском, Камышловском, Шадринском и Соликамском. В последующие годы комиссии открывались постепенно в других уездах, в связи с поступательным движением идеи землеустройства. Начало действия Губернской землеустроительной комиссии положено 20 августа 1909 г.

Юридическая природа землевладения крестьянского населения Пермской губернии была довольно разнообразна. Среди местных крестьян надел давался или в общинное, или в подворное владение. Такой порядок сложился исторически. В массе селений совершенно отсутствовали переделы земли между домохозяевами: «Земля изстари разделена посемейно и доселе остается так»; мало того, «население расположено именно не только к пожизненному пользованию пахотными участками, но даже как бы наследственному»[3]. Оно не только свободно сдавало свою землю в аренду, но даже бывали случаи и продажи земель «в вечное владение». К тому же из памяти населения совершенно изгладилось самое представление о времени такого «раздела» – оно идет «изстари», как «изстари» каждому домохозяину не препятствовалось увеличивать свои запашки путем расчистки свободных лесных пространств, где такие еще были. С другой стороны, налицо было «общее пользование выгоном, водопоями, рыбными ловлями, каменоломнями», круговая порука, раскладка миром податей и повинностей. В Пермском крае господствовала смешанная форма землепользования. Общинное и смешанное землевладение преимущественно было распространено в Камышловском, Шадринском, Ирбитском, Осинском, Соликамском, Красноуфимском и Чердынском уездах, хотя в них встречается и подворное землевладение. В Кунгурском уезде преобладающим являлось подворное землевладение: из 450 земельных единиц только 9 с общинным землепользованием. В таком же положении находились отчасти Шадринский, Пермский и Оханский уезды. В Осинском, Оханском, Кунгурском, Чердынском, Верхотурском, Соликамском и других уездах губернии отмечается наличие издавна образованных самобытных хуторов на надельных землях. Это явление значительно выделяется на фоне крестьянской жизни губернии. Так, село Ашап Осинского уезда среди земельного надела имело 301 хуторское хозяйство на площади 4533 десятины, то есть в среднем на домохозяина приходилось свыше 15 десятин. На этих владениях отмечалось экономическое «преуспеяние». Особенно поражает избыток оборотных средств и количество скота. Отмечалось развитие культурных приемов. Помимо наличия сложных и дорогих земледельческих орудий, здесь иногда применялось правильное сочетание различных отраслей хозяйства, напри-

мер полеводство и скотоводство. Кроме того, несмотря на отсутствие природных сенокосных угодий, наблюдался избыток кормовых средств благодаря травосеянию. В конце осени и в зимний период не было массовой продажи домашнего скота из-за недостатка кормовых средств.

Относительно горнозаводского населения, по данным отчета Пермской губернской землеустроительной комиссии, к 1 января 1915 г. из 193 селений мастеровых казенных горных заводов было землеустроено с выдачей владенных записей в 122 селениях 33 802 души с площадью надела свыше 350 тыс. десятин. По 58 частным горным заводам общая площадь надела на 20 100 наличных душ определена в 112 806 десятин. Вообще в Пермской губернии рост ходатайств по выделам, разверстанию, по групповому землеустройству возрастал в такой прогрессии, что не хватало землемерных сил для исполнения всех дел.

Всего к 1 января 1915 г. в Пермской губернии окончательно образовано единоличных хозяйств: 1) на надельных и ненадельных землях – 9689 хозяйств с площадью 162 642 десятины; 2) на землях Крестьянского поземельного банка – 1217 хозяйств с площадью в 11 507 десятин.

В «Отчетных сведениях Землеустроительных комиссий Пермской губернии к 1 января 1915 года» раскрывается целый ряд проблем аграрного преобразования. Так, о постановке школьного дела говорится: «Школа... не может оставаться по характеру преподавания отвлеченно-гуманитарной и городской, оторванной от насущных интересов деревни». Представлен вопрос о кооперации: замечено, что единоличные владельцы стремятся сплотиться друг с другом, основать какое-либо товарищество, полезное для ведения хозяйства. Так, например, соединившись в товарищества, крестьяне-единоличники устраивают для себя сельские банки – кредитные товарищества, ссудо-сберегательные кассы, – где каждый член за небольшой процент может занять на время необходимую ему в хозяйстве сумму. В 1913 г. за образцовое ведение хозяйства некоторые хуторяне Пермской губернии были награждены Романовскими премиями в 200 и 300 рублей.

Относительно стоимости земли Крестьянский поземельный банк для Пермской губернии установил нормы: по Екатеринбургскому уезду за 1 десятину пашни – 10–30 руб. и 1 деся-

тину удобной земли – 5–20 руб.; по Кунгурскому – 20–30 руб. и 15–20 руб.; по Оханскому – 25–30 руб. и 15–20 руб.; по Пермскому – 20–30 руб. и 15-20 руб. соответственно. Относительно денежной помощи необходимо сказать, что с 1907 по 1914 г. землеустроительные комиссии выдали около 300 тыс. руб. 3397 домохозяевам, причем из них 355 дворов получили порядка 10 тыс. руб. в безвозвратное пособие. С лета 1914 г. выдачу ссуд пришлось ограничить в связи с военным временем. Но даже в 1915 г. ссуды продолжали выдавать.

Значительную помощь развитию сельского хозяйства оказало общество «Русское зерно», основанное в 1909 г. начальником Пермской губернии А. В. Болотовым. В течение пяти лет оно посылало крестьян учиться на практике сельскому хозяйству в Моравию, Данию и Прибалтийский край. На средства общества «Русское зерно» были осуществлены две крестьянские экскурсии в Лифляндию в 1912 и 1913 гг.

Причинами, задерживающими успешное развитие единоличного землеустройства, как отмечалось в «Отчетных сведениях», прежде всего были особенности местного землевладения, в частности, горнозаводского населения. Из-за больших лесных и заболоченных пространств межевые работы были крайне затруднительными. Также не хватало опытных и знающих землеустроительное дело работников. Далее, сложившееся «ходячее мнение о землеустройстве как реформе выгодной для многоземельных крестьян», проникшее в среду крестьян, вызывало опасение среди них. Вместе с тем, почти во всех уездах губернии наибольшее число хозяйств единоличного владения было образовано на земельных участках в 8, 10, 12, 15, 20 десятин, то есть равных размерам среднего землевладения.

Как видим, рассмотрение землеустройства в Пермской губернии в начале XX в. открывает ряд проблем, требующих своего дальнейшего изучения. Так, сами землеустроители еще в 1915 г. поставили проблему изучения так называемых «самобытных хуторов» как широко распространенного явления в Пермской губернии. Проведение землеустройства выявило также проблему исторически сложившегося «смешанного землевладения и землепользования», то есть и подворного, и общинного одновременно. Наконец, землеустройство начала XX в., проводившееся для крестьян, в экономическом отноше-

нии действительно являлось прогрессивным и в Пермской губернии проводилось достаточно профессионально. Крестьяне, юридически укрепляя землю в личную собственность, становились единоличниками и стремительно развивали свою инициативу и предприимчивость, объединяясь в различные кооперации, увеличивали доходность своих хозяйств. Именно пермские крестьяне говорили: «...живу как в раю, где раньше была эта реформа?» [4]

---

[1] *Першин П. Н.* По хуторам Пермской губернии. – Пермь, 1912; *Он же.* Участковое землепользование в России. – М., 1922; *Он же.* Аграрная революция в России. Кн. 1. – М., 1966; *Весновский В. А.* Кооперация на хуторах Пермской губернии. – Пермь, 1915; *Он же.* У хуторян Сосновского района. – Пермь, 1915; *Хитров П. И.* Период промышленного и финансового капитализма – Пермская область. – Пермь, 1959; *Вакатова Л. П.* Столыпинская аграрная реформа в Пермской губернии (1907–1914). – Пермь, 1966.

[2] Здесь и далее данные, кроме особо оговоренных сносок, приводятся по изданию: Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий Пермской губернии на 1 января 1915 года. – Пермь, 1915.

[3] *Красноперов Е. И.* Сельскохозяйственные нужды Пермского края. – Пермь, 1881. С. 201.

[4] *Першин П. Н.* По хуторам Пермской губернии. – СПб., 1912.

О. Я. Голдобина

Романовские премии пермским крестьянам

Осенью 1913 г. впервые по всей Российской империи было произведено премирование образцовых крестьянских хозяйств. Премию могли получить мелкие крестьянские хозяйства, имеющие главный доход от труда хозяина и членов его семьи. Высшие премии в 300 и 200 рублей получали те владельцы, которые имели образцовую постановку всего хозяйства или какие-либо улучшения в деле: осушение болот, орошение, укрепление песков и оврагов, лесоразведение в безлесных местностях и т. д. Премиями в 150, 100 и 50 рублей поощрялись владельцы, имеющие образцовую постановку отдельных отраслей хозяйства. При этом учитывалось ведение сельскохозяйственных записей или счетоводства. Премии в размере 100, 75 и 50 рублей выдавались и просто за ведение сель-

скохозяйственных записей и счетоводства. К премированию было представлено 1382 хозяйства со всей Российской империи. Из них 306 хозяйств были удостоены высших премий [1].

Среди получивших премии были и крестьяне Пермской губернии. Премией в 300 рублей награждены: М. С. Кубасов, крестьянин деревни Ближнекубасовой Мехонской волости Шадринского уезда, и Н. В. Фролов, крестьянин деревни Банной Криулинской волости Красноуфимского уезда. Премией в 200 рублей были награждены: И. Е. Ванюков, крестьянин хутора Крестовоздвиженского Еловской волости Осинского уезда, и Г. В. Уланов, крестьянин Ососкова выселка Куяровской волости Камышловского уезда.

Для подробного рассмотрения взят хутор Крестовоздвиженский Ивана Егоровича Ванюкова.

К идее единого хуторского хозяйства И. Е. Ванюков пришел самостоятельно, изучая литературу по улучшенным приемам ведения хозяйства. В 1910 г. Ванюков испросил у членов товарищества вместо раздельных земельных полос выделить ему землю в одном участке. Ему указали на одну из самых истощенных и засоренных земель, и он согласился. Уже в том же году крестьянину был отведен участок в 26 десятин. В 1911 г. он получил документы об укреплении земли в личную собственность и переселился на хутор.

В описании хозяйства Ванюкова читаем, что семья его состояла из 13 человек: хозяин – 38 лет, жена – тех же лет, пятеро сыновей – от 2 до 15 лет, пятеро дочерей – от 4 месяцев до 18 лет и отец – 80 лет. Все члены семьи, за исключением отца хозяина и детей моложе 10 лет, были грамотными. Никто из членов семейства посторонними заработками не занимался. Все проживали в усадьбе, принимая посильное для каждого участие во всех работах по хозяйству.

Земли на участке делились по угодьям следующим образом: 20 десятин приходилось на пашню, из которой к 1913 г. рожь занимала 4,2 десятины, овес – 3,2, пшеница – 1 десятину и т. д. Под лесом находилось 2 десятины участка, под покосом – 3,5, под усадьбой – 0,17, под огородом – 0,04, под неудобной землей – 0,28 десятины. Почва на участке по своему составу была суглинистой.

Усадьба была богата сельскохозяйственными постройками, многие из которых являлись улучшенными, специализированными под отдельные виды сельскохозяйственной деятель-

ности. Ванюков имел: двухкомнатный деревянный дом, крытый тесом, кирпичные – коровник и кладовую, деревянные – амбар, избу-молочную, молотильный сарай, двор для прогулки скота, баню, хлев для овец – общей стоимостью 1040 рублей.

Структура крестьянских хуторских хозяйств в основном являлась многоотраслевой. Ванюков развивал: полеводство, скотоводство, животноводство и пчеловодство.

Для ведения полеводства он имел крупные сельскохозяйственные машины на сумму 208 рублей и пользовался прокатом машин со станции, устроенной при Осинской землеустроительной комиссии. В 1912 г. ввел девятипольный севооборот и отдельный кормовой клин. В течение трех лет, благодаря правильным приемам обработки, земля улучшилась и стала давать сравнительно высокие урожаи. Урожай 1913 г. в хозяйстве Ванюкова составил: рожь – 85 пудов с десятины (или 14 ц/га), овес – 80 (13,1 ц/га), пшеница – 72 (11,8 ц/га). Картофель и корнеплоды соседние крестьяне вообще не выращивали. Ванюков же получил обильный урожай: картофель – 1104 пуда с десятины (180,8 ц/га), турнепс – 2136 (349,9 ц/га), кормовая свекла – 2208 (361,7 ц/га).

Приведя полеводство в порядок, И. Е. Ванюков приступил к улучшению скотоводства. Для выгодного использования кормов он планировал постепенно зерновое направление хозяйства изменить на скотоводческое. В 1913 г. в его хозяйстве было: две рабочие лошади, три дойные коровы, один теленок, четыре овцы, две свиньи, один боров и тридцать кур – общей стоимостью 423 рубля. В том же году был выстроен огнестойкий скотный двор, приспособленный для правильного содержания молочного скота: здесь были устроены большие окна, вытяжная труба системы Муира, кормовой стол. Впоследствии избу-молочную планировалось переделать в маслодельню. В стадии становления находилось также и пчеловодство. В 1913 г. И. Е. Ванюков завел четыре семьи пчел.

Доходность полеводческих культур составила 698 руб. 77 коп. Расход в бюджете составил 46,5% валовых доходов. Структура расходов выглядела следующим образом: на покупку семян ушло 130 руб. 75 коп. (40,2%); на содержание рабочих лошадей и убыль их стоимости – 129 руб. 45 коп. (39,8%); на земельные налоги – 19 руб. 67 коп. (6%); на ремонт и прокат инвентаря – 35 руб. (10,8%); на мелкие расходы – 10 руб. (3,2%). Общая сумма расходов – 324 руб. 87 коп. (100%).

Чистый доход хозяйства Ванюкова в денежном выражении составил 373 руб. 90 коп. При этом прожиточный годовой доход был 55 руб. В целом, бюджетное обследование показало, что заработная плата одного дня в хозяйстве Ванюкова составляла 74 копейки.

Общая картина премированных пермских хуторов выглядела следующим образом. Данные крестьянские хозяйства были образованы в виде хуторов в 1910–1912 гг. Крестьяне, получившие премии, были в возрасте от 31 года до 46 лет; имели психологически сходные черты: это были люди трудолюбивые, энергичные, трезвые, инициативные, любознательные, нередко имеющие творческую, изобретательскую жилку. Абсолютно все были грамотными: читали литературу по улучшению сельского хозяйства, ведению сельскохозяйственных записей, были знакомы с сельскохозяйственным счетоводством. Хуторские владения, как правило, устраивались в местах, связанных удобным сообщением с крупными населенными пунктами: заводом, селом, уездным городом, а также с пристанью, железнодорожной станцией. Это делало удобным сбыт продуктов. Количество земли, укрепленной в личную собственность среди пермских премированных крестьян, было различно: от 12 до 45 десятин.

Из научной литературы известно, что в Пермской губернии к 1917 г. было выделено и укреплено в личную собственность 16 096 крестьянских хозяйств общей площадью 213 690 десятин[2]. Таким образом, на одно единоличное крестьянское владение в Пермской губернии приходилось 13,3 десятины.

---

[1] Крестьянское хозяйство в России. 1915. С. 1–2.

[2] *Першин П. Н.* Участковое землепользование в России. – М., 1922. С. 47.

А. А. Кальсина

Волостное самообложение крестьян Пермской губернии в пользу единой трудовой школы в начале 20-х гг. XX в.

В 1918 г. Декретом Советского правительства школа была объявлена трудовой. Новая концепция наиболее последовательно излагалась в документах: «Основные принципы Единой

трудовой школы», а также «О Единой трудовой школе». Положение определяло характерные черты новой школы: совместное обучение лиц обоего пола, отсутствие домашних заданий, отмена наказаний, школьное самоуправление; школа была провозглашена светской, не зависимой от церкви. В качестве центрирующего фактора устанавливалась трудовая деятельность во всех ее проявлениях. Вновь созданная государственная школа представляла собой деление на две ступени. Обучение в школе первой и второй ступеней объявлялось бесплатным и обязательным.

Становление и развитие единой государственной школы в Пермской губернии было прервано в ноябре 1918 г. приходом к власти Колчака; реальный переход от дореволюционной системы учебных заведений к единой сети общеобразовательных учреждений нового типа был осуществлен только в 1919–1920 гг.

В развитии сети школьных учреждений в Пермской губернии в начале 1920-х гг. можно выделить три периода: первый период (1918–1920 гг.), для которого характерен относительный рост количества школ (к 1920 г. по сравнению с 1916 г. число школ увеличилось на 13%, а число учащихся – на 51%); второй период (с 1921-го до середины 1922 г.), когда происходит огромное сокращение сети школ, вызванное серьезными экономическими трудностями и голодом; третий период (со 2-й половины 1922 г.), когда многие школы снимаются с государственного снабжения, часть из них переводится на местные средства или прикрепляется к хозяйственным органам и сельским обществам. Стабилизация и дальнейший рост школьной сети наступает только после 1923 г.

Бесплатность обучения, введенная в 1918 г., несмотря на все усилия Наркомпроса и местных отделов народного образования, все-таки оказалась не по средствам республике. Доля расходов на народное просвещение в бюджете государства, доходившая в 1920 г. до 10%, к 1922 г. сократилась до 2–3%. В связи с этим во многих губерниях страны сложились чрезвычайно тяжелые условия для развития государственной школы. В начале 1920-х гг. государством в крупном масштабе была проведена разгрузка бюджета путем передачи части школ местным организациям и населению. Таким образом, платность появилась сама собою там, где средства, отпускае-

мые на школы от государства, стали сокращаться. Сокращение средств на развитие школы в Пермской губернии было вызвано разрухой периода Гражданской войны и голодом, охватившим одну треть населения.

Процесс снятия школ с государственного бюджета начался в Пермской губернии с осени 1921 г. и находился в прямой зависимости от хозяйственного положения и от размеров голода. Хуже всего обстояло дело в Сарапульском и Чердынском уездах, где сельское хозяйство было развито слабо, а промыслы были разрушены. Сравнительно благополучным был Кунгурский уезд, где широко шла передача школ сельскому населению. В Пермском и Усольском уездах практиковалось прикрепление к хозяйственным органам – промышленным предприятиям и учреждениям. Промежуточное положение занимали два крестьянских уезда – Оханский и Осинский. В Ленинской волости Пермского уезда на государственном содержании было оставлено только 3 школы; 200 детей остались вне школы.

15 сентября 1921 г. Совет Народных Комиссаров принял Декрет «О мерах по улучшению снабжения школ и проведению волостного, натурального самообложения», в котором говорилось о необходимости снабжения продовольствием сельских работников просвещения. Продукты, полученные от местного самообложения в пользу школы, являлись официальным источником содержания учительства и школ. Органом, устанавливающим размеры и виды самообложения, был волостной съезд сельских Советов. Размер платежа по самообложению не должен был превышать 10% государственного налога. Добавим, что помимо продовольственного налога крестьяне платили подворно-денежный, гужевой и налог на восстановление сельского хозяйства.

17 декабря 1921 г. при Губернском отделе народного образования была создана комиссия по проведению в жизнь данного декрета. Такие же комиссии по проведению волостного самообложения крестьян были созданы в уездах и волостях. Пермская губернская крестьянская газета «Страда» постоянно информировала о ходе самообложения в пользу школы. В частности, газета писала, что Мокинский волостной съезд Советов решил поддержать все существующие в волости школы топливом и продовольствием; учительству было решено

выдавать полный паек. Крестьяне Чусовской волости Пермского уезда обложили себя налогом в пользу школ на 650 пудов хлеба. В Успенской волости съезд Советов постановил собрать по два фунта муки для обеспечения школьных работников. В Ленинской волости Пермского уезда и Калинской волости Кунгурского уезда крестьяне отказались от самообложения в пользу учителей и считали, что лучше некоторые школы закрыть.

В уездах были назначены специальные уполномоченные по самообложению в пользу единой трудовой школы. Уполномоченные Осинского уезда докладывали, что самообложение в пользу школы встречает упорное сопротивление населения из-за неурожая прошлого 1921 г. и голода. Население измучено голодом, смертность ежедневно увеличивается. В некоторых деревнях съедены все кошки и собаки. Этот уезд был признан наиболее голодающим в Пермской губернии. Основную помощь голодающим Осинского уезда оказала американская организация АРА (Американская рабочая администрация), которая предоставила им 49 тыс. пудов кукурузы, какао, сухого молока, сахара, муки и прочих продуктов. С июля 1922 г. в уезде при участии АРА была развернута сеть питательных пунктов для детей. По условиям работы в АРА входили представители местного учительства, они также назначались заведующими школьными столовыми [1].

По сведениям Губернского отдела народного образования, на 1 апреля 1922 г. натуральное самообложение населения на нужды школы было проведено в 92 волостях, где было собрано 7729 пудов хлеба, 883 пуда мяса, 81 пуд масла и 2567 пудов овощей; в 79 волостях самообложение не прошло, а из 105 волостей сведений не поступало [2].

17 мая 1923 г. Пермский губисполком принял постановление о введении единого сельхозналога, который заменял собою все прямые налоги, которые платили крестьяне до этого периода времени. Волостное самообложение, обязательность которого была равной с продналогом, теряло свою легитимность. Таким образом, к 1923 г. волостное самообложение в пользу государственной школы практически было ликвидировано.

Одновременно с волостным самообложением крестьян школы прикреплялись к хозяйственным органам (заводам, уч-

реждениям, железным дорогам) или передавались на содержание сельскому обществу. Так, 39 школ Усольского уезда были прикреплены к различным предприятиям и учреждениям, таким как правление Кизеловских копий, Березниковский содовый завод, Учкомвод и др. В ведении заводов были вопросы, связанные с ремонтом школ, освещением зданий, отоплением школьных помещений; уездные и волостные отделы народного образования оставляли за собой право на административное и идейное руководство, решение кадровых вопросов и оплаты труда работников просвещения. В Усольском и Пермском уездах широко практиковалось прикрепление к хозорганам, несколько хуже дело обстояло в Чердынском, где сельское хозяйство было слабым. В Кунгурском, Оханском, Осинском уездах широко практиковалась передача школ сельскому населению по договорам на добровольных началах.

Какова же была оплата труда школьных работников в рассматриваемый период времени? Она зависела от того, каким был источник финансирования школы. В школах, состоящих на содержании местного бюджета, преобладала оплата деньгами. В школах, прикрепленных к хозяйственным органам, – деньгами или натурой, в счет денежной платы. В школах, которые содержались волостными исполкомами, сельскими обществами, преобладала оплата натурой, в основном хлебом. Большая половина учителей получала оплату труда хлебом, в переводе на деньги это составляло 3 руб. 12 коп. Средняя зарплата в школах, содержащихся хозорганами, составляла 11 руб. 78 коп. В школах, находящихся на содержании местного бюджета, – 5 руб. 44 коп. Ниже всего была оплата учительского труда в школах на содержании волостных исполкомов – 3 руб. 57 коп. Правда, с 1924 г. оплата учительского труда повысилась. В среднем она составляла 13–15 рублей в месяц.

В 1922/23 учебном году в Пермской губернии было 973 школы первой ступени, из них сельских – 836, то есть преобладающее большинство. Однако во многих сельских школах не было элементарных условий для занятий. Недостаток дров, книг, одежды и обуви у учащихся – все это серьезно мешало учебному процессу. Школа хорошо работала только там, где ей дружно помогали крестьяне.

Подведем итоги. Основными источниками финансирова-

ния и содержания единой трудовой школы и учительства в 1920-е гг. выступали: местный бюджет губернии; прикрепление к хозяйственным органам – предприятиям и учреждениям; договоры с волостными, исполнительными комитетами; договоры с сельскими обществами. Политика волостного самообложения крестьянства в пользу единой трудовой государственной школы в Пермской губернии стала осуществляться с опозданием на три месяца. Ситуация осложнялась голодом 1921 г. Самообложение в пользу трудовой школы прошло только в одной трети наиболее благополучных волостей Пермской губернии. В большинстве случаев крестьянство было недовольно самообложением и участвовало в нем неохотно, но оно спасало учителей от голодной смерти. Вновь созданная государственная школа, в которой провозглашался принцип бесплатности обучения, в тяжелые годы разрухи и голода была вынуждена отказаться от этого принципа. Введение платности всюду признавалось нежелательным, но в большинстве случаев с ним мирились, как с временным злом.

В 1923 г. заведующий Губернским отделом народного образования Носков отмечал, что «за пять лет революционного времени вопрос о том, что такое единая трудовая школа, остается для учительства непонятным, так как главным тормозом в развитии государственной школы в Пермской губернии является экономическая разруха» [3].

[1] ГАПО. Ф. р-361, оп. 1, д. 11, л.15; ф. р-357, оп. 1, д. 13, л. 10.
[2] Звезда. 1922. 4 мая.
[3] Искра. 1923, 12 мая.

Г. И. Клыкова

Трудовой подвиг осинских колхозников (по материалам газеты «Красное Приуралье» за 1941–1945 гг.)

Суровые испытания в годы Великой Отечественной войны легли на плечи всего советского народа. Победа над врагом ковалась не только на фронте, но и в тылу. Большой вклад в достижение Победы внесли труженики сельского хозяйства. В 1941 г. в Осинском районе проживало 39,9 тыс. человек, из них 27,8 тыс. – крестьяне. На территории района было

112 колхозов, объединенных в 21 сельский Совет. С уходом на фронт мужчин на женщин, стариков и подростков легла вся тяжесть сельскохозяйственных работ.

В связи с нехваткой кадров механизаторов при Осинской машинно-тракторной станции в 1941 г. были организованы курсы трактористов и помощников комбайнеров. Из 61 тракториста 51 были женщины и девушки; помощниками комбайнеров стали 5 девушек.

Председатель колхоза «День урожая» А. М. Картапов через газету сообщает о самоотверженном труде женщин - колхозниц: «На любой работе теперь женщина заменяет мужчину. Отлично, стремительно работают женщины <...> перевыполняют нормы. В день выжимают по 17–18 сотых гектара, при норме 12 сотых». Первая уборочная военного времени в районе прошла под девизом: «Не потерять ни одного зерна, обеспечить в изобилии хлебом и продуктами страну, Красную Армию...». Заведующая животноводством колхоза «Ильич» Надежда Юкова пишет в газете о коллективе молочнотоварной фермы: «Доярки <...> не покладая рук, трудятся с 5 часов утра допоздна. Коллектив живет желанием дать для фронта столько молока, масла, мяса и других продуктов животноводства, сколько потребуется для родной Красной Армии».

В сентябре 1943 г. газета писала: «В честь воинов-освободителей Новороссийска, Брянска и других городов нашей страны осинцы шлют десятки красных обозов с хлебом государству. <...> За один день колхозы района свезли на государственные склады более 13 000 пудов хлеба». С первых дней войны колхозники из своих личных запасов и сбережений сдавали в фонд обороны сельхозпродукты, деньги. К примеру, Петр Полыгалов из колхоза «Красный самолет» сдал 10 кг меда в фонд обороны Родины. В письме, посланном в редакцию, он пишет: «Пусть каждый килограмм внесенного мной меда будет ударом по врагу». Кроме того, были и обязательные поставки сельхозпродуктами (яйцо, молоко, мясо, шерсть, кожи); крестьяне платили налоги государству, ежегодно участвовали в подписке на государственные займы, в денежно-вещевых лотереях.

Осинский район в эти годы соревнуется со своими соседями – Еловским и Оханским районами, с большим успехом про-

водилось соревнование между колхозами, внутри колхоза – между бригадами, звеньями и отдельными колхозниками. Благодаря этому большинство колхозников на уборке выполняло по полторы - две нормы. Колхозы по необходимости оказывали друг другу помощь семенным, посадочным материалом. «Обеспечив свою площадь хорошими семенами, устиновские колхозы «День Урожая» и «Ильич» дают взаймы колхозу «Красное знамя» 125 ц семян зерновых, птащкинский колхоз «Культура» дает 25 ц «Красной звезде», ширя взаимную помощь», – писала районная газета.

В результате самоотверженного труда женщин, стариков и подростков колхозы района успешно выполняли государственное задание по сдаче хлеба, картофеля и продуктов животноводства. Осинский район в военные годы был в числе передовых районов Молотовской области. Трудящиеся района дважды получили благодарность от Верховного Главнокомандующего т. Сталина; 1 апреля 1943 г. газета опубликовала следующую телеграмму за подписью Сталина: «Передайте мой братский привет и благодарность Красной Армии колхозникам и колхозницам Осинского района, собравшим три миллиона пятьсот пятнадцать тысяч рублей на постройку эскадрильи боевых самолетов и сдавших для Красной Армии три тысячи пудов хлеба и четыре тысячи пудов картофеля».

Колхозное крестьянство района участвовало в соревновании с бойцами Северо-Западного фронта за переходящее Красное знамя.

В марте 1942 г. с делегацией Молотовской области на фронт ездил председатель Осинского колхоза «Ильич» А. Е. Шилов. После возвращения он выступил с рассказом о поездке в колхозах района и на предприятиях города: «Наша делегация доставила на фронт эшелон в количестве 32 вагонов с различными драгоценностями общим весом в 235 т и специальный поезд-баню в составе 10 вагонов.., много мяса, меда, колбасы и печенья, пельменей и пирогов. Мне приятно было, что осинцы послали 69 ц съестных продуктов для доблестных красных воинов». Колхозное крестьянство района активно помогало трудящимся освобожденных районов; например, только в 1943 г. туда было отправлено 217 ц хлеба, 285 ц картофеля и овощей, 90 кг масла и 105 кг меда.

На территории района в годы войны было 18 детских до-

мов и интернатов. С одной стороны, колхозы помогали им в организации собственного хозяйства (например, колхоз им. Сталина выделил и доставил интернату в селе Беляевки 4,5 ц семян, дал тягловую силу вспахать земельный участок, чтобы посадить свежий картофель). С другой стороны, работники интернатов активно помогали колхозам в проведении весеннего сева, организовывали детские ясли и площадки, проводили культурно-массовую и политико-агитационную работу.

Подарки фронтовикам крестьянки готовили и посылали независимо от побед Красной Армии. Боец Иван Лавский, воевавший на Ленинградском фронте, прислал письмо Татьяне Зелениной в колхоз «Красноуралец»: «Вам, дорогая колхозница, шлю свой пламенный привет и большую благодарность за подарок, присланный вами на фронт. Вы перед моими глазами стоите как родная мать, нежно ласкающая своего родного сына». Каждый подарок, хорошее письмо на фронт были как удар по гитлеровцам. Солдат Иосиф Геллер защищал небо блокадного Ленинграда. В 1942 г. он получил посылку из тыла. Среди вещей было белоснежное вафельное полотенце с вышитыми словами: «Славному бойцу – от Марии из Осы»; обратного адреса и фамилии не было указано. Только через 30 лет Геллер разыскал Марию Поповцеву из деревни Петухово Осинского района, которая в военные годы была трактористкой и колхозным бригадиром... За время войны колхозники района, кроме обязательных поставок, собрали из личных запасов и направили в фонд обороны: 3000 пудов хлеба, 42 500 л молока, 9300 пудов картофеля и овощей; более 1674 пудов разной сдобы и сухарей, масла, меда.

В годы войны особенно ярко проявился патриотизм колхозного крестьянства. Под девизами «Тебе, Родина!», «Хлеб – Родине, фронту!», «За урожай Победы!», «Во имя Победы!» трудились сельские труженики, отказывая себе в самом необходимом. За доблестный труд в годы войны в 1948 г. колхозники района были награждены орденами и медалями Родины: 13 человек получили орден Ленина, 15 – орден Трудового Красного Знамени и 13 – медаль «За трудовую доблесть». Это были первые послевоенные награды колхозного крестьянства – звеньевых, бригадиров, простых тружеников, признание их огромного вклада в дело Победы над врагом.

В. Г. Светлаков

Переписка В. П. Астафьева с пермяками

Переписка являлась неотъемлемой частью жизни В. П. Астафьева, его творчества, его бытия. Об этом можно судить по личному фонду писателя, хранящемуся в Государственном архиве Пермской области. Переписка обширна. Это сотни и сотни писем, открыток, телеграмм. Состав корреспондентов весьма пестрый, география переписки охватывает чуть ли не весь Советский Союз. Автор поставил перед собой задачу попытаться отразить связь Астафьева с Прикамьем через его переписку с пермяками, но в отдельных случаях не исключается ссылка на переписку с кем-то из проживавших в других местах. Учитывая многообразие тем, затронутых в письмах, адресованных Астафьеву, автор намерен ограничиться только несколькими из них.

Безусловно, во многих письмах затрагиваются проблемы творчества. Нельзя забывать, что путь Астафьева к вершине славы начинался на Пермской земле. Писатель был благодарен многим, кто оказывал ему помощь на тернистом пути к мастерству. В. П. Астафьев сохранил письмо Владимира Черненко, редактора Молотовского книжного издательства, написанное 7 декабря 1952 г., проникнутое заботой о начинающем писателе и добрыми советами на примере рассказа «Первое поручение»: больше внимания уделять заголовку, названию произведения, «это, так сказать, витрина», не забывать о необходимости «динамичного, немного интригующего начала», которое сразу должно захватывать читателя, а также «делать хорошую концовку». Черненко обращает внимание Астафьева на «многословность»: «Там, где можно бы обойтись одной фразой, Вы зачастую тратите три. Пишите короче! Лично я бы хотел написать рассказ, который бы умещался на почтовой открытке»[1]. «К числу Ваших достоинств, – пишет Черненко, – надо отнести умение дать коротко, но выразительно облик и характер человека, – поверьте, это большое дело. Неплохо удаются Вам и пейзажи, и диалог, в котором Вы умеете подмечать характерные, индивидуальные особенности персонажа. Все это дает право сказать, что Вам можно писать и что Вам надо писать. Мастерство – оно придет». Похвала окрыли-

ла Астафьева. Год от года шлифовалось его мастерство, расширялась тематика произведений, рос тираж книг, завоевывая новые читательские аудитории на обширном пространстве Советского Союза.

5 сентября 1965 г. известный пермский поэт Борис Михайлов пишет Астафьеву: «Читая Ваши рассказы, очень радуюсь искусству слова, самое главное, – большой правде этого слова. Поздравляю, желаю новых успехов, а все остальное у Вас уже в достатке: знание слова, простота и ясность, знание края, умение видеть человека»; «Я полюбил светлый строй Ваших сочинений, и что достану – радостно читаю». И через год Михайлов снова повторяет свою оценку: «Знаю твердый и солнечный строй Ваших правдивых строк».

Пермяки внимательно следили за творческими достижениями В. П. Астафьева. Например, 8 мая 1969 г. Иван Байгулов пишет Астафьеву: «Очень рад, что «Кражу» и «Последний поклон» выдвинули на государственную премию. Очень!» 24 мая 1969 г. Лев Кузьмин пишет Виктору Петровичу: «На днях газеты принесли очень важную весть, касающуюся тебя. Я имею в виду выдвижение на соискание Ленинской премии... И чем бы это выдвижение ни закончилось (Тьфу! Тьфу! Тьфу! Хочу только хорошего), оно уже сделало громадное дело в душах пермских литераторов». Ему вторит Савватий Гинц: «Я был чрезвычайно рад тому, что в списке кандидатов на премию оказались две твои книги, да еще потому, что к одной из них я имел отношение. С моей точки зрения, неважно даже, чем кончится выдвижение, а важно само выдвижение и включение в список, даром что соседи не первый сорт».

Серьезное место в переписке отводилось решению деловых вопросов. Так, в письме от 22 июля 1970 г. главный редактор Пермского книжного издательства Б. Д. Гринблат не скрывает от Астафьева своего огорчения: «Письмо твое весьма и весьма огорчило. Все мы уповали на то, что «Пастух и пастушка» вот-вот появится в каком-либо из журналов, а там и мы возьмемся за дело. Так хотелось быть первыми. Но что поделаешь, если фортуна повернулась к нам жопой». Вместе с тем он отмечает: «Резануло меня, Витя, что в последнем письме ты со мною на Вы. Чем обидел тебя? Вспоминаю – не припомню. Знай: я люблю тебя во все времена года и во все года».

26 февраля 1971 г. Иван Байгулов, заведующий отделом культуры редакции газеты «Вечерняя Пермь», поинтересовался у В. П. Астафьева: «Чем увенчались переговоры с Василием Беловым? Сагитируйте его что-нибудь прислать. Конечно, не шибко занозистое, чтобы не пугать начальство. Шибко уж оно заполошное в последнее время». И далее сообщает: «Эту повесть («Пастух и пастушка». – *В. С.*) я, пожалуй, люблю больше всех Ваших вещей, и когда не нашел в ней впервые вычитанные мысли о состоянии бойцов перед атакой.., а потом и многое другое – как будто меня самого обокрали. Жалко!» Затем он повествует о своих делах: «Книжка моя, наконец, вышла, и в том, что она появилась, далеко не последнюю роль сыграл Ваш отзыв о ней». Другой пермяк, Авенир Крашенинников, находясь на военных сборах в Башкирии, отправляет письмо Астафьеву: «Тамара (жена Крашенинникова. – *В. С.*) написала, что роман мой ты прочитал и отозвался о нем с одобрением. Даже служба легче стала. Спасибо! А холодина здесь зверская. Живем в палатках, мерзнем. Но зато сколько всяких россказней, типов, рыл, историй, комедий и трагедий, что башка распухает. Ты здорово оказался прав – поэтический покос кончается, все больше тянет на геморрой. Видно, роман-то и будет тем камнем, что заляжет в котлован точки опоры».

В декабре 1962 г. начинающий поэт Виктор Болотов пытается наладить переписку с Астафьевым, информируя о своей творческой деятельности и размышлениях. В его письмах имеются сведения и об Алексее Решетове: «Алексей Решетов передает Вам большой привет. Недавно написал он чудесный стих «Журавлиное настроение». Очень тонкий и точный стих». В фонде В. П. Астафьева имеются два письма Льва Давыдычева по поводу издания стихов Алексея Решетова, одно из них исповедальное: «Много лет меня грызет совесть за то, что я мало помог Лёше Решетову – замечательному человеку и поэту. Ведь до сих пор ни одна строка его не напечатана в Москве. Это просто несправедливо. Куда только я не обращался! И везде, в конечном счете, – нуль. Посылаю тебе кучу стихов. Если, конечно, что-то тебе понравится, помоги в «Нашем сов[ременни]ке». Жалко парня. Он оригинал. Мать и бабушка хворые, да и с деньгами у него не ахти...»

Астафьев давно покинул Пермь, но книги его остались,

интерес к ним не угас. 27 ноября 1982 г. известный педагог Прикамья В. В. Молодцов информирует М. С. Астафьеву-Корякину о том, что в декабре выйдет в свет номер рукописного журнала «Утро» детского дома № 3, такого же, что издавался в детском доме на Игарке, где в свое время находился Астафьев. Далее Молодцов сообщает: «В прошлую пятницу провели литературный вечер, посвященный Виктору Петровичу. На вечере читали отдельные страницы из книги «Последний поклон». Я рассказал о встречах с Виктором Петровичем, о посещении им детдома...»

Особого внимания заслуживают поздравительные открытки и письма по случаю юбилейных дат или каких-то событий в жизни Астафьева от его друзей и коллег; они, как правило, самобытны, ярко проявляют взаимоотношения между людьми. Например, в декабре 1964 г. С. М. Гинц пишет Астафьеву: «Пользуясь случаем, [хочу] выразить свое возмущение поведением Вашим. Не болейте Вы ради Бога. Ну, что это за выдумка?» Борис Назаровский: «От имени всей нашей артели поздравляю Вас с Новым годом. Всем Вам желаю здоровья, этой основы для многого. Не попадайте в больницы! Там скучно. Но для этого – берегите само себя». Поздравляя с Новым 1966 г., Борис Ширшов пишет Астафьеву: «Особый поклон Марии Семеновне – новоявленному талантливому автору. Новых романов, повестей и рассказов вашему мощному творческому концерну».

По переписке можно узнать, что пермские друзья Астафьева были рядом с ним не только в минуты успехов и радостей, но и в горькие минуты жизни. Так, 9 сентября 1955 г. В.Черненко пишет Астафьеву: «Вчера я получил твое письмо – вопль души, и теперь жду тебя к себе». 9 августа 1969 г. Б. Гринблат пишет Астафьеву по поводу смерти его дочери: «Горьким оказалось твое письмо. Враз потерять стольких дорогих людей – такое и в страшном сне не приснится. Какие силы были нужны, чтобы перенести все это? Видно, тебе на роду написано испытать столько, что хватило бы на десять жизней. Дай Бог, чтобы все пережитое и на этот раз отлилось в чудесной книге! Эх, знал бы ты, как здесь тебя любят, как не забывают. Словно ты и не уехал, а так, выскочил на недельку - другую и вот-вот возвратишься».

Но и Астафьев не остается в «долгу» перед пермяками, он

посылает им деловые и сердечные письма, открытки. Накануне нового 1969 г. Астафьев в своем новогоднем послании Л. С. Римской, главному редактору Пермского книжного издательства, пишет: «С Новым годом Вас! Здоровья Вам хорошего и чтобы в наступающем году всё у Вас было хорошо, а на земле нашей спокойно». Ей же по случаю Первомая: «С весною Вас! Здоровья Вам, весеннего обновления и неиссякаемой энергии, которая всегда нас удивляла и не давала нам раскисать. Всегда Ваш В. Астафьев». 28 апреля 1964 г. Астафьев поздравляет В. В. Молодцова и его семью с Первомайским праздником, желая «солнечных дней, преуспеяния в делах и помыслах, и, главное, здоровья медвежьего. Очень рад, что такие люди, как Вы, не перевелись на нашей земле, горжусь ими, живу для них...» В другой раз он желает им всем «мирной, солнечной жизни, добрых хлебных всходов на полях, песен...».

Эпистолярное наследие В. П. Астафьева огромно. Оно разошлось по стране, осело в музеях, издательствах, на руках многих людей. Собрав эти письма, открытки, мы, без сомнения, откроем новые грани в жизни и в творчестве писателя, обогатим свои представления о нем.

---

[1] Тексты писем приводятся по источникам: ГАПО. Ф.р - 1659, оп. 1, д. 158, л. 15, 16; д. 282, л. 1, 2; д. 291, л. 3, 5, 5 об.; д. 305, л. 4, 6 об.; д. 310, л. 1, 2; д. 312, л. 1, 2; д. 345, л. 2; д. 349, л. 4, 5; д. 372, л. 1–3; д. 374, л. 1; д. 421, л. 1, 1 об., 4; д. 424, л. 4; д. 430, л. 1; д. 439, л. 9; ф.р - 1380, оп. 1, д. 7, л. 4, 6; ф.р - 1730, оп. 1, д. 161, л. 8, 9, 18.

С. А. Шевырин

Проявление оппозиционных настроений политике Советской власти в крестьянской среде

Политика Советского государства с его стремлением к коллективному хозяйству, плановой экономике, централизованному распределению не отвечала надеждам крестьян, чаяниями которых были собственный надел земли, свободная торговля на рынке продуктами своего труда. Поэтому отношения Советской власти и крестьянства часто были взаимно

неприязненными и даже враждебными. Создание комбедов, продотрядов, мобилизация в армию, продразверстка, коллективизация и раскулачивание вызывали волны крестьянских возмущений и выступлений – восстаний, террористических актов, антиколхозной агитации. В данной работе будут рассмотрены некоторые факты ненасильственной оппозиции Советской власти. Это антиколхозные анекдоты, истории, стихи, высказывания, листовки. От простого непонимания и непринятия советских праздников и других мероприятий до антисоветских по своему смыслу и фольклорных по форме сочинений. Так, в 1920 г. в Кунгурском уезде шла «лихорадочная» подготовка к празднованию годовщины революции. Строились грандиозные арки, призванные «закрепить в памяти пролетариата, что он больше не раб». Среди «подготовляющего праздник торжествующего пролетариата» ходили люди «преимущественно из среды крестьян», не понимающие «радости пролетария», и задавали вопросы, «звучащие резким диссонансом: «А что, уберутся ли когда эти ворота?» [1] В это же время в Губчека занимались найденным в окрестностях Перми листком с текстом, написанном в жанре фольклорного «плача», но с контрреволюционным содержанием:

«Куда же ты девалась, свобода наша желанная,
Куда же ты запропастилась, долгожданная?
Видно, очень далеко тебя запрятали красные работники.
А свобода-то наша заветная,
Словно синица в небе едва заметная,
И летает она вокрег нашего носа, вьется,
Только в руки русские никак не дается.
Так откуда же нам ждать спасенья,
Не от Царя ли Комиссара правления?
Надо подумать над этим серьезно,
А то будет, пожалуй, и поздно,
Ведь от такой разрухи и голодухи
И остальные граждане подохнут, как осенние мухи».

Из текста можно определить, что написан он, скорее всего, рабочим, но сам жанр – крестьянский, фольклорный.

Коллективизация принесла новые темы в крестьянский фольклор. Так, в апреле 1930 г. сотрудники ОГПУ записали следующую быличку в селе Сабарка: «Недавно в Сабарке народ вышел с собрания, где всех записали в колхоз, вдруг видят

на небе необыкновенный свет, а сверху спускается черный гроб, весь обставленный свечами. Иисус Христос держит в одной руке цепи, в другой – крест... На другой день на крышах нашли много накапанного воску от свечей». Конечно же, существует фольклорная интерпретация данного сюжета, но ОГПУ определило этот текст как «антиколхозную деятельность». При организации колхозов происходило множество крестьянских выступлений против коллективизации или против большевистских методов организации колхозов. Например, во время организации колхоза в поселке Юг произошел следующий казус: зажиточный крестьянин Егор Манцирин предложил создать колхоз из зажиточных крестьян («Зачем нам бедняки – этот лишний балласт?»). Он начал обходить дворы и предлагал вступать в его колхоз, за что и был арестован.

Советские праздники и в 1930-е гг. оставались непонятны крестьянам. Так, в Бабушкинском сельсовете Пермского округа в 1930 г. впервые решили провести Первомайскую демонстрацию, «которую по имеющимся старым традициям проведения вообще праздников отметили пьянкой». В Чекменском сельсовете молодежь на 1 Мая, не зная, чем заняться, выпивала, ходила с гармошкой в руках и «выкрикивала нецензурные частушки». Пожилые крестьяне собрались около отделения Потребобщества и «с кружками пива ...устроили смычку между колхозниками и неколхозниками, ходили по домам, пили брагу», то есть праздник в сущности состоялся, хотя и не по советским канонам.

К 1933 г., когда эксперименты с коллективизацией и форсированной индустриализацией привели к кризису снабжения в городах, карточной системе, усилению эксплуатации в деревне и голоду, отношение крестьян к тому же празднику меняется. В деревне Савино крестьяне говорили: «Какой дурак будет праздновать, когда народ с голоду дохнет сейчас, а до свежего хлеба еще не дотянешь. Пожалуй, добрая половина народа погибнет». В селе Верхние Муллы в почтовом ящике было найдено анонимное письмо, адресованное И. В. Сталину: «Если ты будешь морить нас голодом, то все рабочие станут воевать и Соввласть свергнут, а тебя будут казнить на костре...» Часто рассказывались анекдоты антиколхозного содержания, причем агенты ОГПУ подчеркивали, что «присутствующие слушали анекдоты с усмешкой и без возражений». Так,

на 31-м разъезде Пермской железной дороги был рассказан анекдот: «В марте месяце сего года один крестьянин ездил на съезд колхозников-ударников. На заданные им вопросы на съезде ему дали разъяснение о темпах электрификации и индустриализации, в подтверждение темпов этого крестьянина подвели к окну и, показывая на трактор, сказали, что скоро эти трактора пойдут к концу пятилетки трактор за трактором и т. д. По приезде домой крестьянин, объясняя это же, подошел к окну, а в это время на улице несли покойника, так он, показывая на него, сказал соседям, что к концу пятилетки будут такие темпы, что покойников понесут покойник за покойником». В Верещагино рассказывали анекдот о том, как крестьянин приехал на съезд колхозников и увидел, что многие носят очки. «Задавшись целью, мужичок и себе достал у врача такие очки. Врач прописал ему самые увеличительные очки. Мужичок надел очки и через них ему его же части тела стали казаться очень большими... Во время доклада Калинина о выполнении пятилетки и о достижениях, сидящий тут же мужичок заявил Калинину: Михаил Иванович, сними очки, а то они у вас в достижениях сильно увеличивают». Все эти высказывания и анекдоты отражают политику Советского государства по отношению к крестьянам. В основе этой политики лежала концепция «сверхналога», «дани» с крестьян, фактически ограбления деревни. В начале 1930-х гг. специальные бригады уполномоченных часто силой забирали бóльшую часть зерна, что вело к голоду в деревнях.

В годы войны оппозиционные настроения проявлялись в виде надежды колхозников на то, что в случае победы колхозы распустят. Так, в 1943 г. в Еловском районе ходили слухи, что председателей сельсоветов вызывали в город Молотов на совещание, чтобы разъяснить, как делить землю после роспуска колхозов. Часты были вопросы: «Если война закончится, то распустят колхозы или они останутся?» Колхозники Б.-Усинского сельсовета спрашивали: «Как вы думаете, жизнь переменится или нет, будет ли существовать Советская власть и дальше?», пели частушки: «Колхозники, кинареечки, проработали год без копеечки». В колхозе «Новый путь» Б.-Сосновского района вопрос был поставлен еще конкретнее: «После войны будут ли колхозы? Хоть бы хлеба поесть досыта»...

Тема оплаты труда в колхозах была очень острой и потому

часто обсуждалась и была важной для оппозиционных проявлений. С начала 1930-х гг. основной формой учета труда и распределения доходов в колхозах был трудодень. Причем распределение доходов было почти всегда по остаточному принципу, то есть сначала колхоз сдавал государству обязательные поставки, расплачивался с МТС, засыпал зерно для будущего посева и т. д., оставшуюся часть распределяли среди колхозников по количеству выработанных трудодней. В среднем по Уралу на 1 трудодень выдавали зерна: в 1937 г. – 6,7 кг, в 1940 г. – 1,6 кг, в 1945 г. – 0,82 кг. По Пермскому району в 1934–1935 гг. – 3,7 кг. С этих доходов и за содержание скота необходимо было платить налоги. Размер налогов часто был такой, что на жизнь почти не оставалось средств. Так, в селе Усть-Язьва в довоенное время за содержание коровы необходимо было сдать государству более 300 л молока в год, за куриц – 75 штук яиц, за теленка – 40 кг мяса. «Теленок родится, ждешь-ждешь этого теленка, а себе-то кукиш. Этого теленочка надо вести на убойный пункт, заплатить этот налог, мясо. Если он весит меньше, с тебя будет недоимка. Кто не мог платить, штрафовали, судили. Где хочешь, там и бери». Еще был денежный налог. По воспоминаниям крестьян, в колхозе часто денег не платили, и приходилось продавать зерно и другие продукты, чтобы заплатить налог. В деревне Копально в довоенное время также сдавали за корову 300 л молока, за землю брали 13 руб. с сотки. В Красновишерском районе в налог включали ягоды, грибы: «Приносят тебе такое извещение, сколько сдать ягод, брусники, черники, грибов сушеных. Кроме этого, еще денежный налог, еще всякие самообложения, самоунижения, всякая ерунда. Помню, что самообложение 20 руб. было».

В 1947 г. в редакции газет «Правда», «Известия», «Литературная газета» пришли письма из Молотовской области. В этих письмах бывший крестьянин деревни Гришино пытался анализировать доходы и расходы крестьянина. Семья состояла из 6 человек, работали только двое, остальные – дети и престарелые. Эти двое за год заработали 700 трудодней, то есть работали очень хорошо. Получили на каждый трудодень 800 г «мелкого и тощего зерна», итого – 560 кг зерна, которого, если высушить и размолоть, хватит на 400 кг муки, то есть в день данная семья может потребить 1112 гр муки, или 185 г

на человека. Имеется корова, которая доится с мая по октябрь и дает за год 600 л молока. За то, что семья имеет корову, необходимо отдать государству 340 л молока, 40 кг мяса и 300 руб., да еще «добровольно-принудительный» заем 250 руб. и страховка 50 руб. «Как жить?» – спрашивает крестьянин. «...Насильно всё отбирают и семена увозят, чтобы голодные бедные люди не покушали из семян, есть ли где еще в какой стране мира такое угнетение человека человеком, самое безжалостное, самое постыдное, самое свирепое, доведшее крестьянство до воровства и ниже всякого рабства нищенства». Данные письма были расценены как «клевета на советскую действительность и жизнь трудящихся в Советском Союзе».

Сталинская аграрная политика на протяжении 1930-х – начала 1950-х гг. рассматривала деревню как источник жесточайшей эксплуатации, из которого нужно перекачивать средства сначала для индустриализации, после – для успешного ведения войны и для послевоенного восстановления народного хозяйства. Уровень жизни крестьян был крайне низок, часто деревня жила на грани вымирания. Такое отношение государства само толкало крестьян на сопротивление, на оппозицию и неприятие советской тотальной агитации.

---

[1] Данные приводятся по следующим источникам: ГОПАПО. Ф. 1, оп. 1, д. 953, л. 258, 259; д. 952, л. 358; ф. 105, оп. 9, д. 192, л. 160, 160 об., 163, 171, 176; оп. 10, д. 239, л. 192; ф. 557, оп. 1, д. 38, л. 7; ф. 641/1, оп. 1, д. 4331; ф. 643/2, оп. 1, д. 1400, л. 45; ГАПО. Ф.р-122, оп. 3, д. 8, л. 70; ф.р-562, оп. 1, д. 18, а также аудиоколлекция АНО «Пермь-36».

Н. Г. Шелепенькин

Власть и крестьянство в СССР в предвоенные годы (1936–1941)

Еще совсем недавно утверждалось, что ни один социальный, экономический и политический процесс не оказал такого огромного и многостороннего влияния на ход мировой истории, как Великая Октябрьская социалистическая революция, которая в последнее время в среде ученых-историков получила название Великой российской революции. Уже осенью 1917 г. эта революция, начавшаяся в городских центрах

и распространившаяся на провинции, имела ярко выраженную тенденцию перерастания в общекрестьянскую войну не только против помещиков, но и против Временного правительства. За «это обстоятельство» ухватился В. И. Ленин. Возникшая в ходе революции власть, как совокупность политических функций, через различные государственные институты установила господство над крестьянством. На первых порах власть имела сущностное обозначение диктатуры пролетариата, которая должна была существовать до победы социализма. Год 1936-й явился своеобразным рубежом: в этом году была принята Конституция СССР, и И. В. Сталин заявил, что в нашей стране «осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм». Основанием для такого заключения явилось завершение в 1935 г. «в основном» сплошной коллективизации, которая, в свою очередь, оказалась самым крупным земельным переделом в истории России.

В начале 1920-х гг. эгалитарные представления времен «военного коммунизма» доминировали в трансформации социально-политических механизмов, направленных на предотвращение каких-либо заметных материальных привилегий для совслужащих, но затем в структуре властной пирамиды стала утверждаться бюрократия, имеющая другие материальные потребности и управляющая государством «от имени пролетариата». Жесткое подчинение центру, определенная компетентность, четкое исполнение инструкций и резолюций, унифицированность управленческих процедур, а также специфика делопроизводства и ответственность перед вышестоящим начальством – все должно было быть гарантией от злоупотреблений и способствовать эффективности политического режима в стране. При этом следует отметить, что основные промышленные предприятия были национализированы, так же как и банки, земля, недра и т. д. В стране осуществлялась индустриализация по плану, в разработке которого участвовали тысячи ученых и специалистов. Аппаратная бюрократия, наделенная теперь уже материальными привилегиями, приближала к властным органам группы рабочих, крестьян, интеллигенции, поощряя их материально, создавала тем самым видимость самоуправления в рабоче-крестьянском государстве. В начале 1930-х гг. режим бюрократического централизма в силу своей рациональности не давал заметных сбоев и дисфунк-

ции: годы 1934-й, 1935-й, 1936-й историки характеризуют как самые успешные в экономическом развитии страны в предвоенное время.

В обществе же нарастало расслоение, и в кризисные моменты усиливалась оппозиция так называемой «генеральной линии партии». Коллективизация, раскулачивание, форсированная индустриализация сопровождались массовыми репрессиями. По оценке академика С. О. Шмидта и других историков, пик массовых репрессий, ударивших прежде всего по крестьянству, пришелся на конец 1920-х – начало 1930-х гг., когда счет шел на миллионы жертв. Механизм государственного террора, запущенный после убийства С. М. Кирова и особенно в 1936–1938 гг., – это превентивный удар И. В. Сталина по оппозиции, которая реально представляла альтернативную политическую силу. В вышедшем в 1938 г. кратком курсе «Истории ВКП(б)» описание политического геноцида заняло немного места: «1937-й год вскрыл новые данные об извергах из бухаринско-троцкистской банды. Судебный процесс по делу Пятакова, Радека и других, судебный процесс по делу Тухачевского, Якира и других, наконец, судебный процесс по делу Бухарина, Рыкова, Крестинского, Розенгольца и других, – все эти процессы показали, что бухаринцы и троцкисты, оказывается, давно уже составляли одну общую банду врагов народа под видом «правотроцкистского блока». В то же время численность тех, кто был расстрелян и замучен в застенках НКВД в эти годы, достигает одного миллиона человек, а массовые репрессии 1937–1938 гг., по мнению историка О. В. Хлевнюка, «были завершающим этапом сталинской «революции сверху» [1].

С середины 1930-х гг. фактор внешней опасности постоянно присутствовал в атмосфере государственно-карательных мероприятий. СССР находился в кольце капиталистических государств и, естественно, как отмечалось в Обращении ЦК ВКП(б) ко всем избирателям по поводу предстоящих выборов 12 декабря 1937 г., нужно было иметь «во-первых, хорошо организованные карательные органы, способные обезвредить шпионов, вредителей, диверсантов и других врагов советского народа; во-вторых, хорошо организованную и технически оснащенную Красную Армию, способную охранять советские границы от нападений извне; наконец, хорошо

продуманную и последовательно проводимую политику мира, способную разоблачать захватническую политику воинствующих кругов капиталистических стран» [2]. Подписывались приказы и принимались решения против действий иностранных разведок, а также находящихся в СССР немцев, японцев, корейцев, финнов, румын и т. д. На этой волне был нанесен ощутимый удар по представителям коммунистического движения, которые обрели в СССР политическое убежище. Тем самым политическое руководство страны хотело быть вне критики со стороны братских компартий за свои неуклюжие и жестокие действия. Репрессии выбили многих политэмигрантов и коммунистов, работавших на промышленных предприятиях, в редакциях, аппарате Профинтерна и Коминтерна.

В НКВД как по конвейеру выходили один за другим приказы о «массовых операциях». 25 июля 1937 г. вышел приказ «Об операции по репрессированию германских подданных, подозреваемых в шпионаже против СССР», в котором требовалось в пятидневный срок арестовать всех, кто попадал под подозрение. 30 июля этого же года другой приказ по НКВД давал начало массовой операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов. В приказе был сделан упор на кулаков, которые, отбыв наказание, вернулись в родные места и продолжали свою подрывную деятельность. К антисоветским элементам были отнесены представители «мелкобуржуазных партий»: эсеры, грузмеки, дашнаки, мусаватисты, иттихадисты, а также церковники, сектанты, репатрианты, участники бандитских восстаний, белых армий и т. д. К уголовникам – бандиты, грабители, контрабандисты, конокрады и др. «Наиболее враждебные из перечисленных выше элементов» после ареста и рассмотрения дела на «тройках» подлежали расстрелу. Менее враждебных ожидали лагеря и тюрьмы. На каждую область и республику определялось количество подлежащих репрессии [3].

Многие исследователи объясняют государственный террор этих лет патологической подозрительностью И. В. Сталина или его же ошибочным теоретическим тезисом об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма, но чаще всего ссылаются на объяснение В. М. Молотова, который был в те годы председателем Совнаркома СССР: «1937 год был необходим. Если учесть, что мы после революции

рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны»[4]. Но в таком случае следует заметить, что сталинская «революция сверху» – это и своеобразный этап политической и экономической модернизации государства (введение «самой демократической Конституции в мире», провозглашение суверенитета союзных республик, выборность органов государственной власти и проведение «всенародных выборов» в 1937 г. в Верховный Совет СССР, продолжение индустриализации, начавшейся еще в конце XIX в., а также создание крупных аграрных предприятий, которые, в конечном итоге, должны были отвести реальную угрозу голода).

В то же время были преодолены чрезмерная абстрактность и схематизм марксистской теории по отношению к крестьянству как к «сплошной реакционной массе». Преодоление троцкизма вносило некую определенность в крестьянский вопрос. Л. Д. Троцкий был сторонником социалистической революции как рабочей, то есть без крестьян. По его мнению, русскую революцию должен поддержать пролетариат Запада. Позиция Ленина, которую разделял и Сталин, – «без крестьян нельзя». Союз рабочего класса с крестьянством учитывал политические реалии России как крестьянской страны, хотя на деле это воплощалось в политическую линию самодовлеющей власти, причиняющей как рабочим, так и крестьянам непоправимый ущерб в их традиционном развитии, ориентированном на духовные и нравственные идеалы.

Жесточайшая борьба власти с крестьянством завершилась еще в первой половине 1930-х гг. Победу власти венчал голод 1932–1933 гг. Очевидно, в это время был преодолен пик репрессий, власть отступила. В мае 1933 г. по стране разошлась секретная инструкция о приостановке массовых высылок и принудительного переселения крестьян. В этой обстановке крестьяне смогли нанести власти чувствительный удар. В феврале 1935 г. на Втором съезде колхозников был принят Примерный устав сельскохозяйственной артели, в котором разрешалось колхозникам иметь личное подсобное хозяйство, в размерах от 0,25 до 0,5 га; были также обозначены контуры животноводческого хозяйства колхозников. Заметим, что у Сталина это вызвало негативную реакцию. Но с этого момен-

та началось налогообложение единоличников; фактически власть, уступив в одном аспекте колхозникам, включила «налоговый пресс» против крестьян, не вступивших в колхозы.

Начиная с 1936 г. власть осуществляла политику, в которой важнейшей составляющей была тенденция к расширению бюрократического слоя во властных структурах. Режим бюрократического централизма не был органично связан с народом и для своего укрепления испытывал потребность в группах содействия. В эти годы в политический лексикон вошло такое понятие, как «сельский актив», в который входили механизаторы, специалисты, бригадиры и заведующие фермами, председатели правлений колхозов и сельсоветов и пр.

Во второй половине 1930-х гг. зерновая потребность страны возросла в связи с военной угрозой. Необходимо было в сжатые сроки развивать сельское хозяйство за Уралом и в Средней Азии, создавать значительные продовольственно-сырьевые ресурсы на случай войны. Партийные организации в колхозах, расширяя свои ряды, постигали на практике политические и экономические отношения в обществе, осваивали новые сферы идеологических, технических и других знаний. Новое прививалось с трудом, но прививалось. В сознании крестьян власть была жестокой, но такой она была в их представлениях и раньше. Самое сильное потрясение было все-таки от того, что труда на своем поле, политом мужицким потом и кровью, больше не будет. Поэтому процесс приспособления к труду на колхозной ниве и оплате в виде трудодней, и многим требованиям, несущим на себе печать времени и экспериментаторства, проистекал с большим социальным напряжением и спецификой, но не останавливался. Власть на местах разными мерами организовала ударничество. Инициатива движения исходила сверху. Точно так же местные правители вовлекали колхозников во всесоюзное соревнование за высокую урожайность, а затем, используя сельский актив, и в стахановское движение на селе. Власть стала постоянно увеличивать объемы хлебозаготовок, используя для этого также и дополнительные государственные закупки зерна.

Демонстрировать открытое сопротивление властям было невозможно, и формы сопротивления крестьян диктату и насилию со стороны государства были в основном пассивными и тихими. Широкое распространение получило отходничество – уход в город или другую местность на заработки, временно

или постоянно. Родители не хотели, чтобы их дети работали в колхозах, юноши и девушки стремились использовать малейшую возможность, чтобы уехать из села. Председатели колхозов также усиливали отток трудоспособного населения из села, исключая порой десятками за нерадение в работе или за нарушение трудовой дисциплины. В апреле 1938 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли совместное Постановление «О запрещении исключения колхозников из колхоза», в котором отмечалось, что «большинство исключений из колхозов являются совершенно необоснованными». Запрет на исключение колхозников из колхозов усилил контраст общей картины «второго закрепощения крестьян».

Сельское население уменьшалось, это было заметно и до переписи населения СССР в 1939 г. От имени Прокурора СССР начиная с 1937 г. непрерывно рассылались инструкции, приказы и циркуляры всем прокурорам с требованиями пересмотра «уголовных дел в отношении колхозников и сельского актива, осужденных судом в 1934, 1935, 1936 и 1937 гг.». Все увольнения за родственную связь с контрреволюционером признавались недействительными. К ноябрю 1938 г. были пересмотрены дела на 1 175 498 человек, снята судимость с 480 378 человек, были прекращены дела в отношении 106 719 человек и снижено наказание с освобождением от его дальнейшего отбывания 22 785 человек [5]. Как известно, осенью в стране наметился выход из «Большого террора» (или «Великой чистки»). В прошлое уходили имена руководителей НКВД – Г. Ягоды и Н. Ежова, расстрелянных как враги народа. Наркомом НКВД был назначен Л. Берия. В Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. отмечалось, что «очистка страны» от разного рода диверсантов и шпионов «сыграла свою положительную роль в деле обеспечения дальнейших успехов социалистического строительства», но при этом были допущены и недостатки. Этими недостатками «умело пользовались пробравшиеся в органы НКВД и прокуратуры – как в центре, так и на местах, – враги народа». Важным в постановлении был запрет на «массовые операции» и ликвидация судебных «троек». В Прокуратуре СССР вопрос «о пересмотре дел лиц из колхозного и сельского актива, осужденных в 1934–1937 гг., летом 1939 г. был вновь рассмотрен и признан неудовлетворительным. Процесс выдачи справок о сня-

тии судимостей осуществлялся медленно. Тормозящим фактором были действия ряда прокуроров, искусственно создававших дела по обвинению в контрреволюционной деятельности. Враги засели и в Наркомземе. Там была ликвидирована «троцкистско-бухаринская банда», которая делала все, «чтобы колхозник за свои трудодни получал гроши».

Газеты почти не освещали деятельность прокуратур страны. Приказы и циркулярные письма рассылались под грифом «Секретно» или «Совершенно секретно». В приказе от 26 февраля 1940 г. вновь была обозначена та же тема: «Пересмотр дел колхозного и советского актива на селе за период 1934–1937 гг.», где анализировались «грубейшие политические извращения» органов прокуратуры на основе тщательно собранной информации со всей страны. В «неблагонадежных областях» около половины дел были возбуждены «без достаточных к тому оснований».

Некоторое улучшение жизни колхозников за счет развития своего личного приусадебного хозяйства продолжалось недолго. В отношении единоличников СНК СССР и ЦК ВКП(б) в апреле 1938 г. приняли Постановление «О налогах и других обязательствах в отношении единоличных хозяйств», в котором на местные партийные и советские органы возлагалась обязанность взвалить на плечи крестьян-единоличников такие же государственные обязательства, какие выполняют колхозники, то есть поставки мяса, молока, картофеля, яиц и т. д., строительство дорог, ремонт мостов, работа на лесовывозе и обслуживание больниц. Но самый жестокий пункт этого постановления гласил: «Восстановить с 25 апреля 1938 г. государственный налог на лошадей единоличных хозяйств». Этот налог был настолько велик, что крестьянин мог все продать, в том числе и дом, для того чтобы его выплатить. Это был самый сильный удар власти по единоличнику и по крестьянской традиции – жить в деревне и иметь лошадь.

Выдержав годовую паузу, власть нанесла в мае 1939 г. следующий удар по относительно благополучному колхознику. Пленум ЦК ВКП(б) совместно с СНК СССР приняли Постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». В нем отмечалось, что «разбазаривание и расхищение общественных земель» идет путем незаконных прирезок в пользу личных хозяйств колхозников, то есть нарушается устав сельхозартели, потому что «приусадебное хо-

зяйство теряет характер подсобного хозяйства и превращается иногда в основной источник дохода колхозника». Чтобы покончить с этой «антинародной и антигосударственной практикой», необходимо было провести обмер всех приусадебных земель, изъять излишки и прирезать их к общественным колхозным землям, ввести должность «ревизора-землемера» при наркоземах. Земля сохраняется, если трудоспособные члены семьи «работают в колхозе, выполняя установленный минимум трудодней». Минимум трудодней – это от 60 до 100 в год. Это был обязательный минимум; если он не вырабатывался, то колхозника исключали, лишая его и приусадебного участка.

По всей стране развернулась работа по обмеру приусадебных участков колхозников. В Молотовской области в результате обмера из личного пользования колхозников было передано колхозам 20 737 га земли. Крестьянин попал в перекрестье прицела власти: система трудодней начинала взаимодействовать с личным приусадебным хозяйством. А если учесть еще и паспортную систему? А также и запрет на увольнение трактористов и комбайнеров из МТС? В 1940 г. было установлено погектарное исчисление обязательных поставок колхозами сельскохозяйственной продукции государству. Очевидно, что жизненный уровень колхозного крестьянства в последние предвоенные годы неуклонно снижался, хотя и не доходил до критической точки «кипения крестьянского разума».

В последние годы в публикациях на эту тему закрепился термин «раскрестьянивание», характеризующий проблему ликвидации крестьянства в традиционном понимании – как мелких производителей сельскохозяйственной продукции – и превращении их в работников, зависимых всецело от государства, которое их эксплуатирует на условиях закрепощения за колхозами. Написано много разных статей и книг, в которых говорится и о «рабской психологии» крестьян, способных только к стихийному бунту, и о «государственном рабстве», и о «втором закрепощении крестьян». Во всех этих утверждениях, в том числе и о «раскрестьянивании» в конце 1930-х гг., есть лишь доля истины, но не больше. Можно обосновать фактами свое суждение о происходящем в те годы и тем самым обогатить плюрализм мнений о нашем прошлом. Но можно более внимательно отнестись к материалам от прошлого, то есть к тем голосам, которые уже в те годы давали оценку взаимоотношениям власти и крестьянства.

Вот перед нами письмо Анатолия Виноградова, жителя Московской области, который, по всей видимости, регулярно наведывался в родное село, где располагался колхоз «Золотой сноп». По утверждению Виноградова, колхозники ели листья, траву, мякину. Молодежь от такой жизни ушла, куда глаза глядят. Колхоз, потерявший половину своих работников, не может выполнить план, который не уменьшился, а остался прежним. Руководство из района, забирая весь урожай, оставляя по пуду ржи на колхозника, заявило: «А если один ваш колхоз вымрет, то для целого государства это ничего не значит». Это голос власти. А вот вопрошающий голос крестьянства: «Как же будет настроен каждый крестьянин, если он при этой власти, проще сказать, голодует, и видать это. И если сказал слово против Советской власти, хотя бы и правду, то причисляют к какой-то иностранной шайке и сейчас же забирают... Я не отрицаю, что в нашем Союзе есть шпионы, диверсанты, есть члены иностранных охранок, но есть миллионы людей, которые, видя недостатки, не могут умолчать их и выясняют прямым или косвенным путем» [6]. Письмо, написанное в начале июня 1937 г. и адресованное Председателю ЦИК СССР М. И. Калинину, подкупает своей простотой и детальностью изложения. В нем тоже можно обнаружить вертикаль государственной политики и горизонталь крестьянских интересов, но ни о каком «раскрестьянивании» речи не идет. Да и как могло происходить «социалистическое раскрестьянивание», если вектор государственной политики через внеэкономическое принуждение крестьян, с большим грузом налогообложения (до двадцати видов налогов), был ориентирован, по сути, в направлении «назад к феодализму», а не «вперед к социализму»?

---

[1] Политическая история России. – М., 1998. С. 533–535.

[2] Речи на собраниях избирателей в Верховный Совет СССР. – М., 1938. С. 7.

[3] История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. документов. В 7 т. / Т.1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С. 267–275.

[4] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. – М., 1991. С. 390.

[5] ГАПО. Ф. р-1366, оп. 1, д. 1, л. 4; л. 22, 37, 42.

[6] Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. – М., 2002. С. 361–362.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКАФЬЕВА Ирина Игоревна, Государственный архив Пермской области.

АННИНСКИЙ Лев Александрович, литературный критик, г. Москва.

БАЛКОВ Юрий Михайлович, краевед, г. Пермь.

БЕЛОНОГОВ Юрий Геннадьевич, Пермский государственный технический университет.

БОБКОВА Юлия Германовна, Пермский государственный педагогический университет.

БОЛЬШАКОВА Алла Юрьевна, литературный критик, г. Москва.

БОРИСОВ Андрей Александрович, Пермский государственный университет; кандидат исторических наук.

БУШМАКОВ Андрей Валентинович, Государственный архив Пермской области.

БЫКОВ Леонид Петрович, Уральский государственный университет; доктор филологических наук, профессор, г. Екатеринбург.

ВАСИЛЬЕВА Нина Александровна, Государственный архив Пермской области.

ВОЛГИРЕВА Галина Павловна, Пермский государственный университет.

ГЛАДЫШЕВ Владимир Федорович, журналист, краевед, г. Пермь.

ГОДИНА Николай Иванович, поэт, г. Челябинск.

ГОЛДОБИНА Ольга Яковлевна, Пермский государственный университет.

ДВОРЦОВ Василий Владимирович, писатель, г. Новосибирск.

ДЕГТЯРЕВА Вера Владимировна, Красноярский государственный педагогический университет.

ДОЛДИНА Надежда Михайловна, Коми-Пермяцкий окружной краеведческий музей.

ДРОЗДОВА Валентина Александровна, Лысьвенский политехнический колледж, Пермская область.

ЖЁЛТЫШЕВА Римма Григорьевна, Суксунский историко-краеведческий музей, Пермская область.

ЗОЛОТОВ Андрей Андреевич, художественный и литературный критик, г. Москва.

ЗУБКОВ Владимир Анатольевич, Пермский государственный педагогический университет; кандидат филологических наук.

ИВАНОВА Лина Александровна, Пермский государственный университет; кандидат исторических наук.

КАДОЧНИКОВ Олег Петрович, Московский государственный педагогический университет; кандидат филологических наук.

КАЛЬСИНА Алла Алексеевна, Пермский государственный педагогический университет.

КАШАЕВА Юлия Анатольевна, Пермский государственный технический университет.

КИПЧАТОВА Алла Васильевна, Красноярский государственный педагогический университет; кандидат филологических наук.

КЛЫКОВА Галина Ивановна, Осинский филиал Пермского областного краеведческого музея.

КОКШЕНЕВА Капитолина Антоновна, литературный критик, г. Москва.

КОПЫТОВ Николай Юрьевич, Пермский государственный педагогический университет.

КУЛИЧКИНА Галина Васильевна, Пермский государственный институт искусства и культуры; кандидат филологических наук; журналист.

КУРАЕВ Михаил Николаевич, писатель, г. Санкт-Петербург.

КУРБАТОВ Валентин Яковлевич, литературный критик, г. Москва.

КУРЕНЫШЕВ Андрей Александрович, Государственный исторический музей, г. Москва; кандидат исторических наук.

МЕЛЕНТЬЕВА Наталья Анатольевна, Пермская государственная универсальная областная библиотека им. А. М. Горького.

МЕНЬШИХ Анастасия Владимировна, Красноярский государственный педагогический университет.

МОРОЗОВ Николай Иванович, Пермский государственный технический университет; доктор исторических наук.

МОХОВ Виктор Павлович, Пермский государственный технический университет; доктор исторических наук; профессор.

МУРУЕВА Татьяна Владимировна, Пермский областной краеведческий музей.

НЕЧАЕВ Михаил Геннадьевич, Государственный общественно-политический архив Пермской области; кандидат исторических наук.

НИКОЛАЕВ Юрий Константинович, Пермский филиал МГУсервис.

ПАВЛОВ Олег Олегович, писатель, г. Москва.

ПОДЮКОВ Иван Алексеевич, Пермский государственный педагогический университет; доктор филологических наук, профессор.

ПОПОВА Альбина Ивановна, Красноярский государственный педагогический университет; кандидат педагогических наук.

ПУНИНА Ксения Александровна, Пермский государственный университет.

РАМАЗАНОВА Лариса Асгатовна, Национальный музей Республики Башкортостан, г. Уфа.

РЕВЕНКО Инна Владимировна, Красноярский государственный педагогический университет; кандидат филологических наук.

РЕНЕВА Ольга Анатольевна, Кунгурский краеведческий музей, Пермская область.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Леонидовна, краевед, г. Пермь.

РОСТОВЦЕВ Юрий Алексеевич, главный редактор журнала «Студенческий меридиан», г. Москва.

РУСАКОВ Леонид Федорович, Коптеловский музей истории земледелия и быта крестьян, Свердловская область.

САДЫРИНА Татьяна Николаевна, Красноярский государственный педагогический университет; кандидат филологических наук.

САМОТИК Людмила Григорьевна, Красноярский государственный педагогический университет; кандидат филологических наук, профессор.

СВЕТЛАКОВ Вадим Григорьевич, Государственный архив Пермской области.

СОКОЛОВА Тамара Владимировна, Пермский государственный университет.

СОКОЛОВА Татьяна Федоровна, писатель, г. Пермь.

СТАРОВОЙТОВ Александр Федорович, Пермская государственная универсальная областная библиотека им. А. М. Горького.

СТАРЦЕВА Ольга Витальевна, Пермский областной краеведческий музей.

СТЕПАНОВ Михаил Николаевич, кандидат географических наук, г. Пермь.

СЧАСТЛИВЦЕВА Юлия Анатольевна, Магнитогорский государственный университет.

ТЫМИНА Зоя Вениаминовна, Центральная городская библиотека г. Чусового, Пермская область.

ФАДЕЕВА Любовь Александровна, Пермский государственный университет; доктор исторических наук, профессор.

ФЕЛЬДЕ Ольга Владимировна, Красноярский государственный педагогический университет; доктор филологических наук, профессор.

ФЛЮСТОВА Анастасия Павловна, Сретенская сельская библиотека Ильинского района, Пермская область.

ФРОЛОВА Юлия Викторовна, Красноярский государственный педагогический университет.

ЧУДИНОВА Галина Васильевна, Пермский областной институт повышения квалификации работников образования; кандидат филологических наук.

ШАНИН Теодор, ректор Московской школы социологии и экономических наук, г. Москва.

ШЕВЫРИН Сергей Александрович, Пермский государственный педагогический университет.

ШЕЛЕПЕНЬКИН Николай Григорьевич, Пермский государственный университет; кандидат исторических наук.

ШЕПЕЛЕВА Светлана Владимировна, Пермский государственный институт искусства и культуры; кандидат филологических наук.

Руководители секций: *АБАШЕВА Марина Петровна*, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета Пермского государственного педагогического университета; *ПОДЮКОВ Иван Алексеевич*, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного педагогического университета *(литературная секция)*; *СТАРОВОЙТОВ Александр Федорович*, директор Пермской государственной универсальной областной библиотеки им. А. М. Горького; *БЫСТРЫХ Татьяна Ивановна*, заведующая отделом Пермской государственной универсальной областной библиотеки им. А. М. Горького *(библиотечная секция)*; *ФАДЕЕВА Любовь Александровна*, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой политических наук Пермского государственного университета *(общественно-политическая секция)*; *ДИМУХАМЕТОВА Светлана Александровна*, директор Пермского областного краеведческого музея; *НЕЧАЕВ Михаил Геннадьевич*, кандидат исторических наук, директор Государственного общественно-политического архива Пермской области *(музейно-архивная секция)*.

В книге использованы работы народного художника СССР *ШИРОКОВА Евгения Николаевича*: «Посреди России» (обложка); «Хохловка», «Портрет писателя В. Астафьева», «Времена года. Весна», «Хлеб-фронту», «Старая Пермь. Слудка» (шмуцтитулы).

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. **«Дольше помнить хорошее»: Астафьевские чтения в Перми 3**

Виктор Астафьев – современный мир – крестьянская Россия 9
Л. А. Аннинский. Астафьевский эпистолярий 10
А. Ю. Большакова. «Что жизнь и смерть? А жаль того огня...» К 80-летию Виктора Астафьева 35
Н. И. Година. Язык Астафьева 44
В. В. Дворцов. Постсоветское село Западной Сибири: проблемы возвращения православия 47
А. А. Золотов. Астафьев как явление в русском искусстве 59
К. А. Кокшенева. Современная почвенная литература и проблема культурного единства нации 64
М. Н. Кураев. Виктор Астафьев и конец крестьянской Руси 72
В. Я. Курбатов. Нечаянное воспоминание, или Дневник одной старой поездки 78
О. О. Павлов. Русская литература и крестьянский вопрос 91
Ю. А. Ростовцев. Возвращение 104
Теодор Шанин. Обычное право в крестьянском сообществе 110

ЛИТЕРАТУРНАЯ СЕКЦИЯ. **Поэтика В. П. Астафьева и современный литературный процесс 117**
Л. Г. Самотик. Внелитературная лексика в концепции войны В. П. Астафьева (на материале романа «Прокляты и убиты») 118
А. И. Попова. Болгарский след. Страницы из жизни В. П. Астафьева 122
Ю. В. Фролова. Устойчивые выражения в произведениях о войне В. П. Астафьева (сопоставительный аспект) 128
В. А. Зубков. Прощание: народная Россия в позднем творчестве В. П. Астафьева 131
И. А. Подюков. «Зрячий образ войны» 137
Н. Ю. Копытов. Фитонимика в этнопоэтике В. П. Астафьева (на материале тетради «Затесей» «Падение листа») 142
Ю. Г. Бобкова. Словесные умолчания в прозе В. П. Астафьева 146
Г. В. Чудинова. Авторская позиция в создании образа В. П. Астафьева в книге мемуаров М. С. Астафьевой-Корякиной «Знаки жизни» 154
А. В. Кипчатова. Приемы субъективации авторского повествования в повести В. П. Астафьева «Последний поклон» ... 157
А. В. Меньших. Художественное пространство как способ отражения идеи (по рассказу В. П. Астафьева «Капля») 160
Т. Н. Садырина. Черты крестьянского миропонимания в образах автора и героя-ребенка в повестях В. П. Астафьева 163
В. В. Дегтярева. Мотив природного равновесия в повести В. П. Астафьева «Царь-рыба» 167

И. В. Ревенко. «Мир города» и «мир деревни» в военной прозе В. П. Астафьева 170
О. В. Фельде. Концептосфера писателя (на материале заглавий художественных и публицистических текстов В. П. Астафьева) ... 173
Л. П. Быков. Виктор Астафьев – критик 177
О. П. Кадочников. Правдоискательство – аксиологическое ядро художественной эволюции творчества Виктора Астафьева 180
Ю. А. Счастливцева. Проза А. Варламова в аспекте деревенской тематики 189

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕКЦИЯ. **Крестьянская Россия в круге чтения 195**
Н. А. Мелентьева. Лики сельских библиотек 196
А. Ф. Старовойтов. «Энциклопедия в кармане». Проект современности в традициях дешевой народной библиотеки издателя Сытина 200
А. П. Флюстова. Письмо из глубины крестьянской России В. Я. Курбатову 201
Г. В. Куличкина. Социальные проблемы села (по материалам современной публицистики Прикамья) 204
З. В. Тымина. Земная память и печаль (В. П. Астафьев и М. С. Астафьева-Корякина) 209
С. В. Шепелева. Павленковская библиотека и ее читатель: опыт ретроспективного краеведческого анализа 215
В. А. Дроздова. История крестьянской семьи Малышевых 222
Е. Л. Рождественская. Поворотный момент в творческой судьбе писателя В. П. Астафьева 225
Ю. М. Балков. Хлеб-батюшка, кормилец 227
В. Ф. Гладышев. «Не пойду в колхоз!», или «Бегство в Египет» 231
Ю. К. Николаев. О результатах земского управления в Пермской губернии в области народного образования 235
М. Н. Степанов. Периодическая печать военного времени в сельской глубинке 237

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ. **«Русская система» и традиции крестьянской России 243**
Л. А. Фадеева. Русская система и русское мировоззрение в контексте традиций крестьянской России 244
Ю. Г. Белоногов. Интересы крестьянства во внутри-номенклатурной борьбе 1960-х гг. 252
А. А. Борисов. Специфика формирования социальных сетей мигрантами г. Перми 256
Ю. А. Кашаева. Становление кустарного предпринимательства русского крестьянства в конце XIX – начале XX в. (по материалам Пермской губернии) 262
Н. И. Морозов. «Крестьянская волна» в коммунистическом движении молодежи в СССР и ее последствия для ВЛКСМ: к вопросу о постановке проблемы в эмигрантской литературе 267

В. П. Мохов. Сельская номенклатура КПСС и сельские жители 1970–1980-х гг.: симбиоз или конфликт? 272
Л. А. Иванова. 1937 год в деревне (по материалам Прикамья) 277
К. А. Пунина. Социально-экономическое развитие села как объект законотворческого процесса 286
Т. В. Соколова. Электоральное поведение жителей сельских районов Пермской области: к вопросу о социально-экономической обусловленности 290

МУЗЕЙНО-АРХИВНАЯ СЕКЦИЯ. **Крестьянство России XX в. в музейных и архивных собраниях 295**
А. В. Бушмаков. Крестьянство в представлении людей образованного общества конца XIX – начала XX в. 296
М. Г. Нечаев. Крестьяне и церковь на Урале в 1917 г. 301
А. А. Куренышев. Крестьянство, нэп и модернизация экономики и социальных отношений СССР (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) 307
Л. А. Рамазанова. Целина Зауралья 312
И. И. Акафьева. Тема крестьянства в переписке В. П. Астафьева 313
Т. В. Муруева. Экспедиционные сборы ПОКМ по истории крестьянства второй половины XX в. 319
О. В. Старцева. Быт и хозяйство крестьян второй половины XX в. на материалах коллекции графики ПОКМ 322
Л. Ф. Русаков. Отображение истории крестьянства музейными средствами 324
Н. М. Долдина. Крестьянство второй половины XX в. в фотодокументах Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея 330
О. А. Ренева. Образы крестьян Страны Советов в творчестве уральского художника Г. А. Мелентьева 331
Р. Г. Жёлтышева. Примитивная живопись В. Т. Петухова 334
Н. А. Васильева. Новые поступления в личный фонд В. П. Астафьева (обзор документов) 336
Г. П. Волгирева. Землеустройство крестьян Пермской губернии в начале XX в. 340
О. Я. Голдобина. Романовские премии пермским крестьянам ... 346
Кальсина А. А. Волостное самообложение крестьян Пермской губернии в пользу единой трудовой школы в начале 20-х гг. XX в. 349
Г. И. Клыкова. Трудовой подвиг осинских колхозников (по материалам газеты «Красное Приуралье» за 1941–1945 гг.) ... 354
В. Г. Светлаков. Переписка В. П. Астафьева с пермяками 358
С. А. Шевырин. Проявление оппозиционных настроений политике Советской власти в крестьянской среде 362
Н. Г. Шелепенькин. Власть и крестьянство в СССР в предвоенные годы (1936–1941) 367

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 378

Научно-популярное издание

Астафьевские чтения
Выпуск третий (19–21 мая 2005 г.)
СОВРЕМЕННЫЙ МИР И КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССИЯ

Составитель
Т. Соколова
Научный редактор
В. Шмыров
Литературный и художественный редактор
И. Остапенко
Дизайн и компьютерная верстка
А. Галкин

Подписано в печать 21.11.05. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 21,0. Тираж 1000 экз.
Печать офсетная. Заказ № 3824.

Издательско-полиграфический комплекс «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Издательство «Курсив»
614070, г. Пермь, ул. Крупской, 40.
Тел. (342) 248-33-80; e-mail: irinost@mail.ru

А 91 **Астафьевские чтения.**
Выпуск третий (19–21 мая 2005 г.). – Пермь: Издательство «Курсив», 2005. – 384 с.; цв. вкл.

Сборник материалов Третьих Астафьевских чтений, посвященных теме «Современный мир и крестьянская Россия», куда вошло порядка 70 докладов и сообщений литературоведов, историков, политологов, библиотечных и музейных работников Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Красноярска, Екатеринбурга, Челябинска и других городов России. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся жизнью и творчеством В. П. Астафьева, а также исторической судьбой России.

ISBN 5-88187-278-9

УДК 821.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)6-8